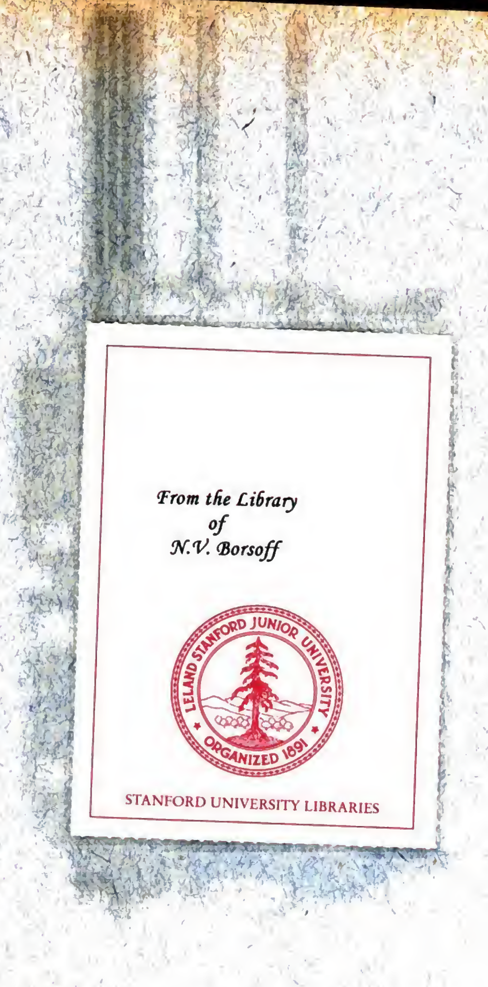

Stanford University Libraries
3 6105 119 665 136
LB
475
C59
D517
1893

Я. Амосъ Коменскій.

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

А. Щепинскій,

ИНСПЕКТОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

Содержаніе книги:

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1893.

Типографія Э. Арнгольда
С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, № 59, уголъ Невскаго.

Посвящается

Императорскому

Историко-Филологическому

Институту.

Юбилейное торжество 300-лѣтія со дня рожденія А. Коменскаго, бывшее 28 марта 1892 г., внушило многимъ педагогамъ какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ Россіи мысль почтить память великаго педагога не только рѣчами о немъ, но и изданіемъ въ переводѣ на русскій языкъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ его сочиненій. Такимъ образомъ въ теченіе 1892—93 гг. явился рядъ переводовъ разныхъ его сочиненій. Съ этою же мыслью и мы еще въ прошломъ году приступили къ переводу главнаго произведенія Коменскаго: «Didactica Magna» и въ Мартѣ текущаго года начали печатать его, но по недостатку досуга въ эту пору года принуждены были отсрочить выпускъ его до настоящаго времени.

Свой трудъ посвящаемъ заведенію, которому мы обязаны и филологическимъ образованіемъ, и подготовкой къ педагогической дѣятельности.

А. Щ.

9 Августа 1893 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
4	23	Мелинхтонъ	Меланхтонъ
14	20	Апполона	Аполлона
18	22	ὔιχεσθαι	ὄιχεσθαι
21	22	ц. 15 послѣ слова: вселенной	послѣ слова: землю
46	24	обращенію [34]),	обращенію,
88	33	ваходится	находится
89	37	49	51
92	17	Мирондольскій	Мирандольскій
95	37	такъ	такъ и
116	19	алюру	аллюру
145	32	покажетъ	показать
158	7	диктантъ	переводъ
181	8	правилѣ	правило
193	29	правило	правила
231	22	насчастныя	несчастныя
252	13	относятся	относится
285	10	за	съ
291	5	копѣекъ	копеекъ
309	4	трифалійскаго	трифилійскаго
317	1	Во 2-й части	Въ IX главѣ
»	12		Передъ словомъ Latinam пропущено *ad*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ Я. А. КОМЕНСКАГО.

Янъ (Іоаннъ) Амосъ Коменскій (Johannes Amos Comenius) родился 28-го марта 1592 г. въ Моравіи, въ г. Бродахъ или около него (O. D. O. Pars III, pagina 72: a Johanne Amoso Comenio, Hunno Brodensi Moravo). По происхожденію онъ былъ моравъ, по языку— чехъ, а по вѣроисповѣданію принадлежалъ къ общинѣ Моравскихъ братьевъ. Онъ рано осиротѣлъ и, не смотря на достаточныя средства, оставшіяся послѣ отца, вслѣдствіе безпечности мало образованныхъ опекуновъ, почти всѣ отроческіе его годы прошли для него даромъ: только на 16-мъ году жизни онъ началъ учиться латинскому языку. Поступивши такимъ образомъ въ среднюю школу въ такую пору жизни, когда у юноши уже образуется способность и привычка разсуждать, онъ не могъ не подмѣтить слабыхъ сторонъ господствовавшей въ то время системы средняго образованія и особенно методы или, какъ онъ выражается въ своей «Дидактикѣ», безметодности и безпорядочности преподаванія. Отсюда, съ одной стороны, глубокое сожалѣніе о потерянныхъ годахъ юности («В. Дидактика», стр. 67), а съ другой, страстное стремленіе пополнить эти пробѣлы въ собственномъ образованіи путемъ непрерывнаго умственнаго труда и раннее желаніе пробудить въ своихъ соотечественникахъ болѣе заботливое отношеніе къ образованію дѣтей и устройству школъ съ лучшей методой преподаванія, чѣмъ это было до тѣхъ поръ. Въ Герборнскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ послѣ латинской школы, Коменскій изучалъ богословіе (въ протестантскомъ духѣ). Затѣмъ онъ короткое время продолжалъ свои богословскія занятія въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Изъ Гейдельберга онъ предпринялъ путешествіе, причемъ посѣтилъ Амстердамъ, гдѣ познакомился съ семействомъ Людовика ванъ-Геера, которое впослѣдствіи принимало такое живое участіе въ его судьбѣ, и снова вернулся въ Гейдельбергъ въ 1613 г. Въ 1614 г. Коменскій пѣшкомъ отправился отсюда въ Моравію, гдѣ принялъ въ свое завѣдываніе школу въ

Прерау. Подъ вліяніемъ сочиненія Ратиха *) объ улучшеніи методы преподаванія (De studiorum rectificanda Methodo consilium), сочиненія, съ которымъ онъ познакомился еще въ Герборнѣ и которое было встрѣчено современниками съ большимъ сочувствіемъ, Коменскій уже на первыхъ порахъ своей школьной дѣятельности старался слѣдовать его совѣтамъ и самъ издалъ въ 1616 году сочиненіе объ облегченномъ способѣ преподаванія латинской грамматики [O. D. O. P. I, p. 3: conscriptis facilioris grammaticae praeceptis, quae postea (1616) Pragae typis inscripta erant]. Назначенный въ 1618 г. священникомъ въ Фульнекѣ и руководителемъ тамошней новой школы, онъ продолжалъ писать о преподаваніи, хотя его вниманіе привлекала преимущественно церковная дѣятельность; но онъ лишился этихъ работъ, а также и всей своей библіотеки въ 1621 г., когда испанцы заняли и разрушили городъ (O. D. O. Pars I, p. 3: Anno 1618 ad Ecclesiae Fulnecensis Pastoratum Scholaeque ibidem recens erectae Curaturam vocatus, alia insuper eodem spectantia consiliis agitare et in chartas referre coepi: sed quae triennio post urbecula nostra ab Hispanis occupata et Bibliotheca mea tota direpta perierunt). Вмѣстѣ съ тѣмъ для него началась жизнь, полная тревогъ и горести по поводу несбывшихся надеждъ. Свобода вѣроисповѣданія, дарованная императоромъ Рудольфомъ II, была отнята послѣ несчастной битвы при Бѣлой Горѣ; приверженцы евангелическаго вѣроисповѣданія должны были дѣлать выборъ между отступничествомъ и бѣгствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Коменскій вмѣстѣ съ другими единовѣрцами находилъ тайное покровительство и пріютъ въ имѣніяхъ благородныхъ покровителей: барона Зеротина и Садовскаго. Не смотря на постигшія его лично и его единовѣрцевъ несчастія и стѣсненія, Коменскій продолжалъ работать и здѣсь, развивая и излагая свои взгляды на жизнь и школьное дѣло. Къ числу произведеній, относящихся къ этому періоду его жизни, принадлежитъ «Лабиринтъ Міра», «небольшое сочиненіе, появившееся въ 1623 г. на чешскомъ языкѣ и до сихъ поръ высоко цѣнимое его соотечественниками. Въ немъ онъ, хотя и съ глубокою горестью, но и съ веселой насмѣшкой бичуетъ недостатки своего времени, въ особенности превратныя понятія о воспитаніи и образованіи» (Pappenheim).

Здѣсь же началъ онъ свой болѣе обширный трудъ о воспитаніи и преподаваніи и притомъ на чешскомъ языкѣ, такъ какъ надежда на воз-

*) См. прим. 4.

вращеніе на родину не покидала его. Но, прежде чѣмъ онъ окончилъ его, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ своими единовѣрцами (въ числѣ 30,000 семействъ) эмигрировать, въ 1628 г. Онъ поселился въ г. Лиссѣ (въ нынѣшней прусской провинціи Познани), центральномъ тогда пунктѣ братскихъ поселеній, и занималъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должность учителя гимназіи и духовника своихъ единовѣрцевъ. «Его школьная дѣятельность въ Лиссѣ и серьезныя научныя занятія въ особенности сочиненіями англійскаго философа Бекона Верупамскаго, а также богослова Іоанна Валентина Андреэ *) дали ему позже поводъ снова приняться за начатый трудъ и придать ему большую ширину и глубину. Такъ получило начало его главное произведеніе: Великая Дидактика» (Pappenheim). Однако это сочиненіе не было издано на чешскомъ языкѣ **), и только въ 1638 г. Коменскій перевелъ его на латинскій языкъ и въ этомъ переводѣ впервые издалъ его въ 1657 г. Вотъ отзывъ К. Шмидта объ этомъ сочиненіи: «В. Дидактика не наука о воспитаніи въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а скорѣе энциклопедія системъ воспитанія и обученія». Вопросъ: какимъ путемъ возможно воспитаніе? рѣшается въ ней, по словамъ Шмидта, въ смыслѣ новѣйшихъ педагоговъ: путемъ развитія всѣхъ природныхъ наклонностей. Въ большую заслугу вмѣняетъ онъ автору и то, что «онъ съ необычайнымъ свободомысліемъ и истиннымъ рвеніемъ вступился за образованіе женскаго пола». Подробно изложивъ «ученіе знаменитаго мужа» преимущественно по Дидактикѣ, Шмидтъ заключаетъ это изложеніе такими словами: «Такова система Коменскаго. Это—стройное, глубоко обдуманное цѣлое, полное остроумныхъ наблюденій, мѣткихъ и большею частію цѣлесообразныхъ пріемовъ». Отзывы другихъ педагоговъ о Дидактикѣ и системѣ воспитанія Коменскаго сгруппированы въ рѣчи С. И. Миропольскаго (300-лѣтній юбилей отца народной школы А. Коменскаго. Спб. 1892 г. Изд. Мартынова).

Но еще до появленія этого труда Коменскій получилъ извѣстность, какой не пользовался ни одинъ педагогъ ни до, ни послѣ него, благодаря другому своему сочиненію. «Его Janua Linguarum Reserata (открытая дверь языковъ ***), чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего появленія

*) См. примѣч. 4.

**) Списокъ съ чешскаго оригинала, сдѣланный подъ наблюденіемъ самого Коменскаго и снабженный собственноручными его дополненіями, былъ открытъ уже въ 1841 г. и изданъ въ 1849 г. (Lion).

***) См. примѣч. 74.

(въ 1631 г.) была переведена уже на языки всѣхъ народовъ Европы и даже на нѣкоторые азіатскіе, такъ какъ она противопоставляла прежней сухой и безплодной методѣ преподаванія латинскаго языка другую—развивающую, оживляющую и полную назидательности. По словамъ Коменскаго, онъ самъ не предчувствовалъ, что его «ребяческое» сочиненіе будетъ встрѣчено одобреніемъ всего образованнаго міра» (Pappenheim). Иначе думали о немъ другіе. Такъ Бэль выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «Если бы Коменскій кромѣ этой книги не издалъ ничего болѣе, то и тогда онъ былъ бы безсмертенъ».

Въ 1633 г. Коменскій издалъ нѣмецкій переводъ своего сочиненія, первоначально написаннаго также на чешскомъ языкѣ: «Школа дѣтства» *), которое вскорѣ потомъ появилось въ польскомъ переводѣ, а въ 1653 г. въ латинскомъ. «Насколько простымъ и наивнымъ кажется оно съ перваго взгляда, настолько серьезенъ и глубокъ тотъ взглядъ на жизнь, на которомъ оно основывается. Коменскій говоритъ въ этомъ сочиненіи объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ ребенку даже до рожденія послѣдняго. Великая руководящая педагогическая точка зрѣнія заключается въ томъ положеніи, что природныя способности и наклонности ребенка суть корни, изъ которыхъ выростаетъ потомъ вся умственная и нравственная жизнь». (Pappenheim).

Но кромѣ этихъ и другихъ работъ, посвященныхъ въ особенности преподаванію языковъ, его уже тогда занималъ другой обширный планъ христіанской философіи, или, какъ онъ предпочитаетъ ее называть, «пансофіи». «Эта сокровищница всего человѣческаго знанія должна была обнимать въ одномъ гармоническомъ цѣломъ божество, природу и искусство (подъ послѣднимъ Коменскій подразумѣвалъ всѣ произведенія человѣческой мысли, слова и дѣятельности) и изображать дерево, которое выростаетъ изъ своихъ собственныхъ корней и, въ силу присущей ему жизненности, даетъ вѣтви и листву и приноситъ плоды. На основаніи писаній всѣхъ людей, безразлично какого бы то ни было времени и религіи, какого бы то ни было народа и философскаго воззрѣнія, должна быть представлена, вытекающая изъ извѣстныхъ основныхъ воззрѣній, живая картина вселенной, храмъ, посвященный вѣчному, тріипостасному Іеговѣ, единому, всемогущему, мудрому, благому, во вѣки почитаемому божеству, но не для однихъ христіанъ, а для каждаго, кто родился человѣкомъ» (Pappenheim).

*) См. примѣч. 106.

Такія широкія цѣли и средства предполагалъ Коменскій для своей «пансофіи» уже съ самаго начала. Теперь, когда ему было оказано восторженное поощреніе издалека, въ особенности изъ Англіи, онъ направилъ всѣ свои помыслы и стремленія только въ эту сторону.

Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ отклонилъ въ 1638 г., подъ различными предлогами, приглашеніе прибыть въ Швецію для преобразованія тамъ школъ. Напротивъ того, возбужденная въ немъ его англійскими друзьями надежда при поддержкѣ парламента найти и досугъ и сотрудниковъ для «пансофіи» привлекла его въ Лондонъ въ 1641 г. Однако политическія волненія въ этой странѣ не дали осуществиться этой надеждѣ. Поэтому, когда послѣдовало вторичное приглашеніе изъ Швеціи въ 1642 г., онъ принялъ его. Тамъ онъ встрѣтился съ своимъ усерднымъ почитателемъ, нидерландцемъ Людовикомъ ванъ-Гееромъ, который предложилъ ему и его сотрудникамъ, если таковые найдутся, независимое, нестѣсняемое посторонними обязанностями, положеніе для осуществленія его «пансофическихъ» плановъ. Но настоянія канцлера Оксенштерна, который нѣсколько дней обстоятельно обсуждалъ съ нимъ его планы, побудили Коменскаго на время оставить въ сторонѣ пансофическіе планы и всецѣло посвятить себя дидактическимъ работамъ, въ особенности имѣющимъ въ виду облегченіе преподаванія латинскаго языка. Онъ провелъ за ними шесть лѣтъ, не всегда въ согласіи со своимъ покровителемъ и не безъ недоразумѣній со своими сотрудниками; но въ тоже время, для своего собственнаго удовлетворенія, онъ не забывалъ и всѣми силами души стремился выполнить планъ пансофіи. Въ 1648 г. онъ былъ приглашенъ братской общиной на должность епископа въ Лиссу, гдѣ онъ и издалъ дидактическіе труды послѣднихъ 6 лѣтъ, надѣясь освободиться наконецъ отъ этого занятія, которое онъ считалъ побочнымъ въ своей жизни *).

Но вскорѣ онъ опять долженъ былъ возвратиться къ дѣламъ школы.

*) Они помѣщены во II части Opera D. Omnia. Это 1) Novissima Linguarum Methodis (посвящена Л. ванъ-Гееру), 2) Vestibulum Latinae Linguae, 3) Linguae Latinae Janua Reserata. Въ первой онъ излагаетъ свои основныя дидактическія правила, а остальные представляютъ учебники латинскаго языка, составленные примѣнительно къ указаннымъ правиламъ. «Существенными статьями своего метода онъ считаетъ параллельность предметовъ и словъ, послѣдовательность преподаванія и безъ пробѣловъ и легкій, пріятный, наиболѣе успѣшный способъ обученія, при чемъ ученикъ находится въ постоянной дѣятельности» (Шмидтъ).

Венгерскій князь Сигизмундъ Ракочи и его мать, которые въ своей Семиградской области дали пріютъ моравскимъ изгнанникамъ, пригласили Коменскаго для обсужденія вопроса объ улучшеніи тамошнихъ школъ. Онъ отправился туда весною 1650 г. и, такъ какъ тамъ были извѣстны его прежнія пансофическія сочиненія, то онъ получилъ порученіе представить планъ устройства школы въ Патакѣ «по законамъ пансофіи». Онъ изложилъ этотъ планъ подъ заглавіемъ: Illustris Patakinae Scholae Idea *). Планъ заслужилъ одобреніе, и теперь Коменскаго стали убѣждать остаться въ Венгріи и принять на себя его осуществленіе. Надежда на открытіе пансофической школы и обѣщаніе пригласившихъ его исполнить всѣ его требованія разсѣяли его сомнѣнія. Заручившись согласіемъ Геера и братской общины, онъ еще въ 1650 г. переселился въ Патакъ. Онъ изложилъ новый, болѣе точный планъ пансофической школы (Schola Pansophica, hoc est Universalis Sapientiae Officina **) и посвятилъ его своему покровителю (кн. Сигизмунду Ракочи). «Пансофическая школа» должна принимать учениковъ, уже умѣющихъ читать, и держать ихъ до 17-го или даже 19-го года жизни. Она раздѣляется на семь классовъ. Каждый классъ имѣетъ свой особый учебникъ (liber classicus). «Согласно взглядамъ, высказаннымъ въ «Великой Дидактикѣ», Коменскій опредѣляетъ задачу пансофической школы такимъ образомъ: она должна основательно научить всѣхъ всему необходимому для этой и будущей жизни: чувства, разумъ, вѣра, рука и языкъ должны получить здѣсь свое развитіе. Коменскій обсуждаетъ принципы преподаванія, расположеніе учебнаго матеріала, значеніе его и обращеніе съ нимъ, учебники, школьную дисциплину, устройство классныхъ комнатъ, физическія упражненія, распредѣленіе времени, каникулы, расписаніе уроковъ, школьныя драматическія представленія. Учителя и ученики, раздѣленные по классамъ, должны жить въ сосѣднихъ, соединенныхъ общею стѣною, домикахъ, ученики дворянскаго происхожденія вмѣстѣ съ учениками изъ простаго народа, въ противоположность обычаю, господствовавшему въ нѣмецкихъ школахъ. Бѣднѣйшіе должны получать столъ даромъ, прочіе платить за содержаніе половину или полностью. Коменскій ставитъ большія требованія относительно учености, нравственности и благочестія учителей пансофической школы, потому что они должны состав-

*) O. D. O. Pars III, p. 3.
**) O. D. O. Pars III, p. 6—60.

лять вмѣстѣ съ учениками не только церковную общину, но и небольшое, но благоустроенное «Латинское государство», «Лицiумъ въ Венгрiи», гдѣ, въ противоположность прежней венгерской латыни, говорили бы на чистомъ латинскомъ языкѣ» (Pappenheim).

Самъ Коменскiй нисколько, конечно, не упускалъ изъ виду, что такой необыкновенный планъ требовалъ долгихъ приготовленiй и осмотрительнаго образа дѣйствiй. Но сторонники дѣла настаивали на скорѣйшемъ осуществленiи его, и въ особенности дворянство желало скорѣйшаго введенiя улучшенной методы преподаванiя латинскаго языка. Поэтому Коменскiй уже 24 ноября 1650 г. держалъ рѣчь въ Патакской школѣ о сущности, значенiи и средствахъ умственнаго образованiя [De Cultura Ingeniorum oratio] *), за которой нѣсколько дней спустя послѣдовала другая рѣчь: «О книгахъ, какъ главномъ средствѣ образованiя [De primario Ingenia colendi instrumento, solerter versando, Libris] **); а въ февралѣ 1651 г. онъ объявилъ о своей готовности открыть первые три (латинскiе) класса и вскорѣ затѣмъ представилъ и учебники, которые, согласно его принципамъ, соединяли въ себѣ, рядомъ съ грамматическими указанiями, многостороннее и обстоятельное ученiе о предметахъ ***). Содержанiе своего вновь пересмотрѣннаго сочиненiя «Дверь языковъ» онъ приспособилъ для школьныхъ драматическихъ представленiй †). Коменскiй изложилъ также для мальчиковъ краткiя правила о поведенiи ††) и составилъ свой и теперь еще часто упоминаемый Orbis pictus †††) (Pappenheim).

---

*) O. D. O. P. III, p. 71—104. (На русскiй языкъ переведено Л. Модзалевскимъ. Спб. 1892 г.).

**) Тамъ же вслѣдъ за первою рѣчью, pp. 105—114.

***) Это 1) Vestibulum—для I класса, 2) Janua—для II кл. и 3) Atrium Rerum et Linguarum Ornamenta exhibens—для III кл. Всѣ три произведенiя находятся въ III части O. D. O.

†) Это произведенiе носитъ заглавiе: «Schola Ludus seu Encyclopaedia viva Hoc est Januae linguarum praxis scenica, Res omnes nomenclatura vestitas et vestiendas, sensibus ad vivum repraesentandi artificium exhibens amoenum. (O. D. O P. III, pp. 836—1040). Она раздѣляется на 8 частей, которыя подраздѣляются на акты и сцены.

††) Praecepta morum in usum Iuventutis collecta (O. D. O. III, pp. 776—803), къ которому примыкаетъ другое сочиненiе: Leges Scholae bene ordinatae.

†††) См. примѣч. 107.

При всемъ стараніи Коменскому не суждено было довести до конца устройство проектированной имъ 7-классной пансофической школы. Въ іюнѣ 1654 г. онъ въ публичной рѣчи *) простился съ своими венгерскими друзьями, чтобы, по его словамъ, возвратиться въ Лиссу къ своей церковной должности, къ которой его призывали Богъ и совѣсть. Однако на это его рѣшеніе имѣло значительное вліяніе и разочарованіе въ достигнутыхъ успѣхахъ и упадокъ надежды на осуществленіе своихъ цѣлей. Его покровитель—князь умеръ, а окружающіе его все болѣе стали обнаруживать нетерпѣніе, поспѣшность и недостаточное пониманіе его спокойной, сознающей свою цѣль, дѣятельности, школьная же молодежь далеко не обнаруживала того интереса къ наукѣ и влеченія къ труду, какихъ онъ ожидалъ отъ нея. Однако и въ Лиссѣ онъ недолго пользовался покоемъ. Въ 1656 г., во время шведско-польской войны, городокъ былъ разрушенъ, при чемъ Коменскій лишился почти всѣхъ своихъ предварительныхъ работъ по пансофіи. Тогда онъ отправился, по приглашенію Лоренцо ванъ-Геера, сына умершаго между тѣмъ его благороднаго покровителя, чрезъ Штетинъ и Гамбургъ въ Амстердамъ. Съ этихъ поръ онъ пользовался здѣсь вмѣстѣ съ своей семьей, которая прибыла позже, самымъ почетнымъ гостепріимствомъ. На средства того же Лоренцо ванъ-Геера было издано въ 1657 г. полное собраніе дидактическихъ сочиненій Коменскаго въ 4-хъ частяхъ, которое посвятилъ онъ городу Амстердаму **). Коменскій умеръ 15 ноября 1671 г.

Заключимъ этотъ очеркъ отзывомъ Гиндели о личности самого автора «Дидактики», отзывомъ, который приводитъ К. Шмидтъ въ своей «Исторіи Педагогики». «Въ Коменскомъ было что то истинно-патріархальное; въ немъ обнаруживается глубокое нравственное достоинство, постоянная услужливость и доброе, соболѣзнующее бѣднымъ, сердце. Такъ послѣдній изъ братьевъ обнаружилъ въ себѣ качества, которыя, хотя и въ менѣе совершенной степени, встрѣчались вообще въ ихъ средѣ». Эта характеристика должна быть дополнена вѣрнымъ замѣчаніемъ самого Шмидта: «Онъ былъ христіанинъ отъ полноты души».

---

*) Oratio valedictoria (O. D. O. Pars III, pp. 1041—1050).

**) См. «Указатель», стр. 302, № XIV.

Я. Амоса Коменскаго

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА,

СОДЕРЖАЩАЯ ВСЕОБЩЕЕ ИСКУССТВО УЧИТЬ

ВСѢХЪ ВСЕМУ,

или

вѣрный и тщательно обдуманный способъ учредить во всѣхъ общинахъ, городахъ и деревняхъ всякаго христіанскаго государства такого рода школы, въ которыхъ вся молодежь обоего пола, безъ всякаго рѣшительно исключенія, обучалась бы наукамъ, облагораживала бы свои нравы, проникалась бы благочестіемъ и такимъ образомъ еще до наступленія зрѣлости приготовилась бы ко всему, что потребно въ настоящей и будущей жизни,

сберегая время, пріятно и основательно.

При этомъ для всего, что здѣсь предлагается,

основныя начала извлекаются изъ самой сущности вещей;

правильность ихъ доказывается аналогическими примѣрами изъ механическихъ искусствъ;

послѣдовательность занятій опредѣляется по годамъ, днямъ и часамъ;

наконецъ, путь къ успѣшному осуществленію этой цѣли указывается легкій и вѣрный.

РУКОВОДЯЩИМЪ НАЧАЛОМЪ и ЦѢЛЬЮ

НАШЕЙ ДИДАКТИКИ

да будетъ слѣдующее:

изыскать и открыть способъ, при которомъ учащіе могли бы менѣе учить, а учащіеся научаться большему, въ школахъ было бы меньше шума, одурѣнія и напраснаго труда, а больше тишины, радости и прочнаго успѣха; въ христіанскомъ же обществѣ менѣе царили бы мракъ, смуты и раздоры, а было бы больше свѣта, порядка, мира и спокойствія.

Псал. 66, 2. 3.

Боже! Будь милостивъ къ намъ и благослови насъ, освѣти насъ лицемъ Твоимъ, дабы познали на землѣ путь Твой, во всѣхъ народахъ спасеніе Твое.

Привѣтъ читателямъ.

---

1. Дидактика значитъ: «искусство учить». Въ недавнее время нѣкоторые выдающіеся мужи, сжалившись надъ Сизифовой [1]) работой школъ, приступили было къ изысканію этого искусства, но попытка ихъ, равно какъ и успѣхъ ея, были неодинаковы.

2. Нѣкоторые изъ нихъ искали только пріемовъ легчайшаго преподаванія того или другого языка; другіе пытались отыскать кратчайшіе пути къ скорѣйшему усвоенію той или другой науки или искусства; иные придумывали еще что-нибудь. Но всѣ почти они опирались на какія-то внѣшнія наблюденія, выведенныя изъ болѣе или менѣе удачной практики преподаванія, т. е. дѣлали заключенія, какъ говорится, a posteriori.

3. Мы-же осмѣливаемся обѣщать Великую Дидактику, т. е. всеобщее искусство учить всѣхъ всему и притомъ учить навѣрное, такъ чтобы ученіе непремѣнно сопровождалось успѣхомъ; учить скоро, т. е. нисколько не отягощая ни учащихъ, ни учащихся, и возбуждая въ нихъ не отвращеніе, а скорѣе величайшую радость; наконецъ,—учить основательно, т. е. не поверхностно и для формы только, а содѣйствуя пріобрѣтенію истиннаго знанія, пріятныхъ нравовъ и внутренняго благочестія. Наконецъ, всѣ свои указанія мы выводимъ a priori, т. е. изъ существенныхъ и неизмѣнныхъ свойствъ вещей, какъ бы отводя изъ живаго источника вѣчно текущіе ручейки; соединяя ихъ снова въ одинъ потокъ, мы такимъ образомъ устанавливаемъ общія основанія для учрежденія общеобразовательныхъ школъ.

4. Велико и въ высшей степени желательно то, что мы обѣщаемъ; но не трудно намъ предвидѣть, что иному это покажется скорѣе мечтами, нежели изложеніемъ несомнѣннаго дѣла. Но, кто-бы ты ни былъ, читатель, воздержись отъ приговора, пока не узнаешь, что̀ это такое на самомъ дѣлѣ: тогда ты будешь въ правѣ не только судить, но и высказать свое сужденіе. Ибо я не желаю и тѣмъ болѣе не стремлюсь къ тому, чтобы кто-нибудь, увлекшись моими увѣщаніями, далъ свое одобреніе дѣлу, недостаточно изслѣдованному; но я всѣми силами напоминаю, уговариваю и умоляю всякаго, кто является сюда въ качествѣ зрителя,—чтобы онъ приходилъ съ собственными и изощренными чувствами (которыя не позволятъ опутать себя никакимъ чарамъ мнѣній).

5. Дѣло это, конечно, очень серьезное и, составляя предметъ общихъ желаній, должно быть взвѣшено общимъ обсужденіемъ и подвигаемо соединенными усиліями всѣхъ, какъ такое дѣло, которое касается общаго блага всего человѣческаго рода! «Какой большій или лучшій подарокъ можемъ мы поднести государству, какъ не обученіе и образованіе юношества, особенно при нынѣшнихъ нравахъ и обстоятельствахъ, благодаря которымъ, государство такъ пало, что его необходимо обуздывать и сдерживать общими усиліями?» говоритъ Цицеронъ [2]). А Филиппъ Мелинхтонъ писалъ, что правильное воспитаніе юношества нѣсколько поважнѣе, чѣмъ завоеваніе Трои. Сюда-же относится и изреченіе Григорія Назіанзена [3]): «Искусство искусствъ—это воспитать человѣка, самое многообразное и загадочное животное».

6. И такъ, научить «искусству искусствъ» дѣло очень трудное и требуетъ тщательнаго обсужденія не одного только человѣка, но многихъ, такъ какъ одинъ никогда не бываетъ такъ зорокъ, чтобы отъ его взора не могло ускользнуть весьма многое.

7. Поэтому я въ правѣ требовать отъ моихъ читателей, даже, во имя блага человѣчества, умоляю всѣхъ, кому попадутся на глаза эти строки, во-первыхъ, чтобы они не принимали за безумную отвагу то, что нашелся человѣкъ, который рѣшается не только попытаться, но и обѣщать успѣхъ въ дѣлѣ такого рода и столь трудномъ, такъ какъ все это

дѣлается съ очень полезнымъ намѣреніемъ; во-вторыхъ, пусть они не приходятъ тотчасъ въ отчаяніе, если-бы первая попытка сразу не удалась, и предметъ моихъ желаній не былъ бы доведенъ до полнаго совершенства. Таковъ, вѣдь, законъ природы, что зародыши существъ сперва появляются на свѣтъ, а потомъ уже постепенно развиваются. Слѣдовательно, какъ бы ни была несовершенна и далека отъ предположенной цѣли наша попытка,—все-таки само дѣло покажетъ, что мы стали на одну ступень выше и ближе къ цѣли, нежели это можно было видѣть до сихъ поръ. Наконецъ, я прошу читателей, чтобы они отнеслись къ этому съ тѣмъ вниманіемъ и съ тою ревностью, а также независимостью сужденій и проницательностью, съ какими слѣдуетъ относиться къ самымъ высокимъ предметамъ. Я-же поставлю себѣ въ обязанность не только указать вкратцѣ на поводъ къ этому начинанію, но и изложить возможно проще главные пункты новаго открытія, а затѣмъ съ полнымъ довѣріемъ предоставить первое безпристрастному сужденію, а послѣднее—дальнѣйшему изслѣдованію всѣхъ здравомыслящихъ людей.

8. Это «искусство учить и учиться» въ той степени совершенства, на которую оно, повидимому, теперь стремится подняться, значительной своей частью не было извѣстно предшествовавшимъ вѣкамъ. Поэтому обученіе грамотѣ и вообще школьныя занятія соединялись съ такими трудами и тягостями и вносили столько колебаній, бредней, заблужденій и ошибокъ, что только одаренные особенно счастливыми способностями могли пробивать себѣ дорогу къ болѣе основательному знанію.

9. Но вотъ, съ недавнихъ поръ Богъ началъ какъ бы посылать зарю—предвѣстницу зарождающагося новаго вѣка, выдвинувъ въ нѣмецкихъ странахъ нѣсколько доблестныхъ мужей, которые, почувствовавъ отвращеніе къ путаницѣ, порождаемой употребительной въ школахъ методой, стали размышлять о болѣе легкомъ и краткомъ пути къ обученію языкамъ и наукамъ, конечно, не сразу, но послѣдовательно одинъ за другимъ и поэтому одни съ бо́льшимъ, другіе съ меньшимъ успѣхомъ, какъ это можно видѣть изъ изданныхъ имъ дидактическихъ руководствъ и образцовъ.

10. Я разумѣю людей, каковы: Ратихъ, Любинъ, Гельвигъ, Риттеръ, Бодинъ, Глаумій, Фогель, Вольфштернъ и тотъ, котораго я долженъ былъ бы прежде всего назвать: Іоганнъ Валентинъ Андреэ [4]) (послѣдній въ разныхъ мѣстахъ своихъ золотыхъ сочиненій не только отлично обнаружилъ болѣзни, которыми страдаютъ какъ церкви и государства, такъ и школы, но и указалъ кое-гдѣ на цѣлебныя средства противъ нихъ), а также и другихъ, намъ еще незнакомыхъ. Франція также приняла участіе въ устраненіи этого зла, съ тѣхъ поръ какъ Жанъ Сесиль Фрей издалъ въ Парижѣ, въ 1629 г., свою (искусно составленную) дидактику (подъ заглавіемъ: «Новый и очень легкій путь къ божественнымъ наукамъ, искусствамъ и языкамъ и произнесенію рѣчей безъ приготовленія»).

11. Всякій разъ, когда я по какому-либо поводу начиналъ читать сочиненія этихъ писателей, я испытывалъ невыразимое удовольствіе, которое въ значительной степени смягчало мою скорбь о гибели отечества и столь печальномъ положеніи всей Германіи. Я начиналъ надѣяться, что Промыслъ Божій не даромъ устроилъ такъ, что упадокъ старыхъ школъ совпалъ по времени съ появленіемъ проектовъ новыхъ школъ примѣнительно къ новымъ идеямъ. Несомнѣнно, что, кто задумалъ строить новое зданіе, тотъ обыкновенно напередъ выравниваетъ для него мѣсто, иногда даже сноси прежнее зданіе, менѣе удобное или угрожающее паденіемъ.

12. Это соображеніе, повторяю, внушало мнѣ добрую надежду, къ которой примѣшивалось и пріятное чувство удовольствія; но впослѣдствіи, когда я сталъ думать, что такой важный предметъ разсматривается безъ достаточной основательности, я почувствовалъ, что эта надежда исчезаетъ.

13. И такъ, желая пополнить свои свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, а на другіе обратить вниманіе, я писалъ къ разнымъ лицамъ изъ вышеназванныхъ, однако безуспѣшно: иной слишкомъ ревниво оберегалъ свои собственныя открытія, а отъ другихъ вернулись письма безъ отвѣта, не найдя тѣхъ, къ кому были адресованы.

14. Одинъ только изъ нихъ (знаменитый І. В. А.) прислалъ

любезный отвѣтъ, что онъ «передаетъ мнѣ факелъ» [5]), и воодушевлялъ меня предпринять хоть что-нибудь. Подстрекаемый этимъ, я все чаще сталъ обдумывать про себя эти вопросы, пока наконецъ и непреодолимое желаніе общаго преуспѣянія не принудило меня начать это дѣло съ основанія.

15. И такъ, оставивъ въ сторонѣ чужія открытія, мысли, наблюденія и предостереженія, я поставилъ себѣ цѣлью съизнова разсмотрѣть самый предметъ и вникнуть въ причины, отношенія, способы и цѣли «искусства учиться» (какъ можно было бы назвать его по примѣру Тертулліана [6]).

16. Плодомъ этого явился настоящій трактатъ, который, надѣюсь, полнѣе выясняетъ предметъ, чѣмъ было доселѣ, сначала на родномъ [7]) языкѣ—на пользу моего народа, а теперь, по совѣту достойныхъ людей, въ латинскомъ переводѣ, чтобы этотъ трудъ, если окажется возможнымъ, принесъ и общую пользу.

17. Вѣдь христіанская любовь повелѣваетъ не препятствовать тому, что Богъ открылъ ко благу рода человѣческаго (такъ говоритъ ученый Любинъ относительно своей Дидактики), но выставлять передъ цѣлымъ міромъ. Ибо (говоритъ тотъ-же ученый) въ самой природѣ всего добраго лежитъ то, что оно дѣлается достояніемъ всѣхъ, такъ какъ, чѣмъ въ большей мѣрѣ и чѣмъ большее число людей пользуется имъ, тѣмъ оно бываетъ обильнѣе и способнѣе удовлетворить всѣхъ.

18. А также и человѣколюбіе требуетъ отъ каждаго, кто знаетъ, не упускать случая помочь чѣмъ-нибудь ближнему въ затруднительныхъ для него обстоятельствахъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ не одного человѣка, а многихъ и не только отдѣльныхъ людей, но даже цѣлыхъ городовъ, провинцій, царствъ и даже всего рода человѣческаго, какъ въ предстоящей намъ задачѣ.

19. Если бы все-таки нашелся такой придирчивый критикъ, по мнѣнію котораго толковать о школьномъ дѣлѣ чуждо призванію богослова [8]), то пусть онъ знаетъ, что это-же сомнѣніе до крови мучило и мою грудь; но я чувствовалъ, что освободиться отъ него могу не иначе, какъ повинуясь Богу и заботясь объ общемъ благѣ всѣми средствами, какія подсказало мнѣ божественное внушеніе.

20. Позвольте мнѣ, христіанскія сердца, говорить съ вами съ полнымъ довѣріемъ! Тѣ, которые ближе знаютъ меня, знаютъ, что я человѣкъ небольшихъ дарованій и лишенъ почти всякой учености, но оплакиваю утраты вѣка и преисполненъ желанія восполнить, по возможности, наши пробѣлы при помощи собственныхъ-ли, или чужихъ открытій (которыя однако всегда исходятъ только отъ милостиваго Бога).

21. И такъ, если и въ этомъ трудѣ что-нибудь окажется искусно придуманнымъ, то пусть это будетъ не моей заслугой, но Того, Кто и «изъ устъ младенцевъ извлекаетъ хвалу Себѣ», и Кто, желая въ дѣйствительности показать Себя вѣрнымъ, истиннымъ и благимъ, просящимъ даетъ, стучащимъ отворяетъ, ищущимъ предлагаетъ (Лука 11) для того, чтобы и мы охотно раздавали другимъ посланные намъ дары. Мой Христосъ знаетъ, что мое сердце такъ просто, что для меня безразлично, учить или учиться, наставлять или слушать наставленія, быть учителемъ учителей (если это сколько нибудь возможно) или ученикомъ учениковъ (лишь бы я могъ надѣяться на успѣхъ).

22. И такъ, что Господь далъ мнѣ замѣтить, то я и предлагаю всѣмъ: пусть оно будетъ общимъ достояніемъ!

23. Кто откроетъ что-нибудь лучшее, пусть сдѣлаетъ тоже самое, дабы Господь не обличилъ его въ преступленіи, если онъ завернетъ въ платокъ и спрячетъ свою мину; ибо Онъ хочетъ, чтобы рабы Его отдавали въ оборотъ данныя имъ мины и чтобы мина каждаго приносила другія мины (Лука 19).

Quaerere magna licet, licuit semperque licebit:
Nec labor in Domino coeptus inanis erit

(т. е. есть и было и всегда будетъ позволительно искать великаго, и не безплоденъ будетъ трудъ, предпринятый во имя Господне).

Польза «искусства учить».

Правильная постановка «искусства учить» важна:

1. Для родителей, которые до сихъ поръ большею частію оставались въ невѣдѣніи, какія надежды они могутъ питать относительно своихъ дѣтей. Они нанимали учителей, приставали къ нимъ съ просьбами, старались даже задобрить ихъ подарками—иной разъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но столь-же часто и попусту. Напротивъ, если метода обученія будетъ доведена до непогрѣшимой вѣрности, то можно надѣяться, что, съ помощью Божіей, успѣхъ всегда послѣдуетъ.

2. Для наставниковъ, большинство которыхъ вовсе и не знали искусства учить и потому, не смотря на желаніе добросовѣстно исполнить свою обязанность, только мучились и истощали свои силы усиленнымъ прилежаніемъ, или мѣняли методу, пытаясь достигнуть успѣха при помощи то одной, то другой методы, не безъ досадной траты времени и трудовъ.

3. Для учениковъ—въ томъ отношеніи, что они могутъ быть доводимы до вершинъ наукъ безъ затрудненія, скуки, криковъ и побоевъ, а какъ бы играя и шутя.

4. Для школъ, которыя при правильной методѣ могутъ не только постоянно сохранять свою жизненную силу, но и размножаться до безконечности. Онѣ на самомъ дѣлѣ будутъ мѣстами для игръ [9]), домомъ радости и привлекательности. И такъ какъ (вслѣдствіе непогрѣшимости методы) изъ каждаго ученика будетъ выходить учитель (высшей или низшей степени), то никогда не будетъ недостатка въ способныхъ руководителяхъ школъ, а школьныя занятія несомнѣнно будутъ процвѣтать.

5. Для государствъ—въ силу вышеприведеннаго свидѣтельства Цицерона [10]), съ которымъ согласно [встрѣчающееся у Стобея [11])] изреченіе Пиѳагорейца Діогена [12]): «Что служитъ основаніемъ для всего государства?—Воспитаніе юношей. Конечно, никогда не принесутъ полезнаго плода виноградныя лозы, за которыми не было хорошаго ухода».

6. Для церкви, такъ какъ только при правильномъ устрой-

ствѣ школъ можно достигнуть того, чтобы церкви не ощущали недостатка въ образованныхъ учителяхъ, а образованные учители—въ способныхъ ученикахъ.

7. Наконецъ, для неба преобразованіе школъ важно ради тщательнаго и всесторонняго развитія душъ, именно для того, чтобы, благодаря блеску божественнаго свѣта, тѣмъ легче освободились отъ мрака тѣ, которыхъ не въ силахъ разбудить звукъ божественной трубы. Хотя евангеліе повсюду проповѣдуется и, какъ мы надѣемся, будетъ проповѣдуемо до скончанія міра, однако въ мірѣ повторяется совершенно то-же, что обыкновенно происходитъ въ какомъ-либо народномъ собраніи, на ярмаркѣ, въ трактирѣ или въ другомъ какомъ-либо шумномъ сборищѣ людей: слушаютъ не того только, или преимущественно, кто высказываетъ самыя лучшія мнѣнія, а каждый занимаетъ и задерживаетъ своими разглагольствованіями того, съ кѣмъ ему пришлось встрѣтиться, стоять или сидѣть. Какъ ни ревностно исполняютъ свой долгъ служители Слова, сколько они ни говорятъ, сколько ни взываютъ, какъ ни убѣждаютъ, какъ ни заклинаютъ, значительная часть людей ихъ не слушаетъ. Многіе даже являются въ священныя собранія только по какому-либо случаю; другіе, хотя и приходятъ туда, но съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами, такъ какъ, занятые въ душѣ постороннимъ, мало обращаютъ вниманія на то, что̀ происходитъ въ этихъ собраніяхъ. Наконецъ, хотя и обращаютъ вниманіе и догадываются, къ чему клонятся святыя увѣщанія, но, конечно, ихъ не такъ сильно задѣваетъ и трогаетъ это, какъ бы слѣдовало: привычная душевная косность и пріобрѣтенная наклонность къ порокамъ притупляютъ и сковываютъ ихъ умъ и дѣлаютъ его неподатливымъ, такъ что они не могутъ освободиться отъ этой душевной спячки. Поэтому они вѣчно остаются въ привычной имъ слѣпотѣ и своихъ грѣхахъ, какъ бы закованные такъ крѣпко, что никто, кромѣ одного Бога, не можетъ избавить ихъ отъ давно угрожающей имъ погибели; можно считать почти чудомъ, какъ сказалъ кто-то изъ Отцевъ церкви, если закоренѣлый грѣшникъ приходитъ въ раскаяніе. А такъ какъ требовать чудесъ тамъ, гдѣ Богъ даетъ въ руки обыкновен-

ныя средства, вообще значитъ искушать Бога, то приходится заключить, что и въ настоящемъ случаѣ дѣло находится въ такомъ-же положеніи. Поэтому будемъ вѣрить, что на нашей обязанности лежитъ подумать о средствахъ, которыя сильнѣе возбуждали бы во всемъ христіанскомъ юношествѣ силы духа и любовь къ небесному. И если мы добьемся этого, то увидимъ, что царство небесное распространитъ свое могущество, какъ было когда-то.

И такъ, никто не долженъ отказывать этому святому предпріятію въ своихъ мысляхъ, желаніяхъ, силахъ и средствахъ. Кто отдалъ ему свои желанія, тотъ будетъ заботиться и объ исполненіи ихъ. Послѣдняго всегда можно при желаніи требовать и при надеждѣ ожидать отъ божественнаго милосердія, ибо здѣсь дѣло идетъ о благѣ человѣчества и славѣ Всевышняго.

Іоаннъ Валентинъ Андрез:

Отчаиваться въ успѣхѣ безславно, а клеймить чужіе совѣты несправедливо.

Содержаніе главъ.

ДИДАКТИКА.

Глава I.

Человѣкъ есть послѣднее, совершеннѣйшее и превосходнѣйшее изъ созданій.

Выдумка о небесномъ происхожденіи изреченія: «познай самого себя».

1. Когда Питтакъ [13]) произнесъ нѣкогда свое знаменитое «познай самого себя», то это изреченіе было принято мудрецами съ такимъ восторгомъ, что они, желая возвысить его въ глазахъ простаго народа, утверждали, что оно пришло съ неба, и позаботились начертать его золотыми буквами на храмѣ Апполона Дельфійскаго (куда стекалась огромная масса людей). Въ послѣднемъ случаѣ они поступили благоразумно и благочестиво, а то, что они утверждали, конечно, выдумка, но вообще близко къ истинѣ. Для насъ это яснѣе, чѣмъ было для нихъ.

Истинно пришедшее съ неба слово.

2. Не тоже-ли говоритъ голосъ, раздающійся съ неба въ Писаніи: «Познай, человѣкъ, Меня, познай себя? Меня— Источникъ вѣчности, премудрости и блаженства, себя—Мое созданіе, образъ и отраду?»

Высокое положеніе человѣка.

3. «Ибо тебя Я предназначилъ къ соучастію въ вѣчности; для твоихъ потребностей Я приготовилъ небо, землю и все, что они содержатъ; въ тебѣ одномъ Я соединилъ все, что прочимъ Я далъ только въ отдѣльности: сущность, жизнь, чувство, разумъ. Тебя Я поставилъ владыкою надъ дѣлами рукъ Моихъ; все положилъ подъ ноги твои: овецъ и воловъ, а также полевыхъ звѣрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ; такъ славою и честію Я увѣнчалъ тебя (Псал. 8).» Наконецъ, чтобы не было въ чемъ-либо недостатка, Я отдалъ тебѣ Себя

Самого въ упостасномъ соединенiи, навѣки соединивъ Свое естество съ твоимъ, чего не получило въ удѣлъ ни одно изъ созданiй—видимыхъ и невидимыхъ. Ибо какое изъ созданiй, на небѣ или на землѣ, можетъ похвалиться, что Богъ облекся въ его плоть и показалъ Себя ангеламъ (1 Тим. 3, 16), конечно, не для того, чтобы они взирая на Того, Кого желали видѣть (1 Петр. 1, 12), только стояли въ оцѣпенѣнiи, но и для того, чтобы они поклонялись явившемуся во плоти Богу, именно Сыну Божiю и человѣческому (Евр. 1, 6. Iоанн. 1, 32. Матѳ. 4, 11). И такъ, пойми, что ты полное завершенiе Моихъ дѣлъ, дивный микрокосмъ, намѣстникъ Божiй на землѣ, вѣнецъ славы Моей.»

4. О, если бы все это было вырѣзано не на дверяхъ храмовъ и начертано не на заглавныхъ листахъ книгъ и запечатлѣлось не на языкѣ, и не въ ушахъ и глазахъ людей, а въ сердцахъ ихъ! Поэтому всѣ, которые берутъ на себя обязанность воспитанiя людей, должны стараться главнымъ образомъ о томъ, чтобы прiучить ихъ жить, памятуя объ этомъ достоинствѣ и превосходствѣ, и направлять всѣ средства къ достиженiю цѣли этого высокаго положенiя. которое должно уяснять всѣмъ.

Глава II.

Конечная цѣль человѣка внѣ настоящей жизни.

1. Самый разумъ подтверждаетъ намъ, что столь превосходное созданiе предназначено къ болѣе высокой цѣли, чѣмъ всѣ прочiя, именно къ той, чтобы, соединившись съ Богомъ, Который есть верхъ всякаго совершенства, славы и блаженства, вмѣстѣ съ Нимъ вѣчно наслаждаться славою и блаженствомъ. Высшее созданiе необходимо должно имѣть и высшее назначенiе.

2. Хотя это довольно ясно изъ св. Писанiя, и мы, не задумываясь, вѣримъ, что это вполнѣ вѣрно, однако не будетъ потерею труда, хотя мимоходомъ, коснуться того, какъ выразилъ Богъ это наше превосходство въ настоящей жизни. Это открывается

1) изъ исторіи творенія,

3. Это выразилось, во-первыхъ, въ самомъ твореніи человѣка: Богъ не просто повелѣлъ человѣку, какъ и прочимъ созданіямъ, явиться на свѣтъ, но послѣ предварительнаго торжественнаго совѣщанія Онъ какъ-бы собственными перстами образовалъ для него тѣло, а душу вдохнулъ изъ Себя Самого.

2) изъ устройства нашей природы,

4. Устройство нашей природы показываетъ, что насъ не удовлетворяетъ то, что мы имѣемъ въ настоящей жизни. Здѣсь мы живемъ троякою жизнью: растительною, животною и разумною, или духовною. Изъ нихъ первая ни въ чемъ не обнаруживаетъ себя внѣ тѣла, вторая, благодаря дѣятельности чувствъ и движеніямъ, распространяется на внѣшніе предметы, а третья — можетъ существовать и отдѣльно отъ тѣла, какъ это видно въ ангелахъ. А такъ какъ на этой высшей ступени жизнь, очевидно, сильно помрачается и встрѣчаетъ препятствія со стороны первыхъ двухъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что наступитъ время, когда она достигнетъ полнаго своего расцвѣта.

3) изъ всего, что мы дѣлаемъ и терпимъ.

5. Все, что мы дѣлаемъ или терпимъ въ настоящей жизни, показываетъ, что здѣсь мы не достигаемъ своей конечной цѣли, но что всѣ наши стремленія и все наше существо направлены къ иной области. Каково бы ни было наше положеніе, чтó бы мы ни дѣлали, о чемъ бы ни размышляли, говорили, чтó бы ни предпринимали, чтó бы ни пріобрѣтали, чѣмъ бы ни владѣли,—все это представляетъ только какъ бы постепенное восхожденіе по лѣстницѣ, при чемъ мы, поднявшись даже очень высоко, правда, взбираемся все на высшія ступени, однако, самой верхней ступени никогда не находимъ. Вначалѣ человѣкъ—ничто, какъ и отъ вѣчности онъ былъ ничто; только въ утробѣ матери онъ получаетъ начало изъ капли отцовской крови. И такъ, что-же такое человѣкъ первоначально? Какой-то комокъ безформенный и безжизненный; затѣмъ онъ принимаетъ очертанія маленькаго тѣла, но все еще лишенъ чувства и движенія. Впослѣдствіи онъ начинаетъ двигаться и природною силою пробивается на свѣтъ. Мало-по-малу раскрываются зрѣніе, слухъ и прочія чувства. Съ теченіемъ времени у него проявляется внутреннее-

чувство, въ сознаніи, что онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ; затѣмъ проявляется разсудокъ, ощущая различія между предметами; наконецъ, воля, обнаруживая влеченіе къ однимъ предметамъ, отвращаясь отъ другихъ, захватываетъ роль правительницы.

6. Но и въ развитіи каждой изъ этихъ способностей наблюдается строгая постепенность. Такъ, пониманіе окружающаго раскрывается только мало-по-малу подобно тому, какъ изъ глубокаго мрака ночи показывается сіяніе зари. И пока жизнь продолжается, этотъ свѣтъ разумѣнія все болѣе и болѣе усиливается, и такъ до самой смерти (развѣ только кто совершенно отупѣетъ). Наши дѣйствія также сперва бываютъ ограничены, лишены силы, неискусны и чрезвычайно сбивчивы; затѣмъ понемногу вмѣстѣ съ тѣлесными силами развиваются и душевныя наши качества, такъ что въ продолженіе всей жизни (развѣ только кто впалъ въ крайнее оцѣпенѣніе и заживо похоронилъ себя), у насъ не бываетъ недостатка въ предметахъ дѣятельности, планахъ, предпріятіяхъ; и все это въ нашемъ благородномъ духѣ стремится все выше и выше, и все-таки безъ конца. Ибо въ настоящей жизни и нельзя найти предѣла ни желаніямъ, ни предпріятіямъ.

Въ развитіи всѣхъ этихъ способностей сохраняется постепенность, однако безъ предѣла.

7. Куда-бы кто ни обратился, можетъ узнать это на опытѣ. Если кто полюбилъ могущество и богатство, тотъ ничѣмъ не утолитъ своей страсти, хотя-бы обладалъ цѣлымъ міромъ (примѣръ Александра ясно доказываетъ это). Кто сгораетъ честолюбіемъ, тотъ не успокоится, если предъ нимъ будетъ преклоняться весь свѣтъ. Если кто предался удовольствіямъ, то, хотя-бы онъ всѣми своими чувствами утопалъ въ потокѣ наслажденій, все это надоѣстъ ему, и въ погонѣ за наслажденіями онъ будетъ переходить отъ одного удовольствія къ другому. Если кто даже направитъ свой умъ на изученіе мудрости, то и тутъ не достигнетъ предѣла; ибо, чѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ больше пробѣловъ замѣчаетъ въ своихъ знаніяхъ. Справедливо поэтому сказалъ Соломонъ: «не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ» (Экклез. 1, 8).

Это подтверждаетъ весь опытъ.

Даже смерть не прекращаетъ нашей дѣятельности.

8. Примѣры умирающихъ показываютъ, что даже смерть не есть послѣднiй предѣлъ дѣлъ человѣка. Тѣ, которые провели эту жизнь праведно, радуются предстоящему вступленiю въ лучшую жизнь; напротивъ, тѣ, которые всецѣло привязались къ настоящей жизни, видя, что ее надо покинуть и переселиться въ иную страну, начинаютъ трепетать и, если еще есть какая-либо возможность, примиряются съ Богомъ и людьми. И какъ бы ни ослабѣло тѣло, надломленное болѣзнями, какъ бы ни помрачились чувства, какъ-бы ни угасла самая жизнь, духъ еще живѣе, чѣмъ когда-либо, совершаетъ свои отправленiя, такъ какъ умирающiй дѣлаетъ распоряженiя относительно себя самого, семейства, наслѣдства и государственныхъ дѣлъ, притомъ распоряженiя благочестивыя, серьезныя и обстоятельныя. Поэтому присутствующему при смерти человѣка благочестиваго и мудраго кажется, что онъ видитъ только, какъ распадается прахъ земной, а слушающему его кажется, что онъ слышитъ ангела, и по необходимости онъ долженъ признать, что передъ нимъ гость, который ищетъ выхода, потому что хижина готова рушиться. Это понимали даже язычники; поэтому Римляне, по словамъ Феста [14]), называли смерть Abitio (отшествiе), а Греки, вмѣсто словъ «погибнуть» и «умереть», часто употребляли слово οἴχεσθαι, что значитъ «уходить», конечно, только вслѣдствiе сознанiя, что путемъ смерти совершается переходъ въ другое мѣсто.

Примѣръ Христа-человѣка научаетъ, что люди предназначены къ вѣчности.

9. Еще очевиднѣе стало это для насъ—Христiанъ, послѣ того какъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, посланный съ неба для возстановленiя въ насъ утраченнаго нами Образа Божiя, показалъ то-же собственнымъ примѣромъ. Ибо, бывъ зачатъ и явившись на свѣтъ чрезъ рожденiе, онъ жилъ среди людей; затѣмъ, умерши, воскресъ и вознесся на небо, и смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. А Онъ называется и дѣйствительно есть Предтеча Нашъ (Евр. 6, 20), Первородный между братьями (Римл. 8, 2), Глава своихъ членовъ (Ефес. 1, 22), Первообразъ всѣхъ, которымъ предопредѣлено быть подобными Образу Божiю (Римл. 8, 29). Поэтому, какъ Самъ Онъ былъ здѣсь не для того, чтобы только быть, но чтобы, свершивъ путь, перейти въ вѣч-

ныя обители; такъ и намъ, Его сопричастникамъ, нельзя здѣсь оставаться, а назначено переселиться въ иное мѣсто.

10. И такъ, каждому изъ насъ назначена троякая жизнь и троякое пристанище: утроба матери, земля и небо. Переходъ изъ перваго во второе совершается чрезъ рожденіе, и изъ втораго въ третье—чрезъ смерть и воскресеніе, изъ третьяго-же—перехода нѣтъ никуда во вѣки. Въ первомъ пристанищѣ мы получаемъ только жизнь съ зачатками движенія и чувства; во второмъ—жизнь, движеніе и чувство съ зачатками разсудка, въ третьемъ-же — совершенную полноту всего этого. Троякое пристанище человѣка

11. Первая жизнь служитъ только приготовленіемъ ко второй, вторая—къ третьей, а третья сама въ себѣ заключаетъ цѣль и не имѣетъ конца. Переходъ изъ первой во вторую и изъ второй въ третью тѣсенъ и соединенъ со страданіями: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ намъ приходится сбрасывать съ себя оболочку или покровъ (именно въ первомъ случаѣ дѣтскій послѣдъ, а во второмъ—самое тѣло) подобно тому, какъ цыпленокъ, разбивъ скорлупу, вылупляется изъ яйца. И такъ, первое и второе пристанища подобны мастерскимъ, изъ которыхъ въ первой вырабатывается тѣло для потребностей последующей жизни, а во второй—образуется разумная душа для вѣчной жизни; только третье пристанище дастъ намъ самое совершенство тѣла и души и наслажденіе ими. и троякая жизнь.

12. Такъ Израильтяне (да будетъ позволено и здѣсь примѣнить образъ) родились въ Египтѣ и, удалившись оттуда въ пустыню чрезъ горныя тѣснины и Красное море, строили тамъ себѣ шатры, учились закону, боролись съ разными врагами и тогда только, перейдя Іорданъ, были утверждены наслѣдниками земли Ханаанской, текущей медомъ и молокомъ. Образецъ этого — Израильтяне.

Глава III.

Настоящая жизнь служитъ только приготовленіемъ къ вѣчной жизни.

Свидѣтели этого: 1. По собственному нашему свидѣтельству и по свидѣтельству міра и Божественнаго Писанія, настоящая жизнь (собственно говоря) не есть жизнь, такъ какъ она стремится къ чему-то иному, а только вступленіе въ жизнь истинную, имѣющую всегда продолжаться.

1) Мы сами, 2. Разсматривая самихъ себя, мы видимъ, что все въ насъ развивается постепенно, такъ что каждый предшествующій шагъ пролагаетъ путь для послѣдующаго. Напримѣръ, первоначальная наша жизнь проходитъ въ утробѣ матери, но для чего? для себя самой?—Нисколько, а имѣется въ виду при этомъ только то, чтобы сложилось какъ слѣдуетъ тѣльце въ жилище и орудіе души, для того, чтобы мы удобно пользовались имъ въ послѣдующей жизни, которою мы наслаждаемся на свѣтѣ. Лишь только закончится образованіе тѣла, мы появляемся на свѣтъ, потому что больше ничего не можетъ сдѣлаться изъ насъ въ этой темницѣ. Точно такъже и наша жизнь на свѣтѣ есть только приготовленіе къ вѣчной жизни: именно, душа съ помощью тѣла приготовляетъ себѣ то, что можетъ быть полезно для будущей жизни. Какъ скоро и это достигнуто, мы переселяемся отсюда, такъ какъ здѣсь ничего уже не остается дѣлать. Правда, нѣкоторыхъ похищаетъ смерть неприготовленными, или вѣрнѣе, они являются на свѣтъ уже заранѣе обреченными на гибель; такъ, напримѣръ, при разныхъ несчастныхъ случаяхъ обыкновенно выкидываются изъ утробы даже недоношенные плоды, для того только, чтобы умереть, а не жить. Въ обоихъ случаяхъ это происходитъ, конечно, по пущенію Божію, но не безъ вины самихъ людей.

3. Даже видимый міръ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали его, свидѣтельствуетъ, что онъ сотворенъ только съ одною цѣлью—служить 2) видимый міръ, сотворенный только для того, чтобы служить разсадникомъ, кормильцемъ и школой для людей.

размноженію, пропитанію, совершенствованію	рода человѣческаго.

Ибо, такъ какъ Богу не угодно было создать въ одинъ мигъ всѣхъ людей, какъ это было съ ангелами, а только мужа и жену, причемъ имъ даны были силы и благословеніе размножаться путемъ рожденія, то для послѣдовательнаго размноженія требовалось надлежащее время и для этого было предоставлено нѣсколько тысячелѣтій. А чтобы это время не было запутаннымъ и не проходило неслышно и незамѣтно для людей, Онъ простеръ надъ нами небеса, помѣстивъ въ нихъ солнце, луну и звѣзды и, приведя ихъ въ круговое движеніе, повелѣлъ измѣрять по нимъ часы, дни, мѣсяцы и годы. Съ другой стороны, такъ какъ человѣкъ, какъ тѣлесное существо, нуждался въ мѣстѣ для обитанія, въ пространствѣ для того, чтобы дышать и двигаться, въ пищѣ для увеличенія роста, въ одеждѣ для прикрытія тѣла, то Богъ простеръ подъ нами (внизу вселенной) [15]) прочный полъ—землю, а вокругъ нея разлилъ воздухъ, оросилъ ее водами и повелѣлъ ей произвести многообразныя растенія и животныхъ не ради только необходимости, но и для удовольствія. Далѣе, создавъ человѣка по Своему образу, надѣливъ его разумомъ, Онъ, чтобы не было недостатка также въ пищѣ для ума, распредѣлилъ отдѣльныя творенія по разнообразнымъ видамъ, дабы этотъ видимый міръ предсталъ предъ человѣкомъ, какъ самое свѣтлое зерцало всемогущества, премудрости и благости Божіей, созерцаніе котораго внушало-бы ему благоговѣніе къ Создателю, побуждало къ познанію Его и располагало любить Его, именно благодаря невидимой и сокрытой въ безднѣ вѣчности—прочности, красотѣ и прелести, которыя проглядываютъ всюду сквозь видимое и даютъ себя осязать, видѣть, вкушать. Итакъ, настоящій міръ есть ничто иное, какъ разсадникъ нашъ, кормилецъ нашъ и школа наша. Слѣдовательно,

существуетъ какая-нибудь высшая школа, въ которую мы будемъ переведены по выходѣ изъ классовъ настоящей школы, именно вѣчная академія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ уже разумъ, но еще яснѣе это изъ божественныхъ пророчествъ.

3) Самъ Богъ въ Своемъ словѣ

4. Въ книгѣ Осіи Самъ Богъ свидѣтельствуетъ, что небо—для земли, земля—для пшеницы, вина и елея, а все это для человѣка (Осія 2,21,22) [16]. И такъ, все—ради человѣка, даже самое время. Ибо міру предоставлено будетъ существованіе только до тѣхъ поръ, пока дополнится число избранныхъ (Откров. 6, 11). Какъ только это исполнится, земля и небо исчезнутъ и мѣста для нихъ не найдется (Откров. 20, 7) [17]), ибо явятся новое небо и новая земля, на которыхъ будетъ обитать правда (Откров. 21,1. 2 Петр. 3,23) [18]). Наконецъ, названія, которыя Писаніе даетъ этой жизни, указываютъ на то, что она служитъ только приготовленіемъ къ другой жизни. Такъ оно называетъ настоящую жизнь путемъ, странствованіемъ, вратами, ожиданіемъ, а насъ—странниками, пришельцами, ожидающими «иного града» и притомъ постояннаго (См. Быт. 47,9. Псал. 38,13. Іов. 7,12. Лук. 12,34).

4) Опытъ.

5. Во всемъ этомъ убѣждаетъ и самая дѣйствительность, и наше общее положеніе, открытое взорамъ всѣхъ. Кто изъ всѣхъ родившихся, появившись на свѣтъ, не исчезъ опять, хотя мы и предназначены для вѣчности? И такъ какъ мы избраны для вѣчности, то необходимо слѣдуетъ, что только къ ней и существуетъ переходъ. По этому Христосъ говоритъ: «будьте готовы, ибо въ который часъ не думаете прійдетъ Сынъ Человѣческій» (Матѳ. 24,44). И это-же причина (это мы знаемъ также изъ Писанія), почему Богъ отзываетъ отсюда нѣкоторыхъ даже въ первомъ возрастѣ, именно когда видитъ ихъ уже готовыми, какъ напр. Еноха (Быт. 5, 24. Прем. 4,14), а съ другой стороны, почему Онъ даруетъ долголѣтіе злымъ, не желая, чтобы кто погибъ неприготовленнымъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію (2 Петр. 3,9). Если-же кто продолжаетъ злоупотреблять долготерпѣніемъ Божіимъ, то Богъ повелѣваетъ смерти похитить его.

6. И такъ, на сколько вѣрно то, что пребываніе въ утробѣ матери служитъ приготовленіемъ къ тѣлесной жизни, на столько-же вѣрно и то, что пребываніе въ тѣлѣ служитъ приготовленіемъ къ той жизни, которая послѣдуетъ непосредственно за настоящей и будетъ вѣчно продолжаться. Счастливъ тотъ, кто вынесъ изъ утробы матери хорошо развитые члены; въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто унесетъ отсюда хорошо развитую душу! Заключеніе.

Глава IV.

Приготовленіе къ вѣчности имѣетъ три ступени: самопознаніе (а вмѣстѣ съ тѣмъ и познаніе всего существующаго), управленіе собою и стремленіе къ Богу.

1. И такъ, очевидно, что конечная цѣль человѣка—вѣчное блаженство въ Богѣ; а каковы вспомогательныя и служащія только этой переходной жизни цѣли, видно изъ словъ божественнаго совѣщанія, къ которому Богъ приступилъ, намѣреваясь сотворить человѣка: Сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію Нашему; и да владычествуетъ онъ надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями, и надъ всей землей, и надъ гадами, пресмыкающимися по землѣ (Быт. 1,26). Откуда познаются вспомогательныя цѣли человѣка, подчиненныя той высшей цѣли?

2. Отсюда видно, что человѣкъ поставленъ между видимыми созданіями для того, чтобы быть: Ихъ три, а именно: онъ долженъ: 1) обо всемъ разсуждать, 2) быть господиномъ надъ самимъ собою, 3) быть отрадою Бога.

I. разумнымъ созданіемъ,

II. владыкою прочихъ созданій,

III. подобіемъ и отрадою Своего Создателя.

Эти три цѣли такъ тѣсно связаны между собою, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть отдѣлена отъ другой, потому что на нихъ основывается настоящая и будущая жизнь.

3. Быть разумнымъ созданіемъ значитъ быть созерцателемъ, дающимъ всему наименованіе и обо всемъ разсуждающимъ; значитъ знать и умѣть назвать и понять все, что заключаетъ въ себѣ міръ (какъ видно изъ Быт. 2,19); или, какъ перечисляетъ Соломонъ (Прем. 7,17): Что значить быть разумнымъ созданіемъ?

«познать устройство міра и дѣйствіе стихій, начало, конецъ и средину временъ, смѣны поворотовъ и перемѣны временъ, круги годовъ и положеніе звѣздъ, природу животныхъ и свойства звѣрей, стремленія вѣтровъ и мысли людей, различія растеній и силы корней—словомъ: все сокровенное и явное. Сюда-же относится и знаніе ремеслъ, а также искусство вести бесѣду, чтобы (какъ говоритъ Сынъ Сираховъ) не быть неразумнымъ ни въ чемъ—ни въ маломъ, ни въ большомъ (Прем. 5,18). Ибо въ такомъ только случаѣ человѣкъ и будетъ въ состояніи на самомъ дѣлѣ сохранять за собою названіе разумнаго животнаго, если онъ будетъ знать взаимныя отношенія всѣхъ предметовъ между собою.

Что значить быть владыкою созданій?

4. Быть владыкою созданій значитъ направлять все къ законнымъ цѣлямъ и употреблять въ свою пользу, значитъ, всюду среди созданій поступая по царски, т. е. съ полнымъ достоинствомъ и съ видомъ священной особы (признавая конечно, что выше себя должно почитать одного только Творца, ангеловъ-же, своихъ сослужителей, признавая равными себѣ, а всѣ прочія созданія—стоящими далеко ниже себя), охранять предоставленное себѣ достоинство, т. е. не дѣлаться рабомъ ни одного созданія, ни даже собственной плоти, а всѣми свободно пользоваться для своихъ услугъ, т. е. хорошо знать, гдѣ, когда, какъ и насколько каждую вещь можно примѣнить къ чему-нибудь,—гдѣ, когда, какъ и насколько уступить плотской немощи,—гдѣ, когда, какъ и въ какой мѣрѣ услужить своему ближнему, словомъ: умѣть благоразумно управлять внѣшними и внутренними движеніями и дѣйствіями какъ своими, такъ и чужими.

Что значить быть подобіемъ Божіимъ?

5. Наконецъ, быть подобіемъ Божіимъ значитъ проявлять въ своей жизни совершенство своего Первообраза, какъ Самъ Богъ говоритъ: святы будьте, потому что святъ Я, Господь, Богъ вашъ (Лев. 19,2).

Эти три требованія распадаются на: I) образованіе, II) добродѣтель, III) благочестіе.

6. Отсюда слѣдуетъ, что отъ человѣка требуется собственно слѣдующее: 1) чтобы онъ все зналъ, 2) имѣлъ власть надъ окружающимъ его міромъ и надъ самимъ собою и 3) относилъ себя и все окружающее къ Богу,

какъ источнику всего. Если выразить это общепонятными словами, то это будутъ:

1) *Образованіе*,

2) *добродѣтель*, или *добронравіе*,

3) *религіозность*, или *благочестіе*.

Подъ словомъ «образованіе» мы понимаемъ всю совокупность знаній объ окружающемъ, искусствахъ и языкахъ, подъ словомъ «добронравіе» не внѣшнюю только вѣжливость, но весь внутренній и внѣшній строй душевныхъ движеній, а подъ словомъ «религіозность» то внутреннее благоговѣніе, вслѣдствіе котораго душа человѣка сознательно вступаетъ въ тѣсную связь съ Верховнымъ Существомъ.

Удовлетвореніе этихъ трехъ требованій составляетъ все содержаніе настоящей жизни: все остальное побочное дѣло.

7. Въ этихъ трехъ требованіяхъ и заключается все превосходство человѣка, потому что они — единственное основаніе настоящей и будущей жизни; остальное (здоровье, сила, красота, богатство, почетъ, дружескія связи, удачи въ дѣлахъ, долговѣчность) составляетъ только придатокъ и внѣшнія украшенія жизни, кому посылаетъ ихъ Богъ, или-же лишнее тщеславіе, безполезное бремя и вредныя препятствія, если кто самъ страстно гонится за ними и, пренебрегши тѣми главными потребностями, обременяетъ себя ими.

Это поясняется примѣромъ 1) часовъ,

8. Поясню это примѣрами. Часы (солнечные или самодвижущіеся) красивый и весьма необходимый приборъ для измѣренія времени. Сущность ихъ исчерпывается искусной соразмѣрностью всѣхъ его частей; футляръ-же, накладываемый поверхъ механизма, рѣзьба, рисунки, позолота—это придатки, которые придаютъ нѣчто внѣшнему виду часовъ, но нисколько не увеличиваютъ ихъ пригодности. Если бы кто предпочелъ имѣть приборъ такого рода, отличающійся болѣе красотою, чѣмъ пригодностью, тотъ былъ бы осмѣянъ за свое ребячество, какъ человѣкъ, не обращающій вниманія на то, что преимущественно полезно. Такъ достоинство лошади ея сила, соединенная съ гордостью, подвижностью и быстротою поворотовъ по первому знаку всадника, а развѣвающійся или заплетенный узлами хвостъ, расчесанная и вздымающаяся кверху грива, позолоченная узда, фригійская (вышитая) попона и всякія бляшки на лбу и на груди, правда, придаютъ много красы, однако

2) лошади,

мы имѣли бы право объявить глупцомъ того, кто вздумалъ бы по нимъ опредѣлять преимущество лошади. Наконецъ, хоро-
3) здоровья шее состояніе нашего здоровья зависитъ отъ правильнаго пищеваренія и отъ хорошаго внутренняго состоянія, а мягкая постель, блестящія одежды, вкусныя кушанья не только ни мало не содѣйствуютъ улучшенію здоровья, но даже подрываютъ его. Поэтому глупо поступаетъ тотъ, кто болѣе заботится о пріятномъ, чѣмъ о полезномъ для здоровья. Но несомнѣнно гибельнѣе глупость того, кто, стремясь быть «человѣкомъ», обращаетъ больше вниманія на украшенія человѣка, чѣмъ на сущность его. Поэтому Премудрый называетъ глупыми и нечестивыми тѣхъ, которые считаютъ жизнь нашу забавою или прибыльною торговлею, говоря, что такіе лишены и одобренія Божія, и благословенія Его (Прем. Сол. 15, 12 и 19).

Заключение. 9. И такъ, пусть остается въ силѣ положеніе: сколько труда тратится на пріобрѣтеніе образованія, добродѣтели и благочестія, на столько мы подвигаемся и къ конечной цѣли. Поэтому образованіе, добродѣтель и благочестіе и должны быть настоящимъ дѣломъ нашей жизни, все-же остальное—побочное дѣло, препоны ему или прикрасы.

Глава V.

Сѣмена знанія, добродѣтелей и религіознаго чувства присущи намъ отъ природы.

По природѣ человѣкъ вначалѣ былъ добръ, и до этого состоянія (изъ состоянія порчи) мы и должны быть снова доведены.

1. Подъ природою мы разумѣемъ здѣсь не ту порчу, которая послѣ паденія пристала ко всѣмъ (за что мы и называемся «сынами гнѣва по природѣ», будучи неспособны сами по себѣ придумать что нибудь доброе), но то первоначальное и основное наше состояніе, къ которому, какъ къ началу, мы должны быть возвращены. Въ этомъ смыслѣ и Людовикъ Вивесъ [19]) сказалъ: «Что такое христіанинъ, какъ не человѣкъ, возвратившійся къ своему естественному состоянію и, такъ сказать, возстановлен-

ный въ правахъ происхожденія, которыхъ лишилъ его діаволъ. («Сочиненіе о согласіи и раздорѣ»). Въ этомъ-же смыслѣ можно принять и слова Сенеки [20]): «Мудрость—это обращеніе къ природѣ и возстановленіе того положенія, изъ котораго насъ насильно вывело общее заблужденіе» (т.е. заблужденіе человѣческаго рода, допущенное прародителями); а также слѣдующія слова: «человѣкъ не добродѣтеленъ, но его можно сдѣлать добрымъ, чтобы онъ, помня о своемъ происхожденіи, стремился уподобиться Богу. Всякій по праву пытается подняться на ту высоту, съ которой онъ спустился» (Письмо 93) [21]).

И притомъ дѣйствіемъ вѣчнаго Провидѣнія, возстановляющаго падшее.

2. Подъ словомъ «природа» мы разумѣемъ также всеобъемлющій промыслъ Божій, или непрерывное вліяніе Божественной благости, съ цѣлью произвести все во всѣхъ предметахъ, т.е. содѣйствовать каждому творенію въ исполненіи его назначенія. Ибо Божественной Премудрости свойственно было ничего не дѣлать напрасно, т.е. безъ какой-либо цѣли, или не давши средствъ къ достиженію этой цѣли. Слѣдовательно, все существующее имѣетъ какую-либо цѣль и для достиженія этой цѣли снабжено всѣми необходимыми орудіями и вспомогательными средствами и даже нѣкоторымъ стремленіемъ къ цѣли, такъ что всякое твореніе направляется къ своей цѣли не по принужденію и сопротивляясь, а, напротивъ, съ готовностью и удовольствіемъ, слѣдуя уже природному инстинкту, и всякая задержка причиняетъ ему страданіе и даже смерть. И такъ несомнѣнно, что человѣкъ съ самаго рожденія способенъ къ познанію вещей, къ нравственной гармоніи, къ любви къ Богу выше всего (ибо, какъ мы видѣли, въ этомъ и состоитъ его назначеніе) и что корни этихъ трехъ способностей такъ-же несомнѣнно находятся въ немъ, какъ несомнѣнно то, что у каждаго дерева есть свои корни.

I. Премудрость насадила въ человѣкѣ вѣчные корни,

3. Но чтобы яснѣе было, что̀ означаетъ изреченіе Сына Сирахова: «Премудрость утвердила себѣ среди людей вѣчное основаніе» (Прем. І. С. Сирах. 1, 15), разсмотримъ, какія основы мудрости, добродѣтелей и религіозности поло-

жены въ насъ, дабы видѣть, какое дивное орудіе мудрости представляетъ собою человѣкъ.

дѣлая его способнымъ къ пріобрѣтенію знанія вещей. Это очевидно изъ того, что она создала его 1) по своему образу,

4. Что всякій человѣкъ рождается способнымъ къ пріобрѣтенію знанія вещей, это очевидно изъ того, что онъ, во-первыхъ, есть образъ Божій; а если образъ точенъ, то онъ необходимо воспроизводитъ черты своего первообраза, иначе это не будетъ образъ. А такъ какъ между прочими свойствами Божіими особенно выдается всевѣдѣніе, то нѣкоторое подобіе его необходимо должно отразиться и въ человѣкѣ. И почему бы не такъ? Вѣдь человѣкъ стоитъ посреди дѣлъ Божіихъ, обладая свѣтлымъ умомъ, похожимъ на шарообразное зеркало, повѣшенное въ комнатѣ и воспринимающее образы всѣхъ предметовъ; повторяю: всѣхъ кругомъ. Ибо умъ нашъ не только схватываетъ ближайшіе предметы, но и приближаетъ къ себѣ отдаленные (по мѣсту или времени), поднимается въ высь, изслѣдуетъ тайное, раскрываетъ сокрытое, старается постигнуть даже недоступное изслѣдованію,—до такой степени онъ есть нѣчто безконечное и безграничное. Предоставьте человѣку хоть тысячу лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ могъ бы постигать одно за другимъ, постоянно научаясь чему-нибудь новому,—онъ всегда будетъ воспринимать: умъ человѣческій обладаетъ такою ненасытною воспріимчивостью, что въ дѣлѣ познанія представляется какъ бы бездной. Наше тѣльце имѣетъ очень незначительные размѣры; голосъ нашъ распространяется немногимъ дальше; зрѣніе ограничиваетъ высота неба. За то духу нашему нельзя положить предѣла—ни на небѣ, ни внѣ его: онъ такъ же высоко поднимается надъ небесами, какъ глубоко проникаетъ въ бездну, и хотя и небо, и преисподняя въ тысячу разъ обширнѣе его, онъ однако проникаетъ въ нихъ съ невѣроятною быстротою. Станемъ-ли мы послѣ этого отрицать, что ему все доступно, что онъ въ состояніи все вмѣстить въ себѣ?

2) сдѣлавъ его сжатымъ содержаніемъ міра,

5. Философы назвали человѣка микрокосмомъ (малымъ міромъ), сжатымъ содержаніемъ міра, такъ какъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ въ неразвитомъ состояніи все, что мы видимъ въ большомъ мірѣ развившимся въ ширь и въ длину; а что это такъ, доказывается въ другомъ мѣстѣ. Поэтому умъ

человѣка, вступающаго въ міръ, весьма удобно сравнить съ сѣменемъ или ядромъ плода: хотя оно съ виду и не представляетъ собою въ дѣйствительности ни травы, ни дерева, тѣмъ не менѣе и трава, и дерево на самомъ дѣлѣ содержатся въ нихъ, какъ это обнаруживается, когда брошенное въ землю зерно пускаетъ подъ собой маленькіе корни, а надъ собой—стебельки, которые потомъ, по прирожденной имъ силѣ, раздѣляются на сучья и вѣтки, покрываются листьями и украшаются цвѣтами и плодами. И такъ, **человѣку ничего не надо заимствовать извнѣ, а требуется только, чтобы то, что находится въ немъ въ неразвитомъ состояніи, развернулось, распустилось и явилось тѣмъ, чѣмъ оно должно быть.** Поэтому Пиѳагоръ, какъ намъ извѣстно, обыкновенно говорилъ, что человѣку такъ естественно все знать, что семилѣтній мальчикъ могъ бы вѣрно отвѣчать на всевозможные философскіе вопросы, если бы ихъ разумно предлагали ему, такъ какъ свѣтъ разума одинъ служитъ достаточной формой и мѣриломъ всѣхъ вещей, съ тѣмъ ограниченіемъ, что теперь, послѣ паденія, разумъ нашъ, самъ себя помрачая и запутывая, своими силами не можетъ выпутаться изъ этого положенія, а тѣ, которые должны были бы освободить его, еще болѣе запутываютъ его.

6. **Кромѣ того, разумной душѣ, обитающей въ насъ, даны органы и какъ бы лазутчики и развѣдчики, чрезъ которыхъ она изслѣдуетъ все, что внѣ ея,** именно: **зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе,** такъ что ни одно изъ существующихъ гдѣ-нибудь созданій не можетъ укрыться отъ нея. И такъ какъ видимый міръ ничего не содержитъ въ себѣ такого, чего нельзя было бы видѣть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать, и такимъ образомъ распознавать сущность его и свойства; то изъ этого слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего такого, чего не могъ бы постигнуть человѣкъ, одаренный чувствами и разумомъ 3) вооруживъ его чувствами,

7. **Человѣку врождена также жажда знанія и не только выносливость въ трудахъ, но и расположеніе къ нимъ.** Это обнаруживается уже въ первую пору дѣтства и сопровождаетъ насъ цѣлую жизнь. Кто изъ насъ не стремится 4) возбудивъ въ немъ жажду знанія.

постоянно слышать, видѣть или дѣлать что-нибудь новое? Для кого не составляетъ удовольствія ежедневно пойти куда-нибудь, побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, спросить или съ своей стороны разсказать о чемъ-нибудь? Такъ совершенно и бываетъ: глаза, уши, осязаніе, самый умъ, постоянно ища для себя пищи, направляются на внѣшніе предметы, и для живой натуры нѣтъ ничего несноснѣе, какъ праздность и бездѣйствіе. И если даже необразованные люди удивляются ученымъ, то не служитъ-ли это признакомъ того, что они чувствуютъ привлекательность какого-то естественнаго стремленія? Они и сами были бы не прочь насладиться ею, если бы могли надѣяться, что это возможно; но такъ какъ они не питаютъ такой надежды, то только вздыхаютъ и съ уваженіемъ смотрятъ на тѣхъ, кого видятъ выше себя (стоящими).

Поэтому многіе, руководясь только собственнымъ опытомъ, доходятъ до разнообразныхъ познаній.

8. Примѣры самоучекъ самымъ нагляднымъ образомъ показываютъ, что человѣкъ подъ руководствомъ природы можетъ во все проникнуть. Ибо нѣкоторые, учась сами, или (какъ говоритъ Бернгардъ) [22]), взявъ себѣ въ наставники дубы и буки (т. е. гуляя по лѣсамъ и размышляя), достигли бо̀льшихъ успѣховъ, чѣмъ иные путемъ многотруднаго обученія чрезъ наставниковъ. Не показываетъ-ли это, что у самого человѣка дѣйствительно всѣ средства на лицо: и лампа, и свѣтильня [23]), и масло, и огниво со всѣмъ приборомъ; съумѣй только онъ высѣчь искру, подхватить ее и зажечь свѣтильню, и онъ тотчасъ увидѣлъ бы чудныя сокровища премудрости Божіей какъ въ себѣ самомъ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ (какъ все распредѣлено по числу, мѣрѣ и вѣсу): очаровательнѣйшее зрѣлище! Нынѣ-же, когда не возжигается въ человѣкѣ внутренній свѣтъ, а только вокругъ него извнѣ носятся свѣтильники чужихъ мнѣній, иначе и не можетъ быть, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Это именно похоже на то, какъ если бы кого-либо заключили въ мрачную тюрьму и стали бы носить вокругъ нея факелы: лучи отъ нихъ, конечно, прокрадывались бы въ тюрьму сквозь щели, но полный свѣтъ не могъ бы проникнуть туда. Такъ оправдываются слова Сенеки: «сѣмена всѣхъ наукъ посѣяны въ насъ, и Богъ, какъ учитель, только выводитъ дарованія изъ ихъ тайника».

9. Тоже показываютъ и предметы, которымъ уподобляется нашъ духъ. Земля (съ которою часто св. Писаніе сравниваетъ наше сердце) развѣ не принимаетъ въ себя сѣмена всякаго рода? И одинъ и тотъ-же садъ развѣ нельзя засѣять всякаго рода травами, цвѣтами и благовонными растеніями, если только, конечно, у садовника достанетъ умѣнья и усердія? И чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ для глазъ веселѣе видъ, для носа пріятнѣе запахъ, и тѣмъ сильнѣе оживленіе сердца. Аристотель сравнилъ человѣческую душу съ гладкой доской (tabula rasa) [24], на которой ничего еще не написано, но можно писать все. Слѣдовательно, какъ на чистой доскѣ свѣдущій въ своемъ искусствѣ писецъ можетъ написать, а художникъ нарисовать, что угодно, такъ и въ человѣческомъ духѣ легко запечатлѣть все тому, кто хорошо знакомъ съ искусствомъ учить. Если-же этого не бываетъ, то вѣрнѣе вѣрнаго, что это случается не по винѣ доски (развѣ что она нѣсколько шероховата), а по неумѣнью писца или художника. Разница только въ томъ, что на письменной доскѣ можно проводить линіи не дальше того, на сколько позволятъ ея края; тогда какъ въ умѣ человѣческомъ—пиши и рисуй сколько угодно, и все-таки никогда не дойдешь до конца, потому что духъ нашъ (какъ раньше указано) безпредѣленъ!

Умъ нашъ можно сравнить 1) съ землею, 2) съ садомъ, 3) съ гладкой письменной доской,

10. Удачно также сравниваютъ нашъ мозгъ, мастерскую мыслей, съ воскомъ, къ которому прикладывается печать и изъ котораго лѣпятъ фигурки. Ибо какъ изъ воска, принимающаго всякія формы, можно лѣпить всевозможныя фигуры и передѣлывать ихъ въ новыя, такъ и мозгъ, воспринимая образы всѣхъ предметовъ, вмѣщаетъ въ себѣ такимъ образомъ все, что содержитъ весь міръ [25]). Это вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно объясняетъ, что̀ такое мысль и что̀ такое наше знаніе. Все, что затрогиваетъ мое зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ или осязаніе, представляется мнѣ какъ бы печатью, которою напечатлѣвается въ мозгу образъ предмета, притомъ такъ прочно, что этотъ образъ остается во мнѣ даже послѣ того, какъ самый предметъ удаленъ отъ глазъ, ушей, носа, руки, и можетъ изгладиться только въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе недостаточнаго вниманія съ нашей стороны впечатлѣніе не

4) съ воскомъ, на которомъ въ безконечномъ количествѣ отпечатываются изображеньица.

успѣло укрѣпиться. Напримѣръ, если я посмотрѣлъ на кого-либо или поговорилъ съ нимъ; если я, проѣзжая гдѣ-нибудь, замѣтилъ гору, или рѣку, поле, лѣсъ, городъ и т. п.; если я хоть разъ слышалъ удары грома, музыку, какіе-либо разговоры; если я внимательно прочиталъ что-нибудь у писателя,— то все это запечатлѣвается въ мозгу, такъ что всякій разъ, какъ приходится вспомнить объ нихъ, происходитъ тоже самое, какъ если бы и теперь эти предметы стояли предъ моими глазами, звучали въ ушахъ, какъ если бы я вкушалъ или прикасался къ нимъ рукою. И хотя одинъ мозгъ точнѣе воспринимаетъ эти впечатлѣнія, или яснѣе воспроизводитъ ихъ, или тверже удерживаетъ, нежели другой мозгъ; однако каждый мозгъ способенъ хоть въ нѣкоторой степени и воспринимать, и воспроизводить, и сохранять впечатлѣнія.

Воспріимчивость нашего ума есть чудо Божіе.

11. И въ этомъ мы имѣемъ чудное отраженіе Премудрости Божіей, которая могла предусмотрѣть то, чтобы эта, совсѣмъ уже незначительная, масса мозга была достаточна для воспріятія столькихъ милліоновъ образовъ. Ибо все, что каждый изъ насъ (особенно изъ образованныхъ) въ теченіе столькихъ лѣтъ видѣлъ, слышалъ, вкушалъ, читалъ, пріобрѣлъ путемъ опыта или умозаключенія, и о чемъ, сообразно обстоятельствамъ, можетъ вспоминать,—все это мы носимъ въ мозгу, т. е. образы предметовъ, которые мы давно когда-то видѣли и о которыхъ слышали или читали и пр., и которые возникаютъ тысячами, даже милліонами и число которыхъ умножается какъ бы до безконечности отъ того, что ежедневно мы видимъ что-нибудь новое, слышимъ, читаемъ, изслѣдуемъ, всѣ тѣмъ не менѣе вмѣщаются въ мозгу! Какая это непостижимая Премудрость всемогущества Божія! Соломонъ удивляется, что всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется (Экклез. 1,7): кто-же можетъ не удивляться этой безднѣ нашей памяти, которая все поглощаетъ и все возвращаетъ, однако никогда не наполняется и не истощается? Такимъ образомъ духъ нашъ на самомъ дѣлѣ больше міра въ той мѣрѣ, въ какой содержащее необходимо бываетъ больше своего содержимаго.

Нашъ умъ есть зеркало.

12. Наконецъ, глазъ или зеркало очень хорошо напоминаютъ нашъ умъ; что̀ бы вы ни поставили передъ ними,

какой бы формы и цвѣта это ни было, въ нихъ тотчасъ является совершенно сходное съ предметомъ изображеніе, исключая только случая, когда предметъ помѣщенъ въ темнотѣ, или сзади, или слишкомъ далеко, т. е. на большемъ, чѣмъ слѣдуетъ, разстояніи, или если наблюдатель своимъ безпокойствомъ остановитъ или нарушитъ впечатлѣніе, — въ такомъ случаѣ, оно, конечно, не удастся. Но я говорю о томъ, что обыкновенно происходитъ при освѣщеніи и удобномъ приближеніи предмета. Поэтому, какъ глазъ не надо заставлять, чтобы онъ открывался и смотрѣлъ, ибо онъ (по природѣ чувствуя потребность въ свѣтѣ) самъ по себѣ находитъ удовольствіе въ созерцаніи, способенъ все воспринимать (лишь бы только не подавляли его чрезмѣрнымъ количествомъ одновременно воспринимаемыхъ предметовъ наблюденія) и никогда не можетъ насытиться созерцаніемъ; точно такъ и умъ нашъ жаждетъ предметовъ познанія, самъ всегда открытъ для нихъ, самъ стремится наблюдать, самъ воспринимаетъ, даже схватываетъ все неустанно повсюду, — лишь бы только его сразу не подавляли множествомъ предметовъ наблюденія, а предлагали ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, т. е. одинъ за другимъ.

13. Что гармонія нравовъ естественна для человѣка, это замѣтили уже язычники; но, не вѣдая другаго свѣта, нисходящаго свыше отъ Бога, и болѣе вѣрнаго руководителя къ вѣчной жизни, они (впрочемъ, безуспѣшно) принимали эти искорки за свѣтильники для себя. Такъ Цицеронъ говоритъ: «Нашему духу врождены сѣмена добродѣтелей и, если бы имъ представилась возможность выростн, то природа сама привела бы насъ къ блаженной жизни (это ужъ слишкомъ!) Нынѣ-же, едва явившись на свѣтъ и признанные членами семьи[26]), мы тотчасъ живемъ посреди всякой испорченности, такъ что, повидимому, почти съ молокомъ кормилицы всасываемъ въ себя заблужденія (Тускул. разсужд. III, 1). А что это такъ, т. е. что нѣкоторыя сѣмена добродѣтели являются вмѣстѣ съ человѣкомъ, это можно заключить по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, изъ того, что всякій человѣкъ наслаждается гармоніей, а во-вто-

II. Корень нравственности въ человѣкѣ—гармонія,

рыхъ, изъ того, что и самъ онъ, какъ внутри, такъ и извнѣ, есть не что иное, какъ гармонія.

1) которою онъ повсюду наслаждается, именно во всемъ, что можно видѣть,

14. Что человѣкъ наслаждается гармоніей и жадно ищетъ ея, это очевидно. Кто не приходитъ въ восхищеніе при видѣ красиваго человѣка, статной лошади, прекрасной статуи, прелестной картины? Отъ чего же это происходитъ, какъ не отъ того, что соразмѣрность частей и правильное сочетаніе красокъ возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство? Очень естественно, что это привлекательно для глазъ. Спрашиваю также, кого не трогаетъ музыка? А почему? Конечно потому, что гармоническое сочетаніе тоновъ производитъ пріятное созвучіе. Кому не вкусны хорошо приготовленныя кушанья? И это, конечно, потому, что правильное соединеніе вкусовыхъ веществъ пріятно щекочетъ нёбо. Всякому пріятны умѣренное тепло, умѣренная прохлада, правильное положеніе и движеніе членовъ тѣла. Отъ чего же это, какъ не отъ того, что все умѣренное пріятно и полезно для нашей природы, а все лишенное мѣры враждебно и пагубно для нея? Да и самыя добродѣтели въ другихъ мы цѣнимъ (ибо даже лишенные добродѣтелей удивляются добродѣтелямъ другихъ, хотя и не подражаютъ имъ, думая, что имъ невозможно преодолѣть дурные навыки): почему бы, слѣдовательно, каждый не могъ бы цѣнить ихъ въ себѣ самомъ? О, какъ мы слѣпы, если не признаемъ, что корни всякой гармоніи въ насъ самихъ!

слышать, вкушать, осязать,

2) и которую онъ открываетъ и въ себѣ самомъ,

15. Но и самъ человѣкъ относительно какъ тѣла, такъ и души, есть не что иное, какъ гармонія. И какъ самъ внѣшній міръ представляетъ собою какъ бы огромные часы, состоящіе изъ множества колесъ и литавръ, такъ искусно соединенныхъ между собою, что для непрерывности и гармоніи движеній вездѣ одна часть непосредственно примыкаетъ къ другой; такъ и человѣкъ. Ибо что касается его тѣла, устроеннаго съ удивительнымъ искусствомъ, то здѣсь, во-первыхъ, есть подвижная часть — сердце, источникъ жизни и дѣйствій, отъ котораго прочія части получаютъ и движенія, и самую мѣру движенія; гиря же, производящая движеніе, это мозгъ, который съ помощью жилъ, замѣняющихъ шнурки,

какъ относительно тѣла,

притягиваетъ и отпускаетъ назадъ прочія колеса (члены). Разнообразіе же внутреннихъ и внѣшнихъ отправленій соотвѣтствуетъ именно вышеупомянутому соразмѣренному отношенію движеній (въ часахъ).

16. Такимъ-же образомъ въ душевныхъ движеніяхъ главнымъ колесомъ служитъ воля; гири, приводящія ее въ движеніе, это желанія и страсти, склоняющія волю то на ту, то на другую сторону; запорка, то открывающая, то замыкающая ходъ, это разумъ, который взвѣшиваетъ и опредѣляетъ, къ чему, гдѣ и насколько надо стремиться и чего избѣгать. Прочія душевныя движенія суть какъ бы меньшія колеса, которыя слѣдуютъ за движеніемъ главнаго колеса. Поэтому, если желаніямъ и страстямъ не дается чрезмѣрной силы, и запорка, т. е. разумъ, правильно то сдерживаетъ ихъ, то даетъ имъ свободу, то необходимымъ слѣдствіемъ является гармоническое созвучіе добродѣтелей, т. е. совершенно правильное соотношеніе дѣятельныхъ и страдательныхъ душевныхъ состояній. — такъ и относительно души.

17. Вотъ, слѣдовательно, и на самомъ дѣлѣ человѣкъ въ себѣ самомъ есть не иное что, какъ гармонія. Поэтому, какъ объ часахъ или музыкальномъ инструментѣ, произведеніи опытнаго мастера, если въ нихъ что-нибудь испортилось и производитъ диссонансъ, мы не говоримъ сейчасъже, что они никуда больше негодны (вѣдь ихъ можно передѣлать или исправить): такъ и относительно человѣка, какъ онъ ни развращенъ вслѣдствіе грѣхопаденія, надо думать, что по благодати Божіей онъ имѣетъ вѣрныя средства къ возстановленію себя. — Нарушенная гармонія можетъ быть возстановлена.

18. Что корни религіозности присущи человѣку отъ природы, доказывается тѣмъ, что онъ есть образъ Божій, образъ-же приноситъ сходство, а это есть неизмѣнный законъ всѣхъ вещей, что подобное радуется подобному (Прем. Сир. 13, 19). А такъ какъ человѣкъ не имѣетъ ни одного подобнаго себѣ существа, кромѣ Того, по образу Котораго онъ созданъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни къ чему больше онъ и не можетъ направлять своихъ желаній, какъ только къ тому первоисточнику, изъ котораго онъ беретъ начало, лишь бы только онъ достаточно точно его позналъ. — III. Доказательствомъ того, что корни религіозности присущи человѣку, служитъ 1) свойство образа,

2) врожденное всѣмъ чувство благоговѣнія предъ божествомъ,

19. Это видно также изъ примѣра язычниковъ: не будучи просвѣщены словомъ Божіимъ и руководимые только тайнымъ природнымъ инстинктомъ, они и познавали божество, и чтили его, и молились ему, хотя и заблуждались относительно числа боговъ и способа служенія имъ. «Всѣ люди имѣютъ понятіе о богахъ и всѣ назначаютъ высшее мѣсто какой-то божественной волѣ», пишетъ Аристотель въ сочиненіи «О небѣ» въ главѣ 3. А Сенека говоритъ: «Первая ступень богопочитанія есть вѣра въ боговъ, вторая—признаніе за ними присущаго имъ величія, а также благости, безъ которой нѣтъ величія; далѣе—признаніе, что они-то и владычествуютъ надъ міромъ, управляютъ всѣмъ, какъ своею собственностью, и имѣютъ попеченіе о родѣ человѣческомъ» (Письмо 96). Какъ мало отличается это отъ словъ Апостола: «Надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и ищущимъ Его воздаетъ (Евр. 11, 6).

3) стремленіе къ высшему благу (а это есть Богъ),

20. Платонъ-же говоритъ такъ: «Богъ есть высшее благо; Онъ выше всякой сущности и всякой природы; все стремится къ нему» (въ діалогѣ «Тимей»)(?). И это (т. е. что Богъ есть высшее благо, къ которому все стремится) до такой степени вѣрно, что Цицеронъ говоритъ: «первая наша учительница благочестія сама природа («О природѣ боговъ», I) [27]), именно потому, что мы [какъ пишетъ Лактанцій [28]), IV кн., 28 гл.] рождаемся съ тѣмъ условіемъ, чтобы мы оказывали справедливое и должное послушаніе производящему насъ Богу, Его одного знали и Ему одному слѣдовали. Этими узами благочестія мы тѣсно связаны съ Богомъ; отсюда и самая религія получила свое названіе («связь»).

не вполнѣ угасшее даже послѣ паденія человѣческаго рода.

21. Правда, необходимо признать, что это естественное стремленіе къ Богу, какъ къ высшему благу, извращено грѣхопаденіемъ и превратилось въ какое-то круженіе, не имѣющее силъ само по себѣ обратиться въ прямолинейное движеніе; однако въ тѣхъ, которыхъ Богъ снова просвѣщаетъ Своимъ Словомъ. и Духомъ, это стремленіе принимаетъ такую силу, что у Давида вырывается восклицаніе: «Кто мнѣ на небѣ

кромѣ Тебя? и съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: Богъ—твердыня сердца моего и часть моя во вѣки» (Псал. 72, ст. 25 и 26).

22. И такъ, въ то время какъ мы приступаемъ къ совѣщанію о средствахъ противъ испорченности, пусть никто не указываетъ, какъ на препятствіе, на эту испорченность, потому что Самъ Богъ хочетъ уничтожить ее силою Своего Духа, при содѣйствіи правильно избранныхъ для этого средствъ. Подобно тому, какъ Навуходоносору, хотя у него былъ отнятъ человѣческій смыслъ и дано было сердце звѣриное, все-таки была оставлена надежда возвратить себѣ умъ человѣческій и даже царское достоинство, коль скоро онъ признаетъ власть небесную (Даніил. 4, ст. 23); такъ и намъ, вырубленнымъ изъ рая Божія деревьямъ, были оставлены корни, которые, орошаемые дождемъ и согрѣваемые солнцемъ милости Божіей, могутъ снова пустить ростки. Развѣ не насадилъ Богъ тотчасъ послѣ паденія и объявленнаго истребленія (наказанія смертію) въ сердцахъ людей вѣтки новой милости (обѣщаніемъ благословеннаго сѣмени)? Развѣ не послалъ Онъ Сына, чтобы чрезъ Него возстановить падшій родъ человѣческій?

Слѣдовательно, безнравственно выискивать предлоги къ устраненію заботъ о благочестіи.

23. Постыдно и безбожно и служитъ очевиднымъ знакомъ нашей неблагодарности—постоянно толковать о порчѣ, умалчивая объ возрожденіи, и не стараться испытать, что́ въ насъ можетъ оправдать ветхій Адамъ и какую силу имѣетъ новый Адамъ—Христосъ. По крайней мѣрѣ, Апостолъ и отъ себя, и отъ имени возрожденныхъ говоритъ: «все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ (1 Филип. 4,13). Если возможно, чтобы черенокъ, привитый къ ивѣ, терновнику или къ любому лѣсному дереву, пустилъ ростки и приносилъ плодъ, то почему бы это было невозможно, если черенокъ привитъ къ самому корню? Смотри доказательства, приводимыя Апостоломъ (Римл. 11,24). Притомъ, если Богъ можетъ и изъ камней воздвигнуть дѣтей Аврааму (Матѳ. 3,9), то почему бы онъ не могъ возбудить на всякое благое дѣло людей, которые съ самаго творенія стали сынами Божіими, а чрезъ Христа были снова усыновлены и возродились Духомъ благодати?

Не слѣдуетъ также вооружать ветхаго Адама противъ новаго.

Дѣйствіе милости Божіей надо не ограничивать, а признавать съ благодарностью.

24. Ахъ, остережемся стѣснять дѣйствіе милости, которую Богъ готовъ въ изобиліи излить на насъ! Ибо, если мы, вѣрою насажденные во Христѣ и одаренные духомъ усыновленія, если мы, говорю, будемъ говорить, что мы съ нашимъ сѣменемъ неспособны къ тому, что принадлежитъ царствію Божію; то какъ-же Христосъ сказалъ о дѣтяхъ, что таковыхъ есть царство Божіе? Или, какъ Онъ отсылалъ бы насъ къ нимъ, повелѣвая намъ обратиться и быть дѣтьми, если мы хотимъ войти въ царство небесное (Матѳ. 18,3)? Какимъ образомъ и Апостолъ называетъ дѣтей христіанъ (даже если одинъ только изъ родителей вѣрующій) святыми и утверждаетъ, что они чисты (1 Кор. 7,14)? Даже относительно тѣхъ, которые дѣйствительно впали въ тягчайшіе грѣхи, Апостолъ рѣшается утверждать: «такими были нѣкоторые изъ васъ, но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего І. Христа и Духомъ Бога нашего (1 Кор. 6,11). Поэтому, когда мы, настоятельно требуя образованія для дѣтей христіанъ (не порожденія ветхаго Адама, но возрожденія новаго Адама, сыновъ Божіихъ, братьевъ и сестеръ Христовыхъ), признаемъ ихъ способными къ принятію сѣмянъ вѣчности, то это-ли можетъ казаться кому-нибудь невозможнымъ? Вѣдь мы не требуемъ плода отъ дикой маслины, а только помогаемъ отводкамъ, снова привитымъ къ дереву жизни, сростись съ нимъ и приносить плодъ.

Заключеніе.

25. И такъ пусть остается неизмѣннымъ то положеніе, что для человѣка и естественнѣе, а чрезъ благодать св. Духа и легче сдѣлаться мудрымъ, добродѣтельнымъ и святымъ, чѣмъ случайной порчѣ остановить его совершенствованіе, ибо всякая вещь легко возвращается къ своему естественному состоянію. Это и есть то, о чемъ напоминаетъ Писаніе: «Премудрость легко созерцается любящими ее, она даже упреждаетъ желающихъ познать ее, и ищущими ее безъ труда обрѣтается сидящею у дверей своихъ» (Прем. 6, 12. 13. 14). Извѣстно также изреченіе Венузійскаго поэта:

«Не закоснѣлъ же никто до того, чтобъ не могъ укротиться,
«Лишь бы ухо склонилъ терпѣливо ко нравоученьямъ» [29]).

Глава VI.

Человѣкъ долженъ получить образованіе, если онъ долженъ стать человѣкомъ.

1. Сѣмена знанія, добродѣтели и религіозности, какъ мы видѣли, даетъ природа, но самаго знанія, добродѣтели и религіозности она не даетъ: они пріобрѣтаются молитвой, ученіемъ и дѣятельностью. Поэтому не дурно кто-то опредѣлилъ человѣка, какъ животное, способное къ обученію, такъ какъ только черезъ обученіе онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Сѣмена еще не плоды.

2. Разсматривая знаніе вещей, мы находимъ, что Богу свойственно знать все безъ начала, безъ продолженія и безъ конца, однимъ непосредственнымъ созерцаніемъ; человѣку же и ангелу такое знаніе не могло быть дано, потому что безконечность и вѣчность, т.е. божественность, не могли быть даны. Довольно для ангеловъ и людей и того отличія, что они получили проницательность ума, благодаря которой они могутъ постигать дѣла Божіи и чрезъ то собирать себѣ сокровище знанія. Поэтому объ ангелахъ извѣстно, что и они пріобрѣтаютъ знаніе путемъ наблюденія (1 Петр. 1, 12. Ефес. 3, 10. 1 Царствъ 22, 10. Іовъ 1, 6 и т. д.); слѣдовательно ихъ знаніе, какъ и наше, опытное. Человѣку врождена способность къ знанію, а не самое знаніе.

3. И такъ, только тотъ можетъ считать себя истиннымъ человѣкомъ, кто научился поступать по-человѣчески, т. е. кто получилъ такое образованіе, которое дѣлаетъ человѣкомъ. Это очевидно изъ примѣровъ всѣхъ твореній, которыя, хотя и предназначены для нуждъ человѣка, сами не являются на наши нужды, если не приспособлены къ этому нами самими. Такъ, камни должны служить для постройки домовъ, башенъ, стѣнъ, колоннъ и т. п.; но служатъ для этой цѣли только тогда, когда нашими же руками выломаны, обтесаны, подперты. Такъ, и жемчужины и драгоцѣнные камни, идущіе на украшенія, приходится людямъ отсѣкать, обтачивать, шлифовать; металлы, которые имѣютъ особенное примѣненіе въ нашей жизни, необходимо добывать изъ земли, плавить, очищать, разнымъ образомъ Необходимость образованія для того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ, доказывается 1) примѣромъ прочихъ твореній,

переливать, ковать, а безъ этого намъ отъ нихъ меньше пользы, чѣмъ отъ простой почвенной грязи. Изъ растеній мы добываемъ пищу, напитки, лѣкарства; но для этого травы и хлѣба необходимо сѣять, полоть, косить, молотить, молоть или толочь, деревья сажать, подрѣзывать и унавоживать для нихъ землю, а плоды снимать и сушить. Еще болѣе тщательной и разнообразной предварительной обработки они требуютъ, если что-нибудь отъ нихъ должно идти на лѣкарства или на постройку. Животныя, какъ существа, наиболѣе отличающіяся жизнью и способностью движенія, повидимому, живутъ сами для себя; а если хочешь воспользоваться ихъ помощью, для чего они и предоставлены намъ, необходимо предварительно пріучить ихъ къ тому. Вѣдь вотъ: лошадь по природѣ годна для войны, волъ—для возки тяжестей, оселъ—для ношенія вьюковъ, собака—для сторожевой службы и охоты, соколъ и ястребъ—для ловли птицъ; но если каждаго изъ нихъ не пріучить чрезъ упражненіе къ свойственной имъ работѣ, то они будутъ имѣть мало цѣны.

2) и самого человѣка, насколько это касается тѣлесныхъ его свойствъ.

4. Человѣкъ со стороны тѣла предназначенъ къ несенію трудовъ; но, какъ мы видѣли, ему врождена одна только способность къ этому: сидѣть, стоять, ходить, дѣйствовать руками при работѣ—всему этому онъ долженъ постепенно научиться. И такъ, откуда же нашъ духъ получилъ бы преимущество дѣлаться совершеннымъ самъ чрезъ себя и изъ себя, безъ предварительной подготовки, если таковъ законъ для всего созданнаго, что все возникаетъ изъ ничего и постепенно развивается какъ въ своей сущности, такъ и въ своей дѣятельности. Ибо извѣстно, что и ангелы, которые ближе всего къ Богу по своему совершенству, не все знаютъ, но, постепенно, какъ мы указали немного раньше, преуспѣваютъ въ познаніи дивной премудрости Божіей.

3) И такъ какъ онъ еще до паденія нуждался въ упражненіи, то еще больше онъ нуждается теперь, послѣ паденія.

5. Ясно также, что еще до паденія у человѣка была въ раю школа, дабы онъ могъ въ ней постепенно совершенствоваться. Ибо, хотя прародители уже тотчасъ послѣ своего сотворенія не были лишены способности и ходить, и говорить, и разсуждать, однако изъ разговора Евы съ зміемъ ясно, что имъ недоставало того обширнаго

знанія міра, какое пріобрѣтается путемъ опыта, потому что, если бы Ева имѣла побольше опытности, то, конечно, не допустила бы этого такъ простодушно, зная навѣрно, что этой твари не свойственно говорить и что подъ этимъ, слѣдовательно, скрывается коварство. Поэтому гораздо больше значенія должна имѣть теперь, въ состояніи порчи, необходимость учиться всему, что надо знать, такъ какъ мы, дѣйствительно, приносимъ съ собою на свѣтъ одинъ чистый, какъ неисписанная доска, умъ, и не умѣемъ ничего ни дѣлать, ни говорить, ни понимать, но все это должны развивать съ самаго основанія. Да и это достается намъ гораздо труднѣе, чѣмъ это могло бы быть въ состояніи совершенства, такъ какъ и предметы затемнены для насъ, и языки смѣшаны (такъ что вмѣсто одного приходится уже изучать нѣсколько, если кто ради науки хочетъ обращаться съ разными лицами—живыми и мертвыми); даже родные языки сдѣлались гораздо запутаннѣе, и ничего не является на свѣтъ вмѣстѣ съ нами.

4) Да и примѣры показываютъ, что человѣкъ безъ воспитанія можетъ сдѣлаться только неразумнымъ животнымъ.

6. Существуютъ примѣры, что нѣкоторые, будучи похищены въ дѣтствѣ дикими звѣрями и выросши среди нихъ, нисколько не возвышались смысломъ надъ неразумными тварями и даже по языку и рукамъ и ногамъ ничѣмъ не отличались отъ дикихъ звѣрей, развѣ что, снова попавъ въ общество людей, жили среди нихъ болѣе или менѣе продолжительное время. Приведу одинъ—другой примѣръ. Около 1540 г. въ одной Гессенской деревнѣ, расположенной среди лѣсовъ, по безпечности родителей пропалъ 3-лѣтній мальчикъ. Спустя нѣсколько лѣтъ крестьяне замѣтили, что вмѣстѣ съ волками выбѣгаетъ изъ лѣсу какое-то животное, по виду отличное отъ нихъ—четвероногое, но по лицу похожее на человѣка. Когда слухъ объ этомъ распространился, мѣстный начальникъ приказалъ поселянамъ слѣдить, нельзя-ли какъ-нибудь захватить это животное живьемъ. Его, дѣйствительно, поймали и привели сначала къ мѣстному начальнику, а потомъ къ самому ландграфу въ Кассель. Когда его привели во дворецъ князя, животное сначала вырывается, пытается убѣжать, наконецъ забивается подъ скамью, дико озираясь кругомъ и издавая отвратительный вой. Князь приказалъ содержать его

между людьми; послѣ этого звѣрь началъ по немногу дѣлаться ручнымъ, потомъ сталъ подниматься на заднія ноги, ходить на двухъ ногахъ, наконецъ разумно говорить и становиться человѣкомъ. И затѣмъ онъ разсказалъ, насколько могъ припомнить, что былъ похищенъ и вскормленъ волками и обыкновенно выходилъ съ ними на добычу. Это происшествіе описываетъ М. Дрессеръ въ своей книгѣ: «О новомъ и древнемъ обученіи». Объ этомъ же упоминаетъ и Камерарій [30]), въ Horis suc. tomo I cap. 75, присоединяя еще другой разсказъ, очень похожій на приведенный. А Гуларъ [31]) (въ своемъ сочиненіи «Чудеса нашего вѣка») пишетъ, что въ 1563 году во Франціи нѣсколькимъ дворянамъ случилось выѣхать на охоту; убивши 12 волковъ, они поймали въ капканъ мальчика, лѣтъ семи, голаго, съ желтой кожей, съ курчавыми волосами. У него были ногти закорюченные какъ у орла, онъ ничего не говорилъ, а скорѣе издавалъ какое-то грубое мычаніе. Когда его привели въ замокъ, то съ трудомъ могли надѣть на него цѣпи — такъ свирѣпо онъ боролся; но томимый голодомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ сталъ смиряться, а на седьмой мѣсяцъ сталъ говорить. Его водили на показъ, и немалую выгоду приносило это его хозяевамъ. Наконецъ, какая-то бѣдная женщина признала его за своего ребенка. До такой степени справедливы слова Платона (книга 6 «О законахъ», гл. 12), что «человѣкъ самое кроткое и богоподобное животное, если истинное воспитаніе укротило его; безъ воспитанія же или при ложномъ воспитаніи—это самое необузданное изъ всѣхъ животныхъ, какихъ только производитъ земля».

Въ обученіи нуждаются: 1) тупые и даровитые,

7. Вотъ въ общемъ доказательства того, что всѣ нуждаются въ образованіи. Если мы теперь разсмотримъ въ частности различныя положенія людей, то откроется тоже самое. Кто сомнѣвается въ томъ, что тупые нуждаются въ обученіи для устраненія своей природной тупости? Но на самомъ дѣлѣ даровитые еще болѣе нуждаются въ обученіи, потому что пытливый умъ, если не занятъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, самъ займется предметами безполезными или удовлетворяющими только праздное любопытство и даже пагубными. Какъ поле,

чѣмъ оно плодороднѣе, тѣмъ больше производитъ колючекъ и волчцовъ, такъ и выдающееся природное дарованіе бываетъ полно праздныхъ мыслей, если въ него не влагаются сѣмена мудрости и добродѣтелей. И какъ работающая мельница, если не доставляется зерно, изъ котораго образуется мука, сама стираетъ жерновъ и безъ пользы поднимаетъ образующуюся чрезъ это пыль, что сопровождается шумомъ и трескомъ, иногда даже поломкою и отскакиваніемъ частей ея; такъ и дѣятельный духъ, лишенный серьезныхъ предметовъ, можетъ совершенно погрузиться въ пустые, удовлетворяющіе только любопытство и даже вредные, и сдѣлаться причиною собственной гибели.

8. Что такое богачи, лишенные знанія, какъ не откормленныя отрубями свиньи? А бѣдняки, безъ пониманія міра, не тѣ же ли вьючные ослы? Красивый невѣжда не то же ли, что попугай съ красивыми перьями или, какъ сказалъ нѣкто, золотыя ножны, въ которыя вложенъ свинцовый кинжалъ? 2) богатые и бѣдные,

9. Тѣмъ, которымъ нѣкогда предстоитъ управлять другими въ качествѣ царей, князей, сановниковъ, пастырей и учителей церкви, такъ же необходимо заранѣе набраться мудрости, какъ проводнику необходимо имѣть глаза, толмачу знать языкъ, трубѣ быть звучной, а мечу—острымъ. Равнымъ образомъ и подчиненные должны просвѣщаться, чтобы умѣть благоразумно повиноваться, не по принужденію только и съ ослиною покорностью, но съ охотою и изъ любви къ порядку. Ибо разумное созданіе должно направлять къ цѣли не криками, тюрьмою или палкою, а съ помощью разума. Кто поступаетъ иначе, тотъ сугубо оскорбляетъ Бога, Который и на нихъ напечатлѣлъ Свой Образъ, да и дѣла человѣческія преисполнились бы насилія и тревоги, какъ и есть въ дѣйствительности. 3) будущіе начальники и подчиненные.

10. И такъ, пусть остается въ силѣ положеніе, что обученіе необходимо всѣмъ, которые родились людьми, потому что они должны быть людьми, а не дикими звѣрями, или безсмысленными скотами и безчувственными болванами. А отсюда слѣдуетъ, что каждый изъ насъ превосходитъ другихъ настолько, насколько онъ дѣятельнѣе упраж- Заключеніе.

нялся. Заключимъ эту главу словами Премудраго: «Презирающій мудрость и наставленіе несчастенъ, и надежда ихъ суетна, и труды ихъ безплодны, и дѣла ихъ непотребны (Прем. Солом. 3, 11).

Глава VII.

Образованіе человѣка легче всего удается въ первомъ возрастѣ и даже можетъ быть достигаемо только въ этомъ возрастѣ.

Сходство въ положеніи человѣка и дерева.

1. Изъ сказаннаго ясно, что условія развитія человѣка и дерева сходны между собою. Какъ плодовое дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза), хотя и можетъ вырости само изъ себя и чрезъ себя, однако приноситъ только дикіе плоды; для того-же, чтобы оно давало нѣжные и сладкіе плоды, опытный садовникъ долженъ пересадить, поливать и подрѣзать его: такъ и человѣкъ, правда, самъ собою ростетъ и принимаетъ видъ человѣка (какъ и всякая бездушная тварь принимаетъ свойственный ей видъ), но возвыситься на степень разумнаго, мыслящаго, нравственнаго и благочестиваго существа не можетъ безъ предварительной прививки къ нему черенковъ мудрости, добродѣтели и благочестія. Теперь надо показать, что такую прививку слѣдуетъ дѣлать въ то время, когда растенія бываютъ еще совсѣмъ молоденькія.

Образованіе человѣка должно начинать съ первыхъ поръ жизни: 1) въ виду неизвѣстности настоящей жизни,

2. По отношенію къ человѣку это имѣетъ шесть основаній. Во первыхъ, неизвѣстность настоящей жизни. Извѣстно, что придется оставить эту жизнь, а гдѣ и когда— неизвѣстно, а быть похищеннымъ смертью, не будучи приготовленнымъ, на столько опасно, что поправить этого нельзя. Настоящее время жизни для того именно и дано, чтобы человѣкъ или пріобрѣлъ милость Божію, или на вѣки потерялъ ее. Ибо, какъ тѣло человѣка слагается въ утробѣ матери, такъ что, кто родился безъ какого-либо члена, тотъ неизбѣжно остается лишеннымъ его на всю жизнь: такъ и душа, пока мы живемъ въ тѣлѣ, настолько укрѣпляется въ познаніи Бога и единеніи съ Нимъ, что, кто не достигъ этого здѣсь, у того, и по разлученіи души съ тѣ-

ломъ, не останется для этого ни мѣста, ни времени. И такъ какъ поэтому столь важное дѣло приходится вести здѣсь, то необходимо вести его съ величайшею поспѣшностью, чтобы смерть никого не предварила.

2) для того, чтобы человѣкъ приготовился къ дѣятельности, предстоящей въ жизни, прежде чѣмъ начнетъ дѣйствовать.

3. Но если-бы даже смерть и не тревожила насъ своимъ угрожающимъ видомъ и можно было-бы имѣть увѣренность въ значительной продолжительности жизни, все-таки образованіе слѣдуетъ начинать рано уже потому, что жизнь должна проходить не въ ученіи, а въ дѣятельности. Поэтому слѣдуетъ какъ можно раньше приготовиться къ предстоящей въ жизни дѣятельности, чтобы не пришлось прекратить самое существованіе, прежде чѣмъ научимся дѣйствовать. Да если-бы кто и захотѣлъ провести весь свой вѣкъ учась, то вѣдь есть безконечное множество предметовъ, которые Творецъ предоставилъ для пріятнаго созерцанія, такъ что, если бы кому досталась въ удѣлъ жизнь Нестора [32]), и тотъ могъ-бы провести ее съ пользою, именно открывая хранящіяся повсюду сокровища Премудрости Божіей и приготовляя изъ нихъ себѣ средства для счастливой жизни. И такъ, у человѣка рано должны быть открыты чувства для созерцанія окружающаго, такъ какъ ему необходимо многое познать, испытать, изслѣдовать въ теченіе цѣлой жизни.

3) Всѣ молодые организмы, пока нѣжны, очень легко принимаютъ ту или иную форму.

4. Всѣ молодые организмы имѣютъ то свойство, что, пока они нѣжны, они гибки и очень легко принимаютъ ту или иную форму, а окрѣпнувъ—не поддаются дѣйствію на нихъ. Изъ мягкаго воска можно лѣпить и снова давать ему иныя формы, а отвердѣвшій скорѣе искрошишь. Молодое деревцо можно посадить, пересадить, подрѣзать, согнуть въ ту или другую сторону, а выросшее—никоимъ образомъ. Такъ, кто хочетъ сдѣлать изъ дерева лукъ, долженъ взять зеленое и молодое деревцо: старое, сухое и сучковатое нельзя согнуть. Свѣжія яйца при насиживаніи скоро нагрѣваются и выпускаютъ цыплятъ, отъ лежалыхъ ты напрасно ожидалъ бы ихъ. Если барышникъ хочетъ пріучить лошадь, хлѣбопашецъ—вола, охотникъ—собаку или ястреба къ соотвѣтствующимъ каждому изъ этихъ живот-

ныхъ работамъ (какъ и вожакъ—если хочетъ пріучить медвѣдя къ пляскѣ, старуха сороку, ворона или попугая къ человѣческимъ словамъ), то выбираютъ себѣ молодыхъ животныхъ и птенцовъ; если же возьмутъ старыхъ, то потеряютъ трудъ.

И самъ человѣкъ.

5. Все это въ такой же мѣрѣ ясно сказывается и на человѣкѣ: мозгъ его (который, какъ мы сказали, напоминаетъ воскъ, такъ какъ онъ воспринимаетъ посредствомъ органовъ чувствъ падающіе на него образы предметовъ) въ дѣтскомъ возрастѣ влаженъ, мягокъ и способенъ воспринимать всѣ доходящіе до него образы; потомъ мало-по-малу онъ высыхаетъ и твердѣетъ, такъ что, какъ показываетъ опытъ, уже не такъ легко поддается впечатлѣніямъ отъ предметовъ. Отсюда выраженіе Цицерона: дѣти быстро схватываютъ безчисленное множество предметовъ [33]). Такъ и руки, и прочіе члены только въ дѣтскіе годы, пока сухожилія остаются мягкими, могутъ быть упражняемы въ искусствахъ и работахъ. Кто хочетъ сдѣлаться хорошимъ писцомъ, живописцемъ, портнымъ, кузнецомъ, музыкантомъ, тотъ долженъ посвятить себя своему занятію вообще съ раннихъ лѣтъ, пока и воображеніе живо, и пальцы гибки; иначе онъ никогда не достигнетъ цѣли. Равнымъ образомъ, если нужно, чтобы благочестіе пустило корни въ чьемъ-либо сердцѣ, необходимо насаждать его въ первые же годы; кого желаемъ пріучить къ хорошему обращенію [34]), въ томъ надо сглаживать угловатости еще въ нѣжномъ возрастѣ; кто хочетъ далеко пойти въ изученіи мудрости, у того уже въ первые годы должны быть открыты чувства для всего, пока и пылъ еще не остылъ, и умъ быстръ, и память способна крѣпко удерживать. «Позорно и смѣшно видѣть старика сидящимъ за азбукой: юноша долженъ пріобрѣтать, а старику свойственно пользоваться», говоритъ Сенека (Письмо 36).

4) Столь значительное время, данное человѣку для достиженія полнаго роста, ни на что другое и не слѣдуетъ употреблять.

6. Для того, чтобы человѣкъ могъ развить въ себѣ всѣ человѣческія свойства, Богъ и далъ ему юношескіе годы, въ которые онъ, оставаясь неспособнымъ къ прочимъ дѣламъ, оказывался бы способнымъ только къ образованію. Въ самомъ дѣлѣ, лошадь, волъ, слонъ и прочія животныя, какъ бы ни были они велики, достигаютъ

полнаго своего роста въ одинъ или два года; одинъ только человѣкъ едза въ 20 или 30 лѣтъ достигаетъ этого. Если бы кто воображалъ, что это происходитъ случайно или отъ какихъ-то постороннихъ причинъ, то этимъ онъ, дѣйствительно, выказалъ бы свое тупоуміе. Неужели Богъ каждому изъ прочихъ твореній назначилъ бы свое опредѣленное время, и одному человѣку, владыкѣ всѣхъ твореній, предоставилъ бы безцѣльно тратить свое время? Или ужели мы можемъ подумать, что этимъ Онъ хотѣлъ угодить природѣ, чтобы она, медленно дѣйствуя, тѣмъ легче могла закончить образованіе человѣческаго организма? Но она безъ всякаго затрудненія въ нѣсколько мѣсяцевъ заканчиваетъ образованіе бо́льшихъ организмовъ. Поэтому рѣшительно ничего другаго не остается думать, какъ только то, что Творецъ нашъ, замедляя нашъ ростъ, съ зрѣло обдуманнымъ намѣреніемъ благоволилъ показать намъ свою милость, чтобы мы имѣли больше времени упражняться въ наукахъ; а дѣлая насъ на столь продолжительное время неспособными къ заботамъ о хозяйствѣ и государственныхъ дѣлахъ, Онъ имѣлъ въ виду то, чтобы мы сдѣлались тѣмъ способнѣе къ нимъ на остальное время жизни (даже на вѣчныя времена).

7. Въ человѣкѣ только то и прочно и устойчиво, что онъ усвоилъ въ первомъ возрастѣ жизни. Это видно изъ примѣровъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Кувшинъ, пока не разобьется, сохраняетъ запахъ, которымъ напитался, когда былъ еще новымъ. На деревѣ сучья, какъ развились вверхъ, внизъ и въ стороны, когда еще были нѣжными, такъ и остаются сотни лѣтъ, пока не срубятъ самое дерево. Шерсть такъ прочно удерживаетъ первоначальный цвѣтъ, въ который она была окрашена, что ее нельзя перекрасить въ другой цвѣтъ. Ободъ колеса, отвердѣвши въ своей кривизнѣ, скорѣе разлетится на тысячу кусковъ, чѣмъ снова выпрямится. Такимъ-же образомъ и въ человѣкѣ первыя впечатлѣнія держатся чрезвычайно прочно, такъ что было бы дѣломъ чуда—измѣнить ихъ; поэтому лучшее, что можно посовѣтовать, это то, что эти впечатлѣнія

5) Только то и прочно, что усвоивается въ первомъ возрастѣ жизни.

должны уже въ первую пору жизни слагаться сообразно съ истинными правилами мудрости.

6) Неправильное воспитаніе дѣло весьма опасное.

8. Наконецъ, въ высшей степени опасно не внушать человѣку спасительныхъ правилъ жизни съ самой колыбели, именно потому, что душа человѣка, какъ только внѣшнія чувства начинаютъ проявлять свою дѣятельность, рѣшительно не можетъ оставаться въ покоѣ. Если она не занята полезными предметами, то неудержимо стремится заняться хотя бы самыми пустыми, даже вредными (если къ этому присоединяются дурные примѣры развращеннаго вѣка); а отвыкнуть отъ этого впослѣдствіи, при всемъ желаніи, будетъ или невозможно, или чрезвычайно трудно, какъ мы уже замѣтили. Поэтому-то міръ полонъ проявленій необузданности, остановить которыя не въ силахъ ни гражданскія власти, ни служители Церкви, пока не дѣлается серьезныхъ усилій завалить самые родники зла.

Заключеніе.

9. Поэтому, въ какой мѣрѣ каждому близко къ сердцу благо своихъ дѣтей, а имѣющимъ надзоръ за дѣлами человѣческими въ гражданскомъ и церковномъ управленіи—благо человѣчества, въ той мѣрѣ пусть они спѣшатъ позаботиться о томъ, чтобы небесныя растеньица своевременно могли быть насаждаемы, подчищаемы, поливаемы и разумно подготовляемы къ достиженію счастливыхъ успѣховъ въ наукахъ, нравственности и благочестіи.

Глава VIII.

Юношество должно получать образованіе вмѣстѣ, а для этого нужны школы.

Попеченіе о дѣтяхъ относится собственно къ обязанности родителей.

1. Доказавши, что христіанскіе юноши, какъ райскія растенія, не могутъ рости на подобіе лѣса, но требуютъ попеченія, мы должны теперь разсмотрѣть, на комъ лежитъ это попеченіе. Правда, родителямъ естественнѣе всего содѣйствовать разумной, добродѣтельной и святой жизни тѣхъ, которымъ они дали жизнь тѣлесную. Что для Авраама эта

обязанность была священна, объ этомъ свидѣтельствуетъ Богъ, говоря: «Я знаю, что онъ заповѣдуетъ сынамъ своимъ и дому своему послѣ себя ходить путемъ Іеговы, творя правду и судъ (Быт. 18, 19). Этого-же требуетъ Богъ, и вообще отъ родителей, заповѣдуя такъ: «Внушай дѣтямъ твоимъ слова Мои и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоемъ, и идя дорогою, и ложась, и вставая» (Второз. 6, 7); а также устами Апостола: «Вы, отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ» (Ефес. 6, 4).

Однако, въ помощь имъ, назначаются учителя и школы.

2. Но такъ какъ, съ размноженіемъ людей и усложненіемъ человѣческихъ занятій, рѣдко теперь встрѣтишь такихъ, которые умѣли бы, или имѣли бы возможность или досугъ при своихъ дѣлахъ, чтобы заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, то уже съ давнихъ поръ, къ счастью, вошло въ обычай, что дѣти многихъ родителей, для совмѣстнаго обученія, ввѣряются избраннымъ лицамъ, отличающимся знаніями и строгостью нравовъ. Такіе образователи юношества обыкновенно называются наставниками, преподавателями, школьными учителями, профессорами, а самыя мѣста, предназначаемыя для этихъ общихъ занятій, школами, элементарными училищами, аудиторіями, коллегіями, гимназіями, академіями и т. д.

Происхожденіе и распространеніе школъ.

3. По свидѣтельству Іосифа [35]), первую школу открылъ вскорѣ послѣ потопа патріархъ Симъ, и впослѣдствіи за нею сохранилось названіе еврейской школы. Далѣе, кто не знаетъ, что въ Халдеѣ, особенно въ Вавилонѣ, существовали многочисленныя школы, въ которыхъ изучались какъ прочія науки, такъ особенно астрономія, такъ какъ этой премудрости Халдеевъ впослѣдствіи, именно при Навуходоносорѣ, были обучены Даніилъ и его товарищи (Дан. 1, 20),—равно какъ и въ Египтѣ, гдѣ обучался Моисей (Дѣян. 7, 22). У Израильскаго же народа, по повелѣнію Божію, были учреждены по городамъ школы, такъ называемыя синагоги, въ которыхъ левиты учили закону; эти школы продолжали свое существованіе вплоть до временъ Христа, и стали знамениты тѣмъ, что въ нихъ проповѣдывали какъ самъ Христосъ, такъ и апостолы.

1.
2.
3.
4.

5. Отъ Египтянъ обычай заводить школы заимствовали Греки,
6. а отъ послѣднихъ Римляне; отъ Римлянъ же похвальный обычай открывать школы распространился по
7. всей имперіи, особенно со времени распространенія христіанства — благодаря внушаемой вѣрою заботливости благочестивыхъ государей и епископовъ. По свидѣтельству
8. исторіи, Карлъ Великій, коль скоро покорялъ какой-либо языческій народъ, назначалъ туда епископовъ и учителей и
9. строилъ храмы и школы. Слѣдуя его примѣру, и другіе христіанскіе императоры, короли, князья и гражданскія власти настолько умножили число школъ, что ихъ трудно и сосчитать.

Доказывается необходимость открывать вездѣ школы.

4. Для всего христіанскаго міра важно, чтобы этотъ святой обычай не только поддерживался, но и получилъ распространеніе, т. е. чтобы, во всякомъ благоустроенномъ поселеніи (будетъ-ли это городъ, или мѣстечко, или деревня) основывалась школа, какъ общее воспитательное заведеніе для юношества. Этого требуетъ

1) Прелесть порядка, наблюдаемая повсюду.

5. Похвальный порядокъ вещей. Ибо, если даже для приготовленія всего, что требуется по хозяйству, самъ отецъ семейства не находитъ времени, а приглашаетъ для этого разныхъ ремесленниковъ, то почему бы не поступать подобнымъ образомъ и въ дѣлѣ воспитанія? Вѣдь первый, когда имѣетъ нужду въ мукѣ, обращается къ мельнику, за мясомъ— къ мяснику, за напитками—къ виноторговцу, за одеждой— къ портному, за обувью—къ сапожнику; если ему нужно зданіе, сошникъ, или гвозди, онъ обращается къ плотнику или каменщику, кузнецу, слесарю и т. д. Мало того, для наставленія взрослыхъ въ религіи у насъ есть храмы, для разбора дѣлъ тяжущихся и для собранія обитателей и сообщенія имъ необходимыхъ свѣдѣній существуютъ судебныя камеры и ратуши; почему-же не имѣть школъ для юношества? Даже свиней и коровъ не каждый поселянинъ пасетъ отдѣльно, но держатъ для этого наемныхъ пастуховъ, обязанныхъ служить одинаково всѣмъ, а хозяева между тѣмъ занимаются своими дѣлами, меньше развлекаясь постороннимъ. Вотъ это и есть самое лучшее сокращеніе труда, когда каждый дѣ-

лаетъ что-нибудь одно, не развлекаясь другими дѣлами: такимъ только образомъ каждый въ отдѣльности можетъ оказывать полезныя услуги многимъ, и многіе—каждому.

6. Во-вторыхъ, это вызывается и необходимостью. Такъ какъ родители довольно рѣдко обладаютъ въ достаточной степени способностью обучать дѣтей, или имѣютъ слишкомъ мало досуга, то необходимо, чтобы были люди, которые по призванію занимались бы этимъ однимъ дѣломъ и такимъ образомъ прилагалась бы забота о цѣлой общинѣ. 2) Необходимость.

7. Хотя бы даже нашлись между родителями такіе, которымъ ничего не стоило бы удѣлить время для воспитанія своихъ дѣтей, все-таки лучше, чтобы юношество обучалось одновременно въ болѣе многочисленномъ обществѣ, такъ какъ трудъ несомнѣнно бываетъ и плодотворнѣе, и пріятнѣе тогда, когда работающіе находятъ другъ въ другѣ и примѣръ, и побужденіе. Намъ всего естественнѣе дѣлать то, что при насъ дѣлаютъ другіе, и слѣдовать за идущимъ впереди и предшествовать идущимъ за нами. 3) Польза.

«Tum bene fortis equus reserato carcere currit,
Quum quos prætereat quosque sequatur habet.»

[Добрый конь тогда только охотно бѣжитъ изъ открытаго сарая, когда есть кого обогнать или догнать] [36]).

Дѣтскій же возрастъ въ особенности склоненъ руководиться и подчиняться скорѣе примѣрамъ, чѣмъ правиламъ. Изъ наставленій не много остается въ душѣ дѣтей, а если указываешь, какъ другіе дѣлаютъ, дѣти подражаютъ этому даже безъ приказанія.

8. Наконецъ, природа на каждомъ шагу представляетъ примѣры того, что тѣ предметы, которые должны производиться въ изобиліи, производятся въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ. Такъ въ лѣсахъ ростутъ группами деревья, въ поляхъ—травы, въ водахъ водятся стадами рыбы, въ нѣдрахъ земли—металлы образуютъ залежи. И притомъ это бываетъ такъ: въ томъ лѣсу, который производитъ ели, или кедры, или дубы, эти породы ростутъ въ изобиліи, а прочія не такъ успѣшно; та почва, которая производитъ золото, уже не въ такомъ изобиліи производитъ прочіе металлы. Но 4) Постоянные примѣры изъ природы

4*

еще сильнѣе обнаруживается то, что мы хотимъ сказать, на нашемъ тѣлѣ. Въ немъ каждый членъ непремѣнно получаетъ часть принятой пищи, однако не каждому члену передается пища въ сыромъ видѣ, чтобы онъ самъ переварилъ ее и усвоилъ, но существуютъ въ немъ опредѣленные органы, своего рода мастерскія, которыя имѣютъ назначеніемъ: одни—принимать пищу, другія—согрѣвать и переваривать ее на пользу всего тѣла, наконецъ, третьи — распредѣлять готовую пищу между прочими членами. Такъ, желудокъ вырабатываетъ желудочный сокъ, печень—кровь, сердце — жизненный духъ, мозгъ—душевный духъ [37]), и все это уже въ готовомъ видѣ удобно расходится по всѣмъ членамъ и пріятно поддерживаетъ жизнь цѣлаго организма. Поэтому, какъ мастерскія поддерживаютъ и направляютъ ремесла, храмы — благочестіе, а суды—правосудіе, такъ и школы не должны-ли приготовлять, очищать и усиливать свѣтъ мудрости и распространять его по всему организму человѣческаго общества?

5) и искусства. 9. Наконецъ, то же явленіе мы наблюдаемъ и въ производствахъ, основанныхъ на искусствѣ, если только дѣло ведется раціонально. По крайней мѣрѣ, садовникъ, проходя по лѣсу и наткнувшись на дичокъ, годный для пересадки, не пересаживаетъ его тутъ-же, но, выкопавъ его, переноситъ въ плодовый садъ и ухаживаетъ за нимъ за одно съ сотней другихъ деревьевъ. Такимъ же образомъ и тотъ, кто занимается разведеніемъ рыбы для нуждъ кухни, устраиваетъ рыбные садки и даетъ возможность рыбамъ плодиться вмѣстѣ цѣлыми тысячами. И чѣмъ обширнѣе плодовый садъ, тѣмъ успѣшнѣе обыкновенно ростутъ деревья; чѣмъ обширнѣе рыбный прудъ, тѣмъ крупнѣе бываютъ въ немъ рыбы. Поэтому, какъ для рыбъ устраиваются садки, а для деревьевъ—сады, такъ и для юношества должны быть назначены школы.

Глава IX.

Школамъ должны быть ввѣряемы всѣ дѣти обоего пола.

1. Въ необходимости привлекать въ школы не только дѣтей богатыхъ или знатныхъ, но всѣхъ одинаково—знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, притомъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ и усадьбахъ, убѣждаетъ слѣдующее:

Школы должны быть общедоступны всѣмъ дѣтямъ,

2. Во-первыхъ, всѣ люди родились съ одной и той же главной цѣлью—быть людьми, т. е. разумными созданіями, владыками прочихъ созданій, живымъ подобіемъ своего Творца. Поэтому всѣмъ надо содѣйствовать въ томъ, чтобы они, получивъ надлежащее наставленіе въ наукахъ, добродѣтеляхъ и вѣрѣ, могли съ пользою провести настоящую жизнь и достойно приготовиться къ будущей. У Бога нѣтъ лицепріятія, какъ Онъ столько разъ Самъ свидѣтельствуетъ. Слѣдовательно, мы, допуская къ развитію природнаго дарованія только нѣкоторыхъ, а другихъ устраняя, являемся несправедливыми не только къ соучастникамъ нашимъ въ одной и той же природѣ, но и къ Самому Богу, Который хочетъ, чтобы Его познавали, любили и прославляли всѣ, на которыхъ Онъ напечатлѣлъ Свой образъ. А это во всякомъ случаѣ будетъ исполняться тѣмъ ревностнѣе, чѣмъ ярче будетъ горѣть свѣтъ познанія. Вѣдь мы въ той мѣрѣ и любимъ, въ какой познаемъ.

1) такъ какъ всѣ люди должны быть преобразованы по образу Божіему,

3. Во-вторыхъ, намъ не ясно, къ какимъ цѣлямъ предназначило того или другаго изъ насъ Божественное Провидѣніе. Однако, извѣстно, что не рѣдко изъ самыхъ бѣдныхъ, отверженныхъ и темныхъ людей Богъ дѣлалъ отмѣнныя орудія Своей славы. Будемъ же и мы подражать небесному солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю, такъ что все, что способно жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, живетъ, и зеленѣетъ, и цвѣтетъ, и приноситъ плодъ.

2) всѣ должны приготовляться къ обязанностямъ будущаго своего призванія;

3) нѣкоторые въ особенности (тупые и злонравные отъ природы) нуждаются въ помощи.

4. Этому не препятствуетъ и то, что нѣкоторые кажутся отъ природы тупыми и глупыми, ибо это только настоятельнѣе рекомендуетъ это всеобщее развитіе душъ. Чѣмъ кто лѣнивѣе или злонравнѣе по природѣ, тѣмъ болѣе нуждается въ помощи для того, чтобы освободиться, на сколько можно, отъ тяжелой тупости и косности. Да и нельзя найти такихъ несчастныхъ способностей, въ которыхъ образованіе не произвело бы рѣшительно никакого улучшенія. Какъ дырявый сосудъ, если его часто моютъ, хотя и не удерживаетъ воды, однако дѣлается опрятнѣе и чище, такъ и слабоумные и тупые, если даже не окажутъ никакихъ успѣховъ въ наукахъ, по крайней мѣрѣ нравственно смягчатся, такъ что съумѣютъ повиноваться и свѣтской власти, и служителямъ церкви. Впрочемъ извѣстно по опыту, что нѣкоторые, отъ природы очень медленные, достигали однако такихъ познаній въ наукахъ, что опережали даже даровитыхъ. Такъ вѣрно сказалъ поэтъ: «Необыкновенное трудолюбіе все преодолѣваетъ» [38]). И подобно тому, какъ иной, съ дѣтства пользуясь отличнымъ здоровьемъ, потомъ начинаетъ хворать и хирѣть, а другой, напротивъ, въ юности еле влачитъ болѣзненное существованіе, а потомъ крѣпнетъ и выростаетъ высокимъ и стройнымъ, такъ устроено и относительно природныхъ умственныхъ дарованій: иныя рано достигаютъ зрѣлости, но скоро дѣлаются безплодными и оканчиваются тупоуміемъ, а другія сперва бываютъ тупыми, а потомъ изощряются и дѣлаются весьма проницательными. Далѣе, въ фруктовыхъ садахъ намъ пріятно имѣть не только такія деревья, которыя даютъ ранніе плоды, но и такія, на которыхъ плоды поспѣваютъ въ обыкновенное время и даже въ позднюю пору, потому что каждая вещь (какъ говоритъ гдѣ-то сынъ Сираховъ) въ свое время находитъ себѣ похвалу и, хотя поздно, однако когда-нибудь показываетъ, что она не даромъ существовала. Почему-же, слѣдовательно, въ разсадникѣ науки мы хотѣли бы допускать дарованія только одного рода—скороспѣлыя и дѣятельныя? Итакъ, школа ни для кого не должна быть закрыта, развѣ только кому Богъ отказалъ въ способности чувствовать и умѣ.

5. Нельзя также представить ни одного достаточнаго основанія, почему слабѣйшій полъ (чтобы напомнить объ этомъ особенно) слѣдуетъ совершенно устранять отъ изученія науки (будетъ-ли она преподаваться на латинскомъ, или на родномъ языкѣ). Вѣдь женщины такъ же носятъ на себѣ образъ Божій, имѣютъ равное участіе въ благодати и въ царствѣ будущаго вѣка; въ равной степени онѣ одарены дѣятельнымъ и воспріимчивымъ къ наукѣ умомъ (часто еще въ большей степени, чѣмъ нашъ полъ); имъ такъ же открытъ доступъ къ высокому положенію, такъ какъ онѣ часто Самимъ Богомъ были призываемы управлять народами, подавать спасительные совѣты царямъ и начальникамъ, а также призывались къ познанію врачебнаго искусства и другимъ, полезнымъ для человѣчества, дѣламъ, даже къ пророческому служенію и обличенію священниковъ и епископовъ. И такъ, зачѣмъ-же мы будемъ допускать ихъ только къ азбукѣ, а потомъ гнать ихъ прочь отъ книгъ? Боимся ихъ легкомысленнаго увлеченія? Но чѣмъ больше мы займемъ ихъ мысли, тѣмъ меньше мѣста будетъ для легкомыслія, которое обыкновенно является вслѣдствіе душевной пустоты.

Слѣдуетъ-ли и слабый полъ допускать къ изученію наукъ?

6. Однако не всякая книжная смѣсь можетъ быть имъ доступна (равно какъ и дѣтямъ другаго пола, чего, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не особенно осторожно избѣгали), а только тѣ книги, изъ которыхъ онѣ могли бы постоянно почерпать вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ Бога и Его дѣлъ также истинныя добродѣтели и истинное благочестіе.

Но съ какой однако предосторожностью?

7. И такъ, пусть никто не возражаетъ мнѣ изреченіемъ Апостола: «Учить женѣ не позволяю» (1 Тимоѳ. 2, 12), или стихами Ювенала, изъ 6-й сатиры:

Опровергается первое возраженіе.

«Пусть не имѣетъ супруга, съ которою ты сочетался,
«Слога отдѣльнаго, пусть не сводитъ въ округлыхъ реченьяхъ
«Къ выводамъ рѣзкимъ и всей исторіи тоже не знаетъ» [39]);

или, наконецъ, того, что говоритъ Ипполитъ у Эврипида:

«Но ненавижу
Я мудрую. Да не войдетъ въ мой домъ
Во вѣки та изъ нихъ, что знаетъ больше,
Чѣмъ должно знать: оружьемъ противъ насъ
Всѣ хитрости даетъ Киприда мудрымъ» [40]).

Это, повторяю, нисколько не противорѣчитъ нашему намѣренію, потому что мы совѣтуемъ обучать женщинъ не для удовлетворенія ихъ любопытства, а въ интересахъ нравственности и счастія, и обучать преимущественно тому, чтó имъ слѣдуетъ знать и умѣть какъ для надлежащаго веденія хозяйства, такъ и для споспѣшествованія и собственному благополучію, и благополучію мужа, дѣтей и домашней прислуги.

Второе возраженіе.

8. Если кто скажетъ: «что же будетъ, если и ремесленники, и крестьяне, и носильщики, и даже служанки станутъ образованными? то я отвѣчу: а будетъ то, что, если это всеобщее образованіе юношества будетъ устроено правильно, то впредь никто рѣшительно не будетъ имѣть недостатка въ полезныхъ предметахъ для размышленія, желанія, стремленія и даже дѣятельности и всѣ будутъ знать, къ чему надо направлять всѣ свои дѣйствія и желанія, и въ какихъ границахъ можно двигаться и какимъ образомъ каждый можетъ охранять свой постъ. Кромѣ того, всѣ будутъ услаждать себя, даже во время работъ и трудовъ, размышленіемъ о словахъ и дѣлахъ Божіихъ, а благодаря частому чтенію библіи и другихъ назидательныхъ книгъ (ибо тѣмъ сильнѣе будетъ привлекать ихъ лучшее, что они уже отвѣдали его), они избѣгнутъ праздности, опасной для плоти и крови, короче говоря: они научатся повсюду видѣть Бога, вездѣ прославлять Его, всюду любить Его и такимъ образомъ болѣе пріятно проводить эту жизнь, полную всякихъ бѣдъ, и съ бóльшимъ желаніемъ и надеждою ожидать вѣчной жизни. А при такомъ состояніи церкви развѣ не осуществился бы для насъ уже здѣсь тотъ рай, какой только возможенъ на землѣ?

Глава X.

Обученіе въ школахъ должно быть всестороннимъ.

Всему указанному надо учить и учиться въ школахъ,

1. Теперь мы должны показать, что въ школахъ слѣдуетъ учить всѣхъ всему. Не надо однако понимать этого такъ, будто бы мы требуемъ отъ всѣхъ знанія всѣхъ наукъ

и искусствъ (тѣмъ болѣе — точнаго и глубочайшаго). Это было бы и само по себѣ безполезно, да и не возможно для кого бы то ни было по кратковременности нашей жизни. Ибо, какъ мы видимъ, каждая наука такъ расширяетъ свою область и вдается въ такія подробности (напримѣръ, естествовѣдѣніе, ариѳметика, геометрія, астрономія и т. д., даже земледѣліе, садоводство и пр.), что даже у людей съ отличнѣйшими природными дарованіями можетъ отнять цѣлую жизнь, если они захотятъ предаться изслѣдованіямъ и опытамъ, какъ это выпало на долю Пиѳагору—по отношенію къ ариѳметикѣ, Архимеду—въ области механики, Агриколѣ [41])—въ области металлургіи, Лонголіусу [42])—по отношенію къ реторикѣ (пока онъ преслѣдовалъ одну цѣль—сдѣлаться совершеннымъ «цицероніанцемъ»). Но мы требуемъ, чтобы всѣ, которые допускаются въ міръ не только какъ зрители, но и какъ будущія дѣйствующія лица (актеры), учились замѣчать основанія, причины и цѣли всего главнѣйшаго изъ того, что существуетъ и совершается, т. е. надо заботиться и даже непремѣнно достигать того, чтобы, пока они живутъ въ этомъ мірѣ, имъ не встрѣчалось ничего настолько незнакомаго, чтобъ они не могли объ немъ скромно разсуждать, или разумно и безъ вредной ошибки примѣнять съ несомнѣнной для себя пользой.

2. И такъ, рѣшительно и безусловно слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы въ школахъ, а потомъ, благодаря благодѣтельному вліянію школъ, и во всю жизнь 1) природныя дарованія изощрялись въ наукахъ и искусствахъ, 2) языки совершенствовались, 3) нравы облагораживались и 4) Богъ искренно почитался.

именно тому, что имѣетъ цѣлью развитіе всего человѣка:

3. Мудро сказалъ тотъ, кто назвалъ школы мастерскими гуманности, потому что онѣ содѣйствуютъ тому, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ дѣлается человѣкомъ, т. е. (имѣя въ виду раньше поставленныя цѣли) 1) разумнымъ созданіемъ, 2) владыкою прочихъ созданій (и самого себя), 3) отрадою своего Творца. А это и будетъ достигнуто, если школы будутъ стараться сдѣлать людей мудрыми духомъ, благоразумными въ дѣйствіяхъ и благочестивыми сердцемъ.

мудрости, благоразумію, благочестію,

Что эти три предмета не могутъ быть отдѣляемы одинъ отъ другаго, это доказывается

4. Эти три качества и должны быть прививаемы всему юношеству во всѣхъ школахъ. Это я постараюсь доказать, взявши основанія для этого

I) изъ окружающаго насъ міра,

II) изъ насъ самихъ,

III) изъ Христа Богочеловѣка, Который есть совершеннѣйшій образецъ нашего совершенства.

1) связью самыхъ предметовъ,

5. Самые предметы по своему отношенію къ намъ могутъ быть раздѣлены только на три категоріи. Именно: нѣкоторые даны только для наблюденія, таковы: небо, земля и все, въ нихъ находящееся; другіе—для подражанія, какъ, напримѣръ, распространенный всюду чудный порядокъ, который и человѣку повелѣвается выражать своими дѣйствіями; наконецъ, третьи даны для наслажденія, какъ, напримѣръ, милость Божія и многократное благословеніе Божіе—здѣсь и вовѣки. Если человѣкъ долженъ возвыситься до всего этого, то ему необходимо научиться, во-первыхъ, познавать то, что представляется его наблюденію въ этомъ дивномъ амфитеатрѣ, во-вторыхъ, дѣлать то, что возлагается на него, наконецъ, наслаждаться тѣмъ, что̀ ему (какъ гостю въ Своемъ домѣ) щедрою рукою предлагаетъ всеблагой Творецъ для наслажденія.

6. Разсматривая себя самихъ, мы также открываемъ, что всѣмъ намъ одинаково необходимы и образованіе, и нравственность, и благочестіе, будемъ ли мы разсматривать существо нашей души, или цѣль, для которой мы сотворены и введены въ міръ.

2) устройствомъ нашей души,

7. Существо души состоитъ въ единствѣ трехъ силъ (которыя напоминаютъ собою несотворенную Троицу): ума, воли и памяти. Умъ стремится наблюдать различія вещей (до малѣйшихъ даже подробностей); воля стремится къ свободѣ выбора, т. е. къ избранію полезнаго и неодобренію вреднаго; а память сберегаетъ для будущаго употребленія то, чѣмъ когда-либо были заняты умъ и воля, и напоминаетъ душѣ о ея зависимости (въ которой она стоитъ къ Богу) и ея обязанности; въ этомъ отношеніи память называется также совѣстью. И такъ, для того, чтобы эти силы могли надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности, вполнѣ необхо-

димо снабдить ихъ тѣмъ, что просвѣтляло бы умъ, направляло бы волю, будило бы совѣсть, дабы умъ глубоко проникалъ, воля дѣлала безошибочный выборъ, а совѣсть неудержимо направляла все къ Богу. Слѣдовательно, какъ эти способности (умъ, воля и совѣсть), составляя одну и ту же душу, не могутъ быть разъединяемы, точно такъ должны быть нераздѣльны и тѣ три украшенія души—образованіе, добродѣтель и благочестіе.

8. Если мы, наконецъ, разсмотримъ цѣль нашего появленія въ мірѣ, то откроется, что она дважды — тройная, именно: вопервыхъ—служить Богу, прочимъ созданіямъ и самимъ себѣ, а во-вторыхъ — наслаждаться удовольствіемъ, которое имѣетъ свой источникъ въ Богѣ, созданіяхъ и насъ самихъ. 3) цѣлью нашего появленія въ мірѣ:

9. Если мы хотимъ служить Богу, ближнему и себѣ самимъ, то необходимо имѣть въ отношеніи къ Богу—благочестіе, въ отношеніи къ ближнему—добродѣтель, въ отношеніи къ себѣ самимъ—знаніе. Впрочемъ, все это такъ тѣсно связано одно съ другимъ, что, какъ для себя самого человѣкъ долженъ быть не только благоразумнымъ, но и нравственнымъ и благочестивымъ, такъ и нуждамъ ближняго должны служить не только наши нравственныя качества, но и знанія и благочестіе, равно какъ и въ прославленіе Бога должны обратиться не только благочестіе, но и познанія и добрые нравы. (1) служить Богу, ближнимъ и намъ самимъ,

10. Что касается удовольствія, то къ нему предназначилъ человѣка Самъ Богъ, какъ Онъ засвидѣтельствовалъ при самомъ его сотвореніи, вводя его въ міръ, послѣ того какъ надѣлилъ уже его всѣми благами, и сверхъ того насаждая для его наслажденій рай, наконецъ благоволивъ сдѣлать его соучастникомъ въ Своемъ вѣчномъ блаженствѣ. (2) наслаждаться троякимъ удовольствіемъ, имѣющимъ источникъ

11. Но подъ удовольствіемъ надо понимать не чувственное удовольствіе (хотя и послѣднее можетъ имѣть своимъ источникомъ только добродѣтель—умѣренность, такъ какъ есть не что иное, какъ избытокъ здоровья и пріятное ощущеніе отъ пищи и сна), но наслажденіе душевное, которое имѣетъ свой источникъ или въ окружающихъ насъ предметахъ, или въ насъ самихъ, или въ Богѣ.

a) въ самыхъ предметахъ,

12. Удовольствіе, имѣющее свой источникъ въ самыхъ предметахъ, есть то пріятное чувство, которое испытываетъ мудрецъ при своихъ изслѣдованіяхъ. Ибо, куда бы онъ ни обращался и что́ бы ни представлялось его взорамъ, о чемъ бы онъ ни размышлялъ,—вездѣ и во всемъ онъ находитъ такое наслажденіе, что часто, находясь какъ бы внѣ себя отъ упоенія, онъ забываетъ о себѣ самомъ. Это состояніе и есть, конечно, то, о чемъ свидѣтельствуетъ книга Премудрости: «въ обращеніи мудрости нѣтъ суровости, ни въ сожитіи съ нею скорби, но веселіе и радость (Прем. Солом. 8, 16). И языческій мудрецъ говоритъ: «нѣтъ ничего пріятнѣе въ жизни, какъ философствовать».

b) въ насъ самихъ,

13. Наслажденіе, находимое въ себѣ самомъ, есть то пріятное чувство радости, которое испытываетъ добродѣтельный человѣкъ въ силу внутренняго своего добраго настроенія, когда онъ видитъ себя готовымъ ко всему, чего требуетъ порядокъ справедливости. Эта послѣдняя радость гораздо выше первой, согласно изреченію: чистая совѣсть есть непрерывный пиръ.

c) въ Богѣ.

14. Наслажденіе, имѣющее свой источникъ въ Богѣ, есть высшая степень радости въ настоящей жизни; это—то душевное состояніе, когда человѣкъ, помышляя о Богѣ, какъ о вѣчно милосердномъ къ нему, приходитъ въ такое упоеніе отъ Его отеческой и неизмѣнной милости, что его сердце таетъ отъ любви къ Богу, и онъ не знаетъ, что́ еще онъ долженъ сдѣлать или чего желать, а только, всецѣло предавая себя милосердію Божію, чувствуетъ пріятное успокоеніе и наслаждается предвкушеніемъ вѣчной жизни. Это и есть тотъ миръ Божій, который превыше всякаго ума (Филипп. 4, 7) и выше котораго нельзя ничего ни пожелать, ни вообразить. И такъ, образованіе, добродѣтель и благочестіе—вотъ тѣ три источника, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ потоки высшихъ наслажденій.

4) Примѣромъ Христа, Который есть нашъ образецъ.

15. Наконецъ, что образованіе, добродѣтель и благочестіе должны быть присущи всѣмъ и каждому, это Богъ показалъ собственнымъ примѣромъ, явившись во плоти (чтобы показать на Себѣ образецъ и мѣру всего). Ибо, Онъ, пре-

успѣвая въ возрастѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ преуспѣвалъ въ премудрости и любви у Бога и человѣковъ, какъ свидѣтельствуетъ евангелистъ (Лук. 2, 52). Вотъ гдѣ та блаженная тройца украшеній нашихъ! Ибо что такое мудрость, какъ не познаніе всѣхъ вещей, каковы онѣ въ дѣйствительности? Что снискиваетъ намъ расположеніе людей, какъ не любезное обхожденіе? Что доставляетъ намъ милость Божію, какъ не страхъ Господень, т. е. внутреннее, строгое и ревностное благочестіе? И такъ, постараемся ощутить въ себѣ самихъ то, что мы видимъ въ І. Христѣ: вѣдь Онъ есть тотъ совершеннѣйшій образецъ всякаго совершенства, которому и мы должны подражать.

16. Поэтому-то Онъ и сказалъ: «Научитесь отъ Меня» (Матѳ. 11, 29). И такъ какъ одинъ и тотъ же Христосъ данъ человѣческому роду и какъ просвѣщеннѣйшій учитель, и какъ святѣйшій жрецъ, и какъ могущественнѣйшій царь, то ясно, что и христіане должны получать образованіе по примѣру Христа, т.е. просвѣтить свой умъ, освятить свою совѣсть, сдѣлаться сильными въ своихъ дѣйствіяхъ (каждый въ своемъ призваніи). Слѣдовательно, и школы тогда только будутъ истинно-христіанскими, когда онѣ будутъ дѣлать насъ какъ можно болѣе похожими на Христа.

Несчастное разъединеніе.

17. Поэтому несчастно всякое разъединеніе, при которомъ эти три условія не соединены несокрушимою связью. Несчастно то образованіе, которое не переходитъ въ нравственность и благочестіе! Ибо что такое ученость безъ нравственности? Кто преуспѣваетъ въ наукахъ, а въ нравственности отстаетъ (старая пословица), тотъ скорѣе отстаетъ, чѣмъ преуспѣваетъ. Слѣдовательно, что сказалъ Соломонъ о красивой, но отвергающей разумъ женщинѣ, то можно также сказать и о человѣкѣ ученомъ, но безнравственномъ: «чтó золотое ожерелье на рылѣ свиньи, то образованіе въ человѣкѣ, отвергающемъ добродѣтель» (Притчи 11, 22)*). И какъ драгоцѣнные камни не оправляются въ свинецъ, но

*) Въ этомъ мѣстѣ въ русской Библіи стоитъ: «что золотое кольцо въ носу у свиньи, то женщина красивая и—безразсудная».

въ золото, и тогда оба предмета ярче блестятъ; такъ и знаніе не должно соединяться съ распущенностью, но съ добродѣтелью, и одно придастъ красы другому. А если къ нимъ обоимъ присоединится еще истинное благочестіе, тогда получится полное совершенство. Ибо страхъ Господень есть не только начало и конецъ мудрости, но и завершеніе и вѣнецъ знанія, потому что полнота премудрости—бояться Господа (Притчи Соломон. 1, Сираховъ сынъ 1 и въ другихъ мѣстахъ).

Заключеніе.

18. Однимъ словомъ: такъ какъ отъ дѣтскаго возраста и отъ того, въ чемъ дитя наставляютъ, зависитъ вся остальная жизнь, то отсюда слѣдуетъ, что все пойдетъ прахомъ, если души всѣхъ уже въ этомъ возрастѣ не будутъ подготовлены ко всѣмъ задачамъ цѣлой жизни. Слѣдовательно, какъ въ утробѣ матери у каждаго будущаго человѣка образуются одни и тѣже члены и при томъ у каждаго всѣ: руки, ноги, языкъ и т. д., хотя не всѣмъ суждено быть потомъ ремесленниками, скороходами, писцами или ораторами; такъ и въ школѣ всѣхъ слѣдуетъ учить всему, что составляетъ необходимое отличіе человѣка, хотя впослѣдствіи однимъ болѣе пригодится одно, а другимъ—другое.

Глава XI.

Школъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію, до сихъ поръ не было.

Что такое школа, вполнѣ соотвѣтствующая своему назначенію?

1. Я могу показаться черезчуръ уже смѣлымъ вслѣдствіе такого рѣшительнаго заявленія. Но я ссылаюсь на самое дѣло и избираю судьей тебя самого, читатель, самъ являясь только истцомъ. Вполнѣ соотвѣтствующею своему назначенію я называю такую школу, которая была-бы истинною мастерскою для образованія людей, т. е. такою, въ которой духъ учащихся погружался бы въ сіяніе мудрости, дабы онъ могъ быстро проникать во все явное и сокровенное (какъ говоритъ книга Премудрости, 7, 17), а души и желанія душевныя направля-

лись бы ко всеобщей гармоніи добродѣтелей, сердца-же насыщались бы и проникались бы любовью къ Богу до того, что уже теперь, подъ небомъ, всѣ тѣ, которые отданы въ христіанскія школы для усвоенія истинной мудрости, пріучались бы жить небесною жизнью; словомъ, такія школы, гдѣ всѣхъ учили бы всему и всесторонне.

2. Но какая школа до сихъ поръ ставила себѣ задачей выполнить эти требованія въ такой степени совершенства, не говоримъ уже, выполняла ихъ? Но, чтобы не казалось, что мы преслѣдуемъ Платоновскіе идеалы [43]) и мечтаемъ о такомъ совершенствѣ, какого нигдѣ нѣтъ и на которое, быть можетъ, нельзя и надѣяться въ настоящей жизни,—я представлю другое доказательство того, что школы должны быть такими и что ихъ все таки нѣтъ до сихъ поръ.

Доказывается, что школы должны быть именно таковы, но что ихъ все-таки нѣтъ,

3. Д-ръ Лютеръ въ своемъ «Увѣщаніи» (1525 г.) къ городамъ Германской Имперіи относительно учрежденія школъ (въ 1525 г.), высказываетъ между прочимъ два слѣдующихъ желанія: во-первыхъ, чтобы во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были заведены школы для обученія всѣхъ дѣтей обоего пола (какъ и мы доказали въ IX главѣ, что это должно быть сдѣлано), и при томъ такъ, чтобы и тѣ, которые посвятили себя земледѣлію и ремесламъ, ежедневно, хоть на два часа приходя въ школы, обучались наукамъ и наставлялись въ правилахъ нравственности и религіи; а во-вторыхъ, чтобы ихъ обучали по какой-либо болѣе легкой методѣ, которая не только не отвращала бы ихъ отъ школьныхъ занятій, а скорѣе привлекала ихъ своего рода приманками, — и, какъ онъ говоритъ, чтобы дѣти извлекали изъ школьныхъ занятій такое же удовольствіе, какое они чувствуютъ, проводя цѣлые дни за игрой въ орѣхи, мячъ, бѣгъ. Таковы его желанія.

1) желаніемъ д-ра Лютера,

4. Подлинно, разумный совѣтъ и достойный такого человѣка! Но кто-же не видитъ, что этотъ совѣтъ до сихъ поръ такъ и остался однимъ добрымъ желаніемъ? Гдѣ тѣ всесторонне развивающія школы? гдѣ та привлекательная метода?

2) свидѣтельствомъ фактовъ,

Ибо 1) школы еще не вездѣ основаны,

5. Во всемъ мы видимъ противоположное этому: въ маленькихъ общинахъ—сельскихъ и деревенскихъ—школы досихъ поръ еще не основаны.

2) а гдѣ онѣ и существуютъ, тамъ не заботятся сдѣлать ихъ общедоступными;

6. А гдѣ онѣ и есть, тамъ онѣ доступны не всѣмъ безъ различія, а только нѣкоторымъ, именно болѣе богатымъ, болѣе-же бѣдные, по причинѣ дороговизны школьнаго обученія, получаютъ доступъ въ школы только случайно, т. е. если кто-либо сжалится надъ ними. А между тѣмъ среди этихъ бѣдняковъ, вѣроятно, встрѣчаются иногда и гибнутъ,—къ великому ущербу для церкви и общества, — отличныя природныя дарованія.

3) эти школы не мѣсто веселой работы, а мельницы—толчеи;

7. Далѣе, при обученіи юношества большею частію употреблялась столь суровая метода, что школы вообще считались пугалами для мальчиковъ и мѣстами пытокъ для дарованій, и лучшая часть учениковъ, получивъ отвращеніе и къ наукамъ, и къ книгамъ, прежде времени спѣшили въ мастерскія ремесленниковъ или избирали какой-либо другой родъ жизни.

4) ни въ одной изъ нихъ не учатъ всему или тому, чему прежде всего слѣдуетъ обучать;

8. А о развитіи тѣхъ, которые и были удерживаемы въ школахъ (по волѣ-ли родителей и покровителей, или соблазняемые надеждою современемъ достигнуть чрезъ изученіе наукъ какого-либо почетнаго положенія, или по собственному природному влеченію къ этимъ благороднымъ занятіямъ), если и прилагалось попеченіе, то дѣлалось это не серьезно и не достаточно благоразумно, а скорѣе въ превратномъ и ложномъ направленіи. Ибо, что̀ преимущественно слѣдовало бы насаждать въ душѣ дѣтей, то главнымъ образомъ и оставлялось въ пренебреженіи: благочестіе и нравственность! Объ этомъ, повторяю, менѣе заботились во всѣхъ школахъ (даже въ академіяхъ, которыя между тѣмъ должны были бы давать высшую степень человѣческаго развитія), такъ что изъ нихъ выходили вмѣсто кроткихъ агнцевъ большею частію дикіе ослы, неукротимые и упрямые мулы, а вмѣсто характера, склоннаго къ добродѣтели, онѣ выносили только обманчивую вѣжливость обращенія, какую-либо пышную иноземную одежду, да глаза, руки и ноги, искусившіеся въ свѣтской суетности. Кому изъ этихъ ничтожныхъ людей, такъ долго изощрявшихся въ

занятіи языками и искусствами, приходило на мысль быть для прочихъ смертныхъ образцомъ умѣренности, цѣломудрія, смиренія, человѣколюбія, серьезности, терпѣнія, воздержанія и т. п.? Отъ чего же это, — какъ не отъ того, что въ школахъ вовсе и не затрогивается вопросъ о добродѣтельной жизни? Это подтверждается упадкомъ дисциплины почти во всѣхъ школахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ распущенность нравовъ во всѣхъ сословіяхъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ и безконечныя жалобы, сѣтованія и слезы многихъ благочестивыхъ людей. И станетъ-ли послѣ этого ктонибудь защищать настоящее состояніе школъ? Очевидно, болѣзнь, унаслѣдованная нами отъ прародителей, еще сидитъ въ насъ, что мы, пренебрегши древомъ жизни, безпорядочно направляемъ свои желанія къ одному только древу познанія. А школы, потворствуя этому безпорядочному стремленію, до сихъ поръ только и гнались за знаніями.

9. Да и это въ какомъ порядкѣ и съ какимъ успѣхомъ? Конечно, съ такимъ: по-пяти, по-десяти и болѣе лѣтъ держали умъ человѣческій на томъ, что можно усвоить въ теченіе одного года. Что можно совершенно незамѣтно и по каплямъ влить въ душу дѣтей, то насильно напечатлѣвалось, даже вбивалось и вталкивалось. Что можно было представить взорамъ ясно и наглядно, то предлагалось въ темной, сбивчивой и запутанной формѣ, въ видѣ чистыхъ загадокъ.

5) учать не по плавнотекущей, а по насильственной методѣ;

10. Умолчу здѣсь о томъ, что едва ли гдѣ умы питались настоящими зернами вещей; обыкновенно же наполнялись шелухой словъ (т. е. какой-то пустой болтовней, свойственной попугаямъ) и мякиной и дымомъ мнѣній.

6) предлагается скорѣе знаніе словъ, чѣмъ вещей.

11. Даже изученіе одного латинскаго языка (коснемся этого мимоходомъ—ради примѣра), Боже милостивый, какъ было запутанно, какихъ усилій стоило, какъ было растянуто! Маркитанты, обозные служители и всякаго рода мастеровые, неся въ то же время свою работу при кухнѣ, войскѣ и другую черную работу, выучиваются не только одному языку, какъ бы сильно онъ ни отличался отъ ихъ родного языка, но даже двумъ или тремъ языкамъ скорѣе, чѣмъ воспитанники

7) Какъ пространно и запутанно изученіе латинскаго языка!

школъ одному латинскому—при полнѣйшемъ досугѣ и величайшемъ напряженіи силъ! И притомъ съ какимъ неравнымъ успѣхомъ! Тогда какъ первые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже свободно болтаютъ о своихъ дѣлахъ, послѣдніе даже послѣ 15 или 20 лѣтъ, все еще привязанные, какъ къ лубкамъ [44]), къ своимъ грамматикамъ и лексиконамъ, едва могутъ сказать что нибудь по латыни, да и то не безъ запинки и замѣшательства. Отъ чего же другого можетъ происходить эта крайне печальная трата времени и трудовъ, какъ не отъ ошибочной методы?

Жалоба на это д-ра Любина

12. Объ этой методѣ справедливо писалъ знаменитый Эйльгардъ Любинъ, докторъ богословія и профессоръ Ростокскаго университета: «Общераспространенный способъ обученія дѣтей въ школахъ представляется мнѣ такимъ, какъ если бы кто подрядился приложить все свое стараніе и усердіе, чтобы придумать какой-либо способъ или методу, при помощи которой наставники, равно какъ и ученики, могли бы только цѣною неимовѣрныхъ трудовъ, сильнаго отвращенія и безконечныхъ мученій и при томъ только въ весьма длинный промежутокъ времени, первые доводить, а послѣдніе доходить до знанія латинскаго языка.

Quae quoties repeto vel iniqua mente revolvo,
Concutior toties penitisque horresco medullis.

(«Всякій разъ, какъ я вспоминаю или противъ воли думаю объ этомъ, я разстраиваюсь, и ужасъ проникаетъ въ глубь моего сердца.»)

И немного послѣ онъ говоритъ: «Часто раздумывая объ этомъ про себя, признаюсь, я не разъ доходилъ до такой мысли, ставшей у меня убѣжденіемъ, что все это зло внесъ въ школы какой то злой и завистливый геній, врагъ рода человѣческаго». Вотъ что говоритъ Любинъ, на котораго я желалъ сослаться въ этомъ случаѣ только какъ на одного изъ многихъ другихъ выдающихся свидѣтелей.

и автора.

13. Впрочемъ, что за нужда искать свидѣтелей? Всѣхъ насъ, вышедшихъ изъ школъ и университетовъ, коснулась только тѣнь истинной учености. Я также одинъ изъ многихъ тысячъ подобныхъ, несчастное существо, для котораго пріят-

нѣйшая весна цѣлой жизни—цвѣтущіе годы юности жалкимъ образомъ прошли въ изученіи пустяковъ! Ахъ, сколько разъ, послѣ того какъ мнѣ представилась возможность увидѣть лучшее, воспоминаніе о потерянныхъ годахъ исторгало у меня изъ груди вздохи, изъ глазъ слезы, а сердце наполняло скорбью. Ахъ, какъ часто эта скорбь принуждала меня воскликнуть:

O mihi praeteritos referat si Juppiter annos!

(«О если бы Юпитеръ возвратилъ мнѣ потерянные годы»).

От жалобъ и желаній надо перейти къ попыткѣ отыскать лучшее.

14. Но эти желанія напрасны: день, который прошелъ, уже не возвратится. Ни одинъ изъ насъ, чьи годы прошли, не помолодѣетъ, чтобы научиться начать жизнь по новому и запастись лучшей подготовкой къ ней: этому ничѣмъ нельзя помочь. Остается одно, одно только возможно — позаботиться, насколько возможно, о нашихъ потомкахъ, именно: показавши, какимъ образомъ наши наставники ввергли насъ въ заблужденія, указать такимъ образомъ путь, какъ избѣжать ошибокъ. А это можетъ осуществиться во имя и подъ руководствомъ Того, Который одинъ можетъ сосчитать наши грѣхи и исправить недостатки. (Экклез. 1, 15).

Глава XII.

Школы могутъ быть приведены въ лучшее состояніе.

Слѣдуетъ-ли лѣчить застарѣлыя болѣзни?

1. Лѣчить застарѣлыя болѣзни тяжело и трудно и считается почти невозможнымъ. Однако, если бы нашелся ктонибудь, кто обѣщалъ бы средство отъ болѣзни, неужели больной отвергнулъ бы его? Не пожелалъ-ли бы онъ, напротивъ, чтобы помощь пришла какъ можно скорѣе, особенно, если бы онъ видѣлъ, что врачъ руководится въ этомъ случаѣ твердымъ убѣжденіемъ, а не легкомысленнымъ предположеніемъ. Поэтому и я, выражая столь смѣлое намѣреніе, долженъ приступить къ выясненію, во-первыхъ, того, что обѣщаю, а во-вторыхъ—на какомъ основаніи обѣщаю.

Что предлагаетъ и обѣщаетъ здѣсь авторъ? 2. Обѣщаю же я такое устройство школъ, при которомъ

I. 1) всѣ дѣти (исключая только тѣхъ, которымъ Богъ не далъ ума) могли бы получать образованіе,

II. II) и при томъ могли бы усвоить все то, что способно сдѣлать человѣка мудрымъ, добродѣтельнымъ, святымъ.

III. III) Образованіе это, служа какъ бы приготовленіемъ къ жизни, будетъ заканчиваться до наступленія зрѣлаго возраста.

IV. IV) Образованіе это въ тоже время будетъ подвигаться впередъ безъ побоевъ, суровости и вообще какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ, съ помощью самыхъ легкихъ и мягкихъ средствъ и какъ бы само собою (какъ живой организмъ увеличивается въ своемъ ростѣ, не нуждаясь ни въ какомъ искусственномъ растяженіи и вытягиваніи членовъ, такъ какъ онъ самъ постепенно и незамѣтно достигаетъ надлежащаго роста и силы, если только ему разумно доставляются питаніе, теплота и средства упражненія: такъ, говорю, и разумно доставляемыя душѣ средства для ея питанія, созрѣванія и дѣятельности превратятся въ мудрость, добродѣтель и благочестіе).

V. V) Дѣти будутъ получать образованіе не кажущееся только, но истинное, не поверхностное, а основательное, т. е. разумное существо—человѣкъ привыкнетъ руководиться собственнымъ, а не чужимъ разумомъ и не вычитывать только изъ книгъ и понимать чужія мнѣнія о предметахъ или даже только держать ихъ въ памяти и повторять, но самъ будетъ проникать до корня вещей и пріобрѣтать истинное пониманіе ихъ и умѣнье пользоваться ими. Того же слѣдуетъ держаться и относительно чистоты нравовъ и благочестія.

VI. VI) Это образованіе будетъ не трудное, а очень легкое, благодаря именно тому, что на школьныя занятія будетъ удѣляемо ежедневно не болѣе четырехъ часовъ и при томъ такъ, что одного учителя будетъ достаточно для совмѣстнаго обученія сотни учащихся при вдесяро меньшемъ

трудѣ сравнительно съ тѣмъ, какой обыкновенно тратится теперь на каждаго ученика въ отдѣльности.

3. Кто однако повѣритъ этому, пока не увидитъ? Извѣстна склонность людей, что они, пока не сдѣлано новое открытіе, удивляются, какъ оно можетъ быть сдѣлано; а когда открытіе сдѣлано, они же удивляются, какъ оно не сдѣлано уже давно. Архимеда подняли на смѣхъ, когда онъ обѣщалъ царю Гіерону одной рукой спустить въ море огромный корабль, котораго цѣлая сотня людей не могла даже сдвинуть съ мѣста; однако къ изумленію своему увидѣли это. Обыкновенное отношеніе людей къ новымъ открытіямъ поясняется примѣрами Архимедовой машины,

4. Когда Колумбъ высказывалъ предположеніе о существованіи новыхъ острововъ на западѣ, то ни одинъ король, за исключеніемъ Кастильскаго, не захотѣлъ его выслушать или пожертвовать хотя бы ничтожную сумму на осуществленіе его попытки. Даже спутники его по экспедиціи, какъ сообщаетъ исторія, въ отчаяніи не разъ приходили въ негодованіе и чуть не сбросили Колумба въ море и не вернулись назадъ, не доведя дѣла до конца. А все таки новый, столь обширный материкъ былъ открытъ, и мы всѣ теперь удивляемся, какъ онъ могъ такъ долго оставаться неизвѣстнымъ для насъ. Сюда же относится и извѣстная шутка того же Колумба. Именно, на одной пирушкѣ испанцы, завидовавшіе ему, какъ итальянцу, въ славѣ столь важнаго открытія, стали острить на его счетъ и, между прочимъ, говорили, что это второе полушаріе открыто благодаря счастливой случайности, а не на основаніи науки, и что оно могло бы быть открыто и всякимъ другимъ. Тогда Колумбъ предложилъ имъ слѣдующую остроумную задачу: как поставить куриное яйцо острымъ концомъ безъ всякой подпорки? И послѣ того, какъ попытка всѣхъ присутствующихъ оказалась тщетной, онъ ударилъ слегка яйцомъ о блюдо и, немного надломивъ скорлупу, поставилъ яйцо. Тѣ смѣялись и кричали, что такъ и они могли бы сдѣлать. «Можете, сказалъ онъ, потому что видѣли, что это возможно; но почему же никто раньше меня не сдѣлалъ?» Новаго свѣта,

5. Тоже самое, я думаю, случилось бы, если бы и Іоганъ книгопечатанія,

Фаустъ, изобрѣтатель книгопечатанія, началъ высказывать, что ему извѣстенъ способъ, съ помощью котораго одинъ человѣкъ въ теченіе недѣли перепишетъ больше книгъ, чѣмъ десять самыхъ искусныхъ писцовъ въ теченіе цѣлаго года, и что эти книги будутъ написаны очень красиво, и всѣ экземпляры будутъ сходны до малѣйшей черты и всѣ будутъ безъ малѣйшей ошибки, если только одинъ изъ нихъ будетъ достаточно исправленъ и т. д. Кто повѣрилъ бы этому? Кому это не показалось бы загадкой или, навѣрное, пустымъ и безполезнымъ хвастовствомъ? А вотъ теперь даже дѣти знаютъ, что это дѣйствительно такъ.

ружейной стрѣльбы,

6. Если бы Бартольдъ Шварцъ, изобрѣтатель металлическихъ огнестрѣльныхъ орудій, обратился къ стрѣляющимъ изъ лука съ такою рѣчью: «Ваши луки, ваши метательныя машины, ваши пращи мало пригодны; я дамъ вамъ оружіе, которое, не требуя примѣненія силы рукъ, съ помощью только огня, будетъ не только метать камни и желѣзо, но и бросать ихъ на большее разстояніе, вѣрнѣе попадать въ цѣль и съ большею силою потрясать и разрушать»; то кто изъ нихъ не встрѣтилъ бы его насмѣшками? До такой степени привыкли считать все новое и необыкновенное за чудесное и невѣроятное.

письма.

7. Американскіе дикари, конечно, не могли бы представить себѣ, какъ это одинъ человѣкъ можетъ передавать свои мысли другому, не разговаривая съ нимъ самъ и безъ помощи посла, а только пересылая клочекъ бумаги; а у насъ это понятно даже самому тупоумному. И такъ рѣшительно вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ.

Ardua visa olim risus sunt posteritati.

(«То, что когда то казалось недосягаемымъ, въ потомкахъ вызываетъ только улыбку.»)

И изобрѣтеніе усовершенствованной методы подлежитъ строгой критикѣ.

8. Предчувствіе не обманываетъ насъ, что такая же судьба постигнетъ и это наше предпріятіе,—что мы уже отчасти и испытали. Навѣрное, не одинъ удивится и вознегодуетъ на то, что находятся люди, которые ставятъ

въ укоръ школамъ и общепринятымъ учебнымъ книгамъ и способамъ обученія ихъ несовершенство и осмѣливаются обѣщать что то необыкновенное и невѣроятное.

9. Для насъ, правда, легко было бы сослаться на успѣхъ, который въ будущемъ лучше всего подтвердитъ справедливость нашего увѣренія (такъ я увѣренъ въ помощи Божіей); но такъ какъ мы пишемъ это не для невѣжественной толпы, а для людей, понимающихъ дѣло, то мы должны напередъ [45]) доказать, что возможно всѣхъ дѣтей обогатить знаніями и внушить имъ правила нравственности и благочестія безъ всѣхъ тѣхъ огорченій и затрудненій, какія повсюду испытываютъ одинаково какъ учащіе, такъ и учащіеся при обычной методѣ. Какъ слѣдуетъ отнестись къ этой критикѣ?

10. Въ доказательство этого мы приведемъ одно, но вполнѣ достаточное основаніе, именно: несомнѣнно, что каждое существо не только легко поддается тому, къ чему оно склонно по природѣ, но даже само съ особенною охотою стремится къ этому, такъ что испытываетъ страданіе, если его удерживаютъ. Основаніе научнаго доказательства,

11. Птицу нѣтъ надобности принуждать, чтобы она пріучалась летать, рыбу—плавать, дикаго звѣря—рыскать: они дѣлаютъ это сами, лишь только почувствуютъ, что у нихъ достаточно окрѣпли назначенные для этихъ движеній члены. Нѣтъ также нужды заставлять воду течь по скату, огонь—горѣть, если есть горючій матеріалъ и притокъ воздуха, — круглый камень—катиться внизъ, а квадратный—лежать на мѣстѣ. Глазъ и зеркало при свѣтѣ также сами воспринимаютъ образы предметовъ; точно такъ же сѣмя подъ вліяніемъ влаги и тепла само пускаетъ ростки. Однимъ словомъ, все само по себѣ стремится проявить ту дѣятельность, къ какой оно способно по природѣ, и при постороннемъ. даже очень слабомъ, содѣйствіи проявляетъ ее. объясняемое

12. И такъ, если сѣмена знанія, нравственности и благочестія (какъ мы видѣли въ V главѣ) врождены всѣмъ людямъ (уродовъ между ними мы исключаемъ), то отсюда необходимо слѣдуетъ, что для своего развитія эти и примѣняемое къ дѣлу.

сѣмена нуждаются только въ слабомъ толчкѣ и нѣкоторомъ разумномъ направленіи.

I-е возраженіе. 13. Но, говорятъ, не изъ всякаго бревна можно сдѣлать Меркурія *). На это я отвѣчу: Но изъ каждаго человѣка можетъ выйти человѣкъ, если только устранить порчу.

II-е возраженіе. 14. А все-таки (возразитъ кто-нибудь), внутреннія наши силы ослабѣли со времени перваго грѣхопаденія. Отвѣчаю: но не уничтожены. Вѣдь и тѣлесныя наши силы ослаблены, но умѣемъ же мы снова развивать ихъ до природной ихъ крѣпости ходьбою, бѣганьемъ, упражненіемъ въ разныхъ искусствахъ. Хотя прародители тотчасъ послѣ сотворенія могли ходить, говорить, разсуждать, а мы пріобрѣтаемъ способность и ходить, и говорить, и разсуждать только путемъ навыка; однако отсюда не слѣдуетъ, что всему этому можно научиться не иначе, какъ безъ опредѣленнаго плана, путемъ тяжелыхъ усилій и на авось. Ибо если мы безъ особенныхъ трудностей выучиваемся тому, что принадлежитъ къ отправленіямъ тѣла, именно: ѣсть, пить, ходить, танцовать, заниматься ремеслами, то отчего же нельзя такъ же легко научиться и тому, что составляетъ душевную дѣятельность, если только нѣтъ недостатка въ надлежащемъ наставленіи? Скажемъ больше. Берейторъ въ нѣсколько мѣсяцевъ выучиваетъ лошадь бѣгать рысью, плясать, кружиться и по знаку хлыста дѣлать различныя движенія; легкомысленный фигляръ выучиваетъ медвѣдя плясать, зайца—бить въ бубны, собаку—пахать, фехтовать, отгадывать и т. д.; какая-нибудь пустая старуха выучиваетъ попугая, сороку или ворона повторять человѣческія слова или напѣвать мелодіи, — и все это вопреки природѣ этихъ животныхъ и въ короткое время. Неужели же человѣкъ не будетъ въ состояніи безъ особаго труда научиться тому, къ чему его природа, не говорю уже, дѣлаетъ способнымъ, или ведетъ, но даже неудержимо влечетъ? Устыдимся утверждать это, чтобы даже дрессировщики животныхъ не осмѣяли насъ самымъ жестокимъ образомъ.

*) Латинская пословица.

15. Но,—возразятъ еще,—по самой трудности дѣла не всякій понимаетъ его. Отвѣчаю: что же это за трудность? Есть-ли, скажите, въ природѣ тѣло столь темнаго цвѣта, что не можетъ отразиться въ зеркалѣ, лишь бы только держали его передъ нимъ при надлежащемъ освѣщеніи? Есть-ли что-нибудь такое, чего нельзя было бы нарисовать, лишь бы за это взялся знатокъ дѣла? Есть-ли какое-либо сѣмя или корень, котораго не могла бы принять земля и чрезъ свою теплоту не дала бы ему прорости? Нужно только, чтобы нашелся человѣкъ, знающій гдѣ, когда и какъ что надо сѣять. Приведу еще примѣръ. Нѣтъ въ мірѣ скалы или башни на столько высокой, чтобы на нее нельзя было взобраться каждому, у кого есть ноги? Стоитъ только, какъ слѣдуетъ, приставить лѣстницу или въ самой скалѣ вырубить ступеньки въ надлежащемъ разстояніи одна отъ другой и порядкѣ, чтобы по нимъ можно было подняться, а въ предупрежденіе опасности свалиться—оградить ихъ перилами. Слѣдовательно, если такъ мало людей достигаетъ до вершины знаній, хотя многіе изъ нихъ приступаютъ къ изученію наукъ съ бодрымъ духомъ и съ большою охотою, — да и тѣ, которымъ до нѣкоторой степени удается это, только съ трудомъ приходятъ къ цѣли, едва переводя духъ, чувствуя изнеможеніе и какъ бы головокруженіе и неоднократно поскальзываясь и падая назадъ: то отсюда не слѣдуетъ, что что-либо недоступно для человѣческаго ума, а это значитъ, что ступени расположены неправильно, коротки, дырявы, шатки, т. е. что метода лишена опредѣленнаго плана. А по ступенькамъ, правильно расположеннымъ, цѣлымъ, прочнымъ и безопаснымъ, несомнѣнно каждаго можно довести до какой угодно высоты. III-е возраженіе.

16. Скажутъ: тѣмъ не менѣе есть очень тупыя головы, въ которыя ничего нельзя вложить. Отвѣчаю: едва-ли найдется зеркало, до такой степени покрытое пятнами, чтобы не могло хоть какъ-нибудь отражать предметы; едва-ли найдется доска, до такой степени шероховатая, чтобы на ней нельзя было написать хоть что-нибудь. Между тѣмъ, если зеркало загрязнилось отъ пыли или пятенъ, то его сперва надо вытереть, а если доска шероховата, то ее сперва надо сдѣ- IV-е возраженіе. Отвѣтъ I.

лать гладкой, и тогда они сдѣлаются пригодными. Равнымъ образомъ, если только предполагается сгладить недостатки въ природныхъ способностяхъ юношей и изощрить ихъ, то несомнѣнно недостатки сгладятся и способности изощрятся у однихъ такимъ, а у другихъ—другимъ путемъ, такъ что въ концѣ-концовъ всѣ будутъ въ состояніи все понимать (я непоколебимо стою за то, что утверждаю, потому что основаніе остается непоколебимымъ). Обнаружится только та разница, что болѣе вялыя изъ дѣтей будутъ сознавать, что пріобрѣли только посредственныя познанія, а все-таки это сознаніе у нихъ будетъ; болѣе же даровитыя, переходя въ своей жаждѣ познанія отъ однихъ предметовъ къ другимъ, будутъ все глубже и глубже проникать въ нихъ и различными способами накоплять все новыя и весьма полезныя наблюденія.

Отвѣтъ 2. Наконецъ, предположимъ, что есть нѣкоторыя природныя дарованія, совершенно неспособныя къ развитію, какъ совершенно корявое дерево негодно для рѣзьбы. Все таки то, что мы утверждаемъ, остается вѣрнымъ относительно среднихъ дарованій, а на нихъ, благодаря Богу, всегда очень обильный урожай. Въ самомъ дѣлѣ, слабоумные или отъ рожденія лишенные какихъ-либо органовъ очень рѣдко встрѣчаются: слѣпота, глухота, хромота, болѣзненность рѣдко бываютъ врожденными, а скорѣе являются по нашей винѣ, равно какъ и чудовищная тупость мозга.

V-е возраженіе. 17. Возражаютъ еще: нѣкоторымъ недостаетъ не способности къ умственнымъ занятіямъ, но охоты, а приневоливаніе ихъ вопреки ихъ желанію можетъ внушить отвращеніе, да и безполезно. Отвѣчаю. Дѣйствительно, одинъ философъ, какъ пишутъ, имѣя у себя двухъ учениковъ—одного неспособнаго къ ученію, а другаго упрямаго, обоихъ прогналъ отъ себя, такъ какъ первый, при всемъ желаніи, не могъ усвоить ученія, а второй, имѣя способности, не хотѣлъ. Но справедливо-ли это, если сами наставники бываютъ виновниками этого отвращенія къ наукамъ? По крайней мѣрѣ, уже Аристотель высказалъ мысль, что жажда знанія врождена человѣку, и, какъ мы видѣли

(margin: Отвѣтъ.)

въ V и въ предыдущей (XI) главѣ, это дѣйствительно такъ. Но иногда вслѣдствіе баловства родителей у дѣтей извращается естественное стремленіе къ знанію; иногда легкомысленное товарищество увлекаетъ ихъ къ пустымъ вещамъ; иногда дѣти сами отдаляются отъ свойственной ихъ природѣ душевной дѣятельности вслѣдствіе того, что ихъ вниманіе привлекаютъ разныя гражданскія и придворныя занятія и всевозможные внѣшніе предметы. Отсюда происходитъ то, что они часто не имѣютъ ни малѣйшаго интереса къ неизвѣстному и съ трудомъ могутъ сосредоточивать свои мысли. (Какъ языкъ, привыкши къ одному какому-либо вкусовому ощущенію, плохо различаетъ другія; такъ и умъ, направленный въ одну сторону, недостаточно внимателенъ къ тому, что представляется съ другой стороны). Слѣдовательно, въ такихъ дѣтяхъ сперва слѣдуетъ устранить эту извнѣ привитую тупость и возвратить природнымъ способностямъ ихъ первоначальную силу,—тогда навѣрное возвратится и жажда знанія. Но многіе-ли изъ тѣхъ, которые берутся за дѣло образованія юношества, думаютъ о томъ, чтобы сперва сдѣлать ихъ способными къ усвоенію образованія, т.е. о томъ, чтобы, подобно токарю, сперва обтесать дерево, и потомъ уже точить изъ него вещь; или, подобно кузнецу, прежде размягчить желѣзо, а потомъ уже ковать, или, какъ шерстобитъ, сперва очистить шерсть, вымыть и разчесать ее, а потомъ уже прясть нити, дѣлать основу и ткать; или, наконецъ, подражая сапожнику, сначала выдѣлать кожу, растянуть и разгладить ее, а потомъ уже шить сапоги? Кто, говорю я, обращаетъ вниманіе на то, чтобы и учитель такимъ же образомъ, прежде чѣмъ приступить къ образованію ученика путемъ наставленій, пробудилъ въ немъ стремленіе къ развитію, а тѣмъ болѣе—сдѣлалъ его способнымъ къ нему и во всемъ послушнымъ себѣ? Наоборотъ, почти каждый наставникъ принимается обработывать ученика прямо въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступаетъ въ его руки: сейчасъ же принимается и точить, и ковать, и дѣлать основу, и натягивать на свои колодки, и хочетъ, чтобы онъ сейчасъ же былъ отполированъ и блестѣлъ, а если это сразу не удается (помилуйте, какъ это можетъ удаться?), то

негодуетъ, горячится, приходитъ въ бѣшенство. И мы удивляемся послѣ этого, что дѣти отказываются и бѣгутъ отъ такого образованія? Скорѣе надо удивляться, какъ можетъ кто-нибудь выдержать его!

Шесть различныхъ родовъ природныхъ дарованій.

18. Но теперь представляется удобный случай замѣтить кое-что о различіи природныхъ дарованій, именно о томъ, что есть дарованія острыя, и есть притупленныя, одни отличаются—мягкостью и податливостью, другія грубы и непреклонны; одни сами по себѣ проявляютъ страстное стремленіе къ наукамъ, другія находятъ больше удовольствія въ механическихъ работахъ. Изъ этихъ трехъ паръ природныхъ дарованій вытекаетъ шесть способовъ воздѣйствія на нихъ.

I. 19. На первомъ мѣстѣ стоятъ дѣти проницательныя, любознательныя и легко поддающіяся воздѣйствію; они одни преимущественно предъ всѣми прочими способны къ изученію наукъ. Такимъ натурамъ нужно только давать пищу, и они уже сами будутъ развиваться подобно благородному растенію; необходима только осторожность, чтобы не позволять имъ излишней поспѣшности, вслѣдствіе которой они могутъ преждевременно истощиться и сдѣлаться безплодными.

II. 20. Другія дѣти обладаютъ проницательностью ума, но медленны, однако послушны. Такія нуждаются въ толчкахъ.

III. 21. Въ-третьихъ, есть дѣти съ проницательнымъ умомъ и любознательныя, но необузданнаго и непреклоннаго характера. Такія обыкновенно ненавидимы въ школахъ и большею частію слывутъ за безнадежныхъ, а между тѣмъ изъ нихъ обыкновенно выходятъ величайшіе люди, если имъ дается правильное воспитаніе. Исторія представляетъ примѣръ такого рода въ лицѣ Ѳемистокла, великаго вождя Аѳинянъ. Въ молодости онъ отличался необузданнымъ характеромъ (такъ что наставникъ говорилъ ему: «Изъ тебя не выйдетъ ничего посредственнаго: ты принесешь государству или великое благо, или великое зло»). Впослѣдствіи, когда нѣкоторые удивлялись перемѣнѣ его харак-

тера, онъ обыкновенно говорилъ, что «неукротимые жеребята обыкновенно дѣлаются отличнѣйшими лошадьми, если съ ними обращаются какъ слѣдуетъ.» Это и испытано на Буцефалѣ Александра Великаго. Видя однажды, что отецъ его Филиппъ забраковалъ, какъ негодную, очень дикую лошадь, которая не позволяла никому сѣсть себѣ на спину, онъ сказалъ: «Какую лошадь губятъ они потому только, что сами не умѣютъ справиться съ нею!» И затѣмъ, удивительно ловко, безъ ударовъ, объѣздивъ ее, онъ достигъ того, что не только тогда, но и впослѣдствіи постоянно ѣздилъ на ней, и въ цѣломъ свѣтѣ нельзя было найти коня, болѣе достойнаго такого героя. Плутархъ, передавая это извѣстіе, прибавляетъ: «Исторія этого коня напоминаетъ намъ, что многія хорошія природныя дарованія гибнутъ по винѣ воспитателей, которые обращаютъ коней въ ословъ, потому что не умѣютъ управлять прямыми и любящими свободу натурами».

22. Въ-четвертыхъ, есть дѣти послушныя и въ тоже IV.
время съ охотою къ ученію, но медлительныя и туповатыя. Эти могутъ итти по слѣдамъ опередившихъ ихъ. Но чтобы они могли итти впередъ, необходимо быть снисходительнымъ къ ихъ слабости, ничѣмъ не обременяя ихъ и ничего не требуя отъ нихъ настойчиво, а скорѣе благосклонно перенося все, поддерживая, укрѣпляя и поощряя ихъ, чтобы они не падали духомъ. Хотя такія приходятъ къ цѣли позже, за то они лучше держатся, какъ обыкновенно бываетъ съ поздними плодами. И какъ печать труднѣе оттискивается на свинцѣ, но за то дольше держится; такъ и эти натуры большею частію бываютъ живучѣе талантливыхъ, и разъ усвоенныя ими знанія не такъ легко ускользаютъ изъ ихъ головы. Поэтому ихъ также нельзя устранять отъ школъ.

23. Въ-пятыхъ, нѣкоторые, отличаясь тупостью, V.
сверхъ того бываютъ вялы и лѣнивы. И эти могутъ еще исправиться, лишь бы только не было упрямства. Но въ этомъ случаѣ требуется много благоразумія и терпѣнія.

24. Наконецъ, есть тупыя и въ тоже время замкну- VI.
тыя въ себѣ и злонравныя натуры, по большей части погибшіе люди. Но такъ какъ вѣрно то, что въ природѣ

повсюду для пагубнаго можно найти противодѣйствія, и деревья, по природѣ безплодныя, чрезъ правильную прививку дѣлаются плодоносными, то и въ этомъ случаѣ не надо совершенно отчаиваться, а надо позаботиться, чтобы можно было, по крайней мѣрѣ, осилить и устранить упрямство такихъ дѣтей. А если это окажется невозможнымъ, тогда только можно будетъ бросить, какъ негодное, кривое и суковатое дерево, изъ котораго нѣтъ надежды вырѣзать статую Меркурія. Прогнившую почву не слѣдуетъ ни воздѣлывать, ни даже трогать, говоритъ Катонъ [46]). Впрочемъ, такую, столь испорченную, натуру едва ли встрѣтишь одну на тысячу, что служитъ особеннымъ знакомъ милости Божіей.

25. Суть всего сказаннаго сводится къ словамъ Плутарха: «то, какими родятся наши дѣти, не зависитъ ни отъ одного изъ насъ, но въ нашей власти сдѣлать ихъ добронравными чрезъ правильное воспитаніе. Вотъ что—въ нашей власти», повторяетъ онъ. По крайней мѣрѣ, садовникъ изъ всякаго отводка умѣетъ выростить дерево, всюду пользуясь однимъ и тѣмъ же своимъ навыкомъ въ посадкѣ деревьевъ.

Возможность развивать всякія дарованія съ одинаковымъ искусствомъ и по одинаковой методѣ доказывается 4 доводами.

26. Что и дѣтей возможно воспитать и образовать всѣхъ по одной и той же методѣ, несмотря на различіе ихъ способностей, показываютъ слѣдующіе 4 довода.

I. 27. Во-первыхъ, всѣхъ людей слѣдуетъ доводить до одинаковыхъ границъ знанія, нравственности и святости.

II. 28. Во-вторыхъ, всѣ люди, какъ бы ни были различны ихъ природныя дарованія, имѣютъ одну и ту же человѣческую природу, снабженную одними и тѣми же органами.

III. 29. Въ-третьихъ, это различіе природныхъ дарованій есть не что иное, какъ нарушеніе или недостатокъ естественной гармоніи, точно такъ же, какъ болѣзни тѣла указываютъ на отступленіе отъ нормальнаго отношенія влажности или сухости, теплоты или холода. Напримѣръ, проницательность природнаго дарова-

нія есть не что иное, какъ тонкость и подвижность частицъ жизненнаго духа въ мозгу, неудержимо распространяющаяся по органамъ чувствъ и весьма быстро проникающая во внѣшніе предметы. Но если эта подвижность ничѣмъ не сдерживается, то этотъ духъ разсѣевается, и мозгъ остается разслабленнымъ или притупленнымъ. Вотъ отчего мы и видимъ, что людей съ преждевременно развитыми дарованіями или похищаетъ ранняя смерть, или они тупѣютъ. Съ другой стороны, что́ такое тупость природнаго дарованія, какъ не клейкая сгущенность и непрозрачность частицъ жизненнаго духа, которыя поэтому необходимо разгонять усиленнымъ движеніемъ и дѣлать прозрачнѣе? Что́ такое, спрашиваю я, дерзость и грубость, какъ не чрезмѣрная неподатливость сердца на уступки? Поэтому ее слѣдуетъ ослаблять дисциплиной. Лѣность есть не что иное, какъ чрезмѣрная вялость сердца, требующая укрѣпленія. Поэтому, какъ для тѣла наиболѣе полезно то лѣченіе, которое не столько, что называется, клинъ клиномъ вышибаетъ (ибо при этихъ условіяхъ возгорается еще сильнѣйшая борьба между противоположными элементами), сколько стремится привести ихъ въ соразмѣрное отношеніе, чтобы съ одной стороны не было недостатка въ какомъ-либо изъ нихъ, а съ другой—излишка; такъ и противъ недостатковъ человѣческаго духа самымъ пригоднымъ средствомъ будетъ такая метода, которая умѣряла бы излишества и восполняла недостатки дарованій и все приводила бы въ гармонію и пріятное согласіе. Съ этою цѣлью предлагаемая нами метода и разсчитана на среднія дарованія (какія всегда являются въ большинствѣ, такъ что при этомъ, съ одной стороны, мы не лишены тормазовъ для сдерживанія болѣе живыхъ дарованій (дабы они преждевременно не истощались), а съ другой стороны, имѣемъ шпоры и стрекала, чтобы подгонять болѣе медлительныхъ.

30. Наконецъ, этимъ недостаткамъ и излишествамъ природныхъ дарованій можно лучше помочь, пока они еще вновѣ. Ибо, какъ въ военной службѣ, новобранцевъ перемѣшиваютъ со старыми солдатами, слабыхъ съ крѣпкими, лѣнивыхъ съ дѣятельными, и заставляютъ ихъ сражаться подъ IV.

однимии тѣми же знаменами и подчиняться одинаковымъ приказаніямъ, пока бой идетъ въ строю, а когда, наконецъ, побѣда одержана, каждый преслѣдуетъ врага отдѣльно, насколько хочетъ и можетъ, намѣчая себѣ добычу по собственному желанію; такъ и въ этой научной службѣ слѣдуетъ поступать съ такимъ разсчетомъ, чтобы медлительные были перемѣшаны съ быстрыми, тупые съ понятливыми, упрямые съ послушными, и чтобы они подчинялись одинаковымъ правиламъ и примѣрамъ до тѣхъ поръ, пока нуждаются въ руководителѣ. По выходѣ же изъ школы пусть каждый проходитъ остальное поприще научныхъ занятій съ посильнымъ для него рвеніемъ.

Съ какою предосторожностію можно перемѣшивать дарованія различной степени?

31. Но такое перемѣшиваніе, какое мы разумѣемъ, должно имѣть въ виду не только мѣсто, но еще болѣе помощь. Именно, коль скоро наставникъ замѣчаетъ болѣе даровитаго мальчика, пусть онъ поручитъ ему обучать двухъ или трехъ болѣе слабыхъ. Если онъ замѣтитъ мальчика съ благородными наклонностями, то пусть отдастъ подъ его наблюденіе и руководство товарищей дурнаго направленія. Такимъ образомъ и о тѣхъ, и о другихъ будетъ приложено надлежащее попеченіе, если при этомъ и наставникъ будетъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы все дѣлалось по разумному плану.

Но пора наконецъ приступить къ объясненію самаго дѣла.

Глава XIII.

Основою для преобразованія школъ служитъ строгій порядокъ во всемъ.

Порядокъ — душа всего существующаго.

1. Если мы обратимъ вниманіе на то, что поддерживаетъ существованіе этой вселенной со всѣми ея отдѣльными частями въ данномъ имъ устройствѣ, то найдемъ, что это не что иное, какъ порядокъ; а самый порядокъ есть правильное распредѣленіе предшествующаго и послѣдующаго, высшаго и низшаго, бóльшаго и меньшаго, подобнаго и неподобнаго сооб-

разно тому мѣсту, времени, числу, мѣрѣ и вѣсу, какіе каждая вещь должна имѣть и какіе ей свойственны. Поэтому прекрасно и вѣрно кто то назвалъ порядокъ душой всего существующаго. Въ самомъ дѣлѣ, все, что основано на порядкѣ, пока сохраняетъ послѣдній, сохраняетъ свое положеніе и остается невредимымъ; а коль скоро отступаетъ отъ порядка, слабѣетъ, расшатывается, клонится къ паденію, рушится. Это видно изъ всѣхъ примѣровъ и цѣлой природы, и искусства.

2. Чтó, скажите, даетъ возможность міру не только существовать, но и сохранять свойственную ему полноту? Разумѣется, то, что каждое твореніе очень твердо держится своихъ границъ, какія ему предначертаны природой, а чрезъ это сохраненіе порядка въ отдѣльныхъ частяхъ, повторяю, поддерживается и порядокъ въ цѣломъ. Поясняется примѣрами 1) міра,

3. Отчего время цѣлые вѣка протекаетъ въ столь опредѣленные промежутки годовъ, мѣсяцевъ, дней, такъ стройно и безъ всякой путаницы? — Единственно вслѣдствіе неизмѣннаго порядка тверди небесной. 2) тверди небесной,

4. Чтó даетъ возможность пчеламъ, муравьямъ, паукамъ исполнять столь тонкія работы, что умъ человѣческій находитъ скорѣе поводъ удивляться, нежели подражать имъ? Не иное что, какъ врожденное этимъ насѣкомымъ умѣнье соблюдать въ своей дѣятельности порядокъ, число и мѣру. 3) маленькихъ животныхъ, производящихъ тонкія работы,

5. Чтó дѣлаетъ тѣло человѣка столь удивительнымъ организмомъ, что оно въ состояніи совершать почти безконечное число движеній, хотя оно и не снабжено безчисленными органами, т. е. отчего оно съ помощью тѣхъ немногихъ членовъ, изъ которыхъ оно состоитъ, можетъ исполнять удивительно-разнообразныя работы и не ощущаетъ недостатка въ чемъ-либо или потребности въ иномъ устройствѣ? Несомнѣнно, что это достигается благодаря въ высшей степени разумной соразмѣрности всѣхъ членовъ, съ какою устроенъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности и въ какой они всѣ находятся между собою. 4) человѣческаго тѣла,

6. Чтó даетъ возможность уму, живущему въ тѣлѣ, одному управлять всѣмъ тѣломъ и заразъ проявлять такую сложную дѣятельность? Только порядокъ, въ силу котораго всѣ члены соединены одинъ съ другимъ непрерывною связью и мо- 5) нашего ума,

гутъ быть приводимы въ дѣйствіе сообразно первоначальному движенію, исходящему непосредственно отъ ума.

6) благоустроеннаго государства,

7. Что даетъ возможность одному человѣку, какъ, напримѣръ, царю или императору, править цѣлыми народами, такъ что, хотя, сколько умовъ, столько и головъ, всѣ подчиняются волѣ одного такого лица и, если онъ одинъ хорошо ведетъ дѣла, то и все должно итти хорошо? Опять не что иное, какъ порядокъ, въ силу котораго всѣ связаны узами закона и подчинены тому одному главному вершителю дѣлъ, но изъ нихъ одни, въ небольшомъ числѣ, подчинены ему ближайшимъ образомъ для непосредственнаго управленія ими, каждому же изъ нихъ опять другіе и такъ послѣдовательно до конца, подобно тому, какъ въ цѣпи одно звено примыкаетъ къ другому, такъ что, тронувъ одно, тронешь и всѣ, а если первое неподвижно, то и всѣ неподвижны.

7) Архимедовой машины,

8. Какимъ образомъ Гіеронъ одинъ могъ по своему желанію двигать впередъ и назадъ такую громаду, которую напрасно пытались нѣсколько человѣкъ сдвинуть только съ мѣста? Вѣдь только съ помощью небольшой, но искусно устроенной машины, состоявшей изъ множества валовъ, блоковъ и веревокъ, которые были соединены между собою такъ, что они взаимно помогали другъ другу въ увеличеніи силъ.

8) огнестрѣльныхъ орудій,

9. Страшное дѣйствіе огнестрѣльныхъ орудій, которое потрясаетъ стѣны, ниспровергаетъ башни, уничтожаетъ арміи, является слѣдствіемъ именно извѣстнаго порядка вещей и приспособленія дѣйствующихъ элементовъ къ предметамъ дѣйствія, т. е. зависитъ отъ надлежащаго смѣшенія селитры съ сѣрою (т. е. самаго холоднаго вещества съ самымъ теплымъ), затѣмъ отъ соотвѣтствующаго имъ размѣра пушки или ружья, отъ достаточнаго по калибру пушки количества пороха и размѣра ядра, наконецъ, отъ вѣрности прицѣла. При отсутствіи хотя бы одного изъ этихъ условій всѣ эти приготовленія напрасны.

9) типографскаго искусства,

10. А типографское искусство, при помощи котораго число книгъ быстро умножается, и онѣ издаются въ красивомъ и исправномъ видѣ, какимъ образомъ выполняетъ эту задачу? Конечно, благодаря порядку, соблюдаемому какъ въ томъ

случаѣ, когда мѣдныя литеры вырѣзываются, отливаются и шлифуются, такъ и тогда, когда онѣ раскладываются по ящичкамъ *) и снова складываются при наборѣ текста, подводятся подъ прессъ и т. д., а также когда бумага предварительно приготовляется для печати, т. е. смачивается, гласируется и т. д.

11. Коснемся также предметовъ изъ области механики. Почему повозка, т. е. соединеніе дерева и желѣза (изъ нихъ она сдѣлана), такъ легко катится вслѣдъ за бѣгущими впереди лошадьми и доставляетъ такую отмѣнную пользу для передвиженія людей и тяжестей?—Только благодаря искусному соединенію дерева и желѣза при устройствѣ колесъ, осей, дышла, ярма и т. д.; а если хоть одна изъ этихъ частей треснетъ или сломается, то и весь механизмъ негоденъ. 10) повозки,

12. Благодаря чему люди, сѣвъ на деревянный корабль, ввѣряются бѣшеному морю, пробираются къ антиподамъ и возвращаются невредимыми?—Именно благодаря соразмѣрному устройству въ кораблѣ киля, мачты, рей, парусовъ, веселъ, руля, якоря, морскаго компаса и т. д. А если какая-либо изъ этихъ частей попорчена, то корабль подвергается опасности сдѣлаться игрушкой волнъ, потерпѣть крушеніе, наконецъ, погибнуть. 11) корабля,

13. Отчего, наконецъ, въ приборѣ для измѣренія времени, т. е. въ часахъ, простое желѣзо, выкованное въ разныя формы и расположенное различнымъ образомъ, совершаетъ самостоятельныя движенія, точно отсчитывая при этомъ минуты, часы, дни, мѣсяцы, иногда даже годы и не только дѣлая это видимымъ для глазъ, но и замѣтнымъ для слуха, дабы можно было узнавать время издали даже въ темнотѣ? Что за причина, что такого рода приборъ пробуждаетъ человѣка отъ сна въ тотъ часъ, какъ назначено, и даже самъ зажигаетъ лампу, такъ что, проснувшись, тотчасъ видишь свѣтъ? Почему онъ можетъ, замѣняя также календарь, показывать новолунія и полнолунія, всѣ движенія и затменія свѣтилъ? Что́ же, спрашиваю я, можетъ заслужить удивленіе, какъ не это? Металлъ, самъ по себѣ 12) часовъ.

*) Такъ называемыя «наборныя кассы».

мертвое вещество, совершаетъ столь живыя, столь постоянныя, столь правильныя движенія! А развѣ и это, пока не было изобрѣтено, не признавалось такъ же невозможнымъ, какъ если бы кто вздумалъ утверждать, что деревья могутъ двигаться, а камни—говорить? Однако наши собственные глаза убѣждаютъ насъ, что это бываетъ.

Вся тайна часовъ заключается въ порядкѣ.

14. Какою же скрытою силою производится это? Никакою другою, какъ силою явнаго порядка, господствующаго здѣсь надъ всѣмъ, именно такимъ распредѣленіемъ всѣхъ составныхъ частей прибора въ опредѣленномъ числѣ, размѣрѣ и порядкѣ, что каждая изъ нихъ имѣетъ заранѣе предназначенную ей цѣль, сообразныя съ цѣлью средства и опредѣленные размѣры ихъ, т. е. самое точное отношеніе къ остальнымъ, и что каждая часть имѣетъ надлежащую связь съ соотвѣтственной ей и взаимно дѣйствующіе законы для передачи и полученія силы. Такимъ образомъ все движется впередъ съ бо́льшею точностью, чѣмъ какой-либо живой организмъ, приводимый въ движеніе своимъ собственнымъ дыханіемъ. Но если въ тѣхъ же часахъ какая-либо часть отстала, треснула, сломалась, ослабѣла или погнулась, будь это самое маленькое колесцо, самая маленькая ось или гвоздикъ, тотчасъ и весь механизмъ останавливается и не достигаетъ своей цѣли. До такой степени при этомъ становится до очевидности яснымъ, что все зависитъ отъ порядка.

Есть надежда, что можно найти устройство школъ, похожее на устройство часовъ.

15. Итакъ, искусство учить ничего другаго не требуетъ, какъ только искуснаго распредѣленія времени, предметовъ и методы. Если намъ удастся точно установить это распредѣленіе, то обучать какое угодно число учениковъ всѣмъ предметамъ ничуть не будетъ труднѣе, чѣмъ при помощи типографскихъ приспособленій ежедневно печатать самымъ лучшимъ шрифтомъ тысячи листовъ бумаги, не труднѣе, чѣмъ, установивши архимедову машину, передвигать дома, башни и всевозможныя тяжести или, сѣвши на корабль, переплывать океанъ и достигать Новаго Свѣта. Все пойдетъ такъ же безпрепятственно, какъ идутъ часы, приводимые въ равномѣрное движеніе своими гирями, и такъ же привлека-

тельно и пріятно, какъ привлекательно и пріятно смотрѣть на самодѣйствующую машину въ томъ же родѣ, наконецъ съ такою же вѣрностью, какую можно встрѣтить во всякомъ подобномъ искусно сдѣланномъ приборѣ.

16. И такъ, во имя Всевышняго, попытаемся дать школамъ такое устройство, которое точнѣйшимъ образомъ соотвѣтствовало бы часамъ, устроеннымъ самымъ искуснымъ образомъ и роскошно украшеннымъ разнообразными приспособленіями. Заключеніе.

Глава XIV.

Точный порядокъ для школы надо заимствовать изъ природы и притомъ такой порядокъ, дѣйствіе котораго не могли бы замедлять никакія препятствія.

1. Приступимъ же, во имя Божіе, къ изысканію основаній, на которыхъ, какъ на незыблемой скалѣ, можно было бы построить методу учить и учиться. Но такъ какъ мы желаемъ устранить недостатки природы, то и средства къ устраненію ихъ намъ приходится искать только въ самой природѣ, если дѣйствительно вѣрно то, что вся сила искусства состоитъ въ подражаніи природѣ [47]). Основаній для искусства надо искать въ природѣ,

2. Пояснимъ это примѣрами. Развѣ мы не видимъ, что рыба плаваетъ въ водѣ? Это свойственно ей по природѣ. А человѣкъ, если захочетъ подражать рыбѣ, непремѣнно долженъ приспособить подобныя этому орудія и движенія, т. е. вмѣсто плавниковъ — вытягивать руки, вмѣсто хвоста — ноги, и дѣйствовать ими такъ же, какъ рыба своими плавниками. И самые корабли можно строить только по этой идеѣ: въ нихъ вмѣсто плавниковъ имѣются весла или паруса, а вмѣсто хвоста руль, или кормило. Развѣ мы не видимъ, что птица летаетъ по воздуху? Это свойственно ей по природѣ. Когда же Дедалъ [48]) вздумалъ подражать птицѣ, то долженъ былъ приладить крылья (способныя поддерживать такое тяжелое тѣло) и двигать ими. которая даетъ намъ образцы для нашей дѣятельности, какъ напр. 1) какъ надо плавать, 2) какъ строить корабли, 3) какъ летать,

4) какъ издавать звуки,

3. Органомъ для произведенія звука у животныхъ служитъ дыхательное горло, состоящее изъ хрящеватыхъ колецъ и снабженное въ верхней своей части кадыкомъ, въ видѣ клапана, а внизу—легкими, замѣняющими раздувательный мѣхъ, который производитъ токъ воздуха [49]). Въ подражаніе этому органу приготовляются пастушьи свирѣли, волынки и прочіе музыкальные духовые инструменты.

5) какъ стрѣлять изъ огнестрѣльныхъ орудій,

4. Было открыто, что то, чтó производитъ трескъ въ облакахъ и извергаетъ огонь и камни, есть воспламенившаяся смѣсь селитры и сѣры. Въ подражаніе этому теперь изъ селитры и сѣры изготовляется порохъ, который, будучи зажженъ и выпущенъ изъ ружья, производитъ нѣчто похожее на раскаты грома и сверканіе и удары молніи.

6) какъ проводить воду куда угодно,

5. Замѣчено было, что вода всегда стремится стать на одномъ уровнѣ даже въ сосудѣ о двухъ горлышкахъ, находящихся одно отъ другаго на какомъ угодно разстояніи. Поэтому стали устраивать различные водопроводы съ помощью трубъ, и такимъ образомъ вода сама собою поднимается по какой бы то ни было глубинѣ до какой угодно высоты, лишь бы только она на другомъ концѣ опускалась до того же уровня. Это—искусственное приспособленіе, но основанное на законахъ природы, именно: способъ устройства зависитъ отъ искусства, а возможность его обусловливается природой.

7) какъ измѣрять время.

6. Созерцая сводъ небесный, люди увидѣли, что онъ непрерывно вращается и что звѣзды, совершая разнообразныя круговыя движенія, приносятъ съ собою пріятную смѣну временъ года на землѣ. Поэтому, совершенно по формѣ небеснаго свода, люди придумали приборъ, представляющій суточное обращеніе небеснаго свода и опредѣляющій часы.

Объясненіе самодвижущихся часовъ для уясненія способа устройства всего прибора.

Этотъ приборъ состоитъ изъ колесиковъ, расположенныхъ такъ, что одна часть механизма не только двигаетъ другую, но и самое движеніе можетъ продолжаться безъ конца. Для этого необходимо было сдѣлать его изъ движущихся и неподвижныхъ частей подобно тому, какъ устроенъ и самый міръ. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто первой неподвижной части вселенной, т. е. земли, въ нашемъ приборѣ устроены неподвижныя подставки, колонки, циферблаты, а вмѣсто движущихся небесныхъ

шаровъ — разнообразныя колесца. Но такъ какъ ни одному колесу нельзя было придать такого свойства, чтобы оно вращалось само собою и увлекало за собою другія колеса, то (подобно тому, какъ Творецъ далъ свѣту звѣздъ силу какъ самому двигаться, такъ и двигать вмѣстѣ съ собою другія небесныя тѣла) силу движенія, будетъ ли это дѣйствіе силы тяжести, или силы упругости, необходимо было заимствовать изъ природы, именно: или къ барабану главнаго колеса привѣшивается гиря, которая, стремясь внизъ, заставляетъ оборачиваться и барабанъ и его колесо, а это послѣднее тащитъ за собою другія колеса; или же приготовляется продолговатая стальная пружина, которая, будучи сжата въ видѣ спирали внутри барабана и стремясь снова развернуться и протянуться въ длину, заставляетъ вертѣться и барабанъ, и колеса. Для того же, чтобы это вращеніе совершалось не порывисто, а медленно, именно по мѣрѣ движенія неба, вставляются другія колесца, изъ которыхъ самое крайнее, управляемое въ своемъ движеніи только двумя зубчиками, поднимаясь и опускаясь, издаетъ стукъ и показываетъ смѣну прибывающаго и уменьшающагося свѣта, т. е. дней и ночей. Далѣе, къ той части, которая должна давать знакъ объ окончаніи часа или четверти часа, искусно придѣлываются штифтики, которые, по мѣрѣ надобности, то отодвигаютъ, то снова придвигаютъ рычагъ—такимъ же образомъ, какъ въ природѣ чрезъ движеніе небесныхъ шаровъ наступаютъ и удаляются зима, весна, лѣто и осень, распредѣленныя по извѣстнымъ мѣсяцамъ.

Заключеніе о необходимости подражанія естественнымъ явленіямъ при основаніи искусства учить.

7. Изъ всего этого очевидно, что тотъ порядокъ, который мы желаемъ взять за общій образецъ для искусства всему учить и учиться, ни откуда больше не долженъ и не можетъ быть взятъ, какъ изъ указаній, какія даетъ намъ природа. Если этотъ порядокъ будетъ точно примѣненъ, то и дѣло искусства пойдетъ плавно и само собою, какъ плавно и свободно совершаются естественныя явленія. Ибо вѣрно говоритъ Цицеронъ: «Если мы будемъ слѣдовать руководству природы, то никогда не будемъ заблуждаться»; а также: «подъ руководствомъ

природы никакъ нельзя заблудиться». Эту надежду и мы питаемъ и, сдѣлавъ наблюденія надъ процессами, какіе происходятъ въ природѣ при тѣхъ или другихъ ея явленіяхъ, будемъ совѣтовать поступать подобнымъ образомъ и въ дѣлѣ обученія.

Выставляють на видъ пять препятствій.

8. Но противъ насъ и нашей надежды, съ которою мы такъ носимся, могутъ привести афоризмъ Гиппократа: «Жизнь — коротка, наука — безконечна, благопріятные случаи — мимолетны, опытъ — ненадеженъ, выводы—трудны» [50]). Въ этомъ изреченіи онъ насчитываетъ 5 препятствій, благодаря которымъ немногіе достигаютъ высшихъ ступеней науки, а именно: I) кратковременность жизни, вслѣдствіе чего мы погибаемъ большею частью во время самаго приготовленія къ жизни; II) необъятное множество предметовъ, которыми уму предстоитъ овладѣть, вслѣдствіе чего стремленіе включить все въ предѣлы знанія стоитъ безконечнаго труда; III) недостаточность случаевъ, благопріятствующихъ изученію искусствъ и наукъ или внезапное ихъ изчезновеніе, если они иногда и представляются. Въ самомъ дѣлѣ, юношескіе годы, наиболѣе пригодные для душевнаго образованія, проходятъ большею частью въ развлеченіяхъ, слѣдующій же возрастъ, по ходу дѣлъ человѣческихъ, всегда представляетъ больше случаевъ для пустыхъ, нежели для серьезныхъ занятій; а если иногда и представляется къ тому благопріятный случай, то онъ убѣгаетъ, прежде чѣмъ успѣешь поймать его [51]); IV) тупость нашего ума и неясность сужденія, которая служитъ причиною того, что мы большею частію останавливаемся на внѣшности вещей, не вникая въ ихъ сущность; V) наконецъ, если бы кто и захотѣлъ путемъ долгаго наблюденія и многократныхъ опытовъ постигнуть сущность вещей, все-таки это слишкомъ трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ шатко и ненадежно (при томъ тонкомъ сплетеніи, въ какомъ находятся вещи между собою, весьма многое легко можетъ ускользнуть отъ вниманія даже самаго зоркаго наблюдателя, а разъ допущена хоть одна ошибка, и все наблюденіе дѣлается ненадежнымъ).

9. Если все это вѣрно, то какъ-же мы осмѣливаемся обѣщать такой всеобщій, вѣрный, легкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основательный способъ занятій? Отвѣчаю: опытъ, конечно, показываетъ, что все это совершенно справедливо; но, во-первыхъ, доводы разума, а во-вторыхъ, опытъ же докажутъ, что къ устраненію этихъ препятствій есть и самыя вѣрныя средства. Вѣдь эти препятствія устроилъ Премудрый Властитель всего—Богъ для нашего же блага; слѣдовательно, ихъ можно благоразумно обратить намъ же во благо. Именно, Богъ далъ намъ короткое поприще жизни потому, что мы не умѣемъ пользоваться ею какъ слѣдуетъ при настоящей нашей испорченности. Если и теперь, когда мы «при самомъ рожденіи умираемъ, и конецъ нашъ зависитъ отъ начала», мы однако расточаемъ свои силы на суетныя цѣли, то чего не случилось бы съ нами, если бы мы имѣли впереди предъ собою столѣтія и тысячелѣтія? Поэтому Богъ соизволилъ предоставить намъ такое количество времени, какое Онъ счелъ достаточнымъ для приготовленія къ лучшей жизни. Слѣдовательно, для этой цѣли наша жизнь довольно продолжительна, если только мы умѣемъ ею пользоваться.

Отвѣтъ тотъ, что 1) не безъ мудрой цѣли устроилъ это Богъ;

I.

10. Для нашего-же блага Богу угодно было, чтобы существовало множество предметовъ, именно для того, чтобы насъ многое могло занимать, развивать, поучать. II.

11. То, что благопріятные случаи мимолетны и неуловимы *), дѣлается также по Его волѣ съ тою цѣлью, чтобы мы, замѣтивъ это, старались гдѣ возможно ловить ихъ. III.

12. Опыты ненадежны, чтобы мы относились къ нимъ со вниманіемъ и для насъ являлась необходимость болѣе глубокаго изслѣдованія вещей. IV.

13. Наконецъ, рѣшительное сужденіе о вещахъ затруднительно, чтобы изощрялось наше прилежаніе и наша настойчивость въ стремленіи проникнуть въ сущность ихъ. А это опять для того, чтобы мы, раскрывая премуд- V.

*) Въ подлинникѣ: съ волосами только на лбу («fronte solum capillata). См. примѣч. 49.

рость Божію, скрытно во всемъ присутствующую, испытывали больше наслажденія. Вѣдь, если бы все легко давалось пониманію, говоритъ Августинъ, то люди не искали бы истины такъ ревностно, а открытіе ея не доставляло бы имъ радости.

2) указанныя препятствія можно устранить.

14. Слѣдовательно, необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ можно устранить, съ Божіею помощью, тѣ препятствія, которыя Божественное Провидѣніе противопоставило намъ извнѣ для того, чтобы усилить наше рвеніе. Они могутъ быть устранены только

I) продленіемъ жизни, дабы ея достало для прохожденія назначеннаго поприща,

II) сокращеніемъ курса наукъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали продожительности жизни,

III) умѣньемъ ловить благопріятные случаи, чтобы они не проходили безъ пользы,

IV) постепеннымъ развитіемъ ума, чтобы онъ легко проникалъ въ глубь вещей,

V) установленіемъ, вмѣсто ни на чемъ не останавливающагося наблюденія, какого-нибудь незыблемаго основанія, которое не могло бы ввести въ обманъ.

Порядокъ слѣдующихъ главъ:

15. И такъ, приступимъ къ изысканію, по указаніямъ природы,

основныхъ правилъ:
- какъ продлить жизнь для изученія всего необходимаго,
- какъ сократить курсъ наукъ для скорѣйшаго ихъ изученія,
- какъ ловить благопріятные случаи для вѣрнаго изученія наукъ,
- какъ развивать умъ для легкаго изученія,
- какъ изощрять силу сужденія для основательнаго изученія.

Каждое изъ этихъ правилъ мы изложимъ въ отдѣльной главѣ, при этомъ вопросъ о способѣ сокращенія наукъ отнесемъ на послѣднее мѣсто.

Глава XV.

Основныя правила для продленія жизни.

1. Что касается кратковременности жизни, то на нее жалуются уже Аристотель и Гиппократъ [52]) и порицаютъ природу за то, что она оленямъ, воронамъ и другимъ неразумнымъ тварямъ предоставляетъ болѣе продолжительное время жизни, а жизнь человѣка, рожденнаго для столь высокихъ цѣлей, заключила въ столь тѣсныя рамки. Но на это разумно отвѣчаетъ Сенека: «Не кратковременную получаемъ мы жизнь, но дѣлаемъ ее такою, и не бѣдны мы ею, но расточительны. Если съ умѣньемъ пользоваться жизнью, то она продолжительна»; также: «жизнь довольно продолжительна и съ избыткомъ дана намъ для исполненія важнѣйшихъ задачъ, если всю ее хорошо устроить». (Въ сочиненіи: «О кратковременности жизни» 1,2.) Человѣку дается достаточно долгая жизнь,

2. Если это вѣрно, то, слѣдовательно, по нашей собственной винѣ случается, что намъ недостаетъ жизни для исполненія даже важнѣйшихъ задачъ, такъ какъ несомнѣнно мы сами расточаемъ жизнь, частью медленно убивая ее, такъ что она по необходимости угасаетъ раньше естественнаго своего конца, а отчасти также тратя остатокъ ея на вещи, лишенныя всякой цѣны. но мы сокращаемъ ее,

3. По крайней мѣрѣ, одинъ очень извѣстный писатель (Ипполитъ Гвариноній) *) утверждаетъ и доказываетъ, что по законамъ природы человѣкъ даже очень нѣжнаго тѣлосложенія, если только родился здоровымъ, обладаетъ такими жизненными силами, что ихъ достанетъ на шестьдесятъ лѣтъ, а кто очень крѣпкаго тѣлосложенія, тому хватитъ ихъ и на сто двадцать лѣтъ. Если же нѣкоторые умираютъ до этого срока (а кто не знаетъ, что большинство умираетъ въ дѣтствѣ, юно- не только ослабляя силы,

*) Лейбъ-медикъ Императора Рудольфа II (въ концѣ 16 в.).

сти или въ цвѣтущемъ возрастѣ?), то это происходитъ по винѣ людей, которые всевозможными излишествами или пренебрегая средствами, поддерживающими жизнь, губятъ какъ свое, такъ и здоровье будущихъ своихъ дѣтей и ускоряютъ приближеніе смерти.

но и не отдавая ее цѣликомъ занятіямъ, какъ это сдѣлали

4. Но можно даже незначительное время жизни (напримѣръ въ 50, 40, 30 лѣтъ) сдѣлать достаточно продолжительнымъ для совершенія величайшихъ подвиговъ, какъ доказываютъ примѣры тѣхъ, которые еще до истеченія полныхъ лѣтъ цвѣтущаго возраста достигли того, чего другіе не пытались достигнуть въ теченіе даже очень продолжительной жизни. Александръ Великій умеръ на 33-мъ году жизни человѣкомъ не только необыкновенно образованнымъ, но и побѣдителемъ міра, который онъ покорилъ не столько силою оружія, сколько разумными рѣшеніями и изумительною быстротою дѣйствій («ничего не откладывая на другое время»). Іоаннъ Пикъ Мирондольскій *) не достигъ даже лѣтъ Александра, однако, стремясь къ мудрости, онъ въ такой степени овладѣлъ всѣмъ, доступнымъ пытливому человѣческому уму, что считался чудомъ своего вѣка.

Александръ Великій

и Самъ Іисусъ Христосъ.

5. Чтобы не приводить другихъ примѣровъ, скажемъ, что Самъ Господь нашъ І. Христосъ совершилъ великое дѣло искупленія, пробывъ на землѣ только 34 года, несомнѣнно для того, чтобы дать намъ примѣръ (такъ какъ все въ Немъ полно таинственнаго значенія), что, какая бы ни досталась на долю человѣка жизнь, ея достаточно для того, чтобы пріобрѣсти себѣ опору для вѣчности.

И такъ нельзя жаловаться на кратковременность жизни.

6. Не могу не привести при этомъ золотыхъ словъ Сенеки въ подобномъ же родѣ (изъ 94-го письма): «Много людей встрѣчалъ я справедливыхъ въ отношеніи къ людямъ, въ отношеніи же къ Богу—никого. Мы ежедневно бранимъ судьбу» и т. д. «Что въ томъ, какъ скоро ты уйдешь оттуда, откуда во всякомъ случаѣ ты долженъ уйти? Жизнь продолжительна, если она полна. А она бываетъ наполнена, если духъ возвратилъ себѣ свое достояніе и

*) Жилъ отъ 1463 до 1494.

утвердилъ за собою власть надъ самимъ собою.» Также: «Заклинаю тебя, дорогой Люцилій, будемъ стремиться къ тому, чтобы наша жизнь такъ же, какъ драгоцѣнныя вещи, занимала немного мѣста, но за то много вѣсила. Будемъ мѣрить ее дѣятельностью, а не временемъ». И вскорѣ затѣмъ: «И такъ, будемъ хвалить и относить къ разряду счастливцевъ того, кто, какъ бы ни было незначительно доставшееся на его долю время, удачно воспользовался этимъ капиталомъ. Ибо онъ видѣлъ истинный свѣтъ, онъ не былъ однимъ изъ многихъ, онъ жилъ полною жизнью». И въ другомъ мѣстѣ: «Какъ человѣкъ при небольшомъ ростѣ можетъ быть совершеннымъ, такъ и жизнь можетъ быть совершенной при малой мѣрѣ времени. Продолжительность жизни есть одно изъ внѣшнихъ благъ. Ты спрашиваешь, какой срокъ жизни самый продолжительный? — Жить до достиженія мудрости. Кто ея достигъ, тотъ достигъ если не самой отдаленной, то самой важной цѣли».

7. И такъ, для устраненія жалобъ на кратковременность жизни послужатъ намъ и нашимъ дѣтямъ (а потому и школамъ) слѣдующія два средства, а именно забота о томъ, чтобы, насколько возможно, Два средства.

I) тѣло предохранить отъ болѣзней и смерти,

II) а умъ пріучить разумно всѣмъ распоряжаться.

8. Предохранять тѣло отъ болѣзней и несчастныхъ случайностей мы обязаны, во-первыхъ, потому, что оно есть жилище души и притомъ единственное, съ разрушеніемъ котораго душа принуждена тотчасъ покинуть міръ; съ другой стороны, если тѣло разрушается постепенно, терпя поврежденіе то въ той, то въ другой своей части, то гостья его — душа испытываетъ неудобства пребыванія въ немъ. Слѣдовательно, если намъ доставляетъ удовольствіе оставаться какъ можно дольше и пользоваться какъ можно бо́льшими удобствами въ этомъ дворцѣ міра, куда мы по милости Божіей получили доступъ, то мы должны со всею предусмотрительностью заботиться объ этой нашей палаткѣ, т. е. тѣлѣ. Во-

Тѣло надо предохранять отъ болѣзней. Почему? Потому что (I) оно служитъ жилищемъ души.

(2) орудіемъ души

вторыхъ, наше тѣло служитъ не только жилищемъ для души, но и орудіемъ, безъ котораго она не можетъ ничего ни слышать, ни видѣть, ни говорить, ни дѣлать, ни даже мыслить. Такъ какъ въ умѣ нѣтъ ничего такого, чего не было бы прежде въ ощущеніи, то душа получаетъ матеріалъ для всѣхъ своихъ размышленій только изъ ощущенія и актъ мышленія состоитъ во внутреннемъ ощущеніи, т. е. въ созерцаніи отвлеченныхъ отъ предметовъ ихъ образовъ. Отсюда происходитъ то явленіе, что при поврежденіи мозга парализуется и способность создавать образы, и при пораженіи членовъ тѣла и самый духъ испытываетъ такое же состояніе. Поэтому вѣрно говоритъ поэтъ [53]):

«Долженъ просить ты,
Чтобы здоровымъ духъ сохранилъ ты въ тѣлѣ здоровомъ.»

Какимъ образомъ? Чрезъ такой образъ жизни, для котораго основанія указываетъ примѣръ дерева, а дерево нуждается

9. Сохраняемъ же мы свое тѣло въ силѣ чрезъ умѣренный образъ жизни. Объ этомъ спеціально должны говорить врачи; мы же хотимъ здѣсь дать только нѣкоторыя указанія, притомъ взявъ для примѣра дерево. Дерево, которому предназначено долго жить, нуждается въ трехъ вещахъ;

1) въ постоянной влагѣ,
2) частомъ испареніи и
3) періодическомъ покоѣ.

1) въ умѣренномъ питаніи,

Оно нуждается во влагѣ, потому что, лишенное ея, оно увядаетъ и засыхаетъ, но влага нужна умѣренная, потому что отъ излишней влаги гніютъ корни. Точно такъ же и тѣлу нужна пища,—потому что, лишенное пищи, оно тощаетъ отъ голода и жажды,—но не чрезмѣрная, чтобы она не отягощала и не подавляла пищеваренія. Чѣмъ умѣреннѣе пища, тѣмъ надежнѣе и совершеннѣе пищевареніе; но такъ какъ на это обыкновенно не обращаютъ вниманія, то большинство людей чрезмѣрнымъ количествомъ пищи подавляютъ силы и жизнь. Вѣдь смерть приходитъ отъ болѣзней, а болѣзни отъ дурныхъ соковъ, дурные же соки отъ неправильнаго пищеваренія, а неправильное пищевареніе отъ излишка пищи, именно отъ того, что въ желудокъ вводится такое количество ея, какого онъ не въ силахъ вполнѣ переварить, такъ что принужденъ передавать членамъ тѣла полусырые соки, а отсюда въ концѣ

концовъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, являются болѣзни. «Отъ пресыщенія многіе умерли, говоритъ сынъ Сираховъ [54]), а воздержный прибавитъ себѣ жизни» (37, 34).

10. Однако для сохраненія крѣпкаго здоровья требуется пища не только умѣренная, но и простая. Какъ бы ни было нѣжно дерево, садовникъ поливаетъ его не виномъ или молокомъ, но общею для всѣхъ растеній жидкостью—водою. Такъ и родители пусть остерегаются пріучать дѣтей, особенно отданныхъ въ ученіе или предназначаемыхъ къ тому, къ лакомствамъ, которыя только раздражаютъ нёбо; ибо не даромъ написано, что Даніилъ и его товарищи, юноши царской крови, предназначенные къ изученію наукъ, чрезъ употребленіе только овощей и воды оказались красивѣе и тѣломъ полнѣе и, что еще важнѣе, понятливѣе всѣхъ тѣхъ мальчиковъ, которые питались утонченными царскими яствами (Дан. 1, 12 и т. д.). Но объ этомъ подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ. притомъ простомъ,

11. Дерево нуждается также въ частомъ испареніи и освѣженіи вѣтрами, дождями и холодомъ; иначе оно легко вянетъ и хирѣетъ. Точно такъ и человѣческое тѣло непремѣнно требуетъ движенія, дѣятельности и упражненій—серьезныхъ или служащихъ для развлеченія. 2) въ частомъ испареніи,

12. Наконецъ, дереву нуженъ чрезъ опредѣленные промежутки времени отдыхъ, конечно, для того, чтобы оно не было вынуждено постоянно выгонять изъ себя почки, цвѣты и плоды, но и было въ силахъ работать иногда на себя, перерабатывать сокъ и такимъ образомъ укрѣпляться. Поэтому Богъ соизволилъ, чтобы зима смѣняла лѣто для доставленія покоя всѣмъ земнымъ растеніямъ и самой землѣ; равнымъ образомъ Онъ закономъ повелѣлъ, чтобы каждый седьмой годъ назначался для покоя земли (Левитъ, 25 гл.). Подобнымъ образомъ Онъ и для людей (вмѣстѣ съ прочими животными) установилъ ночь, чтобы въ теченіе ея они могли не только чрезъ сонъ, но и чрезъ самый покой членовъ снова набрать силъ, растраченныхъ вслѣдствіе дневнаго утомленія. Но и въ меньшіе промежутки времени необходимъ какъ для тѣла, такъ для духа нѣкоторый отдыхъ, чтобы не дѣлалось 3) въ періодическомъ покоѣ.

Глава XVI.

Общія требованія, предъявляемыя къ искусству учить и учиться, т. е. какимъ образомъ слѣдуетъ навѣрное учить и учиться, такъ чтобы успѣхъ являлся непремѣннымъ слѣдствіемъ этого.

Увеличеніе роста естественныхъ произведеній происходитъ само собою.

1. У евангелиста находится одна прекрасная притча Господа нашего І. Христа. «Царствіе Божіе, говоритъ онъ, подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, а какъ сѣмя всходитъ и ростетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, онъ немедленно посылаетъ жнецовъ» и т. д. (Марк. 4,26—29).

Такъ должны развиваться и произведенія искусства.

2. Спаситель здѣсь показываетъ, что во всемъ и все производитъ Богъ, а человѣку остается только вѣрующимъ сердцемъ воспринимать сѣмена наукъ; что все само по себѣ будетъ давать ростки и достигать зрѣлости, а самъ человѣкъ, такъ сказать, и не будетъ замѣчать этого. Поэтому на наставникахъ юношества не лежитъ иной обязанности, какъ только искусно насаждать въ душахъ питомцевъ сѣмена наукъ и заботливо поливать растеньица Божіи, а хорошія послѣдствія и ростъ явятся свыше.

Опытность въ посадкѣ растеній основывается на искусствѣ.

3. Но кто же не знаетъ, что для того, чтобы сѣять и сажать растенія, необходимо нѣкоторое искусство и опытность? Въ самомъ дѣлѣ, у неопытнаго садовника, если онъ берется сажать въ саду растеньица, большая часть ихъ обыкновенно погибаетъ, а если нѣкоторыя изъ нихъ и успѣшно всходятъ, то это скорѣе дѣло случая, нежели искусства. Напротивъ, опытный садовникъ ловко дѣйствуетъ, зная хорошо, что̀, гдѣ, когда и какъ должно дѣлать или оставить безъ вниманія, такъ что его ничто не можетъ ввести въ обманъ. Правда, даже опытный садовникъ можетъ иногда обмануться въ ожиданіи успѣха (потому что для человѣка едва ли возможно все дѣлать такъ осмотрительно, чтобы никогда и никакъ не опи-

биться); рѣчь, однако, идетъ теперь не о благоразуміи и случайности, но объ искусствѣ, какимъ образомъ при помощи благоразумія можно предупредить случайности.

4. Такъ какъ до сихъ поръ метода обученія несомнѣнно была на столько неопредѣленна, что едва-ли кто осмѣлился бы сказать: «я хочу довести этого юношу до этого во столько то или во столько то лѣтъ», или: «я хочу сдѣлать его знающимъ то то или то то», то мы должны будемъ стараться о томъ, нельзя-ли это искусство духовнаго насажденія поставить на такое твердое основаніе, чтобы оно навѣрное имѣло успѣхъ и не вводило въ обманъ. Метода обученія должна быть доведена до степени искусства

5. Но такъ какъ такимъ основаніемъ можетъ служить только возможно точное согласованіе дѣятельности этого искусства съ способами, которымъ слѣдуетъ въ своей дѣятельности природа (какъ мы видѣли въ XIV главѣ); то вотъ мы и изслѣдуемъ пути природы на примѣрѣ птицы, высиживающей птенцовъ; замѣчая-же, какъ успѣшно идутъ по ея стопамъ и садовники, и живописцы, и архитекторы, мы легко увидимъ, какъ должны подражать этимъ способамъ и наставники дѣтей. и притомъ чрезъ согласованіе мѣръ естественныхъ съ искусственными.

6. Если иному это можетъ показаться слишкомъ маловажнымъ, извѣстнымъ или обыкновеннымъ, то пусть онъ помнитъ, что мы и стремимся къ тому, чтобы изъ этихъ повседневныхъ и общеизвѣстныхъ явленій, которыя совершаются въ природѣ и въ искусствѣ (внѣ школы) и приносятъ хорошія послѣдствія, вывести и тѣ менѣе извѣстныя правила, которыя требуются нашей цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, если эти явленія, изъ которыхъ мы извлекаемъ образецъ для нашихъ правилъ, извѣстны, то мы надѣемся, что тѣмъ убѣдительнѣе будутъ и наши заключенія. И почему именно?

I-е основное правило.

7. *Природа подмѣчаетъ благопріятное время.* Основное правило природы: I. Ничего не начинать несвоевременно.

Примѣръ. Птица, готовясь плодиться, начинаетъ это не зимою, когда все замерзаетъ и коченѣетъ, и не лѣтомъ, когда все отъ жары раскалено и изнываетъ, наконецъ и не осенью, когда жизнедѣятельность всѣхъ существъ одновременно съ

солнцемъ идетъ на убыль, и уже надвигается неблагопріятная всѣмъ молодымъ существамъ зима, но весною, когда солнце возвращаетъ всѣмъ твореніямъ жизнь и силу. Но и при этомъ птица дѣлаетъ свое дѣло шагъ за шагомъ. Именно, пока погода еще слишкомъ холодная, она зачинаетъ яйца и держитъ ихъ въ теплѣ внутри тѣла, гдѣ они безопасны отъ холода, а какъ только повѣетъ болѣе теплымъ воздухомъ, она кладетъ ихъ въ гнѣздо, и наконецъ уже въ болѣе жаркую пору года выводитъ птенцовъ съ тѣмъ, чтобы нѣжное созданьице мало-по-малу привыкало къ свѣту и теплу.

Прямое подражаніе ей въ садоводствѣ и строительномъ искусствѣ.

8. Точно такъ же и садовникъ обращаетъ вниманіе на то, чтобы все дѣлалось своевременно. Поэтому онъ сажаетъ растенія не зимою (потому что въ это время сокъ остается въ корнѣ, такъ что не поднимается вверхъ для питанія черенка), и не лѣтомъ (потому что сокъ уже разошелся по сучьямъ), и не осенью (потому что сокъ опять собирается у корня), но весною, когда сокъ изъ корня начинаетъ распространяться и оживлять верхнія части растенія. Но и послѣ того онъ долженъ знать подходящее время для всего, что нужно дѣлать съ деревцомъ, именно: когда удабривать почву, когда подрѣзать вѣтки, когда разрыхлять землю и т. д., потому что у дерева тоже есть свои сроки, когда пускать ростки, покрываться цвѣтомъ, зеленѣть, давать зрѣлые плоды и т. д. Совершенно такъ же поступаетъ и благоразумный архитекторъ: онъ наблюдаетъ моментъ, когда надо рубить лѣсъ, жечь кирпичъ, класть фундаментъ, возводить и штукатурить стѣны и т. д.

Двоякое нарушеніе этого правила въ школахъ.

9. Противъ этого правила въ школахъ погрѣшаютъ двояко: 1) тѣмъ, что избираютъ ненадлежащее время для развитія природныхъ дарованій, 2) тѣмъ, что и потомъ распредѣляютъ эти упражненія не такъ точно, чтобы все подвигалось впередъ шагъ за шагомъ и безошибочно. Пока дитя еще мало, его нельзя учить, потому что корни пониманія лежатъ еще глубоко. Въ старости же учить человѣка слишкомъ поздно, потому что разсудокъ и память уже слабѣютъ. Въ срединѣ жизни это дается съ трудомъ, потому что силу разсудка, растрачиваемую по частямъ на разнообразные предметы, трудно опять собрать. И такъ, слѣ-

дуетъ имѣть въ виду для этой цѣли юношескій возрастъ, когда и жизнь, и разумъ находятся въ періодѣ развитія: тогда все растетъ и легко пускаетъ корни въ глубь.

10. И такъ, мы выводимъ заключеніе, что Три условія для поправленія зла.

I) образованіе человѣка должно начинаться въ весеннюю пору жизни, т. е. въ отрочествѣ (отрочество напоминаетъ весну, юность—лѣто, возмужалость—осень, а старость—зиму);

II) утренніе часы наиболѣе удобны для учебныхъ занятій (опять потому, что утро соотвѣтствуетъ веснѣ, полдень—лѣту, вечеръ—осени, ночь—зимѣ);

III) весь учебный матеріалъ должно распредѣлять примѣнительно къ степенямъ возраста, такъ что для изученія предлагается только то, что допускаетъ степень понятливости учениковъ.

II-е основное правило.

11. *Природа прежде всего приготовляетъ матеріалъ, а потомъ уже придаетъ ему форму.* II. Матеріалъ прежде формы.

Примѣръ. Птица, готовясь вывести подобное себѣ твореніе, сперва принимаетъ внутрь себя оплодотворенное сѣмя изъ капли собственной крови, потомъ вьетъ гнѣздо, чтобы положить въ него яйца, и тогда уже, сидя на нихъ, согрѣваетъ ихъ, содѣйствуя этимъ образованію и вылупливанію птенца.

12. Точно такъ разумный архитекторъ, прежде чѣмъ начать постройку зданія, сначала заготовляетъ кучи дерева, камня, извести, желѣза и другихъ необходимыхъ матеріаловъ, чтобы потомъ изъ-за недостатка матеріала не замедлились работы, или строеніе не пострадало въ своей прочности. Подобнымъ образомъ и живописецъ, собираясь писать картину, приготовляетъ полотно и натягиваетъ его на раму, потомъ наводитъ грунтъ, разводитъ краски, раскладываетъ кисти такъ, чтобы онѣ были подъ рукой, и тогда наконецъ принимается рисовать. Садовникъ точно такъ же, прежде чѣмъ приступить къ посадкѣ деревъ, старается о томъ, чтобы у него были готовы садъ, черешки съ корнемъ и отростки, а также Подражаніе.

всякаго рода инструменты, чтобы не искать ихъ уже во время самой работы, такъ какъ иначе онъ очень много потерялъ бы.

Отступленіе отъ правила.

13. Противъ этого правила грѣшатъ школы, во-первыхъ, тѣмъ, что не заботятся о томъ, чтобы имѣть наготовѣ всякаго рода пособія, именно: книги, письменныя доски, модели, образцы и т. п. въ количествѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ потребности, а ищутъ ихъ, придумываютъ, диктуютъ, списываютъ уже тогда, когда потребуется то или другое. Къ несчастію, это повторяется всякій разъ, когда попадается учитель неопытный или небрежный (а на такихъ всегда урожай); а вѣдь это рѣшительно то же, какъ если бы врачъ, всякій разъ, какъ надо давать лѣкарство, бѣгалъ бы по саду или по лѣсу и отыскивалъ травы и корни, варилъ ихъ, процѣживалъ и т. д., тогда какъ лѣкарства должны были бы быть наготовѣ на всякій случай.

14. Вторая ошибка школъ состоитъ въ томъ, что даже въ тѣхъ книгахъ, какія у нихъ есть, не соблюдается тотъ естественный порядокъ, чтобы матеріалъ предшествовалъ формѣ. Почти во всѣхъ книгахъ бываетъ на оборотъ: расположеніе предметовъ выдвигается на первый планъ, хотя невозможно давать какое нибудь расположеніе тому, чего еще нѣтъ на лицо. Поясню это четырьмя примѣрами.

15 (1). Школы обучаютъ языку раньше, чѣмъ предметамъ, такъ какъ онѣ нѣсколько лѣтъ занимаютъ умы словесными науками и уже позже, Богъ знаетъ когда, допускаютъ къ изученію реальныхъ наукъ: математики, физики и т. д. А между тѣмъ предметы—существенное, а слова—нѣчто случайное, предметы суть тѣло, слова—одежда, предметы—ядро, а слова—скорлупа или шелуха. Слѣдовательно, разсудку человѣческому они должны представляться одновременно, преимущественно однако предметы, потому что они и составляютъ объектъ какъ знанія, такъ и рѣчи.

16 (2). При изученіи самыхъ языковъ поступали превратно въ томъ отношеніи, что начинали такое изученіе не съ какого нибудь писателя или по искусно составленному словарю, а по грамматикѣ. А между тѣмъ писатели

то (какъ и словари въ своемъ родѣ) и даютъ матеріалъ рѣчи, именно слова; грамматика же придаетъ только форму, именно законы образованія, расположенія и сочетанія словъ.

17 (3). Въ кругѣ предметовъ преподаванія, въ такъ называемыхъ «энциклопедіяхъ», вездѣ искусства ставятъ на первомъ мѣстѣ, а наукамъ и практическимъ знаніямъ позволяется только издали слѣдовать; тогда какъ послѣднія знакомятъ насъ съ предметами, а первыя сообщаютъ способъ обращенія съ ними.

18 (4). Наконецъ, напередъ сообщаютъ правила въ отвлеченной формѣ, а потомъ уже поясняютъ ихъ примѣрами, тогда какъ свѣтъ долженъ бы предшествовать тому, кому освѣщается путь.

19. Отсюда слѣдуетъ, что для исправленія методы обученія въ самомъ ея основаніи необходимо, чтобы

I) были наготовѣ книги и всѣ другія пособія,

II) разсудокъ развивался прежде, чѣмъ языкъ,

III) ни одному языку не учились по грамматикѣ, а изъ писателей,

IV) реальныя науки предшествовали вспомогательнымъ и

V) примѣры—правиламъ.

III-е основное правило.

20. *Природа избираетъ подходящій для ея дѣятельности матеріалъ или, по крайней мѣрѣ, сперва искусно приспособляетъ его къ этому.*

III. Матеріалъ долженъ быть подготовленъ для принятія формы.

Примѣръ. Птица не кладетъ въ гнѣздо для высиживанія первое, что́ попадется, но такой предметъ, изъ котораго могъ бы вылупиться птенецъ, т. е. яйцо; а если въ гнѣздо попадаетъ камень или что нибудь другое, она выбрасываетъ его, какъ безполезную вещь. Затѣмъ, сидя на яйцѣ, она согрѣваетъ его, поворачиваетъ и формируетъ заключающееся въ немъ вещество до тѣхъ поръ, пока изъ него не вылупится цыпленокъ.

21. Такъ архитекторъ, срубивъ возможно лучшія деревья, сверхъ того обтесываетъ и распиливаетъ ихъ; потомъ выравни- Подражаніе.

за другимъ, то откладывалъ бы въ сторону; или, если бы пекарь заразъ то сажалъ разные хлѣбы въ печку, то вынималъ ихъ, такъ что каждый хлѣбъ въ отдѣльности приходилось бы по нѣсколько разъ то сажать, то вынимать. Но кто же изъ нихъ поступаетъ такъ глупо? На самомъ дѣлѣ и сапожникъ, пока не окончитъ одного сапога, даже не дотрогивается до другого, и пекарь, пока не выпекутся хлѣбы, посаженные въ печь, не сажаетъ другихъ.

31. Будемте и мы подражать имъ и примемъ мѣры, чтобы діалектику не навязывали тѣмъ, которые изучаютъ грамматику, а въ то время, какъ умъ будетъ изощряться въ діалектикѣ, не мѣшала ей реторика, и пока мы занимаемся латинскимъ языкомъ, греческій ожидалъ своей очереди: иначе они будутъ другъ другу мѣшать, потому что умъ, привлекаемый заразъ нѣсколькими предметами, неспособенъ воспринять каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Это хорошо помнилъ великій ученый Іосифъ Скалигеръ (можетъ быть, по совѣту отца): онъ, говорятъ, всегда налегалъ на одно какое-либо занятіе, на немъ одномъ сосредоточивая въ извѣстное время всѣ силы ума. Благодаря этому онъ изучилъ 14 языковъ, а искусства и науки всѣ, какія только доступны уму человѣческому, настолько усвоилъ себѣ послѣдовательно одни за другими, что во всѣхъ казался болѣе свѣдущимъ, нежели тѣ, которые изучаютъ отдѣльныя науки. Да и всякій, кто только пытался итти по тѣмъ же стопамъ, не напрасно пытался.

32. Слѣдовательно, и въ школахъ должно вести дѣло такъ, чтобы ученики въ извѣстное время были заняты однимъ только предметомъ.

V-е основное правило.

Прежде внутреннее.

33. *Природа начинаетъ всякую свою работу съ самыхъ внутреннихъ частей.*

Напримѣръ, у птенца сперва образуются не когти, или перья, или кожа, но внутренности, а внѣшнія части уже потомъ въ свое время.

Подражаніе.

34. Такъ же садовникъ не прилаживаетъ снаружи черенки

къ корѣ и не запускаетъ ихъ только въ поверхность дерева, но дѣлаетъ разрѣзъ въ стволѣ растенія до самой сердцевины и, ловко приладивъ черенокъ, запускаетъ его какъ можно глубже въ разрѣзъ, а щели затыкаетъ на столько плотно, чтобы сокъ ни съ какой стороны не просачивался наружу, но проникалъ во внутрь черенка и сообщалъ ему всю свою силу для его оживленія.

35. Подобнымъ образомъ и дерево, питаясь дождемъ, падающимъ съ неба, или земною влагою, всасываетъ ихъ не наружными частями коры, но доставляетъ себѣ пищу чрезъ поры внутреннихъ частей. Поэтому и садовникъ обыкновенно поливаетъ не вѣтви, но корень. Животное также направляетъ пищу не къ наружнымъ членамъ, но къ желудку, который, переваривши ее, разноситъ по всему тѣлу. Слѣдовательно, если и наставникъ юношества болѣе всего будетъ хлопотать о корнѣ знанія, т. е. объ умѣ, то сила легко перейдетъ и на стволъ, т. е. на память, а наконецъ появятся цвѣты и плоды, т. е. свободное употребленіе языка и знаніе предметовъ.

36. Противъ этого правила погрѣшаютъ тѣ наставники, которые хотятъ достигнуть образованія ввѣреннаго имъ юношества частыми диктовками и заучиваніемъ на память безъ тщательнаго объясненія предметовъ; а равно и тѣ, которые, желая объяснить ихъ, не знаютъ, какъ это сдѣлать, именно, не будучи знакомы съ искусствомъ осторожно обнажать корень и прививать черенки. Поэтому они такъ же мучатъ учениковъ, какъ и тотъ, кто, чтобы расколоть растеніе, вмѣсто ножичка пустилъ бы въ дѣло палку или обухъ. Отступленіе отъ правила.

37. И такъ, на будущее время

I) должно сперва развивать пониманіе вещей, на второмъ мѣстѣ—память и уже на третьемъ—языкъ и руку, Исправленіе.

II) учитель долженъ наблюдать всѣ пути къ развитію пониманія и надлежащимъ образомъ пользоваться ими (эти пути мы изслѣдуемъ въ слѣдующей главѣ).

VI-е основное правило.

Сперва общее.

38. ***Природа начинаетъ всякое свое творчество съ самаго общаго, а оканчиваетъ самыми мелкими подробностями.***

Напримѣръ. Если она хочетъ вывести изъ яйца птицу, то она не образуетъ сперва и не даетъ въ готовой формѣ голову, или глазъ, или перо, или коготь, но согрѣваетъ все содержимое яйца и, послѣ того какъ возбудитъ въ немъ чрезъ теплоту движеніе, проводитъ въ немъ повсюду кровеносные сосуды, такъ что уже обозначаются части цѣлой птички (именно то, чтó должно сдѣлаться головой, или крыльями, или ногами и т. д.) и потомъ уже постепенно развиваются отдѣльныя части до полнаго своего совершенства.

Подражаніе.

39. Подражая этому, и архитекторъ сперва или составляетъ себѣ въ умѣ въ общихъ чертахъ планъ цѣлаго зданія, или чертитъ на бумагѣ рисунокъ его, или даже приготовляетъ модель изъ дерева и, сообразуясь съ этимъ, кладетъ фундаментъ, потомъ возводитъ стѣны и скрѣпляетъ ихъ наконецъ крышею, и затѣмъ только посвящаетъ свой трудъ тѣмъ болѣе мелкимъ вещамъ, безъ которыхъ домъ не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ, именно: устройству дверей, оконъ, лѣстничныхъ ступенекъ и т. д. Наконецъ, онъ прибавляетъ украшенія: картины, статуи, занавѣси и т. д.

40. Такъ поступаетъ и живописецъ: когда онъ хочетъ нарисовать лицо человѣка, онъ не рисуетъ сперва ушную раковину или глазъ, носъ, ротъ, но сначала очерчиваетъ простымъ углемъ лицо (или фигуру цѣлаго человѣка). Затѣмъ, если видитъ правильное отношеніе частей, онъ закрѣпляетъ этотъ основной набросокъ легкимъ прикосновеніемъ кисти, все еще въ общихъ чертахъ. Потомъ обозначаетъ въ перемежку свѣтъ и тѣни, и тогда только вырисовываетъ отдѣльныя части тѣла и расписываетъ ихъ различными красками.

41. Такимъ же образомъ и скульпторъ, чтобы сдѣлать бюстъ, беретъ необдѣланный стволъ дерева, обтесываетъ его кругомъ и притомъ сперва грубо, а потомъ болѣе тонко, такъ что онъ представляетъ уже до нѣкоторой степени по-

добіе статуи въ грубомъ очертаніи; наконецъ, до послѣдней тонкости отдѣлываетъ каждую часть и покрываетъ ихъ красками.

42. Подобнымъ образомъ и садовникъ беретъ только общее подобіе дерева, т. е. черенокъ, а вѣтвей на немъ можетъ вырости столько, сколько на черенкѣ почекъ.

43. Отсюда слѣдуетъ, что дурно дѣлается, если преподаютъ отдѣльныя науки, не предпославъ этому простаго и общаго очерка всѣхъ наукъ; и что никого нельзя обучать такъ, чтобы онъ достигалъ совершенства въ какой-либо одной наукѣ, не обращая вниманія на другія науки. Отступленіе отъ правила.

44. Второе слѣдствіе изъ этого, что дурно поступаютъ преподаватели искусствъ, наукъ и языковъ, не знакомя учениковъ предварительно съ начатками ихъ. А такъ и поступали съ нами, на сколько я припоминаю: едва мы приступали къ изученію діалектики, реторики и метафизики, сейчасъ же насъ забрасывали правилами съ объясненіями и дополненіями къ объясненіямъ, или сравненіями писателей и разными спорными вопросами. Такимъ же образомъ вбивали намъ въ голову и латинскую грамматику со всѣми исключеніями, а греческую даже съ діалектами. А мы, бѣдненькіе, оглушенные всѣмъ этимъ, становились совершенно втупикъ и рѣшительно недоумѣвали, что́ это такое.

45. Спасительнымъ средствомъ противъ этой безпорядочности можетъ служить слѣдующее: Исправленіе.

I) уже съ самаго начала образованія должно давать дѣтямъ, отдаваемымъ въ ученіе, понятія объ основныхъ началахъ всего ученія, т. е. такой научный матеріалъ, чтобы при послѣдующихъ занятіяхъ казалось, что они не даютъ ничего новаго, а только представляютъ до нѣкоторой степени болѣе подробное развитіе прежняго. Такъ на деревѣ, хотя бы оно росло даже сто лѣтъ, не появляются новые сучья, а первоначально вышедшіе изъ ствола развѣтвляются на новыя вѣтки.

II) Каждому языку, каждой наукѣ, каждому искусству сперва слѣдуетъ учить въ самыхъ простыхъ

очеркахъ, такъ чтобы дѣти могли пріобрѣтать цѣльное представленіе о нихъ, потомъ подробнѣе—съ помощью правилъ и примѣровъ, далѣе—въ полной системѣ съ прибавленіемъ исключеній, наконецъ, если только нужно, путемъ подробныхъ объясненій. Ибо, кто пойметъ дѣло въ его основѣ, тотъ не очень нуждается въ объясненіяхъ, а скорѣе самъ потомъ можетъ давать объясненія.

VII-е основное правило.

Все шагъ за шагомъ, ничего скачками.

46. *Природа не дѣлаетъ скачковъ, но подвигается впередъ шагъ за шагомъ.*

Такъ, образованіе птички совершается постепенно, причемъ не допускается ни скачковъ, ни нарушенія порядка, пока не выйдетъ птенецъ изъ разбитой темницы. Какъ скоро насталъ этотъ моментъ, насѣдка не заставляетъ птенца сейчасъ же летать и искать корма (это еще и невозможно), но сама кормитъ его и, согрѣвая его и дальше своею собственною теплотой, помогаетъ ему опериться. Опять, когда онъ уже оперился, она не тотчасъ гонитъ его изъ гнѣзда, чтобы онъ леталъ, а постепенно упражняетъ его, сперва заставляя его въ гнѣздѣ расправлять крылышки, потомъ, поднимаясь надъ гнѣздомъ, взмахивать ими, вскорѣ затѣмъ пытаться летать внѣ гнѣзда, однако совсѣмъ близко отъ него, потомъ перелетать съ вѣтки на вѣтку, еще позже съ дерева на дерево, далѣе съ горы на гору; такъ дѣло доходитъ до того, что она наконецъ спокойно предоставляетъ ему летать на вольномъ воздухѣ. Однако каждое изъ этихъ движеній требуетъ для себя надлежащаго времени, и не только времени, но и постепенныхъ переходовъ отъ однихъ движеній къ другимъ, и не только переходовъ, но и неизмѣннаго порядка въ этихъ переходахъ.

Подражаніе.

47. Такимъ же образомъ поступаетъ и тотъ, кто строитъ домъ: онъ начинаетъ не съ крыши и не со стѣнъ, но съ фундамента. Положивши же фундаментъ, онъ не кладетъ на него крышу, но прежде возводитъ стѣны. Однимъ словомъ, слѣдуетъ соединять всѣ части въ томъ порядкѣ, какъ онѣ взаимно примыкаютъ одна къ другой, а не иначе.

48. Такимъ же образомъ и садовникъ долженъ соблюдать постепенность въ своихъ работахъ: нужно, говорю я, выбрать стволъ, выкопать его, пересадить, обрѣзать сучья, сдѣлать надрѣзъ, запустить въ него черенокъ, замазать мѣста соединенія его и т. д.; ничего изъ этого нельзя пропускать, и ничто не должно опережать другое. И если это идетъ постепенно и въ надлежащемъ порядкѣ, то едва ли можно допустить и даже совершенно нельзя допустить, чтобы дѣло не имѣло успѣха.

49. Слѣдовательно, это очевидная глупость, если учитель не распредѣляетъ и своихъ занятій, и занятій своихъ учениковъ такъ, чтобы они постоянно не только примыкали одно къ другому, но и каждое въ отдѣльности необходимо заканчивалось въ опредѣленное время. Ибо, не опредѣливъ цѣлей и средствъ, ведущихъ къ цѣли, и порядка въ примѣненіи этихъ средствъ, легко иное просмотрѣть, иное извратить, и въ самое дѣло внести путаницу. Отступленіе отъ правила.

50. Поэтому на будущее время слѣдуетъ

I) тщательно раздѣлить на классы весь кругъ занятій, такъ чтобы предшествующія изъ нихъ прокладывали дорогу для послѣдующихъ и освѣщали имъ путь;

II) точно распредѣлить время такъ, чтобы на каждый годъ, мѣсяцъ, день и часъ приходилась своя особенная задача;

III) строго держаться этого распредѣленія времени и занятій, чтобы ничего не пропустить и ничего не исковеркать.

VIII-е основное правило.

51. *Природа, разъ начавши что-нибудь, не прекращаетъ своей работы, пока не доведетъ ее до конца.*

Птица, разъ начавши по природному инстинкту сидѣть на яйцахъ, не прекращаетъ этого, пока птенцы не вылупятся. Если бы она оставила яйца хоть на нѣсколько часовъ, то зародышъ погибъ бы отъ охлажденія. Даже когда птенцы вылупились, мать не перестаетъ ихъ согрѣвать, пока они, укрѣпивъ свои жизненныя силы и оперившись, не будутъ въ состояніи переносить вліяніе воздуха.

Подражаніе. 52. Точно такъ и живописецъ, начавши писать картину, лучше всего сдѣлаетъ, если будетъ продолжать работу непрерывно: именно при этомъ условіи краски и лучше смѣшиваются между собою, и прочнѣе пристаютъ къ полотну.

53. Такимъ же образомъ и постройку зданія лучше всего доводить до конца безъ перерыва. Иначе солнце, дождь и вѣтры испортятъ работу, да и остальное, что́ потомъ должно быть прибавлено, не будетъ такъ прочно держаться и наконецъ все станетъ коробиться, трескаться и отставать.

54. Разумно поступаетъ и садовникъ, если онъ, разъ принявшись за прививку деревца, не складываетъ рукъ, пока не окончитъ работы; потому что, если онъ, прервавъ работу, допуститъ, чтобы высохъ сокъ ствола или черенка, то и самому растенію дастъ засохнуть.

Отступленіе отъ правила. 55. Изъ этого ясно, что вредно отдавать дѣтей въ школу на время, т.е. на мѣсяцъ или на годъ, и снова временно отвлекать ихъ отъ ученія другими занятіями; точно также вредно, если учитель начинаетъ съ ученикомъ то одно, то другое, и ничего серьезно не доводитъ до конца; наконецъ, если онъ не устраиваетъ такъ, чтобы въ каждый часъ начиналась и оканчивалась какая-нибудь опредѣленная работа и такимъ образомъ каждый разъ дѣлалось замѣтнымъ приращеніе знаній. Гдѣ такого горячаго усердія нѣтъ, тамъ все стынетъ. Недаромъ совѣтуютъ «ковать желѣзо, пока оно горячо». Ибо, если дашь ему остыть, то напрасно будешь бить по нему молоткомъ; а если придется снова прибѣгнуть къ огню, то это опять соединено съ несомнѣнною потерею и времени, и желѣза, ибо при всякомъ накаливаніи желѣзо теряетъ частицу своего вещества.

Исправленіе. 56. Поэтому

I) отданнаго въ школу слѣдуетъ удерживать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается образованнымъ, нравственнымъ и благочестивымъ человѣкомъ;

II) школа должна находиться въ спокойномъ мѣстѣ, удаленномъ отъ шума и развлеченій;

III) что́ предстоитъ дѣлать согласно требованіямъ, то надо дѣлать безъ всякихъ пробѣловъ, и

IV) неявки въ школу и уклоненія отъ посѣщенія ея (подъ какимъ бы то ни было предлогомъ) никому не должны быть дозволяемы.

IX-е основное правило.

57. *Природа тщательно избѣгаетъ всего противоположнаго и вреднаго для ея дѣятельности.* Надо избѣгать всего, что противоположно цѣли.

Птица, пока согрѣваетъ яйца при высиживаніи, не даетъ доступа къ нимъ рѣзкому вѣтру, не говоря уже о дождѣ или градѣ. Она отгоняетъ также змѣй, хищныхъ птицъ и устраняетъ другіе вредные предметы.

58. Такъ архитекторъ держитъ лѣсъ, кирпичъ и известь по возможности въ сухомъ мѣстѣ и не позволяетъ разбирать или разрушать то, что уже выстроено. Подражаніе.

59. Подобнымъ образомъ и живописецъ не даетъ доступа къ только что написанной картинѣ ни холодному вѣтру, ни сильному жару, ни пыли и не позволяетъ посторонней рукѣ трогать ее.

60. И садовникъ огораживаетъ колышками или какой-нибудь плетенкой молодое растеньице, чтобы его не могъ обглодать козелъ или заяцъ вырвать изъ земли.

61. Поэтому неблагоразумно поступаютъ, если дѣтямъ съ самаго начала ученія предлагаютъ то, что составляетъ спорный вопросъ, т.е. если возбуждаютъ сомнѣніе относительно предмета, который долженъ быть усвоенъ умомъ. Это то же самое, что трясти растеньице, которое только еще готовится пустить корни. [Весьма справедливо пишетъ Гуго *): «Никогда не дойдетъ до истины тотъ, кто началъ свое ученіе съ сомнѣнія»; а также: «когда юношество не удерживаютъ отъ гнусныхъ книгъ, наполненныхъ заблужденіями и запутанныхъ, а также отъ дурнаго товарищества.»] Уклоненіе отъ правила.

62. Поэтому полезно было бы, Исправленіе.

I) чтобы ученики получали только такія книги, которыя назначены для ихъ класса;

---

*) Мистикъ, † 1141.

II) чтобы эти книги были составлены такъ, чтобы онѣ по всей справедливости могли назваться проводниками *) истины, добродѣтелей и благочестія;

III) чтобы распутныя товарищества не были терпимы ни въ школахъ, ни около нихъ.

Заключеніе.

63. Если все это точно соблюдать, то школы едва-ли не достигнутъ своей цѣли.

Глава XVII.

Основныя правила для достиженія легкости въ обученіи и изученіи.

Недостаточно умѣть что-нибудь навѣрное; нужно искать и легкости.

1. Мы такимъ образомъ разсмотрѣли, какими средствами занимающійся образованіемъ юношества можетъ навѣрное достигнуть своей цѣли; теперь посмотримъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать этими средствами на умы, чтобы можно было примѣнять эти средства легко и пріятно.

Десять правилъ для достиженія легкости.

2. Если мы изслѣдуемъ пути природы, то станетъ очевиднымъ, что обученіе юношества можетъ идти впередъ легко,

I) если оно будетъ начинаться своевременно, прежде чѣмъ умы извращены;

II) если оно будетъ совершаться съ надлежащей подготовкой къ нему умовъ;

III) если оно будетъ итти отъ болѣе общаго къ болѣе частному

IV) и отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному;

V) если никто не будетъ отягощаемъ чрезмѣрнымъ количествомъ изучаемаго матеріала;

VI) если обученіе будетъ подвигаться медленно во всѣхъ своихъ частяхъ,

VII) если умы учениковъ ни къ чему не будутъ на-

*) Въ подлинникѣ выражено это образнѣе: воронками (infundibula).

сильно принуждаемы, а будетъ сообщаемо имъ только то, къ чему они сами стремятся въ силу возраста и подъ вліяніемъ методы;

VIII) если все будетъ преподаваемо путемъ непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій

IX) и для ближайшаго примѣненія;

X) наконецъ, если все будетъ преподаваемо постоянно по одной и той же методѣ. При такихъ условіяхъ, говорю я, все будетъ входить въ умъ спокойно и пріятно. Но прослѣдимъ теперь самые пути природы.

I-е основное правило.

3. *Природа начинаетъ съ отрицанія формы* [55]). — Берется чистая матерія.

Такъ птица выбираетъ для высиживанія свѣжія яйца, заключающія въ себѣ самое чистое вещество; а если птенецъ уже раньше началъ формироваться, то напрасно ожидали бы успѣха.

4. Такъ архитекторъ, чтобы воздвигнуть домъ, долженъ выбрать чистое мѣсто, или, если приходится строить его на мѣстѣ прежняго зданія, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, прежде сломать послѣднее. — Подражаніе.

5. И живописцу лучше всего рисовать на небывшей въ дѣлѣ доскѣ. Если же на ней уже что нибудь нарисовано, или она покрылась пятнами, или сдѣлалась отъ чего либо шероховатой, то онъ долженъ сперва очистить ее отъ пятенъ и сдѣлать гладкой.

6. Точно также и тотъ, кто сохраняетъ драгоцѣнныя мази, нуждается для этого въ сосудахъ, небывшихъ въ употребленіи, или, по крайней мѣрѣ, весьма тщательно очищенныхъ отъ прежней жидкости.

7. Точно такъ садовнику лучше удается посадка совершенно молодыхъ деревьевъ; если же онъ сажаетъ нѣсколько подросшія, то у нихъ прежде надо обрубить сучья и вообще отнять всякую возможность тратить сокъ на что нибудь другое. Это и было основаніемъ того, почему Аристотель относилъ отрицаніе формы къ числу принциповъ всего существующаго; такъ какъ онъ считалъ невозможнымъ, чтобы

матерія приняла новую форму, прежде чѣмъ уничтожена прежняя форма.

Отступленіе отъ правила. I. 8. Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что къ занятію науками болѣе всего способны молодые умы, которые еще не привыкли развлекаться другими занятіями, и что, чѣмъ позже начинается образованіе, тѣмъ съ бо́льшими препятствіями оно подвигается впередъ, потому что умъ уже
2. предзанятъ другимъ; во-вторыхъ, мальчикъ не можетъ съ успѣхомъ одновременно учиться у нѣсколькихъ учителей, потому что едва ли возможно, чтобы всѣ держались одной формы; а вслѣдствіе этого нѣжные умы дѣлаются разсѣян-
3. ными и является задержка въ образованіи. Въ третьихъ, обнаруживаютъ только свое невѣжество тѣ, которые, принимая на себя образованіе мальчиковъ старшаго возраста или юношей, не начинаютъ съ нравственнаго воспитанія, именно съ цѣлью обуздать ихъ страсти и чрезъ то сдѣлать ихъ способными ко всему прочему. По крайней мѣрѣ, берейторы сперва заковываютъ коня въ желѣзо и пріучаютъ его повиноваться, прежде чѣмъ пріучить его къ тому или другому аллюру. Слѣдовательно, справедливо говоритъ Сенека: «учись сперва нравственности, а потомъ—наукѣ, которая безъ первой плохо усвояется». И Цицеронъ говоритъ: «нравственная философія приготовляетъ душу къ принятію насажденій» и т. д. [56]).

9. И такъ,

I) образованіе дѣтей должно начинаться своевременно;

II) одинъ и тотъ же ученикъ долженъ учиться одному и тому же предмету только у одного учителя;

III) прежде всего должны быть приведены въ гармонію нравы, чтобы достаточно было одного мановенія со стороны воспитателя.

II-е основное правило.

Въ матеріи возбуждается стремленіе къ принятію формы. 10. *Природа предрасполагаетъ матерію искать для себя формы.*

Такъ птенецъ, уже достаточно развившійся въ яйцѣ, самъ начинаетъ двигаться, стремясь къ болѣе полному развитію, и

разрываетъ скорлупу или пробиваетъ ее клювомъ. Но, освободившись изъ этой тюрьмы, онъ доволенъ, если мать его согрѣваетъ и кормитъ, и съ жадностью раскрываетъ свой клювъ и глотаетъ оброненный ею кормъ; онъ радуется, если его выпускаютъ на просторъ неба, радуется, если его приучаютъ къ полету и вскорѣ затѣмъ самъ охотно летаетъ; словомъ, онъ страстно, но шагъ за шагомъ, спѣшитъ ко всѣмъ, указываемымъ ему природою, обязанностямъ.

11. Такъ и садовникъ считаетъ необходимымъ напередъ позаботиться, чтобы растеніе, получая по мѣрѣ надобности влагу и живительную теплоту, весело росло. Подражаніе.

12. Поэтому дурно заботятся о дѣтяхъ тѣ, которые принуждаютъ ихъ къ занятіямъ противъ ихъ желанія. Чего они въ концѣ концовъ могутъ ожидать отъ этого? Если желудокъ принимаетъ пищу безъ аппетита, а его всетаки станутъ набивать, то послѣдствіемъ этого можетъ быть только тошнота и рвота, или, по меньшей мѣрѣ, дурное пищевареніе и недомоганье. Напротивъ, все, что вводятъ въ голодный желудокъ, онъ съ жадностью принимаетъ, съ энергіей переваривает и вполнѣ превращаетъ въ сокъ и кровь. Поэтому Исократъ говоритъ [57]: «Если будешь любознателенъ, то будешь многое знать». И Квинтиліанъ говоритъ: «Усердіе къ ученію основывается на желаніи, котораго нельзя вынудить». Отступленіе отъ правила.

13. Слѣдовательно,

I) въ мальчикахъ всѣми способами слѣдуетъ воспламенять жажду знанія и рвеніе къ ученію,

II) метода обученія должна уменьшать трудъ ученія, чтобы учениковъ ничто не отталкивало и не отпугивало отъ продолженія занятій.

14. А рвеніе къ ученію воспламеняютъ и поддерживаютъ въ мальчикахъ родители, учителя школы, самые предметы, метода и наконецъ начальство. Какимъ образомъ должны возбуждать и поддерживать въ дѣтяхъ рвеніе къ ученію

15. Если родители въ присутствіи дѣтей часто превозносятъ похвалами научное образованіе и ученыхъ, если они, убѣждая дѣтей быть прилежными, обѣщаютъ имъ красивыя книжки, или платье, или что нибудь другое пріятное, если они I) родители,

съ уваженіемъ отзываются объ учителѣ (особенно о томъ, къ которому думаютъ отдать своихъ дѣтей) за его выдающуюся ученость, а также и гуманное обращеніе съ учениками (вѣдь любовь и удивленіе—чувства, наиболѣе способныя внушить охоту подражать), наконецъ если они иногда посылаютъ къ нему дѣтей съ какимъ нибудь порученіемъ или небольшимъ подаркомъ и т. д.; то имъ легко достигнуть того, чтобы дѣти сердечнѣе привязались какъ къ ученію, такъ и къ учителю.

2) учителя,

16. Если учителя въ свою очередь будутъ привѣтливы и ласковы, не отталкивая отъ себя сердца учениковъ своею раздражительностью, а скорѣе стараясь привлечь ихъ къ себѣ отеческимъ расположеніемъ, обращеніемъ и словами; если они будутъ указывать ученикамъ на превосходство, пріятность и легкость предстоящихъ имъ занятій; если они иногда будутъ выражать похвалу болѣе прилежнымъ (а маленькихъ изъ нихъ даже надѣлять фруктами, орѣхами, сахаромъ и т. д.); если они, вызвавъ къ своему столу нѣкоторыхъ учениковъ, или даже всѣмъ вмѣстѣ будутъ показывать рисунки тѣхъ предметовъ, которые имъ придется когда нибудь изучать, оптическіе и геометрическіе приборы, небесные глобусы и тому подобныя вещи, способныя приводить въ удивленіе; если они чрезъ самихъ учениковъ время отъ времени будутъ сообщать что нибудь родителямъ, однимъ словомъ, если они съ любовью будутъ относиться къ ученикамъ, то легко и незамѣтно овладѣютъ сердцами воспитанниковъ, такъ что послѣдніе будутъ даже рады чаще оставаться въ школѣ, нежели дома.

3) самая школа, которая и внутри, и снаружи должна быть исполнена привлекательности,

17. Самая школа должна быть пріятнымъ мѣстомъ, доставляя приманку зрѣнію и внутреннимъ своимъ устройствомъ, и внѣшнимъ видомъ. Внутри это должна быть свѣтлая, чистая комната, украшенная по всѣмъ стѣнамъ картинами, будутъ ли это портреты знаменитыхъ людей, или ландкарты, или историческіе памятники, или какія нибудь лѣпныя украшенія. Извнѣ, но примыкая къ школѣ, долженъ находиться не только дворъ, чтобы дѣти могли находить просторъ и вмѣстѣ играть (такъ какъ имъ нельзя отказывать въ этомъ, какъ будетъ доказано ниже въ своемъ мѣстѣ), но также

хоть небольшой садъ, куда ихъ время отъ времени водили бы и пріучали упражнять глаза въ разсматриваніи деревьевъ, цвѣтовъ и травъ. Если дѣло такъ будетъ поставлено, то, вѣроятно, дѣти съ такою же охотою будутъ посѣщать школу, съ какою они обыкновенно ходятъ на ярмарки, гдѣ они всегда надѣются увидѣть или услышать что либо новое.

18. Самые предметы ученія привлекаютъ къ себѣ дѣтей, если они излагаются примѣнительно къ степени пониманія, свойственной возрасту, и ясно, съ примѣсью иногда чего либо забавнаго или, по крайней мѣрѣ, менѣе серьезнаго, но всегда пріятнаго. Это то и значитъ «соединять полезное съ пріятнымъ». 4) самые предметы ученія,

19. Самая метода для того, чтобы возбудить охоту къ занятіямъ, должна быть, во первыхъ, естественна. Ибо все, что естественно, само собою развивается. Воду не надо заставлять, чтобы она текла по наклонной плоскости: уничтожь только плотину или то, что какъ бы то ни было задерживаетъ воду, и увидишь, какъ она тотчасъ потечетъ. Нѣтъ также нужды просить птичку, чтобы она летѣла прочь—стоитъ только открыть клѣтку; равно какъ не надо принуждать глазъ или ухо, чтобы тотъ поворачивался къ прекрасной картинѣ, а это слушало прекрасную мелодію, если только доставляешь имъ это; скорѣе въ такихъ случаяхъ приходится удерживать ихъ. А чего требуетъ естественная метода, это будетъ понятно изъ предъидущей главы, равно какъ и изъ нижеслѣдующихъ правилъ. Во вторыхъ, для того, чтобы самая метода была привлекательна для умовъ, ее надо съ нѣкоторымъ благоразуміемъ дѣлать пріятной именно такимъ образомъ, чтобы все, какъ бы серьезно это ни было, излагалось въ дружескомъ тонѣ и пріятно, т. е. подъ видомъ бесѣды или состязанія въ придумываніи загадокъ, или, наконецъ, въ формѣ уподобленій и басенъ. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. 5) метода (она должна быть естественной и разумно соединять полезное съ пріятнымъ),

20. Начальство и попечители школъ съ своей стороны могутъ поощрять прилежаніе учащихся, лично присутствуя при публичныхъ актахъ (будутъ ли они состоять въ упражненіяхъ, именно въ произнесеніи рѣчей и диспу- 6) начальство.

тахъ, или въ экзаменахъ и присужденіи ученыхъ степеней) и раздавая (безъ лицепріятія) прилежнѣйшимъ похвальные отзывы и небольшіе подарки.

III-е основное правило.

Все изъ свойственныхъ ему началъ.

21. *Природа все выводитъ изъ основныхъ началъ, которыя по массѣ незначительны, но по силѣ своей могучи.*

Напримѣръ. То, изъ чего должна образоваться птица, свертывается въ каплю и обводится скорлупой, чтобы его легко можно было не только носить въ чревѣ, но и согрѣвать при высиживаніи. Однако оно уже заключаетъ въ себѣ всю птицу «въ возможности» *), потому что изъ него позже образуется тѣло птички силою заключеннаго въ немъ дыханія жизни.

Подражаніе.

22. Такъ дерево, какъ бы оно ни было велико, всею своею сущностью заключается столько же въ ядрѣ своего плода, какъ и въ оконечности сука—черенкѣ; поэтому, если посадить ихъ въ землю, то изъ нихъ дѣйствіемъ внутренней ихъ силы выйдетъ цѣлое дерево.

Поразительное отступленіе отъ правила.

23. Противъ этого основнаго правила обыкновенно особенно погрѣшаютъ въ школахъ. Большинство наставниковъ стараются вмѣсто сѣмянъ сѣять травы и вмѣсто черенковъ садятъ цвѣты и деревья, стараясь вдолбить въ головы учениковъ вмѣсто основныхъ началъ хаосъ всевозможныхъ умозаключеній, даже цѣлыхъ текстовъ писателей, а между тѣмъ, какъ несомнѣнно, что міръ состоитъ изъ четырехъ элементовъ (различны только формы), такъ же несомнѣнно, что научное образованіе основывается на очень немногихъ основныхъ началахъ, изъ которыхъ (стоитъ только узнать способы различій) вытекаетъ безконечное множество положеній, все равно, какъ на деревѣ изъ прочно засѣвшаго въ землю корня могутъ вырости сотни вѣтвей и тысячи листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ. О, еслибы Господь Богъ умилосердился надъ нашимъ вѣкомъ и открылъ кому нибудь

*) Въ «возможности», однако не «въ дѣйствительности».

глаза, чтобы онъ вѣрно прозрѣлъ связь, существующую между вещами, и показалъ ее другимъ! Мы же, если Богу будетъ угодно, намѣрены дать въ «Очеркѣ христіанской Пансофіи» образчикъ нашей попытки, въ скромной надеждѣ, что въ свое время Богъ чрезъ другихъ дастъ больше.

24. А пока надо замѣтить слѣдующія три положенія: Исправленіе.

I) каждая наука должна быть заключена въ форму самыхъ краткихъ, но въ тоже время самыхъ точныхъ правилъ;

II) каждое правило должно быть усвояемо въ самыхъ краткихъ, но самыхъ ясныхъ словахъ;

III) каждое правило должно сопровождаться множествомъ примѣровъ, чтобы съ достаточною ясностью открывалось, какъ разнообразно его примѣненіе.

IV-е основное правило.

25. *Природа идетъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному.* Болѣе легкое прежде.

Напримѣръ. Образованіе яйца начинается не съ болѣе твердой части—скорлупы, но съ содержимаго его, которое окружается сперва пленкой, а потомъ уже твердой скорлупой. Точно такъ же птица, приготовляясь летать, сперва пріучается твердо стоять на ногахъ, потомъ двигать крыльями, дальше взмахивать ими, наконецъ сильнымъ взмахомъ ихъ подниматься вверхъ и напослѣдокъ пускаться подъ открытое небо.

26. Точно такъ же плотникъ сперва учится рубить деревья, потомъ обтесывать, затѣмъ сколачивать ихъ вмѣстѣ, наконецъ строить цѣлыя зданія. Подражаніе.

27. Поэтому вопреки правилу дѣлается, когда въ школахъ учатъ неизвѣстному съ помощью неизвѣстнаго же, какъ напримѣръ: Разнообразныя отступленія.

1) когда начинающимъ изучать латинскій языкъ правила преподаются на латинскомъ же языкѣ; это то же самое, какъ если бы кто вздумалъ объяснять еврейскій языкъ

правилами на еврейскомъ же языкѣ, а арабскій языкъ—по-арабски;

2) когда тѣмъ же новичкамъ даютъ въ пособіе латинско-отечественный словарь, тогда какъ должно бы быть совсѣмъ наоборотъ. Вѣдь дѣти тратятъ силы не на изученіе роднаго языка съ помощью латинскаго, но должны изучать латинскій, слѣдовательно при помощи роднаго языка, потому что онъ имъ уже знакомъ (на эту несообразность мы заявимъ болѣе обстоятельную жалобу въ XXII гл.);

3) когда мальчику-туземцу даютъ учителя—иностранца, незнакомаго съ роднымъ языкомъ мальчика. Такъ какъ у нихъ нѣтъ общаго органа для обмѣна мыслей и они принуждены состязаться между собой только съ помощью жестовъ и догадокъ, то что же иное они будутъ строить, какъ не вавилонскую башню?

4) отступаютъ также отъ правильнаго способа и чрезъ то, что дѣтей всѣхъ національностей (французовъ, нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ, венгерцевъ и т. д.) обучаютъ по однимъ и тѣмъ же грамматическимъ правиламъ, напр. Меланхтона или Рамуса [58]), между тѣмъ какъ каждый изъ этихъ языковъ имѣетъ свое особенное и, такъ сказать, своеобразное отношеніе къ латинскому языку, которое необходимо раскрыть, если мы желаемъ, чтобы мальчики легко могли ознакомиться съ свойствами латинскаго языка.

Исправленіе. 28. Это можно исправить,

I. I) если и для учителя и для учениковъ одинъ и тотъ же языкъ будетъ роднымъ;

II. II) если всѣ объясненія вещей будутъ даваться на знакомомъ языкѣ;

III. III) если грамматика и словарь всегда будутъ приноровлены къ тому языку, съ помощью котораго изучается новый языкъ (латинская грамматика—къ родному языку, греческая—къ латинскому и т. д);

IV. IV) если изученіе новыхъ языковъ будетъ итти впередъ постепенно, именно такъ, что ученикъ сперва будетъ пріучаться понимать (это самое легкое), потомъ писать на немъ (при чемъ дается время предвари-

тельно обдумать), наконецъ говорить (что труднѣе всего, потому что дѣлается это безъ приготовленія);

V) если при совмѣстномъ преподаваніи латинскаго и роднаго языка, родной, какъ болѣе извѣстный, всегда будетъ предшествовать, а латинская рѣчь слѣдовать за нимъ; V.

VI) если самый матеріалъ постоянно будетъ подбираться въ такомъ порядкѣ, что сперва дѣти будутъ знакомиться съ ближайшими предметами, потомъ съ близкими, затѣмъ съ болѣе отдаленными, наконецъ съ самыми отдаленными. Поэтому, какъ скоро мальчикамъ предлагаются правила (напр. изъ логики или реторики), не слѣдуетъ пояснять ихъ примѣрами, далекими отъ круга ихъ понятій, какъ-то: богословскими, политическими, поэтическими, но заимствованными изъ ежедневнаго обихода. Иначе дѣти не поймутъ ни правилъ, ни ихъ примѣненія. VI.

VII) Прежде всего слѣдуетъ упражнять внѣшнія чувства дѣтей (ибо это самое легкое), потомъ память, далѣе разсудокъ, наконецъ способность сужденія. Ибо въ такомъ порядкѣ эти способности постепенно развиваются, такъ какъ познаніе начинается съ чувственнаго воспріятія и чрезъ воображеніе переходитъ въ память; потомъ чрезъ сопоставленіе отдѣльныхъ предметовъ образуется пониманіе общаго; наконецъ, является сужденіе о достаточно понятыхъ предметахъ, получающее характеръ достовѣрнаго знанія. VII.

V-е основное правило.

29. *Природа не отягощаетъ себя; она довольна немногимъ.* Ничего слишкомъ.

Примѣръ. Отъ одного яйца она не требуетъ двухъ птенцовъ, довольствуясь тѣмъ, если и одинъ правильно разовьется. И садовникъ не прививаетъ къ одному стволу нѣсколько черенковъ; или, если замѣтить одинъ довольно сильный стволъ, то все-таки прививаетъ къ нему много-много два черенка. Подражаніе.

30. Слѣдовательно, въ умѣ учениковъ является разладъ, если имъ въ одно и то же время толкуютъ о различныхъ вещахъ, напр. когда въ одинъ и тотъ же годъ преподаются и Отступленіе отъ правила.

грамматика, и діалектика, и реторика, а пожалуй еще и поэзія и греческій языкъ (см. предыд. гл., правило IV).

VI-е основное правило.

Ничего — поспѣшно.

31. *Природа не несется стремглавъ, но подвигается впередъ медленно.*

Птица не кладетъ яицъ въ огонь, чтобы поскорѣе вывести птенцовъ, но весьма медленно согрѣваетъ ихъ естественной теплотой, да и потомъ не обременяетъ птенцовъ пищею, чтобы они поскорѣе подростали (такъ она скорѣе уморила бы ихъ), но постепенно и осторожно пріучаетъ ихъ къ пищѣ въ томъ количествѣ, какое можетъ переварить еще слабое пищевареніе.

Подражаніе.

32. Такъ и архитекторъ не кладетъ поспѣшно стѣны на фундаментъ, а крышу на стѣны, потому что не вполнѣ высохшій или укрѣпленный фундаментъ обыкновенно подается подъ тяжестью стѣнъ, а послѣдствіемъ этого бываетъ разрушеніе и зданія. Поэтому ни одной болѣе значительной каменной постройки нельзя закончить въ одинъ годъ, а необходимо дать для этого надлежащую отсрочку.

33. И садовникъ не разсчитываетъ на то, чтобы растеніе уже въ первый мѣсяцъ выросло или въ первый же годъ приносило плоды. Поэтому онъ не дотрогивается до него рукою ежедневно и не старается согрѣвать его самъ, поднося къ нему огонь или обсыпая его негашенной известью, но считаетъ достаточной для него дождевую влагу и солнечную теплоту.

Отступленіе отъ правила.

34. Слѣдовательно, для дѣтей это была пытка, что ихъ 1) держали ежедневно по 6, 7 и 8 часовъ за классными уроками и упражненіями, да еще по нѣсколько часовъ за домашними занятіями; 2) что ихъ заваливали записываніемъ диктуемаго, составленіемъ упражненій и заучиваніемъ на память въ возможно большемъ количествѣ—до тошноты и умопомраченія, какъ этому мы не разъ были очевидцами. Однако чего достигнетъ тотъ, кто захочетъ съ силою вливать воду въ сосудъ съ узкимъ горлышкомъ (съ такими сосудами можно сравнить дѣтскіе умы), вмѣсто того, чтобы вливать ее по каплямъ?

Конечно, бóльшая часть жидкости прольется мимо и гораздо меньшая, чѣмъ это могло бы быть при постепенномъ вливаніи, попадетъ въ сосудъ. Но рѣшительно безуменъ тотъ, кто не старается передать ученикамъ столько знаній, сколько они въ состояніи усвоить, а сколько ему самому хочется, потому что «силы требуютъ поддержки, а не того, чтобы ихъ подавляли, и воспитатель юношества такъ же, какъ и врачъ, есть только слуга природы, а не господинъ ея».

35. И такъ, можно облегчить занятія и сдѣлать ихъ болѣе пріятными для учениковъ, Исправленіе.

I) если какъ можно меньше часовъ будутъ держать ихъ за классными уроками, напр. не болѣе четырехъ часовъ, оставивъ столько же часовъ на домашнія занятія;

II) если какъ можно меньше будутъ утомлять память, именно заставляя заучивать только существенное, а остальному предоставляя свободно ускользать изъ нея;

III) если однако во всемъ будутъ сообразоваться со степенью пониманія дѣтей, которое само собою будетъ увеличиваться вмѣстѣ съ лѣтами и ходомъ занятій.

VII-е основное правило.

36. *Природа выгоняетъ наружу только то, что, созрѣвъ внутри, стремится прорваться на свѣтъ.* Ничего противъ желанія.

Такъ она не заставляетъ птенца оставлять яйцо, пока его члены вполнѣ не сформировались и не окрѣпли, а летать заставляетъ его только тогда, когда замѣтитъ, что онъ уже оперился, и гонитъ его изъ гнѣзда только тогда, когда видитъ, что онъ уже умѣетъ летать. Такъ дерево пускаетъ отростки только тогда, когда сокъ, поднимаясь вверхъ изъ корня, выгонитъ ихъ наружу; равно и почки не раскрываются на деревѣ до тѣхъ поръ, пока листья вмѣстѣ съ цвѣткомъ, образовавшись изъ заключающейся въ почкахъ влаги, не стремятся съ большей свободой развернуться, не стряхаетъ съ себя цвѣтка

до тѣхъ поръ, пока заключенный въ немъ плодъ не покроется кожицей, и не даетъ падать плоду, пока онъ не созрѣлъ.

Отступленіе отъ правила.

37. Поэтому надъ умами дѣтей совершается насиліе, если 1) ихъ принуждаютъ къ тому, что имъ еще не по лѣтамъ и чего они не въ состояніи понять; 2) если ихъ заставляютъ заучивать что-либо наизусть или исполнять какую-либо работу безъ предварительнаго и достаточнаго поясненія, объясненія и указанія.

Исправленіе.

38. И такъ, на будущее время

I) съ дѣтьми слѣдуетъ начинать только то, что́ не только допускаютъ ихъ возрастъ и природныя способности, но къ чему также они обнаруживаютъ склонность;

II) слѣдуетъ заставлять ихъ учить наизусть только то, что́ хорошо понято ими; съ другой стороны отъ памяти мальчика можно требовать только того, что онъ, судя по вѣрнымъ признакамъ, сохраняетъ въ ней,

III) слѣдуетъ давать дѣтямъ только такую работу, форма которой и образецъ для подражанія достаточно имъ показаны.

VIII-е основное правило.

Все въ ней совершается явно со смысломъ.

39. *Природа сама себѣ помогаетъ всевозможными способами.*

Напримѣръ. Яйцо не лишено собственной жизненной теплоты; но чтобы эта теплота поддерживалась еще солнечной теплотой или теплотой отъ перьевъ сидящей на яйцахъ птицы, объ этомъ печется Отецъ всей природы—Богъ. Даже послѣ того, какъ птенецъ вылупится, мать согрѣваетъ его, пока нужно, и различнымъ образомъ подготовляетъ и укрѣпляетъ его для жизненныхъ отправленій. Мы можемъ наблюдать на аистахъ то, какъ они помогаютъ своимъ птенцамъ, сажая ихъ къ себѣ на спину и нося вокругъ гнѣзда, размахивая въ то же время крыльями. Такъ и кормилицы разными способами помогаютъ слабости дѣтей: сначала учатъ ихъ поднимать голову, потомъ сидѣть, далѣе становиться на ноги,

Подражаніе.

вскорѣ затѣмъ передвигать ноги, какъ будто дѣлая шагъ, затѣмъ твердо шагать и мало-по-малу подвигаться впередъ, затѣмъ свободно ходить; отсюда уже у нихъ является способность даже бѣгать. А когда учатъ говорить, то, произнося слова, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ рукою на предметы, которые обозначаются этими словами.

40. Поэтому жестоко поступаетъ тотъ наставникъ, который, задавши ученикамъ работу, не объяснитъ, въ чемъ она заключается, и не покажетъ, какъ ее исполнить, и даже не поможетъ имъ, когда они сами пытаются ее сдѣлать, а заставляетъ ихъ самихъ обливаться пóтомъ и волноваться и, чуть что не такъ они сдѣлаютъ, жестоко наказываетъ ихъ. Это настоящее истязаніе дѣтей, все равно, какъ если бы кормилица заставляла свободно ходить ребенка, который еще боится стоять на ногахъ, а за неумѣнье осыпала бы его побоями. Совершенно иному учитъ насъ природа, именно: надо терпѣливо относиться къ дѣтской слабости, пока нѣтъ силы. Уклоненіе отъ правила.

41. Поэтому на будущее время Исправленіе ошибки.

I) никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ не слѣдуетъ подвергать дѣтей за ученіе (ибо если ученіе не дается, то это вина одного учителя, который или не умѣетъ или не заботится сдѣлать ученика понятливымъ);

II) все, что ученикамъ приходится заучивать наизусть, надо предлагать и излагать такъ ясно, чтобы они представляли себѣ это, какъ свои пять пальцевъ;

III) а для того, чтобы все это легче запечатлѣвалось въ ихъ умахъ, необходимо дѣйствовать, насколько можно, на ихъ внѣшнія чувства.

42. Надо постоянно пользоваться вмѣстѣ и слухомъ и зрѣніемъ, языкомъ и рукою, т. е. не только произнося то, что надо знать, чтобы оно воспринималось на слухъ, но и рисуя это, чтобы оно запечатлѣвалось въ воображеніи при помощи глазъ. Пусть дѣти съ самаго начала пріучаются попеременно произносить языкомъ и изображать рукою, такъ что отъ всякаго предмета будутъ отходить только тогда, когда онъ запечатлѣется съ достаточною ясностью въ ихъ ушахъ, глазахъ, въ умѣ и памяти. Съ этою цѣлью было

бы хорошо нарисовать по стѣнамъ каждаго класса все, что въ немъ обыкновенно проходится, какъ то: теоремы и правила, рисунки и рельефныя изображенія, относящіяся къ преподаваемой наукѣ. Это удивительно какъ усиливало бы впечатлѣніе. Этому же можетъ содѣйствовать и то, если ученики пріучатся записывать въ свои дневники и тетради для изреченій (locos communes) все, что они услышатъ въ классѣ или вычитаютъ въ книгахъ, потому что это помогаетъ воображенію и облегчаетъ припоминаніе.

IX-е основное положеніе.

43. *Природа производитъ только тѣ предметы, польза которыхъ вскорѣ дѣлается очевидной.*

Напримѣръ, когда она формируетъ птичку, то вскорѣ дѣлается яснымъ, что крылья даются ей для того, чтобы она летала, ноги для того, чтобы она бѣгала, и т. д.; такъ и все, что является на деревѣ, не исключая даже шелухи и пушка, покрывающихъ плодъ, имѣетъ какое либо назначеніе. Слѣдовательно,

Подражаніе. 44. облегченіемъ для ученика будетъ то, что ему каждый разъ покажутъ, какое примѣненіе имѣетъ въ ежедневной жизни то, чему его учатъ. Этого надо держаться рѣшительно вездѣ: при преподаваніи грамматики, діалектики, ариѳметики, геометріи, физики и т. д. Безъ соблюденія этого условія, что бы ты ни разсказалъ, все будетъ казаться какимъ то чудомъ изъ иного міра, и мальчикъ, не очень то заботящійся о томъ, существуетъ ли оно вообще и каково оно на самомъ дѣлѣ, скорѣе будетъ вѣрить, чѣмъ знать. Напротивъ, если ты покажешь, для чего служитъ каждая вещь, то ты дашь ему полную возможность убѣдиться, что онъ знаетъ, и возбудишь желаніе дѣйствовать. Слѣдовательно,

45. учить надо только тому, что можетъ имѣть немедленное примѣненіе.

X-е основное правило.

Все съ соблюденіемъ единства формы.

46. *Природа всегда дѣйствуетъ, соблюдая единство формы.* Напримѣръ, какъ плодится одна птица, такъ и всѣ

птицы, даже всѣ животныя,—разница только въ нѣкоторыхъ условіяхъ. Такъ бываетъ и съ растеніями: какъ зарождается и выростаетъ изъ своего сѣмени одна трава, или какъ сажается, пускаетъ ростки и цвѣтетъ одно дерево, такъ бываетъ и со всѣми всюду и всегда. И каковъ одинъ листъ на деревѣ, таковы и всѣ прочіе, и каковы они въ этомъ году, такими они будутъ и въ слѣдующемъ, и всегда.

47. Поэтому, сбиваетъ съ толку учениковъ и дѣлаетъ чрезвычайно запутаннымъ изученіе наукъ не иное что, какъ разнообразіе методы, именно то, что не только разные авторы различно излагаютъ искусства, но даже одинъ и тотъ же то такъ, то иначе; напримѣръ, грамматику излагаетъ такъ, а діалектику иначе, между тѣмъ какъ онѣ могутъ быть излагаемы одинаково, согласно гармоніи, существующей во вселенной, и тому общему отношенію и связи, какія существуютъ между предметомъ и словомъ. Уклоненіе отъ правила.

48. Поэтому надо позаботиться, чтобы на будущее время

I) преподаваніе всѣхъ наукъ слѣдовало одной и той же методѣ, и одни тѣ же пріемы употреблялись во всѣхъ искусствахъ, и по одной и той же методѣ преподавались языки;

II) чтобы въ одной и той же школѣ всѣ упражненія велись въ одномъ и томъ же порядкѣ и по одному и тому же способу;

III) чтобы книги, относящіяся къ одному и тому же предмету, по возможности, были одного и того же изданія.

При такихъ условіяхъ все пойдетъ легко и безъ колебаній.

Глава XVIII.

Основныя правила основательности въ обученіи и изученіи.

1. Есть много жалобъ и положеніе самаго дѣла подтверждаетъ, что немногіе выносятъ изъ школъ основательное обра- Обыкновенное образованіе поверхностно.

зованіе, большинство же—едва поверхностное, или даже только тѣнь его.

Причина двоякая. I. II.

2. Если станемъ искать причину этого явленія, то она окажется двоякой: въ школахъ или тратятъ трудъ на маловажныя и пустыя вещи, пренебрегая болѣе важными, или же ученики снова разучиваются тому, чему научились, такъ какъ большая часть занятій только скользитъ по умамъ ихъ, а не засѣдаетъ въ нихъ прочно. И этотъ послѣдній недостатокъ такъ распространенъ, что рѣдко кто не жалуется на него. Если бы память прочно сохраняла все, что мы когда-нибудь читали, слышали и поняли, о, какими образованными людьми считались бы всѣ тѣ изъ насъ, кто не упускалъ случая ознакомиться съ разными предметами! Но такъ какъ на дѣлѣ это выходитъ иначе, то несомнѣнно, что мы только черпаемъ воду рѣшетомъ.

Средства противъ обоихъ золъ надо искать въ естественной методѣ.

3. Не найдется ли, однако, средства противъ этого зла? — Конечно, если мы, снова вступивъ въ школу природы, изслѣдуемъ пути, какихъ она держится, когда производитъ творенія, предназначаемыя къ продолжительному существованію. Можно будетъ, говорю я, найти способъ, съ помощью котораго всякій можетъ знать не только то, чему онъ учился, но и пойти дальше, именно не только свободно повторять то, что онъ почерпнулъ отъ наставниковъ и изъ авторовъ, но и самъ основательно разсуждать о вещахъ.

4. Этого можно достигнуть,

I) если будутъ толковать только о такихъ предметахъ, которые принесутъ положительную пользу,

II) однако обо всѣхъ безъ исключенія;

III) если всему будутъ даваться прочныя основанія,

IV) а самыя основанія будутъ заложены глубоко;

V) если все потомъ будетъ опираться только на эти основанія;

VI) если все, что можно различать, будетъ различаемо точнѣйшимъ образомъ;

VII) если все послѣдующее будетъ основываться на предшествующемъ;

VIII) если все, имѣющее между собою связь, постоянно будетъ излагаться въ связи;

IX) если все будетъ назначаться сообразно съ степенью пониманія, памятью и умѣньемъ выражаться;

X) если все будетъ закрѣпляемо непрерывными упражненіями.

Разсмотримъ теперь обстоятельнѣе каждое изъ этихъ условій.

I-е основное правило.

5. *Природа не предпринимаетъ ничего безполезнаго.* Не надо начинать ничего, не относящагося къ дѣлу.

Когда, напримѣръ, она приступаетъ къ образованію птицы, то не даетъ ей ни чешуи, ни плавниковъ или жабръ, ни рогъ, ни четырехъ ногъ, или чего нибудь такого, что для нея будетъ безполезно, но даетъ ей голову, сердце, крылья и т. д. Такъ дерево въ силу своей природы не производитъ для себя ни ушей, ни глазъ, ни перьевъ, ни волосъ, или чего нибудь подобнаго, но производитъ кору, лыко, сердцевину, корень и т. п.

6. Кто хочетъ, чтобы поле, виноградникъ или садъ приносили плоды, тотъ засѣваетъ ихъ не плевелами, крапивой, шиповникомъ или терновникомъ, но благородными сѣменами и растеніями. Подражаніе въ механическихъ производствахъ

7. Подобнымъ образомъ и архитекторъ, намѣреваясь выстроить прочное зданіе, заготовляетъ не солому, мякину, грязь и ивовое дерево, но камни, кирпичи, дубъ и тому подобный матеріалъ, отличающійся прочностью и плотностью.

8. Слѣдовательно, и въ школахъ и въ школахъ.

I) нужно излагать только то, что можетъ имѣть полнѣйшее примѣненіе какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни, но болѣе въ будущей, такъ какъ, по ученію Іеронима *), «на землѣ нужно учиться тому, знаніе чего пригодится и для неба»;

II) а если уже нужно сообщать юношеству нѣкото-

*) Блаженный Іеронимъ, отецъ церкви, ✝ 4 в.

рыя знанія для настоящей жизни (какъ это и есть), то только такія, которыя не мѣшали бы тѣмъ вѣчнымъ знаніямъ, а съ другой стороны приносили бы положительную пользу въ настоящей жизни.

Нужно изучать только то, что приноситъ положительную пользу.

9. Къ чему мелочи? Какая польза изучать то, что и знающему его не приноситъ пользы, и не вредитъ тому, кто не знаетъ, и чему съ теченіемъ жизни придется разучиться, или забыть за другими занятіями? Въ нашей кратковременной жизни встрѣчается множество предметовъ, которые могутъ наполнитъ всю ее цѣликомъ, если мы даже и частицы ея не будемъ посвящать пустякамъ. И такъ, школы должны ставить главной своей задачей—занимать юношество только серьезными предметами. (Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, какимъ образомъ можно вводить въ серьезныя занятія то, что доставляетъ забаву.)

II-е основное правило.

Надо дѣлать все, относящееся къ дѣлу.

10. *Природа не упускаетъ ничего, что признаетъ полезнымъ для образуемаго ею организма.*

Напримѣръ, при образованіи птицы она не забываетъ о головѣ, ногахъ, когтяхъ, кожѣ, глазахъ и вообще обо всемъ, что составляетъ существенное отличіе птицы (этого рода), и т. д.

Подражаніе въ школахъ.

11. Слѣдовательно, такимъ же образомъ и школы, занимаясь образованіемъ человѣка, должны образовать его вполнѣ, чтобы сдѣлать его способнымъ удовлетворить требованіямъ настоящей жизни и приготовить его даже къ вѣчности, которая составляетъ цѣль всего этого, что ей предшествуетъ.

12. И такъ, въ школахъ надо учить не только наукамъ, но и нравственности и благочестію. Научное же образованіе должно только развить въ человѣкѣ разсудокъ, языкъ и руку для того, чтобы онъ могъ разумно созерцать все полезное, выражать его въ словѣ и осуществлять на дѣлѣ. Если будетъ упущена изъ виду одна изъ этихъ цѣлей, то образуется пробѣлъ, который не только внесетъ недостатокъ

въ образованіе, но и поколеблетъ основательность его. Ибо ничто не можетъ быть прочнымъ, если не имѣетъ въ себѣ внутренней, всепроникающей связи.

III-е основное правило.

13. *Природа ничего не производитъ безъ основанія или корня.* Прочное строится на прочномъ основаніи.

Пока растеніе не пустило корня внизъ, оно не пускаетъ ростковъ вверхъ, а если и пробуетъ это, то вскорѣ неизбѣжно чахнетъ и погибаетъ. Поэтому благоразумный садовникъ даже и не садитъ деревца, если видитъ, что они еще не пустили корней. У птицы и у всякаго животнаго корень замѣняютъ внутренности (органы жизни), которыя поэтому всегда образуются первыми, составляя какъ бы основаніе цѣлаго организма.

14. Такимъ же образомъ архитекторъ возводитъ зданіе не прежде, какъ заложивши прочный фундаментъ; иначе все будетъ обречено на разрушеніе. Подобнымъ же образомъ живописецъ кладетъ свои краски на грунтъ, такъ какъ безъ этого краски легко или отпадаютъ, или стираются, или выцвѣтаютъ. Подражаніе.

15. Такого основанія для образованія не кладутъ тѣ наставники, которые 1) не стараются сперва пробудить въ своихъ ученикахъ охоту къ ученію и вниманіе, 2) не даютъ предварительно ученикамъ общаго представленія о той наукѣ, къ изученію которой они приступаютъ, такъ чтобы ученики совершенно отчетливо понимали, что надо дѣлать и почему такъ дѣлается. А если мальчикъ учится безъ охоты, вниманія и пониманія, то какого прочнаго результата можно ожидать отъ такого ученія? Отступленіе отъ правила. I. II.

16. Поэтому на будущее время Исправленіе.

I) при началѣ всякаго занятія необходимо серьезно возбуждать въ ученикахъ любовь къ нему, доказывая его превосходство, пользу, пріятность и т. п.;

II) прежде чѣмъ перейти къ частному изученію языка и науки, всякій разъ необходимо сперва напечатлѣть въ умѣ учащагося идею ихъ (а это есть не что

иное, какъ изложеніе содержанія въ самыхъ общихъ чертахъ, но обнимающее собою всѣ части), конечно, съ тою цѣлію, чтобы учащійся уже съ самаго начала хорошо различалъ всѣ цѣли и границы въ кругѣ данной науки или искусства, равно какъ и внутреннее его расположеніе. Какъ скелетъ служитъ опорою для всего тѣла, такъ общій очеркъ науки служитъ опорой и основой цѣлой науки.

IV-е основное правило.

Основаніе надо класть глубоко.

17. *Природа пускаетъ корни глубоко.*

Такъ въ животномъ она скрываетъ органы, поддерживающіе жизнь, въ самой внутренней части тѣла. И чѣмъ глубже пускаетъ корни дерево, тѣмъ крѣпче оно держится; напротивъ, то дерево, которое пустило корни не дальше дерна, легко вырвать.

Какъ устранить нарушеніе правила.

18. Отсюда видно, что необходимо, съ одной стороны, серьезно возбуждать въ ученикѣ охоту къ ученію; а съ другой стороны—глубоко напечатлѣвать въ умѣ идею науки; къ болѣе же полному и систематическому изложенію науки или языка не слѣдуетъ даже и приступать, пока не будетъ убѣжденія, что идея вполнѣ понята и хорошо укоренилась.

V-е основное правило.

19. *Природа производитъ все изъ корня, изъ другаго же источника ничего.*

Такъ дерево всю свою древесину и кору и всѣ листья, цвѣты и плоды производитъ только изъ корня. Ибо, хотя сверху на него льются дожди, а снизу его поливаетъ садовникъ, но вся эта влага непремѣнно должна просочиться чрезъ корни и тогда только можетъ распространиться по стволу, сучьямъ, листьямъ и плодамъ. Поэтому садовникъ, хотя и беретъ черенокъ отъ другаго какого-нибудь дерева, однако долженъ привить его къ стволу такъ, чтобы онъ, сросшись, такъ сказать, съ существомъ его, могъ вбирать въ себя сокъ изъ того же корня и, питаясь имъ, развиваться съ помощью корня; оттуда все доставляется дереву, а брать листья и листву

отъ другаго какого либо дерева и приклеивать ихъ нѣтъ никакой надобности. Точно такъ же, когда птицѣ предстоитъ опериться, то не берутся перья, которыя потеряла другая птица, но они выростаютъ изъ самыхъ внутреннихъ частей тѣла самой птицы.

20. Такъ предусмотрительный архитекторъ ведетъ всю постройку такъ, чтобы она стояла, опираясь на собственный фундаментъ, и налегала на свои углы безъ внѣшнихъ подпорокъ. Если же зданіе нуждается въ послѣднихъ, то это доказательство несовершенства постройки и возможности ея паденія.

Подражаніе въ механическихъ работахъ

21. Такимъ же образомъ тотъ, кто устраиваетъ рыбный садокъ или колодезь, не приказываетъ носить воду изъ другаго мѣста и не дожидается дождевой воды, но открываетъ родникъ и по каналамъ и трубамъ, скрытымъ въ землѣ, проводитъ изъ него воду въ свое водохранилище.

22. Изъ этого положенія слѣдуетъ тотъ выводъ, что давать правильное образованіе дѣтямъ не значитъ набивать ихъ головы смѣсью набранныхъ изъ авторовъ словъ, оборотовъ рѣчи, изреченій и мнѣній, но развивать въ нихъ пониманіе вещей, чтобы изъ него, какъ изъ родника, быстрой струей вытекали ручейки и, какъ бы изъ почекъ дерева, выходили бы листья, цвѣты и плоды, а на слѣдующій годъ снова изъ каждой почки являлась бы новая вѣточка съ своими листьями, цвѣткомъ и плодомъ.

и въ школахъ.

23. На самомъ дѣлѣ школы до сихъ поръ не заботились о томъ, чтобы пріучить умы, подобно молодымъ деревьямъ, черпать свои силы изъ собственнаго корня, а учили только навѣшивать на себя сорванныя въ другомъ мѣстѣ вѣтви и такимъ образомъ наряжаться въ чужія перья, подобно воронѣ въ баснѣ Эзопа, и не столько старались откопать скрывающійся въ самыхъ умахъ источникъ пониманія, сколько заботились о томъ, чтобы они орошались посторонними ручьями, т. е. школы не показывали, каковы вещи сами по себѣ, но что думаетъ или пишетъ тотъ, другой, третій, десятый о томъ или другомъ предметѣ, такъ что удерживать въ памяти противорѣчивыя мнѣнія многихъ о многомъ—вотъ что считалось признакомъ величайшей учености. Вслѣдствіе этого большинство

Чрезмѣрное нарушеніе этого правила въ школахъ.

только то и дѣлали, что, копаясь въ авторахъ, извлекали оттуда обороты рѣчи, изреченія и мнѣнія, сшивая себѣ изъ познаній нѣчто въ родѣ платья изъ набранныхъ отовсюду лоскутковъ. Про нихъ то говоритъ Горацій: «о, подражатели—рабскій вы скотъ!» [59]). Истинно — рабскій скотъ, привыкшій только перетаскивать чужое добро!

Обманчивость поверхностнаго образованія.

24. Но, спрашиваю, что пользы гоняться за мнѣніями разныхъ лицъ о предметахъ, когда ищутъ знанія предметовъ, каковы они въ дѣйствительности? Неужели въ жизни намъ ничего не остается дѣлать, какъ только слѣдовать за другими, которые сами мечутся то туда, то сюда, или наблюдать, гдѣ каждый изъ нихъ уклоняется отъ прямаго пути, или спотыкается, или просто сумасбродствуетъ. О, смертные! Будемъ спѣшить къ цѣли, оставивъ всякіе окольные пути! Если она представляется намъ достаточно опредѣленной и ясной, то почему бы намъ не стремиться къ ней по прямой дорогѣ? Зачѣмъ намъ смотрѣть скорѣе чужими глазами, чѣмъ собственными?

Причина этого ложная метода.

25. А что школы дѣйствительно только учатъ смотрѣть чужими глазами и думать чужимъ умомъ, это доказываетъ метода всѣхъ наукъ, которыя не учатъ открывать источники и изъ нихъ проводить ручейки въ разныхъ направленіяхъ, а только показываютъ ручьи, вытекающіе изъ писателей, и заставляютъ вдоль ихъ итти на встрѣчу источникамъ. Ибо ни одинъ словарь [по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, какіе мы видѣли, исключая словарь поляка Кнапія *), но и въ немъ мы замѣтили недостатки, которые укажемъ въ XXII главѣ] не учитъ говорить, а только понимать; едва ли какія либо грамматическія указанія учатъ, какъ составлять рѣчь, а развѣ только какъ разбирать ее, и никакія фразеологіи не показываютъ способа искусно составлять и разнообразить обороты рѣчи, а только предлагаютъ безпорядочный наборъ фразъ. Никто почти не учитъ физикѣ посредствомъ наглядныхъ доказательствъ и опытовъ, а всѣ чрезъ чтеніе Аристотелевскаго текста или другаго какого-нибудь сочиненія. Никто не

*) Ученый іезуитъ, † 1638.

учитъ нравственности путемъ внутренняго облагораживанія чувствъ, а только освѣщаетъ ихъ внѣшними опредѣленіями и подраздѣленіями добродѣтелей. Это виднѣе будетъ, когда мы, съ помощью Божіею, перейдемъ къ подробному изложенію методы наукъ и языковъ, а еще болѣе въ «Очеркѣ Пансофіи», если на то будетъ воля Божія.

26. Удивительно, конечно, что и древніе не выказали бо́льшей проницательности въ этомъ отношеніи, или что эта ошибка уже давно не была исправлена позднѣйшими педагогами, хотя несомнѣнно причина столь медленныхъ успѣховъ здѣсь то и кроется. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, разбирая дома́, показываетъ плотникъ своему ученику, какъ надо строить ихъ? Напротивъ, онъ, производя постройку, показываетъ, какъ нужно выбирать матеріалъ и какъ нужно каждую часть отмѣрить сообразно занимаемому ею мѣсту, какъ надо ее обтесать, выстрогать, поднять, положить и соединить съ прочими частями и т. д. Ибо кто знаетъ способъ постройки, тому ничего не будетъ стоить разобрать ее, равно какъ и тому, кто выучился шить платье, ничего не стоитъ распороть его. Но никто никогда не изучалъ плотничьяго дѣла, разбирая строенія, или портняжнаго, распарывая платье.

Ремесленники лучше ведуть свое дѣло.

27. И дѣйствительно, неудобства и даже вредныя стороны неисправленной въ этомъ отношеніи методы очевидны.

Безпечность образованныхъ людей относительно своихъ дѣлъ приноситъ двойной вредъ.

1) Ученость очень многихъ, если не большинства, ограничивается чистой номенклатурой, т. е. они умѣютъ повторять техническія выраженія и правила той или другой науки, а приложить ихъ съ надлежащею пользою не могутъ. 1.

2) Ни одинъ образованный не обладаетъ всестороннимъ знаніемъ, которое бы само на себя опиралось, само себя укрѣпляло и расширяло, а скорѣе это какая то компиляція, составленная изъ разныхъ отрывковъ наукъ, ни въ какомъ отношеніи не связанныхъ между собою, и не приносящая никакой дѣйствительной пользы. Такое знаніе, составленное изъ всевозможныхъ изреченій и мнѣній писателей, весьма похоже на дерево, которое обыкновенно устанавливается въ деревняхъ во время праздниковъ: хотя оно выглядитъ красиво, благодаря навѣшаннымъ на него тамъ и сямъ 2.

листьямъ, цвѣтамъ, плодамъ, даже гирляндамъ и вѣнкамъ, но такъ какъ все это идетъ не отъ его собственнаго корня, но привѣшивается со стороны, то не можетъ ни размножаться, ни долго сохраняться. Такое дерево не даетъ никакихъ плодовъ, а привѣшенная листва, какъ только завянетъ, опадаетъ. Напротивъ, основательно образованный человѣкъ подобенъ дереву, которое имѣетъ свой корень и поддерживаетъ себя сокомъ, а поэтому непрерывно (притомъ съ каждымъ днемъ все больше) проявляетъ свою жизненность, зеленѣетъ, цвѣтетъ и даетъ плоды.

Исправленіе.

28. Суть всего сказаннаго сводится къ слѣдующему: людей слѣдуетъ учить главнѣйшимъ образомъ тому, чтобы они черпали знанія не изъ книгъ, а наблюдая сами небо, землю, дубы, буки, т. е. чтобы они изслѣдовали и познавали самые предметы, а не помнили бы только чужія наблюденія и объясненія. Это и будетъ возвращеніемъ на путь древнихъ мудрецовъ, если знаніе будетъ почерпаться только изъ самаго первоисточника—изъ самыхъ предметовъ И такъ, должны имѣть силу закона слѣдующія правила:

I) всякое знаніе выводить изъ неизмѣнныхъ началъ міра;

II) ничему не учить на основаніи только авторитета, а все обосновывать на свидѣтельствѣ чувствъ и разума;

III) ничему не учить только аналитическимъ способомъ, а скорѣе всему—синтетическимъ.

VI-е основное правило.

Все съ яснымъ расчлененіемъ.

29. *Чѣмъ обширнѣе примѣненіе, къ которому природа предназначаетъ какой либо предметъ, тѣмъ больше отдѣльныхъ членовъ она даетъ ему.*

Напримѣръ, у животнаго чѣмъ различнѣе бываютъ движенія, тѣмъ больше суставовъ имѣютъ его органы, какъ напр. лошадь имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущество передъ ко-

ровой, ящерица передъ улиткой. Такимъ же образомъ и дерево, хорошо развивши свои корни и вѣтви, бываетъ крѣпче и красивѣе.

30. Слѣдовательно, и при обученіи юношества все надо дѣлать какъ можно болѣе расчленяя, чтобы не только учащій, но и учащійся, нисколько не сбиваясь, понималъ, гдѣ онъ и что ему дѣлать. Поэтому весьма важно, чтобы всѣ употребляемыя въ школахъ книги какъ можно болѣе согласовались съ этими ясными указаніями природы. Слѣдуетъ подражать этому.

VII основное правило.

31. *Природа находится въ постоянномъ движеніи впередъ, никогда не останавливается и никогда не начинаетъ чего нибудь новаго, оставивши прежнее, а только продолжаетъ, распространяетъ и совершенствуетъ прежде начатое.* Все въ непрерывномъ поступательномъ движеніи.

Напримѣръ, когда развивается зародышъ, то, что начало дѣлаться головою, ногою, сердцемъ и т. д., тѣмъ и остается и только совершенствуется. Вновь посаженное дерево не теряетъ первоначально выросшихъ на немъ сучьевъ, но продолжаетъ тщательно питать ихъ жизненнымъ сокомъ, чтобы они могли ежегодно давать отъ себя новыя вѣтви.

32. Поэтому и въ школахъ Необходимо подражаніе.

I) всѣ занятія должно располагать такъ, чтобы послѣдующее всегда основывалось на предыдущемъ, а предыдущее находило подтвержденіе въ послѣдующемъ;

II) все излагаемое на урокѣ должно быть не только правильно понято, но и запечатлѣться въ памяти.

33. Именно, такъ какъ при этой естественной методѣ все предыдущее необходимо будетъ давать основанія для всего послѣдующаго, то прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что все будетъ имѣть прочное основаніе. Но прочно можетъ держаться въ умѣ только то, что было хорошо понято и тщательно усвоено памятью. Ибо справедливо говоритъ Квинтиліанъ: «Все ученіе основывается на памяти, и насъ безъ пользы учатъ, если что нибудь изъ того, что мы слышимъ Объ обогащеніи и укрѣпленіи памяти въ особенности въ дѣтствѣ.

(или читаемъ), ускользаетъ». Людовикъ Вивесъ говоритъ: «Въ дѣтствѣ нужно развивать память, которая увеличивается, если ее развиваютъ; нужно многое ввѣрять ей заботливо и часто; ибо въ этомъ возрастѣ дѣти не чувствуютъ усилія, потому что не отдаютъ себѣ отчета въ этомъ. Такъ расширяется память безъ особеннаго напряженія и дѣлается весьма воспріимчивой». (Сочиненіе о преподаваніи наукъ, кн. 3). А въ введеніи къ «Мудрости» онъ говоритъ: «Не позволяй памяти оставаться въ покоѣ; ничто такъ не радуется работѣ и не укрѣпляется чрезъ нее, какъ память. Ежедневно ввѣряй ей что нибудь, и чѣмъ больше будешь ввѣрять ей, тѣмъ вѣрнѣе она будетъ сохранять, а чѣмъ меньше, тѣмъ ненадежнѣе». А что это вполнѣ вѣрно говорится, доказываютъ примѣры изъ природы. Такъ, чѣмъ больше влаги вбираетъ въ себя дерево, тѣмъ оно скорѣе ростетъ, а съ другой стороны, чѣмъ крѣпче оно дѣлается, тѣмъ больше притягиваетъ къ себѣ влаги. Точно такъ же и животное, чѣмъ больше переваривает пищи, тѣмъ больше прибываетъ въ тѣлѣ и, чѣмъ больше оно прибываетъ въ тѣлѣ, тѣмъ больше требуетъ корму и въ большемъ количествѣ перевариваетъ его. Такимъ же образомъ рѣшительно всѣ произведенія природы увеличиваются путемъ внутренняго роста. Поэтому нечего щадить въ этомъ отношеніи дѣтей (лишь бы только это дѣлалось разумно): это послужитъ залогомъ самаго вѣрнаго успѣха.

VIII-е основное правило.

Все въ непрерывной связи.

34. *Природа соединяетъ все непрерывными связями.*

Напримѣръ, когда она образуетъ птичку, то связываетъ одинъ членъ съ другимъ, одну кость съ другой, одно сухожиліе съ другимъ и т. д. по всему организму. Такъ бываетъ и съ деревомъ: изъ корня выростаетъ стволъ, изъ ствола сучья, изъ сучьевъ вѣтви, изъ вѣтвей вѣточки, изъ вѣточекъ почки, изъ почекъ листья, цвѣты, плоды и наконецъ новыя вѣточки и т. д., такъ что, хотя бы явились милліоны сучьевъ, вѣтвей, листьевъ и плодовъ,

однако всѣ они составляютъ одно и то же дерево. Такъ и для того, чтобы зданіе прочно стояло, недостаточно поставить стѣны на фундаментъ, а крышу и потолокъ положить на стѣны и наконецъ всѣ крупныя и мелкія части пригнать одну къ другой, но необходимо и соединить ихъ такъ, чтобы онѣ имѣли прочную связь и составляли одинъ домъ.

35. Отсюда слѣдуетъ,

I) что занятія цѣлой жизни должны быть расположены такъ, чтобы они представляли нѣчто цѣльное, въ которомъ все выходило бы изъ общаго корня и все стояло бы на своемъ мѣстѣ;

II) все преподаваемое необходимо такъ подкрѣплять доводами разума, чтобы не оставалось мѣста ни сомнѣнію, ни возможности забыть его. Ибо доводы это тѣ гвозди, тѣ болты, тѣ шипы, которые скрѣпляютъ вещь и не позволяютъ ей ни шататься, ни распадаться.

36. Подкрѣплять же все разумными доводами значитъ учить, объясняя причины, т. е. не только показывать, какова каждая вещь, но и почему она не можетъ быть иною, потому что знать извѣстный предметъ значитъ знать его причины. Положимъ, спрашиваютъ, какъ правильнѣе сказать: totus populus или cunctus populus («весь народъ»)? Если учитель отвѣтитъ, что правильнѣе сказать: cunctus populus, но основанія для этого не укажетъ, то ученикъ немного спустя забудетъ объ этомъ. А если онъ скажетъ, что cunctus есть сокращенное conjunctus (соединенный) и что поэтому totus правильнѣе употреблять объ одной цѣльной вещи, а cunctus—о чемъ нибудь собирательномъ, какъ въ настоящемъ случаѣ: то какимъ образомъ мальчикъ можетъ забыть это, если только онъ не тупъ до послѣдней степени? Составители грамматикъ также объясняютъ, почему говорится mea refert, tua refert, ejus refert, т. е. почему въ I и во II лицѣ употребляются творительные падежи (такъ они думаютъ), а въ III-мъ—родительный? Если я скажу, что это происходитъ оттого, что refert въ этомъ случаѣ сокращено изъ res+fert (чрезъ опущеніе буквы s) и что поэтому собственно слѣдовало бы сказать: mea res fert, tua res fert

ejus res fert (сокращенно: mea refert, tua refert, ejus refert) и что mea и tua — не творительные падежи, а именительные[60]): то неужели я не освѣщу этимъ ученику все дѣло? И такъ, мы желаемъ, чтобы учениковъ учили ясно и безъ труда понимать производство всѣхъ словъ, причины всѣхъ оборотовъ рѣчи (или конструкціи) и основанія всѣхъ правилъ въ искусствахъ. [Ибо основныя положенія наукъ можно доказывать не доводами и предположеніями разума, а прямымъ указаніемъ на самые предметы [61])]. Это доставитъ не только весьма пріятное развлеченіе, но и чрезвычайную пользу: это именно пролагаетъ путь для весьма основательнаго образованія, потому что такимъ образомъ у учащихся съ удивительной силой раскрываются глаза для легкаго и самостоятельнаго познанія одного изъ другаго.

Заключеніе.

37. И такъ, въ школахъ нужно всему учить, указывая на его причины.

IX-е основное правило.

Все въ постоянно правильномъ отношеніи внутренняго къ внѣшнему.

38. *Природа соблюдаетъ правильное отношеніе между корнемъ и вѣтвями относительно какъ количества, такъ и качества.*

Смотря по тому, какъ развивается подъ землею корень,— сильнѣе или слабѣе,—въ той же мѣрѣ и надъ землею развиваются сучья—ни болѣе, ни менѣе. И это необходимо: если бы дерево росло только вверхъ, то оно не могло бы держаться, потому что оно поддерживается корнемъ; съ другой стороны, если бы оно росло только внизъ, то это не приносило бы никакой пользы, потому что плодъ даютъ сучья, а не корень. Такъ и въ животномъ внѣшніе члены увеличиваются равномѣрно съ внутренними. Если внутренніе члены находятся въ хорошемъ состояніи, то и внѣшніе получаютъ хорошія свойства.

Необходимо подражаніе.

39. Слѣдовательно, точно такъ и въ дѣлѣ образованія, хотя оно сперва должно приниматься на внутреннемъ корнѣ пониманія и чрезъ него питаться и укрѣпляться, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ заботиться, чтобы отъ этого корня и наружу распространялись замѣтно сучья и листва, т. е. чтобы все, что учатъ понимать, учили бы также выра-

жать словами и исполнять, или примѣнять къ дѣлу, и наоборотъ.

40. И такъ,

I) при всякомъ новомъ пріобрѣтеніи знанія нужно тотчасъ подумать, какое примѣненіе оно можетъ имѣть, чтобы ничему не учиться понапрасну;

II) все, что усвоено, необходимо опять распространять, сообщая его другимъ, чтобы никакое знаніе не пріобрѣталось напрасно. Въ этомъ именно смыслѣ справедливо изреченіе: «твое знаніе не имѣетъ никакой цѣны, если другой не знаетъ, что ты обладаешь этимъ знаніемъ». Поэтому не слѣдуетъ открывать ни одного источника, изъ котораго не могли бы тотчасъ же вытечь ручьи. Но объ этомъ больше скажемъ въ слѣдующемъ основномъ правилѣ.

X-е основное правило.

41. *Природа сама себя оживляетъ и укрѣпляетъ частымъ движеніемъ.*

Все — посредствомъ непрерывныхъ упражненій.

Такъ птица не только согрѣваетъ яйца чрезъ насиживаніе, но и ежедневно переворачиваетъ ихъ на разныя стороны, чтобы они равномѣрно согрѣвались (это легко наблюдать на гусяхъ, курахъ и голубяхъ, которые выводятъ птенцовъ у насъ въ домѣ). А когда птенецъ вылупится, она развиваетъ его, заставляя его часто двигаться, раскрывать, двигать и поднимать клювъ, ноги и крылья и дѣлать разныя попытки ходить и летать, пока онъ не окрѣпнетъ. Такъ дерево, чѣмъ чаще подвергается вѣтрамъ, тѣмъ скорѣе ростетъ, тѣмъ глубже пускаетъ корни. Да и вообще всѣмъ растеніямъ идетъ въ пользу то, что они подвергаются дѣйствію снѣга, града, грома и молніи; поэтому страны, подверженныя дѣйствію вѣтровъ и грозъ, говорятъ, производятъ болѣе могучую породу деревьевъ.

42. Такимъ же образомъ и архитекторъ знаетъ, что его работы сохнутъ и крѣпнутъ на солнцѣ и вѣтрѣ. И кузнецъ, чтобы закалить желѣзо и сдѣлать его острымъ, по нѣскольку разъ опускаетъ его то въ огонь, то въ воду, т. е.

Подражаніе въ механическихъ работахъ.

подвергаетъ его попеременному действію тепла и холода, чтобы чрезъ неоднократное размягченіе закалить его.

Образецъ для школьныхъ упражненій надо взять изъ природы.

43. Отсюда слѣдуетъ, что образованіе нельзя сдѣлать прочнымъ безъ возможно частыхъ повтореній и упражненій и возможно искуснаго веденія ихъ. А какой способъ упражненій самый лучшій, показываютъ намъ естественныя движенія въ живомъ организмѣ, содѣйствующія пищеваренію, именно: принятіе пищи, переваривание ея и распредѣленіе по тѣлу. Именно, какъ въ животныхъ (даже въ растеніяхъ) каждый членъ требуетъ пищи, чтобы переварить ее, но перевариваетъ ее не только для того, чтобы самому питаться (оставляя часть ея для себя и ассимилируя ее), но и для того, чтобы передать ее сосѣднимъ членамъ— для поддержанія всего организма (ибо каждый членъ служитъ другимъ, чтобы въ свою очередь пользоваться услугами ихъ): такъ въ равной мѣрѣ и познанія свои пріумножитъ тотъ, кто всегда

I) будетъ искать и принимать духовную пищу,

II) кто, нашедши и принявши ее, будетъ пережевывать и переваривать ее,

III) кто, переваривши ее, будетъ распредѣлять ее и дѣлиться ею съ другими.

44. Эти три условія выражаются въ извѣстномъ двустишіи:

«Multa Rogare, Rogata Tenere, Retenta Docere,
Haec tria discipulum faciunt superare magistrum».

(«Обо многомъ спрашивать, спрошенное удерживать въ памяти, удержанное въ памяти сообщать—вотъ что даетъ ученику возможность превзойти самого учителя.»)

Первое достигается тѣмъ, что ученикъ совѣтуется относительно неизвѣстнаго предмета съ учителемъ или товарищемъ, или справляется объ немъ въ книгѣ. Второе тѣмъ, что онъ ввѣряетъ памяти то, что узналъ и понялъ и для бо́льшей вѣрности (такъ какъ немногіе обладаютъ столь счастливыми дарованіями, что во всемъ могутъ полагаться на память) заноситъ въ тетрадь. Третье тѣмъ, что онъ въ свою

очередь разсказываетъ товарищамъ и всякому, желающему слушать, все имъ понятое. Первые два способа знакомы школамъ, третій—еще недостаточно знакомъ, но очень полезно было бы ввести его. Ибо совершенно справедлива поговорка: кто учитъ другихъ, тотъ самъ себя обучаетъ, не только потому, что, повторяя одно и тоже, онъ укрѣпляетъ въ себѣ то, что выучилъ, но и потому, что это даетъ ему удобный случай глубже вникать въ вещи. Поэтому знаменитый Іоакимъ Форцій*) говоритъ о себѣ, что все, что онъ когда нибудь только слышалъ или читалъ, у него ускользало изъ головы впродолженіе какого нибудь мѣсяца; а то, чему онъ училъ другихъ, онъ можетъ пересчитать, какъ свои пять пальцевъ, и убѣжденъ, что только смерть можетъ отнять это у него. Поэтому тому, кто желаетъ сдѣлать большіе успѣхи въ занятіяхъ, онъ совѣтуетъ искать себѣ учениковъ, которыхъ онъ могъ бы ежедневно учить тому, что самъ изучаетъ, хотя бы ихъ пришлось покупать на вѣсъ золота. «Лучше», говоритъ онъ, «откажись отъ какого нибудь изъ твоихъ внѣшнихъ удобствъ, лишь бы только имѣть тѣхъ, которые захотѣли бы слушать тебя, какъ ты учишь, т. е. какъ ты преуспѣваешь».

45. Но это и удобнѣе, и съ несомнѣнною пользою для большаго числа людей можно сдѣлать, если учитель каждаго класса заведетъ эти чудесныя упражненія между своими учениками, именно слѣдующимъ образомъ. Пусть онъ на каждомъ урокѣ, изложивъ вкратцѣ его содержаніе, вполнѣ объяснивъ смыслъ словъ и ясно показавъ пользу предмета, велитъ сейчасъ же кому нибудь изъ учениковъ встать и повторить все, сказанное имъ, въ томъ же порядкѣ (какъ будто бы онъ самъ былъ уже учителемъ), тѣми же словами объяснитъ правила и на тѣхъ же примѣрахъ покажетъ ихъ примѣненіе; при всякой же ошибкѣ нужно поправлять его. Затѣмъ пусть прикажетъ другому встать и продѣлать тоже самое, а всѣ остальные пусть слушаютъ; потомъ—третьему,

*) Математикъ и филологъ, † въ половинѣ XVI ст.

четвертому, сколько ни потребуется, пока не станетъ ясно, что всѣ правильно поняли и уже въ состояніи передать и объяснить другимъ. Я совѣтую не держаться при этомъ никакого опредѣленнаго порядка, исключая одного требованія— вызывать сперва болѣе даровитыхъ, чтобы и слабѣйшіе, ободренные ихъ примѣромъ, могли легче сдѣлать тоже самое.

Польза отъ такихъ упражненій.

46. Такого рода упражненіе будетъ особенно полезно въ слѣдующихъ пяти отношеніяхъ:

I) Учитель заставитъ учениковъ быть постоянно внимательными къ его объясненіямъ. Именно, такъ какъ кому нибудь изъ нихъ вскорѣ непремѣнно придется встать и повторить весь урокъ и каждый при этомъ будетъ опасаться одинаково и за себя, и за другихъ, то волей-неволей онъ будетъ напрягать свой слухъ, чтобы ничего не пропустить мимо ушей. А такая бодрость вниманія, укрѣпившись въ силу привычки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, заставитъ молодого человѣка быть на сторожѣ и во всѣхъ дѣлахъ, какія встрѣтятся ему въ жизни.

II) Учитель получитъ возможность убѣдиться, вѣрно ли всѣ поняли все имъ изложенное; если же нѣтъ, то онъ тотчасъ же можетъ исправить это, къ немалой выгодѣ и для себя, и для учениковъ.

III) Если одно и то же будетъ повторяемо нѣсколько разъ, то наконецъ и самые вялые усвоятъ его, такъ что будутъ въ состояніи итти впередъ наравнѣ съ прочими товарищами, между тѣмъ какъ болѣе даровитые будутъ находить пріятное развлеченіе, какое доставляетъ увѣренность, что предметъ нами вполнѣ ясно понятъ.

IV) Чрезъ это самое, столь частое, повтореніе всѣ ученики лучше усвоятъ урокъ, нежели при продолжительномъ корпѣніи надъ нимъ дома, такъ что, прочитавъ его еще по одному разу вечеромъ и утромъ, они увидятъ, что они, какъ бы играючи и шутя, все укрѣпили въ памяти.

V) Если такимъ образомъ ученика время до времени будутъ какъ бы допускать къ исполненію обязанности учителя, то въ душѣ его поселится нѣкоторая бодрость и

пламенное желаніе учиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтетъ привычку откровенно и смѣло высказывать передъ другими свои мысли обо всемъ, что онъ признаетъ честнымъ и благороднымъ. А это будетъ особенно полезно въ жизни.

47. Такимъ же образомъ они получатъ возможность и внѣ школы, стоя на мѣстѣ или прогуливаясь, дѣлать разныя сравненія и разсужденія о предметахъ, только что или раньше когда то усвоенныхъ, или о чемъ либо новомъ. Съ этою цѣлью, когда ихъ соберется нѣсколько человѣкъ, пусть выберутъ себѣ заступающаго мѣсто учителя (по жребію или чрезъ голосованіе), который руководилъ бы преніями. А кто, будучи избранъ въ это званіе товарищами, станетъ отказываться, того слѣдуетъ строго наказать, потому что надо твердо соблюдать то правило, что никто не только не долженъ избѣгать случаевъ учить и учиться, а напротивъ всѣ должны даже ловить эти случаи. Объ упражненіи въ записываніи (которое также представляетъ могущественное подспорье для достиженія прочнаго успѣха) мы сдѣлаемъ особенныя указанія при описаніи школы родного языка и классической школы, въ XXVII и XXVIII гл.

Упражненіе въ обученіи другихъ внѣ школы.

Глава XIX.

Основныя правила скорости обученія чрезъ сокращеніе курса.

1. Скажутъ: это трудное и слишкомъ сложное дѣло! Сколько потребуется наставниковъ, сколько библіотекъ, сколько трудовъ для такого всесторонняго образованія! Отвѣчаю: конечно, это очень обременительно и требуетъ чуть не безконечнаго труда, если при этомъ не будутъ сдѣланы сокращенія. Наука такъ же безконечна, обширна и глубока, какъ и самый міръ, который умъ долженъ подчинить себѣ. Но кто же не знаетъ, что длинное можно сократить, а трудное облегчить? Кто не знаетъ, что ткачи очень быстро

Возраженіе со стороны трудности дѣла.

Отвѣтъ: слѣдовательно надо искать средствъ къ облегченію.

соединяютъ вмѣстѣ милліоны нитей и какіе удивительные по своему разнообразію рисунки составляютъ они изъ нитей? Кто не знаетъ, что мельники легко размалываютъ милліоны зеренъ и безъ всякаго труда совершенно начисто отдѣляютъ отруби отъ муки? Кто не знаетъ, что механики при помощи небольшихъ машинъ, почти безъ всякаго труда, поднимаютъ и переносятъ огромныя тяжести? что вѣсовщики иногда, снявъ только одну гирьку съ чашки вѣсовъ, уравновѣшиваютъ множество фунтовъ? Такъ не всегда требуются силы, чтобы сдѣлать что нибудь великое, но и искусство. Неужели же одни ученые не обладаютъ искусствомъ разумно вести свое дѣло? Одно уже чувство стыда должно побуждать насъ соревновать въ ловкости съ вышеназванными лицами и искать средствъ противъ тѣхъ трудностей, которыми до сихъ поръ было обставлено школьное дѣло.

2. Но такихъ средствъ мы не найдемъ, не обнаруживши напередъ болѣзней и не отыскавши причинъ ихъ. Что же именно тормозило школьныя работы и замедляло ихъ успѣшность, такъ что бо́льшая часть людей, хотя проводили цѣлую жизнь въ школахъ, все-таки не могли проникнуть въ святилища всѣхъ наукъ и искусствъ, а предъ нѣкоторыми должны были остановиться у самаго порога?

Причинъ задержекъ восемь.

3. Истинными причинами этого, какъ оказывается, были слѣдующія:

I. Во-первыхъ, то, что не было никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, до которыхъ необходимо было бы доводить учащихся каждый годъ, мѣсяцъ и день; напротивъ, во всемъ царствовала неопредѣленность.

II. 4. Во-вторыхъ, не были намѣчены пути, неуклонно ведущіе къ этимъ цѣлямъ.

III. 5. Въ-третьихъ, то, что соединено по самой своей природѣ, воспринималось не въ связи, но отдѣльно одно отъ другаго. Напримѣръ, новичковъ, еще только начинающихъ учиться грамотѣ, учили только читать, а обученіе письму отлагалось на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ латинской школѣ, молодыхъ людей заставляли по нѣсколько лѣтъ бороться со словами, не знакомя ихъ съ предметами,

такъ что юношескіе годы совершенно истрачивались на занятія грамматикой, а философскія занятія откладывались уже до болѣе зрѣлаго возраста. Молодыхъ людей заставляли также только учиться, а учить никогда имъ не позволяли. Между тѣмъ все это (чтеніе и письмо, слова и предметы, изученіе и обученіе) должно итти вмѣстѣ подобно тому, какъ во время бѣга приходится и поднимать, и опускать ноги, въ разговорѣ—и слушать, и отвѣчать, при игрѣ въ мячъ—и бросать, и ловить его, какъ мы это видѣли раньше въ свое время.

6. Въ-четвертыхъ, искусства и науки почти нигдѣ не преподавались въ довольно полномъ ихъ объемѣ, а скорѣе отрывочно. Вслѣдствіе этого въ глазахъ учащихся это были какъ бы кучи дровъ и хворосту, а какъ онѣ держались вмѣстѣ—никто на это не обращалъ вниманія. А вслѣдствіе этого, одинъ хватался за одно, другой—за другое, но никто не достигалъ вполнѣ всесторонняго, а слѣдовательно и основательнаго образованія. IV.

7. Въ-пятыхъ, школы пользовались сложными и различными методами: у каждой школы была своя метода, даже у каждаго преподавателя—своя особая, мало того—одинъ и тотъ же преподаватель одному искусству или языку училъ такъ, а другому иначе и, что̀ всего хуже, въ одномъ и томъ же предметѣ не оставался себѣ вѣрнымъ, такъ что ученики едва ли когда хорошенько понимали, о чемъ толкуютъ. Отсюда колебанія, остановки и даже отвращеніе къ нѣкоторымъ предметамъ или отчаяніе, являвшіяся прежде чѣмъ до нихъ доходили, такъ что у многихъ не было и желанія отвѣдать многихъ предметовъ. V.

8. Въ-шестыхъ, не знали способа одновременно заниматься со всѣми учениками одного и того же класса, а возились съ каждымъ отдѣльно, а это, при многочисленности учениковъ, неизбѣжно дѣлало трудъ преподавателей столь же тяжелымъ, какъ трудъ осла, а ученикамъ доставляло поводы къ вредной праздности, или причиняло досадное мученіе, если въ это время заставляли ихъ сдѣлать что нибудь. VI.

9. Въ-седьмыхъ, если же было нѣсколько учителей, то это опять вносило новую путаницу, потому VII.

что почти каждый часъ предлагали и толковали о разнородныхъ предметахъ. Не говорю уже о томъ, что множество преподавателей, равно какъ и книгъ, порождаетъ разсѣянность.

VIII. 10. Наконецъ, ученикамъ позволялось, съ полнаго согласія преподавателей, читать и другія книги — въ школѣ или внѣ школы; при этомъ думали, что чѣмъ больше писателей они будутъ просматривать, тѣмъ больше представится имъ случаевъ сдѣлать бо́льшіе успѣхи, тогда какъ это еще сильнѣе развлекало умъ. Поэтому не столько удивительно то, что лишь немногіе успѣвали пройти всѣ предметы, сколько то, ка́къ кто нибудь могъ выбраться изъ этихъ лабиринтовъ, что удавалось, конечно, только болѣе даровитымъ.

При устраненіи этихъ препятствій слѣдуетъ взять за образецъ то, что бываетъ въ природѣ, именно

11. И такъ, на будущее время необходимо устранить эти препятствія и задержки и примѣнять къ дѣлу только то, что́ прямо ведетъ къ цѣли, безъ окольныхъ путей, или (какъ гласитъ извѣстное правило), гдѣ съ малыми средствами можно достигнуть чего либо, тамъ не на́до тратить слишкомъ много средствъ.

солнце на небѣ.

12. Будемъ подражать въ этомъ случаѣ небесному солнцу, какъ наилучшему образцу, взятому изъ природы. Исполняя трудную и какъ бы безконечную работу—распространять по всему земному шару свои лучи и доставлять свѣтъ, теплоту, жизнь и силу всѣмъ элементамъ и образовавшимся изъ нихъ минераламъ, растеніямъ, животнымъ, виды и отдѣльные представители которыхъ безконечны, оно всѣхъ удовлетворяетъ и каждый годъ отлично заканчиваетъ кругъ своихъ обязанностей.

Сокращенные процессы солнечной дѣятельности.

13. И такъ, разсмотримъ способы его дѣятельности, сопоставляя ихъ съ разобранными нами способами дѣятельности школъ.

I. Солнце не занимается отдѣльными предметами, напр. каждымъ деревомъ или животнымъ, но освѣщаетъ или согрѣваетъ всю землю и заставляетъ ее давать испаренія.

II. Одними и тѣми же лучами оно освѣщаетъ все; однимъ и тѣмъ же сгущеніемъ тучъ и опять разрѣженіемъ ихъ орошаетъ все; однимъ и тѣмъ же вѣтромъ обдуваетъ все; одному и тому же теплу или холоду подвергаетъ все, и т. д.

III. Въ одно и тоже время принося весну, лѣто,

осень, зиму въ цѣлыхъ поясахъ земныхъ, оно заставляетъ все разомъ произрастать, цвѣсти, приносить плоды, не заботясь о томъ, что одно скорѣе созрѣваетъ, а другое медленнѣе, сообразно природѣ каждаго.

IV. Оно сохраняетъ всегда одинъ и тотъ же порядокъ: какой сегодня, такой и завтра, какой въ этомъ году, такой и въ слѣдующемъ; точно такъ же оно сохраняетъ всегда неизмѣнной одну и ту же форму для предметовъ одного и того же вида.

V. Оно производитъ каждое существо изъ его собственнаго сѣмени, а не изъ чего либо другаго.

VI. И притомъ, все, что должно явиться одновременно, оно и производитъ въ одно и то же время: древесину одновременно съ корой и сердцевиной, цвѣтокъ съ листьями, плоды съ шелухой, стебелькомъ и сѣмечками.

VII. И все производитъ оно въ надлежащей послѣдовательности, такъ что одно пролагаетъ путь другому и въ свою очередь составляетъ продолженіе чего нибудь.

VIII. Наконецъ, солнце не производитъ чего нибудь безполезнаго; если появляется что нибудь подобное, то оно сжигаетъ его и уничтожаетъ.

14. Мы будемъ подражать солнцу,

I) если одной школой или, по крайней мѣрѣ, однимъ классомъ будетъ завѣдывать одинъ учитель;

II) если въ каждомъ учебномъ предметѣ будутъ слѣдовать одному учебнику;

III) если одинъ и тотъ же трудъ будетъ затрачиваемъ сообща на цѣлый классъ;

IV) если науки и языки будутъ преподаваться по одной и той же методѣ;

V) если все будетъ излагаемо основательно, кратко и сильно, чтобы разсудокъ какъ бы отпирался ключемъ, и предъ нимъ самъ собою открывался міръ;

VI) если все, имѣющее между собою внутреннюю связь, и въ преподаваніи будетъ излагаемо въ связи,

VII) и если притомъ все будетъ преподаваться въ непрерывной послѣдовательности, такъ что все,

что сегодня проходится, будетъ подтверждать вчерашнее и подготовлять путь къ завтрашнему;

VIII) наконецъ, если все безполезное будетъ устраняемо.

15. Повторяю, если окажется возможность ввести это въ школахъ, то, какъ очевидно для насъ, что солнце ежегодно совершаетъ полный свой круговой оборотъ во вселенной, такъ же мало можно сомнѣваться въ томъ, что при указанныхъ условіяхъ весь кругъ знаній будетъ законченъ несравненно легче и безпрепятственнѣе. И такъ, приступимъ къ самому дѣлу, чтобы убѣдиться, возможно ли и какъ легко можно привести въ исполненіе эти совѣты.

Задача I.

Какимъ образомъ одного преподавателя можетъ быть достаточно для какого угодно числа учениковъ?

Почему каждою школою долженъ завѣдывать одинъ учитель?

16. Я не только утверждаю, что одинъ учитель можетъ имѣть подъ своимъ управленіемъ нѣсколько сотъ учениковъ, но и настаиваю на томъ, что это должно быть сдѣлано, потому что это самое удобное и для учащаго, и для учащихся.
1. Первый, безъ сомнѣнія, тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ будетъ исполнять свою работу, чѣмъ больше учениковъ будетъ видѣть предъ собою (какъ у рудокоповъ, когда они наткнутся на богатый металломъ рудникъ, такъ и ходятъ руки); а чѣмъ съ большимъ одушевленіемъ самъ онъ будетъ работать,
2. тѣмъ сильнѣе онъ будетъ оживлять и учениковъ. Равнымъ образомъ и самимъ ученикамъ тѣмъ больше будетъ и удовольствія, и пользы, чѣмъ больше будетъ ихъ самихъ («всѣмъ доставляетъ радость то, что у нихъ есть товарищи въ работѣ»): они будутъ взаимно поощрять и помогать другъ другу; потому что и у этого возраста свои особыя средства къ воз-
3. бужденію соревнованія. Кромѣ того, когда у учителя немного слушателей, то легко то или другое скользитъ мимо ушей всѣхъ; напротивъ, когда у него много слушателей, то каждый воспринимаетъ столько, сколько можетъ, а при слѣдующихъ повтореніяхъ все припоминается, все идетъ на пользу всѣмъ, при чемъ

умъ какъ бы чрезъ трепіе сообщается уму, память памяти. Словомъ, какъ хлѣбникъ, заразъ замѣсивши одну порцію тѣста и одинъ разъ накаливши печь, выпекаетъ много хлѣбовъ, а кирпичникъ обжигаетъ множество кирпичей, и какъ типографщикъ однимъ наборомъ отпечатываетъ сотни или даже тысячи экземпляровъ книгъ: такъ точно и школьный учитель одними и тѣми же упражненіями, относящимися къ изучаемымъ предметамъ, можетъ вмѣстѣ и за одинъ разъ оказывать пользу значительному числу учениковъ, безъ всякаго неудобства для себя, подобно тому, какъ мы видимъ также, что одинъ стволъ въ состояніи и поддерживать, и питать сокомъ даже самое вѣтвистое дерево, а солнце въ состояніи оплодотворять всю землю.

17. Но какъ же именно это сдѣлать? Прослѣдимъ ходъ дѣятельности природы въ только что представленныхъ нами примѣрахъ. Стволъ не подбѣгаетъ ко всѣмъ, даже самымъ крайнимъ листьямъ, но, твердо стоя на своемъ мѣстѣ, передаетъ сокъ главнымъ, непосредственно примыкающимъ къ нему, сучьямъ, которые потомъ передаютъ его другимъ, а эти опять слѣдующимъ и такъ далѣе до самыхъ крайнихъ и малѣйшихъ частицъ дерева. Такимъ же образомъ и солнце не спускается къ каждому дереву отдѣльно, къ каждой травкѣ, къ каждому животному; но, распространяя лучи съ своей высоты, заразъ освѣщаетъ цѣлое полушаріе, и каждое созданіе уже само обращаетъ свѣтъ и теплоту на собственныя нужды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно имѣть въ виду и то, что дѣйствію солнца помогаетъ также положеніе мѣста, потому что лучи, собирающіеся въ долинахъ, болѣе нагрѣваютъ сосѣднюю страну.

А какъ именно — показываютъ примѣры изъ природы. 1. 2.

18. Если по этому образцу устроить и дѣло обученія, то одинъ учитель такъ же легко удовлетворитъ нужды самаго многочисленнаго собранія учениковъ, а именно:

Въ школахъ можно подражать природѣ,

I) если онъ раздѣлитъ всю массу учениковъ на извѣстныя отдѣленія, наприм. на десятки, и на каждый десятокъ назначитъ надзирателей, а надъ этими въ свою очередь другихъ и такъ до главнаго включительно;

I) раздѣляя всю массу учениковъ на классы,

II) если онъ никогда не будетъ учить только одного, ни частнымъ образомъ — внѣ школы, ни съ каѳедры — въ школѣ, но всѣхъ вмѣстѣ и разомъ.

II) никого отдѣльно не образуя, но всѣхъ сообща,

И такъ, онъ ни къ кому не будетъ подходить отдѣльно и никому не позволитъ подходить къ себѣ; но, стоя на каѳедрѣ (откуда всѣ могутъ видѣть и слышать его), онъ, какъ солнце, будетъ разсыпать свои лучи на всѣхъ, всѣ же, устремивъ на него глаза, уши и умъ, должны воспринимать все, что онъ или будетъ разсказывать, или на что онъ будетъ указывать рукою или показывать на картинѣ. Такъ, изъ одного горшка будутъ побѣлены не двѣ, но весьма много стѣнъ [62]).

III) поддерживая во всѣхъ вниманіе.

19. III) Потребуется только умѣнье пробуждать вниманіе во всѣхъ и въ каждомъ въ отдѣльности, чтобы они, въ увѣренности, что уста преподавателя служатъ тѣмъ источникомъ (какъ это и есть на самомъ дѣлѣ), изъ котораго текутъ къ нимъ ручьи знаній, пріучались подставлять сосудъ вниманія, всякій разъ какъ только замѣтятъ, что этотъ источникъ открывается, для того, чтобы все попадало въ сосудъ и ничто не проливалось мимо. И такъ, главною заботою для наставника будетъ—говорить только слушающимъ и учить только внимающихъ. Если гдѣ, то именно здѣсь долженъ имѣть мѣсто совѣтъ Сенеки: говорить что нибудь нужно только тому, кто готовъ слушать, и, пожалуй, еще изреченіе Соломона: благоразумный мужъ есть драгоцѣнная душа (Притчи 12, 27) [63]), которую онъ не разсѣеваетъ по вѣтру, но вливаетъ въ сердца людей.

Какъ же можно достигнуть этого? — Съ помощью старшихъ и чрезъ собственное наблюденіе преподавателя, причемъ онъ пользуется восемью мѣрами благоразумія.

20. А возбуждать и поддерживать такое вниманіе могутъ не только декуріоны [64]) и всѣ другіе, которымъ предоставляется какое либо участіе въ надзорѣ (именно съ тою цѣлію, чтобы они внимательно слѣдили за остальными), но еще болѣе самъ преподаватель, прибѣгая при этомъ къ слѣдующимъ 8 способамъ дѣйствія.

1. 1) Если онъ будетъ стараться сообщать ученикамъ всегда что нибудь такое, что можетъ быть для нихъ занимательно и полезно; это будетъ такой приманкой для умовъ, что они жадно и съ напряженнымъ вниманіемъ пойдутъ на нее.

2. 2) Если онъ передъ самымъ началомъ каждой работы постарается расположить къ ней учениковъ, рекомендуя имъ предметъ предстоящаго урока, или

расшевелить ихъ, ставя имъ вопросы, касающіеся ли уже пройденнаго, чтобы по связи съ нимъ перейти къ предмету настоящаго урока, или того, о чемъ теперь надо толковать, чтобы они, замѣтивши свое невѣжество въ этомъ отношеніи, тѣмъ сильнѣе желали услышать объясненіе предмета.

3) Если онъ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, будетъ 3.
обводить кругомъ глазами и никому не позволитъ заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ, а только одно—не сводить глазъ съ него.

4) Если онъ будетъ поддерживать вниманіе тѣмъ, 4.
что, насколько возможно, при всякомъ случаѣ будетъ дѣйствовать на всѣ внѣшнія чувства, какъ мы показали въ XVII гл., VIII основномъ положеніи, въ III правилѣ. Это служитъ не только къ облегченію ученія, но и къ возбужденію вниманія.

5) Если во время самой работы учитель вдругъ, прервавши 5.
свою рѣчь, спроситъ: «Ты, или Ты, чтó я только что сказалъ?» «повтори-ка это предложеніе!» «Ты! скажи, по какому поводу мы пришли къ этому?» и т. п., смотря по успѣхамъ каждаго класса. Если окажется, что кто-нибудь былъ невнимателенъ, тому слѣдуетъ сдѣлать выговоръ или наказать его тотчасъ же: такимъ путемъ вообще будетъ поощряться стремленіе быть внимательнымъ.

6) Подобнымъ образомъ, если ты спросилъ кого- 6.
нибудь, а онъ запинается, быстро переходи къ другому, третьему, десятому, тридцатому, и требуй отвѣта, не повторяя вопроса,—все это съ тою цѣлью, чтобы всѣ старались замѣчать и обращать въ свою пользу все, что говорится одному.

7) Можетъ также случиться, что одинъ—другой не знаетъ 7.
чего-нибудь, и въ такомъ случаѣ приходится обращаться съ вопросомъ къ цѣлому классу: тогда, кто прежде или лучше всѣхъ отвѣтитъ, того слѣдуетъ похвалить при всѣхъ, чтобы его примѣръ послужилъ къ соревнованію. Если кто ошибется, нужно поправить, открывши и устранивши при этомъ и поводъ къ ошибкѣ (который проницательный преподаватель безъ труда распознаетъ). Трудно повѣрить, какъ быстро это подвинетъ впередъ успѣхи учениковъ.

VIII. 8) Наконецъ, по окончаніи урока ученикамъ должна быть предоставлена возможность самимъ спрашивать преподавателя о чемъ имъ угодно, натолкнулся ли кто нибудь на сомнѣніе на этомъ урокѣ, или прежде. При этомъ разспросы на дому не должны быть допускаемы, а пусть каждый, кому нужно, ищетъ совѣта у учителя при всѣхъ, самъ ли лично или чрезъ своего декуріона (если послѣдній не могъ удовлетворить его), чтобы всѣмъ послужило въ пользу все, т. е. какъ вопросы, такъ и отвѣты. Кто чаще возбуждаетъ полезные вопросы, тотъ чаще долженъ получать и похвалу, чтобы у остальныхъ не было недостатка въ примѣрахъ и поощреніи къ прилежанію.

Какъ велика польза отъ изощреннаго такимъ образомъ прилежанія?

22 *). Такое ежедневное упражненіе вниманія принесетъ пользу молодымъ людямъ не только теперь, но и на всю жизнь. Привыкши вслѣдствіе постояннаго упражненія впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всегда заниматься тѣмъ, о чемъ идетъ рѣчь, они и всегда будутъ все дѣлать со вниманіемъ, не ожидая постороннихъ напоминаній или понужденій. А если школы будутъ таковы, то почему же не надѣяться на обильнѣйшій урожай очень способныхъ людей.

Возраженіе: будеть ли при такихъ условіяхъ надзоръ распространенъ на каждаго въ отдѣльности и на всѣхъ вмѣстѣ? Да.

23. Но, могутъ возразить, все таки необходимо наблюдать и за каждымъ въ отдѣльности, именно чтобы видѣть, въ какой чистотѣ каждый изъ учениковъ держитъ свои книги, насколько правильно записываетъ уроки, какъ твердо заучиваетъ ихъ на память и т. д. А на это, если учениковъ будетъ много, потребовалось бы много времени. Отвѣчаю: вовсе нѣтъ надобности каждый урокъ выслушивать всѣхъ, или осматривать каждый разъ книжки всѣхъ.

1) При содѣйствіи декуріоновъ,

Такъ какъ у преподавателя будутъ помощники въ лицѣ декуріоновъ, то послѣдніе и будутъ слѣдить, каждый за своими учениками, чтобы всѣ они исполняли всѣ работы какъ можно лучше.

2) благодаря неустанной бдительности самого учителя.

24. Самъ преподаватель, какъ главный надзиратель, будетъ обращать вниманіе только по временамъ то на того, то на другаго, главнымъ образомъ съ цѣлью испытать благонадежность тѣхъ, на которыхъ онъ не полагается. Напримѣръ, пусть скажутъ заданное наизусть одинъ, другой, третій, сло-

*) Въ подлинникѣ 21-го § нѣтъ.

вомъ всѣ, сколько бы ты ни вызвалъ, изъ послѣднихъ ли рядовъ, или изъ первыхъ, а весь классъ въ это время слушаетъ. Такимъ образомъ всѣ постоянно должны будутъ приходить въ школу приготовившись, если всякій будетъ бояться, что его могутъ спросить. Если учитель замѣчаетъ, что ученикъ свободно началъ отвѣтъ, то въ полной увѣренности, что ученикъ знаетъ и остальное, пусть онъ заставитъ другаго ученика продолжать. Если и этотъ знаетъ, то третій періодъ или параграфъ пусть онъ заставитъ сказать другаго ученика. Такимъ образомъ чрезъ спрашиваніе немногихъ учитель увѣрится, что и всѣ знаютъ.

25. Такимъ же образомъ надо поступать при повѣркѣ всякихъ диктовокъ: заставь одного, другаго, а въ случаѣ надобности и большее число учениковъ, громко и отчетливо прочитать написанное, ясно называя также, гдѣ слѣдуетъ, знаки препинанія, а остальные ученики пусть смотрятъ въ свои тетради и исправляютъ ошибки. Между тѣмъ и самъ преподаватель будетъ имѣть возможность время отъ времени заглядывать въ перемежку въ тетрадь то одного, то другаго ученика, и, если кто будетъ замѣченъ въ небрежности, съ того слѣдуетъ взыскать. Способъ повѣрки записаннаго подъ диктовку

26. При исправленіи упражненій предвидится нѣсколько больше труда; но и здѣсь можно кое-что придумать, если слѣдовать по тому же пути. Напримѣръ, при упражненіяхъ въ переводѣ съ одного языка на другой надо итти такъ. Раздѣливши всѣхъ по десяткамъ, надо 1.
приказать одному встать и вызвать себѣ оппонента, кого онъ захочетъ. Когда оппонентъ встанетъ, то пусть вызвавшій чи- 2.
таетъ по частямъ свою работу, а всѣ внимательно слушаютъ; преподаватель же (или по крайней мѣрѣ декуріонъ) стоитъ около него и заглядываетъ въ тетрадь, чтобы по крайней мѣрѣ удостовѣриться въ правописаніи словъ. Когда ученикъ прочи- 3.
таетъ періодъ, пусть остановится, а оппонентъ пусть укажетъ, буде замѣтилъ какую либо ошибку. Затѣмъ надо позволить и 4.
остальнымъ ученикамъ того же десятка высказать свои замѣчанія объ этомъ періодѣ, наконецъ, и всѣмъ ученикамъ цѣ- 5.
лаго класса; въ заключеніе и преподаватель, если нужно, пусть 6.

и поправки упражненій въ слогѣ.

сдѣлаетъ замѣчанія, а въ это время всѣ ученики пусть смотрятъ въ свои тетради, и, если сдѣлали такія же ошибки, пусть исправляютъ ихъ, исключая оппонента, который сохраняетъ
7. свой диктантъ безъ поправокъ для просмотра. Когда этотъ періодъ оконченъ и надлежащимъ образомъ исправленъ, пере-
8. ходятъ къ другому и такъ до конца. Затѣмъ пусть оппонентъ прочитаетъ свой диктантъ такимъ же образомъ, а вызвавшій его пусть слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онъ не прочиталъ исправленнаго вмѣсто неисправленнаго, и затѣмъ дѣлается такой же разборъ отдѣльныхъ словъ, оборотовъ рѣчи и предложе-
9. ній, какъ и прежде. Затѣмъ надо еще другой парѣ учениковъ выступить впередъ такимъ же образомъ и еще нѣсколькимъ, сколько позволитъ время.

Обязанности декуріоновъ при этомъ.

27. Но декуріоны должны 1) смотрѣть за тѣмъ, чтобы до начала исправленія у всѣхъ была готова работа; 2) быть настолько внимательными во время исправленія, чтобы исправить и свои ошибки по чужимъ.

28. Этимъ можно достигнуть того,

I) что трудъ преподавателя уменьшится;

II) такъ какъ никто не будетъ оставляемъ безъ вниманія, то всѣ будутъ учиться;

III) вниманіе всѣхъ будетъ изощряться;

IV) все, что говорится какимъ либо образомъ одному, вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ въ пользу и всѣмъ;

V) разнообразіе оборотовъ рѣчи, которые не могутъ не быть различными при употребленіи ихъ разными учениками, отлично укрѣпитъ какъ сужденіе о вещахъ, такъ и навыкъ въ языкѣ;

VI) наконецъ, если будетъ исправлена такимъ образомъ одна, другая и даже третья пара сочиненій, то въ остальныхъ окажется или мало ошибокъ или вовсе ихъ не окажется.

Поэтому остатокъ времени должно посвятить на общія замѣчанія, именно: пусть тѣ, которые сомнѣваются относительно какого нибудь мѣста въ своей работѣ, или полагаютъ, что они лучше другихъ сдѣлали что нибудь въ ней, предложатъ это

на общее обсужденіе, а затѣмъ необходимо подвергнуть это разбору.

29. Хотя это сказано, въ видѣ примѣра, только относительно упражненія въ переводѣ, однако эти указанія легко можно примѣнить и къ упражненіямъ въ слогѣ, необходимымъ какъ для оратора, такъ и для изучающаго логику, богословіе и философію и т. д.

30. Такъ мы видимъ, какимъ образомъ одного преподавателя достаточно даже для сотни учениковъ, причемъ у него будетъ съ ними не больше работы, чѣмъ при одномъ или двухъ ученикахъ.

Задача II.

31. *Какимъ образомъ можно всѣхъ учить по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ?*

При этомъ надо соблюдать пять условій:

I. Не слѣдуетъ дозволять читать другія книги.

Каждый знаетъ, что многочисленность предметовъ развлекаетъ чувства. Поэтому было бы **значительнымъ выигрышемъ**, если бы, **во первыхъ**, ученикамъ **не позволяли читать другихъ книгъ**, кромѣ **тѣхъ**, которыя **приспособлены къ занятіямъ того класса**, въ которомъ они находятся, такъ что при этомъ постоянно примѣнялись бы къ дѣлу слова, съ которыми обращались къ совершающимъ закланіе жертвеннаго животнаго: «совершай это»! [65]). Ибо, чѣмъ меньше постороннія книги будутъ занимать собою **глаза** учениковъ, тѣмъ больше учебныя будутъ занимать ихъ **умы**.

II. Назначенныя для этой цѣли надо имѣть въ достаточномъ количествѣ.

32. Во вторыхъ, если всѣ **такого рода учебныя принадлежности**: доски, прописи, элементарныя руководства, словари, систематическія обозрѣнія наукъ и т. п. будутъ **заранѣе заготовлены**. Ибо сколько времени гибнетъ, когда преподавателямъ приходится (какъ это и бываетъ) самимъ дѣлать для учениковъ алфавитныя таблицы, напередъ надписывать образцы каллиграфическаго письма, диктовать правила, тексты, или переводы текстовъ и т. п.! Поэтому удобнѣе было бы, если бы всѣ книги, какія употребляются во всѣхъ классахъ, были отпечатаны въ достаточномъ количествѣ; а къ тѣмъ, которыя нужно переводить па отечественный языкъ, былъ приложенъ и переводъ. Такимъ образомъ,

все то время, которое пришлось бы потратить на диктовку, записываніе ея и переводъ, гораздо съ бо́льшею пользою можно было бы употребить на самое объясненіе, повтореніе и опыты подражанія заученному.

Опроверженіе возможныхъ возраженій.

33. Нѣтъ также причины опасаться, что этимъ поощряется лѣность учителей. Ибо, какъ проповѣдника слѣдуетъ считать исполнившимъ свой долгъ, если онъ, прочитавши напередъ изъ библіи священный текстъ, объяснитъ его слушателямъ и покажетъ имъ на примѣрахъ примѣненіе его (въ поученіе имъ, или въ назиданіе, утѣшеніе и т. п.), хотя бы онъ и не самъ перевелъ этотъ текстъ прямо изъ источниковъ, а взялъ изъ какой либо другой книги готовый переводъ (для слушателей это не представляетъ ни малѣйшей важности): точно такъ же и для учениковъ рѣшительно все равно, самъ ли учитель обработалъ свой урокъ, или кто другой до него это сдѣлалъ, лишь бы только было на лицо то, чего требуетъ дѣло, а учитель точно объяснилъ бы примѣненіе этого. Во всякомъ случаѣ лучше имѣть готовое, чтобы съ одной стороны больше обезпечить себя отъ ошибокъ, а съ другой стороны, что еще важнѣе, имѣть больше времени для упражненія въ практическомъ примѣненіи.

III. Учебники должны быть весьма точны, но написаны популярно.

34. Сообразно предъявляемымъ нами правиламъ относительно основательности и легкости обученія и сбереженія времени, слѣдуетъ приступить къ составленію для всѣхъ школъ такихъ учебниковъ, которые заключали бы въ себѣ все съ надлежащей полнотой, основательностью и точностью, такъ чтобы они были самымъ вѣрнымъ изображеніемъ всей вселенной (которая должна запечатлѣться въ умѣ учениковъ); но, чего я особенно желаю и на чемъ настаиваю, это составленія такихъ учебниковъ, въ которыхъ все излагалось бы языкомъ простымъ и общепонятнымъ, чтобы они вполнѣ доставляли учащимся свѣтъ, который давалъ бы имъ возможность все самимъ понять, даже безъ всякой помощи учителя.

Почему они должны быть составлены въ разговорной формѣ?

35. Съ этой цѣлью я желалъ бы, чтобы учебники составлялись преимущественно въ разговорной формѣ. Именно этимъ способомъ 1) умы дѣтей легче могутъ усвоить себѣ содержаніе и изложеніе, чтобы они не представляли себѣ это или

невозможнымъ, или недостижимымъ и слишкомъ труднымъ, такъ какъ ничто такъ не внушаетъ довѣрія, и нѣтъ ничего естественнѣе, какъ разговоръ, во время котораго понемногу и незамѣтно можно завести человѣка куда угодно. Такимъ образомъ авторы комедій излагали всѣ свои наблюденія относительно упадка нравовъ съ цѣлью поучать народъ; такимъ же образомъ Платонъ изложилъ всю свою философію, очень многое—Цицеронъ, а Августинъ—все богословіе, всѣ приспо-
собляясь къ пониманію читателей. 2) Разговоры возбуждаютъ, одушевляютъ, поддерживаютъ вниманіе именно 2.
вслѣдствіе разнообразія вопросовъ и отвѣтовъ, а также разнообразія поводовъ къ нимъ и формъ ихъ, причемъ нерѣдко вставляется что-нибудь забавное, не говоря уже о томъ, что самое разнообразіе и смѣна лицъ разговаривающихъ не только избавляетъ насъ отъ скуки, но даже возбуждаетъ по-
требность слушать все больше и больше. 3) Разговоръ 3.
дѣлаетъ болѣе прочными познанія. Ибо, какъ тверже мы помнимъ происшествіе, совершившееся на нашихъ глазахъ, нежели то, о которомъ мы только слышали разсказъ; такъ и въ умѣ тверже удерживается то, чему мы научаемся при представленіи комедіи или изъ разговора (такъ какъ въ этомъ случаѣ мы являемся въ роли не столько слушателей, сколько зрителей), нежели то, что мы слышали изъ голаго пересказа учителя, какъ подтверждаетъ опытъ.
4) Такъ какъ большая часть нашей жизни состоитъ во взаим- 4.
номъ обмѣнѣ мыслей, то съ значительнымъ выигрышемъ времени можно вести юношество къ этой цѣли при томъ условіи, если оно будетъ пріучаться не только понимать полезное, но и говорить о немъ разнообразно,
изящно, серьезно и свободно. 5) Наконецъ, разговоры, 5.
даже если ученики ведутъ ихъ между собою, облегчаютъ повтореніе.

36. Хорошо также было бы, если бы одни и тѣже учеб- IV. Одного изданія.
ники были одного изданія, такъ чтобы даже страницы и строчки ихъ и все остальное въ нихъ совпадало, именно для облегченія ссылокъ и припоминанія мѣстъ, а также для того, чтобы ни въ чемъ не встрѣчалось ни малѣйшей задержки.

V. Содержаніе книгъ должно быть нарисовано на стѣнахъ.

37. Этому значительно будетъ содѣйствовать и то, если содержаніе всѣхъ учебниковъ каждаго класса будетъ вкратцѣ начертано на стѣнахъ классной комнаты, то въ формѣ (краткой, но содержательной) текста, то въ видѣ рисунковъ и рельефныхъ изображеній, при помощи которыхъ ежедневно могли бы упражняться и внѣшнія чувства, и память, и умъ учениковъ. Вѣдь не даромъ же въ храмѣ Эскулапа, какъ передають древніе писатели, были написаны на стѣнахъ всѣ правила медицины, которыя Гиппократъ и списалъ, тайкомъ пробравшись въ храмъ. Ибо и Богъ наполнилъ этотъ обширный театръ вселенной во всѣхъ частяхъ его картинами, статуями и другими изображеніями, какъ бы живыми знаками Своей премудрости, и хочетъ, чтобы мы черезъ нихъ обогащались познаніями (объ этихъ картинахъ подробнѣе будетъ сказано при спеціальномъ описаніи классовъ).

Задача III.

Какимъ образомъ достигнуть того, чтобы въ школѣ всѣ въ одно и то же время занимались однимъ и тѣмъ же?

Почему въ одной школѣ всѣмъ слѣдуетъ заниматься однимъ?

38. Польза требованія, чтобы всѣ въ одномъ и томъ же классѣ занимались только однимъ предметомъ, очевидна: это и для учителя менѣе тягостно, и ученики при этомъ больше успѣваютъ. Ибо они тогда только образовательно вліяютъ другъ на друга, когда мысли всѣхъ вращаются около одного и того же предмета и на немъ упражняются, а затѣмъ чрезъ взаимное сопоставленіе ихъ между собою очищаются. Слѣдовательно, какъ у солдатъ командиръ полка начинаетъ упражненіе не съ каждымъ изъ новобранцевъ въ отдѣльности, но, выведя ихъ вмѣстѣ, показываетъ всѣмъ назначеніе оружія и способъ обращенія съ нимъ, и хотя обучаетъ особенно только одного, однако требуетъ, чтобы и остальные продѣлывали то же самое, смотрѣли туда же и показывали такое же стараніе: совершенно такъ долженъ поступать и учитель.

Какъ же этого достигнуть? I.

39. Для достиженія этого необходимо: 1) начинать школьныя занятія только разъ въ году, точно такъ, какъ солнце только разъ въ году, именно весною, начинаетъ свою дѣятель-

ность во всемъ растительномъ царствѣ; 2) все, что слѣдуетъ пройти, распредѣлить такъ, чтобы на каждый годъ, мѣсяцъ, недѣлю, день и даже часъ приходилась своя опредѣленная задача. Это слѣдуетъ дѣлать съ той цѣлью, чтобы такимъ образомъ можно было всѣхъ учениковъ одновременно и рѣшительно безъ всякаго препятствія вести и доводить до цѣли. Но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ. 2.

Задача IV.

Какъ достигнуть того, чтобы все преподавалось по одной и той же методѣ?

Естественная метода одна и вездѣ примѣнима.

40. Въ XX, XXI и XXII главахъ будетъ объяснено, что для всѣхъ наукъ, точно такъ же какъ и для всѣхъ искусствъ и языковъ существуетъ только одна естественная метода. Измѣненія же и отступленія отъ нея, къ которымъ кое гдѣ приходится прибѣгать, не на столько важны, чтобы требовали установленія новаго вида методы, и вытекаютъ не изъ существа дѣла, а изъ соображеній учителя, а эти послѣднія находятся въ зависимости отъ особеннаго взаимнаго отношенія языковъ и искусствъ другъ къ другу, а также отъ воспріимчивости и успѣховъ учениковъ. Слѣдовательно, сохраненіе во всѣхъ занятіяхъ естественной методы будетъ выигрышемъ для учащихся, все равно какъ для путешественниковъ есть только одна простая дорога—дорога безъ уклоненій въ сторону. Частныя различія легче замѣчаются, если на нихъ указываютъ отдѣльно, не касаясь уже при этомъ общаго.

Задача V.

Какимъ образомъ въ немногихъ словахъ можно дать понятіе о многихъ вещахъ?

Книги основательныя предпочтительнѣе книгъ водянистыхъ.

41. Нѣтъ никакой пользы набивать головы мальчиковъ чрезмѣрнымъ количествомъ книгъ или словъ. По крайней мѣрѣ, кусочекъ хлѣба да глотокъ вина даютъ желудку человѣка больше питанія, чѣмъ корыто, наполненное мякиной и всякимъ соромъ. Лучше одна золотая монета въ кошелькѣ, чѣмъ сто свинцовыхъ. Относительно же самыхъ правилъ Се-

нека ясно сказалъ: «ихъ нужно сѣять, какъ сѣмя: нужно немного сѣмянъ, но за то хорошихъ». Ибо остается въ силѣ то, что мы сказали въ V главѣ, а именно: въ человѣкѣ, какъ бы въ маломъ мірѣ, заключается все; а что нужно только внести въ него свѣтъ, это сейчасъ будетъ видно. Но кто же не знаетъ, что для человѣка, работающаго ночью, достаточно свѣта даже отъ ничтожнаго огонька свѣчки? Поэтому нужно или выбрать или вновь составить книги, въ которыхъ излагались бы основныя правила искусствъ и языковъ. Книги эти, небольшія по объему, но очень полезныя, должны излагать предметъ ученія въ общихъ чертахъ и въ немногихъ словахъ излагать многое (какъ совѣтуетъ Сынъ Сираха 32, 10), т. е. онѣ должны представлять глазамъ учащихся основанія вещей такъ, какъ онѣ есть, въ немногихъ, но отборныхъ и вполнѣ доступныхъ пониманію теоремахъ и правилахъ, такъ что все остальное дѣлалось бы понятнымъ само собою.

Задача VI.

Какимъ образомъ устроить дѣло такъ, чтобы можно было вести два или три занятія при одной затратѣ силъ?

Природа показываетъ, что можно заразъ дѣлать многое,

42. Примѣры изъ природы показываютъ, что въ одно и то же время и при одной и той же затратѣ силъ можно вести разныя дѣла. Такъ дерево въ одно и то же время развивается и вверхъ, и внизъ, и въ стороны: въ немъ одновременно совершается приростъ и древесины, и коры, и листьевъ, и плодовъ. То же самое явленіе можно наблюдать и на животномъ, у котораго члены растутъ всѣ заразъ, и всякій членъ имѣетъ нѣсколько функцій. Такъ съ помощью ногъ человѣкъ и поднимается, и поддерживается, и двигается различнымъ образомъ впередъ и назадъ. Полость рта служитъ и дверью для тѣла, и толчеей, и трубой, по первому требованію издающей звуки. Легкія однимъ и тѣмъ же вдыханіемъ воздуха и освѣжаютъ сердце, и провѣтриваютъ мозгъ, и производятъ звукъ, и т. д.

а искусство подражаетъ ей. I.

43. Тоже явленіе повторяется и въ произведеніяхъ человѣческаго искусства. Такъ въ солнечныхъ часахъ одинъ и

тотъ же указатель (гномонъ) одною и тою же тѣнью своею можетъ показывать и часъ дня (притомъ на различныхъ даже часахъ), и знакъ зодіака, черезъ который въ то время проходитъ солнце, и продолжительность дня и ночи, и многое другое. Въ экипажѣ одно и тоже дышло служитъ къ тому, чтобы 2.
и направлять движеніе экипажа, и поворачивать его, и останавливать. Но и хорошій ораторъ, и даже поэтъ заодно и по- 3.
учаютъ, и трогаютъ, и услаждаютъ, хотя—эти три вещи по существу своему различны.

Слѣдовательно, школы пусть подражаютъ этому; а относительно этого есть общее правило

44. Такимъ же образомъ должно быть устроено и образованіе юношества, именно такъ, чтобы всякая работа приносила нѣсколько плодовъ. А общее правило для этого состоитъ въ томъ, чтобы всегда и вездѣ то, что имѣетъ между собою взаимное отношеніе, бралось въ связи, напр.: слова соединялись съ предметами, чтеніе съ письмомъ, упражненіе въ изложеніи съ упражненіемъ въ сужденіи, изученіе съ обученіемъ, забавное съ серьезнымъ, и все, что сверхъ этого можно придумать.

и пять специальныхъ.
I.
Слова вмѣстѣ съ предметами, и обратно.

45. Слѣдовательно, слова должны быть объясняемы и заучиваемы не иначе, какъ въ связи съ предметами, такимъ же образомъ, какъ вино и продается, и покупается, и переносится вмѣстѣ съ посудой, мечъ—съ ножнами, дерево—съ корой, плоды—съ шелухой. Ибо что такое слова, какъ не оболочка и ножны для предметовъ? И такъ, при изученіи какого бы то ни было языка, даже роднаго, слѣдуетъ указывать на предметы, которые нужно обозначить словами, и обратно: пусть ученики пріучаются выражать съ помощью рѣчи все, что они видятъ, слышатъ, осязаютъ, ощущаютъ на вкусъ, для того, чтобы ихъ рѣчь развивалась и очищалась всегда параллельно съ пониманіемъ. И такъ, можно принять за правило слѣдующее: сколько кто понимаетъ, столько пусть пріучается и выражать, и наоборотъ: пусть каждый учится понимать то, что онъ говоритъ. Никому также не слѣдуетъ позволять повторять то, чего онъ не понимаетъ, или стараться понять то, чего онъ не можетъ выразить словами. Ибо, кто не выражаетъ своей мысли, тотъ подобенъ нѣмой статуѣ, а кто болтаетъ то, чего не понялъ,

тотъ попугай; мы же стремимся образовать человѣка и желаемъ образовать его, сберегая время, а это и будетъ достигнуто, если во всѣхъ случаяхъ рѣчь будетъ итти въ одинъ шагъ съ предметами и предметы наравнѣ съ рѣчью.

Выводъ: слѣдовательно, многорѣчивыя книги нужно считать за вѣтренныя книги.

46. Въ силу этого правила должны быть изгнаны изъ школъ всѣ тѣ авторы, которые учатъ только словамъ и не даютъ никакого знанія полезныхъ вещей, ибо главная забота и должна быть устремлена на главное. Мы должны заботиться о томъ, чтобы служить не словамъ, а мыслямъ, какъ говоритъ Сенека (Письмо 9). Если нравится чтеніе, то пусть читаютъ внѣ школы, мимоходомъ и бѣгло, безъ обширнаго и требующаго большаго труда изложенія, не стараясь тщательно подражать прочитанному, такъ какъ это стараніе съ бо́льшею пользою можно употребить на занятія, имѣющія болѣе реальное значеніе.

II. Чтеніе и письмо совмѣстно.

47. Упражненія въ чтеніи и письмѣ также всегда должны итти въ связи, причемъ отлично будетъ сберегаться время. Ибо даже для учениковъ, обучающихся азбукѣ, едва ли можно придумать болѣе дѣйствительное побужденіе или приманку, чѣмъ то, если ихъ будутъ заставлять заучивать буквы, списывая послѣднія. Такъ какъ у дѣтей какъ бы природная страсть рисовать, то это упражненіе будетъ доставлять имъ удовольствіе; а между тѣмъ воображеніе найдетъ болѣе сильную опору въ дѣятельности двухъ чувствъ. Такъ, когда дѣти будутъ учиться бѣгло читать, слѣдуетъ упражнять ихъ въ этомъ на такомъ матеріалѣ, который имъ предстоитъ изучать въ другое время, т. е. на томъ, что можетъ дать знаніе предметовъ и внушить правила нравственности и благочестія. Такъ, когда они будутъ учиться читать по-латыни, по-гречески или по-еврейски, то могутъ выгадать время, перечитывая и переписывая по нѣскольку разъ склоненія и спряженія, пока не усвоятъ твердо чтенія, письма и значенія словъ и свободнаго, наконецъ, образованія формъ чрезъ перемѣну окончаній. Вотъ и четырекратный плодъ отъ одной и той же работы! Но такое весьма полезное сокращеніе работы можно будетъ распространить на занятія всякаго рода, дабы все, что пріобрѣтено

Прекраснѣйшій совѣтъ, который слѣдуетъ распространить на всѣ

через чтеніе, съ помощью пера получало видимый образъ, какъ говоритъ Сенека; или, какъ говоритъ Августинъ, «чтобы мы писали преуспѣвая и пиша преуспѣвали». школьныя занятія.

48. Обыкновенно стилистическія упражненія предлагаются почти безъ всякаго выбора матеріала и безъ связи между темами, а вслѣдствіе этого такія упражненія остаются исключительно упражненіями въ слогѣ, но мало или совсѣмъ не упражняютъ ума; напротивъ, не смотря на затраченный на нихъ огромный трудъ, они впослѣдствіи дѣлаются даже ни на что ненужной бумагой и не приносятъ никакой пользы въ жизни. Слѣдовательно, упражненія въ слогѣ должно производить на томъ же матеріалѣ изъ области науки или искусства, на какомъ въ этомъ классѣ упражняется и умъ, именно предлагая для этого ученикамъ или составлять историческіе разсказы (напр. объ изобрѣтателяхъ этого искусства: гдѣ и въ какія столѣтія они особенно славились? и т. п.), или толкованія и опыты подражанія, чтобы при одной и той же работѣ и вырабатывался слогъ, и упражнялся умъ, а въ то время, какъ эти опыты читаются вслухъ, развивался бы и языкъ.

III. Стилистическія упражненія должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіями въ разсужденіяхъ.

49. Какимъ образомъ можно вскорѣ учить всему, что самъ изучаешь, мы показали въ концѣ XVIII главы; а такъ какъ это способствуетъ не только прочности, но и быстротѣ успѣха, то оно относится и къ этой главѣ.

IV. Нужно совмѣстно пользоваться обоими средствами образованія: и самому учиться, и учить другихъ.

50. Наконецъ, значительное сбереженіе времени получится, если тѣ забавы, какія предоставляются юношеству для оживленія умственныхъ силъ, будутъ придумываемы въ такомъ родѣ, чтобы онѣ живо представляли серьезныя стороны жизни и уже теперь пробуждали въ немъ извѣстную склонность къ той или другой дѣятельности. Можно, напримѣръ, дать дѣтямъ нѣкоторое представленіе о ремеслахъ при помощи употребляемыхъ при нихъ орудій; можно такимъ же образомъ дать понятіе о сельскохозяйственныхъ работахъ, о государственной дѣятельности, о военномъ устройствѣ, о строительномъ искусствѣ и о многомъ другомъ. Даже къ врачебному искусству можно подготовить учениковъ, если въ весеннее время вывести ихъ въ поле или въ садъ и показать имъ породы травъ, при чемъ допускается состяза-

V. Серьезное надо соединять съ забавнымъ.

ніе, кто больше знаетъ. Такимъ образомъ не только будетъ видно, кто имѣетъ природное влеченіе къ ботаникѣ, но и во́-время можно раздуть искры такого влеченія. А для возбужденія еще бо́льшаго соревнованія можно было бы тому, кто въ этомъ оказываетъ наибольшіе успѣхи, дать названіе доктора, или лиценціата, или кандидата медицины. Точно такъ можно поступать и въ прочихъ такого рода упражненіяхъ; напримѣръ, при представленіи военной службы можно назначать генераловъ, полковниковъ, капитановъ, знаменоносцевъ, при представленіи государственной службы—царя, совѣтниковъ, канцлера, маршала, секретарей, пословъ и т. п., а также консула, сенаторовъ, синдиковъ, адвокатовъ и т. д. Эти забавы знакомятъ съ серьезнымъ дѣломъ. Тогда мы и исполнимъ завѣтное желаніе д-ра Лютера, именно: занимая дѣтей въ школѣ серьезными предметами такимъ образомъ, чтобы они получали отъ этого не меньше удовольствія, чѣмъ если бы проводили цѣлые дни за игрой въ орѣхи. При этомъ только условіи школы будутъ приготовленіемъ къ жизни.

Задача VII.

Какимъ образомъ можно во всемъ итти постепенно?

И сюда также относится тайна постепеннаго хода дѣла.

51. Пріемы этого искусства мы изслѣдовали въ XVI главѣ (Основныя правила V, VI, VII и VIII) и въ главѣ XVIII (Основныя правила V, VI, VII). И по этимъ правиламъ должны быть составлены учебники для классическихъ школъ, съ присоединеніемъ къ нимъ руководящихъ указаній для учителей относительно правильнаго и свободнаго употребленія этихъ книгъ для того, чтобы можно было постепенно довести умственное и нравственное образованіе и благочестіе до высшей ихъ точки.

Задача VIII.

Объ устраненіи и избѣжаніи препятствій.

Похвальное пренебреженіе ко всему

52. Не безъ основанія сказано: «нѣтъ ничего глупѣе, какъ знать и изучать много, т. е. знать то, что не можетъ

принести пользы», а также: «не тотъ уменъ, кто знаетъ много, но тотъ, кто знаетъ полезное». Поэтому и школьные труды можно облегчить, сокращая матеріалъ ученія, а именно, если будетъ оставляемо безъ вниманія

I) все ненеобходимое,

II) все чуждое,

III) всѣ мелкія подробности.

53. Ненеобходимое—это то, что не способствуетъ развитію благочестія или нравственности, и безъ чего, однако, образованіе можетъ быть прочнымъ; каковы, напримѣръ, названія и исторія языческихъ божествъ и обрядовъ, равнымъ образомъ всевозможные шутливые разсказы поэтовъ и писателей комедій, часто даже вольнаго содержанія, и тому подобное. Если кому и интересно будетъ когда нибудь прочесть ихъ у авторовъ, то пусть ихъ читаетъ себѣ; но въ школахъ, гдѣ нужно класть основанія мудрости, не годится излагать подобныя вещи. «Что за безуміе, говоритъ Сенека, изучать лишнее при такомъ недостаткѣ времени! Поэтому ничего не слѣдуетъ изучать для одной только школы, но все для жизни, чтобы у учениковъ по выходѣ изъ школы ничто не разсѣевалось по вѣтру.

I) ненужному (каково большею частью содержаніе сочиненій языческихъ писателей),

54. Чуждо то, что не соотвѣтствуетъ природнымъ дарованіямъ того или другаго ученика. Ибо, какъ разнообразны свойства травъ, деревьевъ, животныхъ (съ одними надо такъ обращаться, а съ другими иначе) и не всѣмъ одинаково можно пользоваться для однѣхъ и тѣхъ же цѣлей: такъ бываетъ и съ умственными дарованіями людей. Нѣтъ недостатка въ счастливыхъ дарованіяхъ, способныхъ во все проникать, но есть и такія, которыя въ отношеніи извѣстныхъ предметовъ удивительно какъ слѣпы и тупы. Иной въ отвлеченныхъ наукахъ—орелъ, за то въ практическихъ знаніяхъ столько же смыслитъ, сколько оселъ въ игрѣ на лирѣ *). Одинъ способенъ ко всему остальному, а въ музыкѣ ни съ мѣста; съ другимъ та же исторія въ математикѣ, или въ поэзіи, или въ логикѣ. Что тутъ дѣлать? Желать толкать

II) чуждому (каковы извѣстные предметы для извѣстныхъ дарованій),

*) Греческая пословица: ὄνος πρὸς λύραν.

туда, куда не влечетъ природное расположенiе, значитъ желать бороться съ природою — напрасное стремленiе! ибо или совсѣмъ ничего не достигнешь, или не достигнешь ничего такого, что вознаграждало бы за
(Выводъ) трудъ. И, такъ какъ учащiй только слуга природы, а не господинъ ея, сотрудникъ ея въ дѣлѣ образованiя, а не творецъ его, то пусть онъ не принуждаетъ ученика, если видитъ, что онъ чувствуетъ природное отвращенiе къ чему нибудь, въ твердой надеждѣ, что этотъ недостатокъ возмѣстится чѣмъ нибудь другимъ, какъ это обыкновенно и бываетъ. Ибо, если отъ дерева отломать или отрубить одну вѣтвь, то тѣмъ сильнѣе выростаютъ остальныя, потому что въ нихъ переходитъ вся жизненная сила дерева. Такъ и въ томъ случаѣ, когда никто изъ учениковъ не будетъ насильно привлекаемъ къ чему бы то ни было, не будетъ ничего возбуждающаго отвращенiе и притупляющаго умственныя силы, а каждый безпрепятственно будетъ преуспѣвать въ томъ, къ чему его (по волѣ небеснаго Провидѣнiя) влечетъ тайный инстинктъ, и каждый впослѣдствiи на своемъ мѣстѣ будетъ съ пользою служить и Богу, и человѣческому обществу.

III) мелкимъ подробностямъ. 55. Равнымъ образомъ, если бы кто захотѣлъ гнаться за мелкими подробностями (каковы напр. всѣ различiя травъ и животныхъ, также всѣ работы художниковъ, названiя инструментовъ и тому подобное), то это была бы крайне скучная, обширная и запутанная работа. Поэтому въ школахъ достаточно только обозрѣть съ надлежащей полнотой и основательностью предметы по родамъ съ ихъ главными (но дѣйствительными) отличiями; остальное само собою будетъ понято, когда представится къ тому случай. Какъ тотъ, кто ищетъ быстрой побѣды надъ непрiятелемъ, не тратитъ времени на занятiе какихъ-нибудь ничтожныхъ мѣстъ, а преслѣдуетъ главную цѣль войны, будучи увѣренъ, что, если онъ одержитъ побѣду въ открытомъ сраженiи и возьметъ главныя укрѣпленiя, то и всѣ прочiя перейдутъ въ его руки путемъ добровольной сдачи: такъ вообще и въ этой области. Если умъ преодолѣлъ главное, то мелочи даются ему сами

собою. Къ препятствіямъ этого рода принадлежатъ, такъ называемые, полные вокабуляріи и лексиконы, именно тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ слова цѣлаго языка. Такъ какъ значительная часть послѣднихъ никакого примѣненія себѣ не найдетъ, то зачѣмъ же мы обременяемъ мальчиковъ, заставляя ихъ заучивать наизусть или носиться съ ними? Вотъ что можно сказать о сокращеніяхъ при обученіи и изученіи.

Глава XX.

Метода наукъ въ частности.

1. Соберемъ, наконецъ, для примѣненія къ дѣлу разбросанныя у насъ повсюду замѣчанія относительно искуснаго обученія наукамъ, искусствамъ, языкамъ, нравственности и благочестію, говорю: искуснаго, т. е. легкаго, основательнаго и скораго. Ручьи должны слиться въ рѣку.

2. Такъ какъ наука, или знаніе вещей, есть не что иное, какъ внутреннее созерцаніе вещей, то она пріобрѣтается при тѣхъ же условіяхъ, какія требуются и для внѣшняго наблюденія, или созерцанія, а именно при помощи глаза, предмета наблюденія и свѣта. Если эти условія на лицо, то слѣдуетъ актъ зрѣнія. Но глазъ внутренняго созерцанія это—умъ, или духъ, предметъ наблюденія—все, находящееся внѣ мыслящаго духа или въ немъ самомъ, свѣтъ—должное вниманіе. Но какъ при внѣшнемъ созерцаніи необходимъ извѣстный пріемъ, если надо разсмотрѣть предметъ такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности; такъ и здѣсь нужна опредѣленная метода, съ помощью которой вещи представлялись бы мыслящему духу такъ, чтобы онъ могъ вѣрно и легко воспринимать ихъ и проникать въ нихъ. Наука есть созерцаніе ума, зависящее отъ такихъ же условій, какъ и созерцаніе глаза.

3. И такъ, юноша, желающій проникнуть въ тайны наукъ, въ концѣ концовъ долженъ будетъ исполнить слѣдующія 4 требованія:

I) онъ долженъ имѣть чистый духовный глазъ,

II) приблизить къ себѣ предметы наблюденія,

III) имѣть вниманіе; затѣмъ

IV) предметы наблюденія должны представляться ему одинъ за другимъ по надлежащей методѣ. Тогда онъ будетъ воспринимать все вѣрно и легко.

I. Какъ содержать въ чистотѣ духовныя очи?

4. Какія умственныя дарованія достаются на нашу долю—это не въ нашей власти: Богъ по Своему соизволенію распредѣляетъ эти зерцала духа, эти внутреннія очи. Однако въ нашей власти—не допускать, чтобы эти наши зерцала покрывались пылью, а блескъ ихъ помрачался. А эта пыль—праздныя, безполезныя и суетныя занятія духа. Ибо душа наша находится въ постоянномъ движеніи, подобно пущенному въ ходъ жернову; внѣшнія чувства, эти обыкновенные ея слуги, постоянно доставляютъ ей отовсюду подхватываемый ими матеріалъ, бо́льшею частью негодный (если высшій надсмотрщикъ, т. е. разумъ, тщательно не наблюдаетъ), т. е. вмѣсто зерна и муки—мякину, солому, песокъ, опилки и всякую всячину. И тогда случается то же, что и на мельницѣ: всѣ углы переполняются пылью. Поэтому предохранять отъ пыли эту внутреннюю мельницу, т. е. духъ (который въ тоже время есть и зеркало), значитъ, отвлекая юношество отъ пустыхъ занятій, благоразумно пріучать его къ нравственному и полезному.

II. Какимъ образомъ онъ долженъ приближать къ себѣ предметы?
1.
2.

5. Правильному отраженію предметовъ въ зеркалѣ содѣйствуетъ, во-первыхъ, ихъ плотность и явственность; во-вторыхъ, доступность тѣхъ же предметомъ внѣшнимъ чувствамъ. Ибо туманъ и подобныя среды незначительной плотности мало отражаютъ лучи и слишкомъ слабо отражаются въ зеркалѣ, а отсутствующіе предметы и никакъ не отражаются. Поэтому, что надо предлагать юношеству для изученія, то должно быть всегда вещью, а не тѣнью вещи, вещью, говорю я, прочною, дѣйствительною, полезною, въ надлежащей мѣрѣ дѣйствующею на чувства и силу воображенія. А вещи будутъ дѣйствовать на чувства, если онѣ будутъ ближе придвинуты, чтобы попадать въ нихъ.

6. Поэтому, для учащихъ да будетъ золотымъ правиломъ, насколько возможно, все дѣлать доступнымъ чувствамъ, именно: что можно видѣть—зрѣнію, что можно слышать—слуху, запахи—обонянію, что имѣетъ вкусъ—вкусу, осязаемое—осязанію; а если что можетъ быть воспринимаемо одновременно нѣсколькими чувствами, то и представлять имъ вмѣстѣ, какъ сказано въ главѣ XVII (VIII основное правило).

Все чрезъ собственное наблюденіе.

7. Для этого правила существуетъ три вѣскихъ основанія: Во-первыхъ, всякое познаніе необходимо беретъ начало въ чувствахъ (если, дѣйствительно, въ умѣ нѣтъ ничего такого, что не прошло бы прежде чрезъ чувство); и такъ, почему бы и ученію не начинаться не съ словеснаго описанія предметовъ, а съ разсмотрѣнія самыхъ предметовъ? И только тогда, т. е. когда составится представленіе о предметѣ, пусть присоединяется рѣчь для болѣе полнаго объясненія его.

Основаніе этого правила трояное: 1) чувственное воспріятіе служитъ началомъ познанія,

8. Далѣе, истинность и достовѣрность знанія зависятъ точно такъ же не отъ чего иного, какъ отъ свидѣтельства чувствъ. Предметы, дѣйствительно, прежде всего и непосредственно напечатлѣваются въ чувствахъ и только при содѣйствіи чувствъ и въ умѣ. Доказательствомъ этого служитъ то, что чувственное познаніе само по себѣ пользуется вѣрою; а при умозаключеніяхъ или при ссылкахъ на свидѣтельства другихъ ради достовѣрности опять прибѣгаютъ къ чувственному воспріятію. Вѣдь разуму мы вѣримъ лишь настолько, насколько онъ можетъ подкрѣпить свои доводы приведеніемъ частныхъ примѣровъ (достовѣрность которыхъ испытывается чрезъ чувства), чужому же свидѣтельству никто никогда не позволитъ убѣдить себя настолько, чтобы вѣрить ему вопреки опыту собственнаго чувства. Поэтому знаніе тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ болѣе основывается на чувственномъ воспріятіи. Сообразно съ этимъ, если мы намѣрены насадить въ умахъ учащихся истинное и вѣрное знаніе, то мы должны вообще стараться учить ихъ всему при помощи собственнаго наблюденія и чувственныхъ доказательствъ.

2) дѣлаетъ его достовѣрнымъ,

3) передаетъ памяти.

9. И такъ какъ чувственное воспріятіе есть самый надежный экономъ памяти, то подтвержденіе всего чувственными доказательствами приведетъ къ тому, что каждый будетъ твердо знать, что знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я хоть разъ отвѣдалъ сахару, хоть разъ видѣлъ верблюда, или слышалъ пѣніе соловья, или былъ въ Римѣ и осматривалъ его (только со вниманіемъ), то всѣ эти предметы засѣдаютъ въ памяти и не могутъ изъ нея исчезнуть. Поэтому мы и видимъ, что дѣти легко запоминаютъ по картинамъ библейскіе и другіе разсказы. Легче также и дольше каждый изъ насъ можетъ представлять себѣ, что такое носорогъ, если хоть разъ видѣлъ его самого (или, по крайней мѣрѣ, на картинѣ). Очевидно также, что каждый изъ насъ вѣрнѣе знаетъ исторію того событія, при которомъ лично присутствовалъ, чѣмъ если бы ему, не присутствовавшему при этомъ, разсказывали сотни разъ. На этомъ основывается изреченіе Плавта [66]): «одинъ свидѣтель-очевидецъ имѣетъ больше цѣны, чѣмъ десять слышавшихъ» и Горація:

«Трогаетъ душу слабѣе, что пріемлется слухомъ,
Чѣмъ все то, что, видя глазами вѣрными, зритель
Самъ себѣ сообщаетъ» [67]).

Кто, напримѣръ, самъ хоть разъ внимательно наблюдалъ вскрытіе человѣческаго трупа, тотъ вѣрнѣе и пойметъ все, и удержитъ въ памяти, нежели въ томъ случаѣ, если бы онъ прочиталъ пространнѣйшія объясненія, а собственными глазами не видалъ ничего. Отсюда извѣстное выраженіе: что́ мы видимъ своими глазами, то замѣняетъ доказательство.

Рисунки приносятъ огромную пользу въ дѣлѣ обученія.

10. Если же нѣтъ на лицо предметовъ, можно употреблять въ дѣло ихъ замѣстителей, т. е. модели ихъ или рисунки, приготовленные съ цѣлью обученія; такъ, у ботаниковъ, зоологовъ, геометровъ, геодезистовъ и географовъ принятъ полезный обычай—къ описаніямъ предметовъ присоединять рисунки. Это же слѣдовало бы дѣлать и при преподаваніи естественныхъ и другихъ наукъ. Напр. строеніе человѣческаго тѣла отлично можно изучить,

согласно нашей мысли, путемъ нагляднаго показыванія, если скелетъ изъ настоящихъ человѣческихъ костей (какія обыкновенно хранятся въ академіяхъ, или сдѣланный изъ дерева) обложить сдѣланными изъ замши и набитыми шерстью мускулами, сухожиліями, нервами, венами, артеріями и помѣстить внутренности: легкія, сердце, грудобрюшную преграду, печень, желудокъ и кишки,—но все это въ надлежащемъ положеніи и правильномъ соотношеніи съ прочими частями и съ надписаніемъ названія и назначенія каждой части. Ибо, если къ такой модели подвести обучающагося естественной исторіи и все въ отдѣльности показать и объяснить, то онъ какъ бы забавляясь пойметъ изъ этого и строеніе собственнаго своего тѣла. Подобныя же пособія, помогающія собственному наблюденію учащагося (т. е. изображенія предметовъ, которые сами по себѣ не могутъ быть подъ рукой), слѣдовало бы приготовлять и по всѣмъ областямъ знанія, чтобы онѣ находились въ распоряженіи школъ. Если бы даже изготовленіе ихъ потребовало нѣкоторыхъ расходовъ и труда, то такой трудъ съ лихвой былъ бы вознагражденъ.

Искусно устроенный скелетъ человѣка.

11. Если кто сомнѣвается въ возможности подвести этимъ способомъ все подъ чувственое воспріятіе, даже предметы духовнаго міра и не находящіеся предъ глазами (напр. все, что находится и совершается на небѣ или въ преисподней и заморскихъ мѣстностяхъ), тотъ пусть помнитъ, что все создано божественной волею по законамъ гармоніи, такъ что верхнее вполнѣ можно представить себѣ на основаніи нижняго, отдаленное—по находящемуся передъ нами, невидимое—чрезъ видимое. Это ясно также и изъ макро-микрокосмоса Роберта Флюта [68]), который искусно показываетъ намъ нагляднымъ образомъ образованіе вѣтровъ, дождей, грозъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это можетъ быть доведено еще до бóльшей наглядности и легкости.

Все-ли можно сдѣлать доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ?

12. Сказаннаго достаточно по вопросу о подведеніи предметовъ подъ чувственное воспріятіе. Теперь слѣдуетъ сказать о свѣтѣ, при отсутствіи котораго напрасно ты сталъ бы ставить предъ глазами предметы. Этотъ свѣтъ ученія есть вниманіе, съ помощью котораго

III. Что такое свѣтъ вниманія?

учащійся воспринимаетъ все готовымъ и какъ бы раскрытымъ (для воспріятія) умомъ. Ибо, какъ въ темнотѣ и съ закрытыми глазами никто ничего не видитъ, хотя бы предметъ находился очень близко; такъ и въ томъ случаѣ, если будешь говорить или показывать что-нибудь невнимающему, все это проскользнетъ мимо его чувствъ. Это мы наблюдаемъ на тѣхъ, которые, блуждая мыслями въ иной области, не замѣчаютъ многаго, что происходитъ въ ихъ собственномъ присутствіи. Поэтому, какъ въ томъ случаѣ, когда кто желаетъ показать другому что-нибудь ночью, онъ долженъ непремѣнно зажечь свѣчу и часто снимать съ нея нагаръ, чтобы она ярко свѣтила; такъ и учитель, если пожелаетъ просвѣтить ученика, объятаго мракомъ невѣдѣнія, свѣтомъ знанія вещей, долженъ будетъ прежде всего возбудить въ немъ вниманіе, чтобы онъ черпалъ знаніе съ умомъ, жадно набрасывающимся на предметы. А какимъ образомъ достигать этого, мы объяснили въ главѣ XVII, основн. прав. II *), и въ XIX гл., основн. прав. I.

IV. Чего требуетъ метода представленія предметовъ въ ясномъ свѣтѣ?

13. И о свѣтѣ достаточно сказано. Теперь необходимо сказать о способѣ или методѣ подставлять предметы подъ внѣшнія чувства такъ, чтобы получалось прочное впечатлѣніе. Образецъ для этого лучше всего можно заимствовать изъ процесса внѣшняго созерцанія. Тутъ, если нужно вѣрно разсмотрѣть что-нибудь, необходимо: 1) чтобы предметъ былъ поставленъ предъ глазами, 2) не слишкомъ далеко, а въ надлежащемъ разстояніи, 3) и притомъ не сбоку, а прямо предъ глазами, 4) самая фигура предмета должна стоять не вверхъ ногами или поперекъ, но прямо повернута къ глазамъ, 5) чтобы взоръ сперва обнялъ всю вещь цѣликомъ, 6) затѣмъ осмотрѣлъ каждую часть ея отдѣльно, 7) притомъ по порядку отъ начала до конца, 8) останавливаясь надъ каждой частью до тѣхъ поръ, пока 9) не будетъ вѣрно схвачено все въ его отличительныхъ признакахъ. Если всѣ эти условія строго соблюдены, то внѣшнее созерцаніе идетъ

*) Въ подлинникѣ нѣтъ цифры.

правильно; при нарушеніи же даже одного изъ нихъ, наблюденіе или совсѣмъ не удается или плохо удается.

14. Напримѣръ, если кто захочетъ читать полученное отъ друга письмо, то онъ долженъ 1) держать его предъ глазами (ибо какъ онъ будетъ читать, не видя его?), 2) поднести его къ глазамъ на надлежащее разстояніе (на слишкомъ большомъ разстояніи зрѣніе не различаетъ), 3) держать прямо предъ глазами (на что мы смотримъ вкось, то смутно видно), 4) держать его въ прямомъ положеніи (ибо если поднесемъ къ глазамъ письмо или книгу перевернутыми или поперекъ лежащими, то кто можетъ прочитать его?); 5) прежде всего разсмотрѣть болѣе общіе признаки письма: кто пишетъ, къ кому, откуда и когда? (если объ этомъ предварительно не освѣдомиться, тогда не такъ вѣрно будутъ поняты подробности содержанія); 6) затѣмъ прочитать сполна остальное, чтобы ничего не пропустить (иначе читающій не все узнаетъ, и можетъ случиться, что до главнаго то онъ и не доберется); 7) читать все по порядку, какъ слѣдуютъ части письма одна за другой (если кто станетъ выхватывать отрывочно отсюда одно предложеніе, оттуда—другое, тотъ разрознитъ и спутаетъ смыслъ цѣлаго); 8) остановиться на отдѣльныхъ мѣстахъ, пока не пойметъ каждаго изъ нихъ (ибо если захочетъ пробѣгать письмо поспѣшно, то легко ускользнетъ что нибудь полезное); 9) наконецъ, ознакомившись со всѣмъ содержаніемъ письма, обратить вниманіе на разницу между сообщаемыми извѣстіями вообще и болѣе необходимыми.

Это поясняется примѣромъ.

15. Эти наблюденія приводятъ насъ къ слѣдующимъ девяти весьма полезнымъ правиламъ для обучающихъ.

Примѣненіе этихъ требованій къ искусству учить наукамъ въ 9-ти правилахъ.

Правило I.

Что необходимо, тому должно учить. Ибо, если бы ученику не сообщали того, что́ онъ долженъ знать, то откуда бы онъ зналъ объ этомъ? Поэтому пусть учащіе остерегаются скрывать чтобы то ни было отъ учениковъ, съ намѣреніемъ-ли, какъ обыкновенно поступаютъ недоброжелательные изъ нихъ и недовѣрчивые, или по нерадѣнію, какъ это въ обычаѣ у тѣхъ, которые ведутъ свое дѣло только по обязанности. Здѣсь нужны довѣріе и усердіе.

II. 16. Все, чему учатъ, должно изучаться какъ дѣйствительно существующая вещь, которая приноситъ извѣстную пользу, дабы ученикъ видѣлъ, что то, чему онъ учится, не изъ міра Утопіи [69]) или «идей Платона», а дѣйствительно окружающіе насъ предметы, истинное познаніе которыхъ принесетъ истинную пользу въ жизни. Такимъ образомъ духъ будетъ и бодрѣе стремиться къ познанію, и точнѣе различать вещи.

III. 17. Чему бы ни учили, слѣдуетъ учить прямымъ, а не окольными путями. Это и будетъ значить смотрѣть «прямо, а не сбоку», когда не столько разсматриваются предметы, сколько взоръ скользитъ по нимъ — безпорядочно и неясно. Слѣдовательно, каждая вещь должна представляться глазамъ учащагося въ своей сущности, въ своей наготѣ, а не подъ покровомъ словъ, метафоръ, уподобленій и гиперболъ. Послѣднія примѣнимы къ предметамъ уже знакомымъ, когда нужно возвысить или уменьшить ихъ значеніе, одобрить или подвергнуть порицанію, а не при первоначальномъ знакомствѣ съ ними; здѣсь же нужно обращаться прямо къ предметамъ.

IV. 18. Чему бы ни учили, должно учить такъ, какъ оно есть и какъ происходитъ, т. е. указывая на причины. Ибо самое лучшее познаніе то, когда вещь познается такою, какова она въ дѣйствительности; потому что, если она познается не соотвѣтственно съ дѣйствительностью, то это будетъ не познаніе, а заблужденіе. Но всякая вещь бываетъ такою, какою она образовалась; если же она существуетъ въ иномъ видѣ, нежели образовалась, то очевидно, что она испорчена. А всякая вещь образуется изъ своихъ собственныхъ причинъ. Слѣдовательно, раскрыть причины вещи и значитъ дать истинное понятіе о ней, согласно изреченію: знать значитъ понять предметъ въ его причинахъ, а также: причина есть путеводительница духа. Поэтому лучше всего, легче всего и скорѣе всего можно узнать вещи такъ, какъ онѣ образовались. Напримѣръ, кто желаетъ читать письмо, тому предлагаютъ его въ томъ положеніи, въ какомъ оно писалось; съ перевернутаго же вверхъ ногами или поперекъ положеннаго листа бумаги трудно читать. Точно такъ же, если ты излагаешь событіе такъ, какъ оно совершалось, то его

можно будетъ понять легко и вѣрно; если же будешь разсказывать о немъ, выдвигая позднѣйшее на первое мѣсто и допуская разныя другія перестановки, то навѣрное собьешь съ толку учащагося. Слѣдовательно, метода обученія должна слѣдовать ходу дѣйствительности, именно: болѣе раннее раньше, а позднѣйшее—позже.

19. Все, предлагаемое къ познанію, слѣдуетъ предлагать сперва въ общихъ чертахъ, а потомъ уже въ его частностяхъ. Основаніе этого изложено въ XVI гл., въ VI основн. правилѣ. Предлагать предметъ къ познанію въ общихъ чертахъ значитъ объяснять сущность цѣлаго предмета (essentiam) и его «случайное» (accidentia) [70]. «Сущность» объясняется по вопросамъ: что? каково? почему? Къ вопросу: что? относятся: названіе, родъ, дѣятельность и цѣль предмета. Къ вопросу: каково? относится форма предмета, или способъ, которымъ онъ достигаетъ своей цѣли. Къ вопросу: почему? относится производящая, т. е. та сила, благодаря которой предметъ дѣлается соотвѣтствующимъ своей цѣли. Напримѣръ, если я желаю дать учащемуся общее истинное понятіе о человѣкѣ, то я скажу такъ: человѣкъ есть 1) послѣднее твореніе Божіе, предназначенное къ господству надъ прочими, 2) одаренное правомъ свободно избирать что́ угодно и дѣйствовать какъ угодно и поэтому 3) одаренное свѣтомъ разума, чтобы разумно управлять своимъ выборомъ и своими дѣйствіями. Вотъ это и есть общее, но основное понятіе о человѣкѣ, выражающее относительно его все необходимое. А если ты хочешь къ этому прибавить нѣкоторые случайные признаки, то можно еще прибавить также общіе вопросы: кѣмъ? откуда? когда? и т. д. Затѣмъ можно перейти къ частямъ—къ тѣлу и душѣ. При этомъ устройство тѣла должно быть объяснено путемъ анатомическаго его расчлененія, а душа—по тѣмъ способностямъ, изъ которыхъ она состоитъ, и т. д. Но все это—въ надлежащемъ порядкѣ. V.

20. Части предмета должно изучать всѣ, даже мельчайшія, не пропуская ни одной и сообразуясь съ порядкомъ, положеніемъ и связью, какую онѣ имѣютъ VI.

съ другими частями. Ибо ничто не бываетъ безцѣльно и даже въ самой маленькой частицѣ заключается сила бóльшихъ частей. По крайней мѣрѣ, въ часахъ даже одинъ гвоздикъ, сломавшійся, или изогнувшійся, или даже сдвинувшійся только съ мѣста, можетъ остановить весь механизмъ; въ живомъ тѣлѣ потеря одного члена можетъ отнять жизнь, и въ связи рѣчи часто самое маленькое словечко (предлогъ или союзъ) измѣняетъ и извращаетъ весь смыслъ ея. Такъ и вездѣ. Поэтому совершенное знаніе предмета достигается чрезъ познаніе всѣхъ его частей, именно: что такое и для чего каждая изъ нихъ?

VII. 21. **Всему надо учить послѣдовательно: въ каждое данное время—только одному чему-нибудь.** Ибо, какъ зрѣніе можетъ наблюдать одновременно два или три предмета не иначе, какъ поверхностно и сбивчиво (по крайней мѣрѣ, читающій книгу не можетъ заразъ смотрѣть въ двѣ страницы, даже въ двѣ очень близко стоящія строки, или на два слова и даже на двѣ буквы, но послѣдовательно пробѣгаетъ глазами одно за другимъ): такъ и умъ въ одинъ моментъ времени можетъ созерцать только одно что-нибудь. Слѣдовательно, надо отдѣльно проходить одно за другимъ, чтобы не подавлять духа.

VIII. 22. **На каждомъ предметѣ слѣдуетъ останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ совершенно понятъ.** Ничто не дѣлается въ одинъ мигъ: все, что происходитъ, происходитъ въ видѣ движенія, а движеніе совершается послѣдовательно. Поэтому необходимо и съ ученикомъ останавливаться на каждой части науки, пока онъ не усвоитъ ея совершенно и не будетъ увѣренъ, что знаетъ. А этого можно достигнуть, напечатлѣвая, спрашивая и повторяя, пока знаніе не укрѣпится, какъ мы объяснили въ гл. XVIII, основн. прав. X.

IX. 23. **Различія предметовъ должны быть указаны съ достаточною ясностью, чтобы получалось отчетливое понятіе обо всемъ.** Много смысла скрывается въ часто повторяемомъ выраженіи: **кто хорошо различаетъ, тотъ хорошо учитъ.** Множество предметовъ подавляетъ учащагося, а **разнообразіе сбиваетъ съ толку,** если не употребляются про-

тивъ этого слѣдующія мѣры: въ первомъ случаѣ—порядокъ (надо брать сперва одно, а потомъ—другое); во второмъ—внимательное разсматриваніе различій, чтобы всегда ясно было, насколько одинъ предметъ отличается отъ другаго. Это только одно и даетъ отчетливое, ясное и вѣрное знаніе, такъ какъ отъ различій зависитъ и разнообразіе, и дѣйствительность предметовъ, какъ объ этомъ нами сказано въ XVIII гл., VI основн. правилѣ.

Преподаваемыя въ школахъ науки и должны быть излагаемы по этой методѣ.

24. Но такъ какъ не всякому доступно съ такимъ искусствомъ вести дѣло преподаванія, то необходимо, чтобы всѣ науки, преподаваемыя въ школахъ, были излагаемы по этимъ правиламъ методы, чтобы не такъ легко было уклоняться отъ цѣли. Ибо, если эти правила будутъ вѣрно установлены и соблюдаемы, то прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что юноша, вступивши въ театръ вселенной, такъ же легко постигнетъ умомъ все устройство міра и съ этихъ поръ будетъ въ силахъ ходить съ совершенно открытыми глазами посреди дѣлъ Божіихъ и человѣческихъ, какъ какой-нибудь посѣтитель, будучи впущенъ въ царскій дворецъ, легко и безъ скуки можетъ разсмотрѣть все въ немъ находящееся: картины, рѣзьбу, занавѣсы и всевозможныя украшенія, если только ему дано для этого опредѣленное время.

Глава XXI.

Метода искусствъ.

Искусствами должно больше заниматься, чѣмъ науками.

1. Теоретическое изученіе предметовъ легко, требуетъ мало времени и доставляетъ только удовольствіе; примѣненіе же знаній къ дѣлу трудно и обширно, хотя приноситъ удивительныя выгоды, говоритъ Вивесъ. Въ виду этого необходимо тщательно изыскивать способъ, съ помощью котораго можно было бы легко

доводить юношество до практическаго пользованія предметами, что̀ и составляетъ задачу искусствъ.

Три условія, предъявляемыя искусствомъ.

2. Для искусства требуется три предварительныхъ условія: 1) образецъ или идеалъ, который есть, такъ сказать, внѣ находящаяся форма, глядя на которую художникъ пытается воспроизвести подобную ей; 2) вещество, т. е. именно то, чему должно придать новую форму; 3) орудія, съ помощью которыхъ создается вещь.

Столько же требованій предъявляется и при дѣятельности:

3. Обученіе же искусству (при условіи, что есть на лицо и орудія, и вещество, и образецъ) требуетъ 1) надлежащаго примѣненія послѣднихъ, 2) разумнаго руководства и 3) частаго упражненія. А это значитъ, что ученика надо
1. учить, гдѣ и какъ слѣдуетъ примѣнять каждое изъ упомяну-
2. тыхъ условій; во-вторыхъ, во время примѣненія надо имъ руководить, чтобы не ошибался при работѣ, или,
3. если онъ дѣлаетъ ошибки, поправлять его; наконецъ, онъ можетъ продолжать дѣлать ошибки и его надо поправлять, пока онъ не будетъ умѣть работать безошибочно, навѣрное и легко.

Относительно этого XI правилъ:

4. Относительно этого надо замѣтить 11 правилъ (canones): шесть относительно примѣненія, три относительно руководства и два относительно упражненія.

I. 5. То, что надо дѣлать, надо изучать на дѣлѣ. Мастера не занимаютъ своихъ учениковъ отвлеченными разсужденіями, но тотчасъ приставляютъ ихъ къ работѣ, чтобы они изучали мастерство—занимаясь мастерствомъ: вырѣзать—вырѣзая, рисовать—рисуя, танцовать—танцуя, и т. д. Слѣдовательно, и въ школахъ ученики должны учиться писать—занимаясь письмомъ, говорить—говоря, пѣть—упражняясь въ пѣніи, считать—считая и т. д., такъ что школы суть не что иное, какъ мастерскія, въ которыхъ кипитъ работа. Только такимъ образомъ всѣ сами путемъ собственной удачной дѣятельности испытаютъ справедливость извѣстной поговорки: образовывая, образуемъ самихъ себя.

II. 6. Для всякой дѣятельности должны быть налицо опредѣленная форма и правило. Глядя на первую и какъ бы идя по слѣдамъ втораго, ученикъ и долженъ подражать.

Ибо самъ по себѣ онъ еще ничего не можетъ выдумать, такъ какъ не знаетъ, что̀ и какъ должно дѣлать; поэтому ему нужно показывать. Было бы жестоко съ твоей стороны принуждать кого либо дѣлать, чего ты хочешь, когда онъ еще не знаетъ, чего ты хочешь; напримѣръ, желать, чтобы онъ проводилъ прямыя линіи, правильно чертилъ углы, дѣлалъ правильные круги, если ты ему сперва не далъ въ руки линейки, наугольника и циркуля и не показалъ ихъ употребленія. Поэтому надо будетъ серьезно позаботиться о томъ, чтобы были формы, т. е. образцы и модели для всего того, что приходится дѣлать въ школахъ, притомъ вѣрные, опредѣленные, простые и легкіе какъ для пониманія, такъ и для подражанія, будутъ-ли это рисунки и чертежи предметовъ, или предварительныя указанія и планы работъ. И только тогда нисколько не будетъ нелѣпо требовать, чтобы тотъ, кому данъ свѣтъ, видѣлъ и чтобы тотъ, кто уже твердо стоитъ на ногахъ, ходилъ, а кто имѣетъ въ рукахъ инструменты, дѣйствовалъ ими.

7. *Обращеніе съ орудіями работы лучше показы-* III.
вать на дѣлѣ, чѣмъ объяснять словами, т. е. лучше посредствомъ примѣровъ, чѣмъ правилъ. По крайней мѣрѣ, еще Квинтиліанъ замѣтилъ, что путь чрезъ правила длиненъ и труденъ, коротокъ же и плодотворенъ путь чрезъ примѣры. Но увы! Какъ мало помнятъ объ этомъ предостереженіи обыкновенныя наши школы! По крайней мѣрѣ, онѣ правилами и исключеніями изъ правилъ и опять ограниченіями исключеній до такой степени заваливаютъ даже начинающихъ учиться грамматикѣ, что тѣ большею частью и не знаютъ, въ чемъ дѣло, и начинаютъ прежде тупѣть, чѣмъ понимать. Однако мы не видимъ, чтобы ремесленники вели такъ дѣло: они не вычитываютъ напередъ своимъ новымъ ученикамъ столько правилъ, а приводятъ ихъ въ свои мастерскія и приказываютъ имъ присматриваться къ своимъ работамъ, а вскорѣ, когда у новичковъ является желаніе подражать (человѣкъ вѣдь есть существо, склонное подражать), даютъ имъ въ руки инструменты и объясняютъ, какъ надо браться за нихъ и дѣйствовать ими; затѣмъ, если они дѣлаютъ ошибки, напоминаютъ имъ и поправляютъ, но всегда болѣе на дѣлѣ, чѣмъ

словами, и опытъ показываетъ, что чрезъ подражаніе въ работѣ легко достигается успѣхъ. Справедлива прекрасная нѣмецкая поговорка: ein guter Vorgänger findet einen guten Nachgänger. Умѣстно въ данномъ случаѣ и Теренціево изреченіе: «иди впереди, а я буду слѣдовать за тобой» [71]). Такимъ же образомъ, мы видимъ, и дѣти привыкаютъ ходить, бѣгать, болтать, выучиваются разнымъ играмъ, именно чрезъ одно подражаніе, безъ тягостныхъ правилъ. Ибо правила суть настоящія колючки для души; они требуютъ и вниманія, и проницательности, а примѣры помогаютъ и самымъ тупымъ мальчикамъ. И никто никогда не пріобрѣталъ навыка въ какомъ либо языкѣ или въ какомъ либо искусствѣ посредствомъ однихъ правилъ, а вообще чрезъ практику, обходясь даже безъ правилъ.

IV. 8. Упражненіе должно начинаться съ элементовъ работы, а не съ созданія цѣлыхъ произведеній. Плотникъ не съ перваго пріема учитъ своего ученика строить башни и зáмки, но сперва—держать топоръ, срубать бревна, обтесывать балки, сверлить дерево, вколачивать гвозди, сбивать вмѣстѣ доски и т. д. Точно такъ же и живописецъ не предлагаетъ новичку писать портреты, но учитъ его смѣшивать краски, подбирать кисти, проводить линіи, потомъ пробовать дѣлать болѣе или менѣе грубыя очертанія и т. п. И тотъ, кто учитъ ребенка читать, предлагаетъ ему не текстъ книги, а буквы, сперва по одной, потомъ соединенныя въ слоги, наконецъ слова, затѣмъ предложенія и т. д. Слѣдовательно, и начинающему учиться грамматикѣ сперва надо предлагать измѣнять по одному слову, потомъ согласовывать два слова, затѣмъ составлять одночленныя предложенія, далѣе двухчленныя, трехчленныя; тогда только можно приступать къ построенію періодовъ и затѣмъ уже къ составленію цѣлой рѣчи. Такъ и при обученіи діалектикѣ: сперва ученикъ пусть учится различать предметы и понятія о нихъ по родамъ и отличительнымъ свойствамъ, затѣмъ распредѣлять ихъ по взаимному ихъ отношенію (въ какомъ все находится до нѣкоторой степени между собою), далѣе опредѣлять и раздѣлять ихъ, затѣмъ оцѣнивать вещи и понятія о нихъ, сопоставляя ихъ между собою, а именно: что говорится, о чемъ и почему? и по необходимости, или случайно?

Когда ученикъ пріобрѣтетъ достаточный навыкъ въ этихъ упражненіяхъ, тогда только можно приступить къ составленію умозаключеній, т. е. какимъ образомъ изъ извѣстныхъ данныхъ и посылокъ вывести остальное? Наконецъ, можно перейти къ разсужденіямъ, или къ полной обработкѣ темъ. Подобнымъ же образомъ и въ реторикѣ легко будетъ итти впередъ тому, кто сперва упражняется нѣсколько времени въ подборѣ синонимовъ, потомъ учится пріискивать эпитеты къ именамъ, глаголамъ и нарѣчіямъ, затѣмъ разъяснять ихъ противоположеніями; далѣе разнообразить рѣчь перифразами, затѣмъ собственныя выраженія замѣнять переносными, сложныя предложенія располагать по законамъ благозвучія, простыя предложенія всевозможными способами передѣлывать въ фигуральныя[72]). Наконецъ, когда ученикъ достаточно понаторѣетъ въ каждомъ родѣ этихъ упражненій, можно будетъ перейти къ составленію цѣлыхъ рѣчей съ реторическими украшеніями, но не раньше. Если такъ постепенно итти впередъ въ каждомъ искусствѣ, то скорый и прочный успѣхъ обезпеченъ. Основныя правила для этого разъяснены въ XVII гл., основн. прав. IV.

9. Первыя упражненія начинающихъ должны производиться надъ знакомымъ матеріаломъ. IX-е основн. положеніе XVII главы и VI-е условіе IV-го основнаго положенія той же главы уже даютъ намъ это правило. Смыслъ его тотъ, что не слѣдуетъ обременять учащагося предметами, далекими отъ его возраста, пониманія или настоящаго его положенія, чтобы ему не приходилось бороться съ тѣнями. Напримѣръ, польскому мальчику, когда онъ учится читать или писать, не слѣдуетъ предлагать того, что написано по-латыни, или по-гречески, или по-арабски, но что либо на родномъ его языкѣ, чтобы онъ понималъ, о чемъ идетъ рѣчь. Такимъ же образомъ для того, чтобы мальчикъ понялъ приложеніе діалектическихъ правилъ, слѣдуетъ упражнять его не на примѣрахъ, взятыхъ изъ Виргилія или Цицерона, или изъ богословскихъ, политическихъ и медицинскихъ сочиненій, а изъ круга предметовъ, встрѣчающихся ему, напр. что нибудь о книгѣ, одеждѣ, деревѣ, домѣ, школѣ. При этомъ полезно бу- V.

детъ примѣры, взятые для объясненія перваго правила, удерживать, какъ уже извѣстные, и во всѣхъ остальныхъ объясненіяхъ. Положимъ, въ діалектикѣ берется, какъ примѣръ, дерево: нужно указать его родъ и отличительныя свойства, причины, дѣйствія, подчиненныя ему и однородныя съ нимъ и т. д. Далѣе опредѣляется и раздѣляется понятіе дерева. Затѣмъ показывается, какъ разнообразно можетъ быть то, что можно сказать о деревѣ; потомъ, какимъ образомъ посредствомъ извѣстнаго умозаключенія можно изъ того, что сказано до сихъ поръ о деревѣ, вывести и доказать что-либо другое. Когда такимъ образомъ на одномъ, другомъ, третьемъ знакомомъ примѣрѣ будетъ объяснено примѣненіе правилъ, мальчикъ будетъ въ состояніи очень легко составить цѣлое подражаніе образцу и на всякую другую тему.

VI. 10. Подражаніе вначалѣ должно строго держаться предписанной формы, но впослѣдствіи можетъ быть свободнѣе. Вѣдь, чѣмъ болѣе при образованіи чего-либо новаго держатся образца, тѣмъ полнѣе и точнѣе выражается образецъ. Какъ, напримѣръ, монеты, которыя чеканятся однимъ и тѣмъ же штемпелемъ, всѣ совершенно похожи какъ на свой штемпель, такъ и одна на другую; такъ и книги, отпечатанныя металлическими литерами, такъ и всѣ литые предметы изъ воску, гипса, металловъ и т. п. Слѣдовательно, и при другихъ работахъ подражаніе (по крайней мѣрѣ, вначалѣ), насколько можно, должно строго придерживаться своего образца, пока рука, умъ, языкъ не привыкнутъ съ большею твердостью и свободою, какъ бы сами собою, производить подобное. Напримѣръ, тѣ, которые учатся писать, пусть берутъ тонкую и нѣсколько просвѣчивающую бумагу и подкладываютъ подъ нее пропись, съ которой они желаютъ списывать, ибо такимъ образомъ имъ легко будетъ подражать чертамъ просвѣчивающихся буквъ; или надо отпечатать на чистой бумагѣ прописи какой-нибудь слабо разведенной краской—желтой или темноватой, чтобы ученики, обмокая перья въ чернила и водя ими по тѣмъ слѣдамъ, пріучались воспроизводить однѣ и тѣ же буквы по одной и той же формѣ. Такъ и при упражненіяхъ въ слогѣ по образцу любой, предложенной изъ автора, конструкціи, пред-

ложенія, періода, нужно составлять другую конструкцію, другое предложеніе, другой періодъ, совершенно сходные съ образцомъ. Напримѣръ, такъ какъ говорятъ: dives opum (богатый средствами), то пусть мальчикъ, въ подражаніе этому, скажетъ: dives nummorum (богатый монетами), dives pecuniae (б. деньгами), dives pecoris (б. скотомъ), dives vinearum (б. виноградниками) и т. д. Если Цицеронъ говоритъ: «Eudemus in Astrologia judicio doctissimorum hominum facile primus» (Эвдемъ, по мнѣнію ученѣйшихъ людей, несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто въ астрологіи), то ради точнаго подражанія этому можно будетъ сказать: «Cicero in Eloquentia judicio doctissimorum oratorum facile primus» (Цицеронъ, по мнѣнію искуснѣйшихъ ораторовъ, занимаетъ первое мѣсто въ краснорѣчіи), Paulus in Apostolatu judicio totius Ecclesiae facile primus» (Павелъ, по приговору всей Церкви, неоспоримо занимаетъ первое мѣсто въ дѣлѣ апостольства). Такъ и въ логикѣ пусть ученикъ учится подражать извѣстной дилеммѣ: теперь или день, или ночь; но теперь ночь, слѣдовательно, теперь не день, противопоставляя всѣ, непосредственно исключающія одно другое, сужденія. Напримѣръ: «Онъ или невѣжда, или образованный; но онъ невѣжда, слѣдовательно, онъ не образованный»; «Каинъ былъ благочестивъ или нечестивъ; но онъ не былъ благочестивъ», и т. д.

11. Образцы для подражанія должны быть какъ можно совершеннѣе, и кто, подражая имъ, вполнѣ воспроизведетъ ихъ, тотъ можетъ считаться достигшимъ совершенства въ своемъ искусствѣ. Какъ по кривой линейкѣ никто не проведетъ прямыхъ линій, такъ и по невѣрному образцу нельзя сдѣлать хорошей копіи. Поэтому надо стараться о томъ, чтобы для всего, что́ надо дѣлать въ школѣ и даже въ цѣлой жизни, были образцы вѣрные, опредѣленные, простые и легкіе для подражанія, будутъ ли это модели, рисунки и чертежи предметовъ, или указанія и правила, отличающіяся краткостью и ясностью, понятныя сами по себѣ и безусловно вѣрныя. VII.

12. Первый опытъ въ подражаніи долженъ быть VIII.

какъ можно точнѣе, чтобы не было отступленія отъ образца ни въ малѣйшей чертѣ. Разумѣется, насколько это возможно; но это необходимо. Ибо все, что первоначально дѣлается, служитъ какъ бы основаніемъ для послѣдующаго: если основаніе прочно, то на немъ можно прочно строить остальное; если первое шатко, то и остальное будетъ шататься. И какъ, по наблюденіямъ врачей, недостатки первоначальнаго пищеваренія не могутъ быть исправлены въ послѣдующее время, такъ и во всякой дѣятельности первыя ошибки затрудняютъ всю послѣдующую дѣятельность. Поэтому учитель музыки Тимоѳей [73]) отъ тѣхъ учениковъ, которые изучали начальныя основанія этого искусства у кого нибудь другаго, требовалъ двойной платы, говоря, что онъ несетъ двойной трудъ, во-первыхъ отучая ихъ отъ того, что́ они дурно изучили, а потомъ наконецъ уча ихъ правильно. Поэтому надо прилагать стараніе, чтобы ученики вполнѣ овладѣвали своимъ искусствомъ путемъ точнаго подражанія его образцамъ: только тогда, когда они преодолѣютъ это затрудненіе, остальныя сами собою устранятся, подобно тому, какъ городъ, ворота котораго заняты, находится въ рукахъ побѣдителя. Поэтому слѣдуетъ остерегаться поспѣшности: никогда не слѣдуетъ переходить къ дальнѣйшему, не утвердивши достаточно прочно предыдущаго. Довольно спѣшитъ тотъ, кто никогда не уклоняется отъ дороги, и время, которое тратится на надлежащее укрѣпленіе основъ, не есть промедленіе, но значительный выигрышъ для того, чтобы преодолѣть остальныя трудности легко, скоро и безопасно.

IX. 13. Ошибки учитель долженъ тутъ же исправить, но присоединяя къ этому замѣчанія, которыя мы называемъ правилами и исключеніями изъ правилъ. Мы уже доказали, что посредствомъ примѣровъ можно лучше преподать искусство, нежели посредствомъ правилъ; теперь мы прибавимъ къ этому, что наставленія и правила надо давать такія, которыя могутъ направлять дѣятельность ученика и предупреждать ошибки, ясно указывая то, что́ въ образцѣ находится въ скрытомъ видѣ, именно: съ чего должно начинать работу, къ чему стремиться, какъ испол-

нять работу, а также: почему ее должно именно такъ исполнять? Это только и дастъ твердое знаніе искусства и увѣренность и точность въ подражаніи. Но эти наставленія должны быть, какъ можно, короче и яснѣе, такъ чтобы съ одной стороны не пришлось состарѣться надъ ними, а съ другой стороны, чтобы то, что̀ разъ усвоено, хотя бы его пришлось отложить въ сторону, всегда оказывалось полезнымъ, а не такъ какъ помочи, которыя, пока ребенокъ учится ходить, оказываютъ ему большую пользу, а потомъ ни къ чему не служатъ для него.

14. Совершенное обученіе искусству состоитъ въ синтезѣ и анализѣ. Что синтезъ здѣсь имѣетъ большее значеніе, это мы доказали примѣрами изъ природы и механическихъ производствъ (глава XVIII, V-е основн. правило). А что синтетическія упражненія въ большинствѣ случаевъ должны предшествовать аналитическимъ, показываетъ сверхъ того слѣдующее: 1) то, что во всякомъ дѣлѣ слѣдуетъ начинать съ легчайшаго; 2) писатели намѣренно скрываютъ тайну своего искусства, такъ что ученики съ трудомъ, да и то не всегда, могутъ проникнуть въ нее съ перваго раза; но несомнѣнно они въ силахъ будутъ проникнуть, пріобрѣвши нѣкоторый навыкъ въ собственныхъ, хотя и грубоватыхъ, изобрѣтеніяхъ; 3) что ставится главною цѣлью, то главнымъ образомъ и слѣдуетъ дѣлать. А мы ставимъ главною цѣлью то, чтобы желающіе изучать искусства привыкали стремиться къ новымъ изобрѣтеніямъ, а не пробавляться только готовыми (см. то, что сказано тамъ же, въ гл. XVIII, въ V основ. п.).

X.

Синтетическія упражненія должны предшествовать аналитическимъ.

1.

2.

3.

15. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ присоединять также тщательный анализъ чужихъ изобрѣтеній и произведеній. Вѣдь только тотъ достаточно знакомъ съ какой либо дорогой, кто нѣсколько разъ прошелъ ее взадъ и впередъ и замѣтилъ всѣ встрѣчающіеся здѣсь и тамъ перекрестки и распутія, а также боковыя дороги. Кромѣ того виды предметовъ до того разнообразны и до нѣкоторой степени безконечны, что всего нельзя включить въ правила, да и одному не все можетъ прійти въ голову. Многимъ многое и дается, а это опять только въ томъ случаѣ дѣлается нашимъ достояніемъ,

Однако необходимо присоединять и аналитическія упражненія.

если оно изслѣдуется, познается и чрезъ соревнованіе и подражаніе создаетъ въ насъ привычку производить подобное же.

Сводъ всего сказаннаго

16. И такъ, мы хотимъ, чтобы во всякомъ искусствѣ были установлены полные и совершенные образцы для всего того, что должно производить это искусство, что обыкновенно оно производитъ или можетъ производить, съ присоединеніемъ мимоходомъ указаній и правилъ, которыя раскрывали бы отношенія между сдѣланнымъ и тѣмъ, что надо сдѣлать, направляли бы пытающагося подражать, предупреждали бы ошибки и исправляли допущенныя ошибки. Затѣмъ надо давать ученику рядъ другихъ примѣровъ, изъ которыхъ каждый онъ долженъ подвести подъ извѣстный образецъ и чрезъ подражаніе произвести нѣчто подобное образцу. Наконецъ, надо разсматривать и чужія произведенія (но, разумѣется, знаменитыхъ мастеровъ) и сопоставлять ихъ съ предписанными образцами и правилами, чтобы, съ одной стороны, яснѣе раскрывалось примѣненіе послѣднихъ, а съ другой стороны, чтобы ученики изучали средства скрывать тайны искусства. Только послѣ цѣлаго ряда такихъ упражненій ученикъ пріобрѣтетъ возможность здраво судить объ изобрѣтеніяхъ и совершенствѣ каждаго изъ нихъ—своего или чужаго.

17. Эти упражненія должны продолжаться до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ полнаго навыка въ искусствѣ, ибо единственное, что́ дѣлаетъ мастеромъ дѣла, это—навыкъ.

Глава XXII.

Метода изученія языковъ.

Почему слѣдуетъ изучать языки и какіе именно?

1. Языки изучаются не какъ часть образованія или мудрости, но какъ средство для пріобрѣтенія знаній и обмѣна ихъ съ другими. Поэтому слѣдуетъ изучать, во-первыхъ, не всѣ языки, что́ и не возможно, и не много языковъ, что́ безполезно, такъ какъ отнимаетъ время, необходимое на изученіе предметовъ,

а нужно изучать только необходимые. Необходимые же—это 1) родной—для домашней жизни, 2) сосѣдніе—для сношеній съ сосѣдями, какъ наприм., для поляковъ въ одномъ мѣстѣ—нѣмецкій, въ другомъ—венгерскій, волошскій, турецкій; 3) для чтенія ученыхъ книгъ—латинскій, какъ то принято у всѣхъ образованныхъ людей, а у философовъ и врачей—греческій и арабскій, у богослововъ—греческій и еврейскій.

2. Слѣдуетъ изучать языки не въ цѣломъ ихъ объемѣ и до полнаго совершенства, но по мѣрѣ надобности. Да и нѣтъ, вѣдь, нужды говорить по-гречески или по-еврейски такъ свободно, какъ на родномъ языкѣ, потому что нѣтъ и людей, съ которыми мы могли бы говорить на этихъ языкахъ; достаточно изучить ихъ на столько, чтобъ можно было читать и понимать книги. Всякій ли языкъ въ полномъ его объемѣ?

3. Изученіе языковъ должно итти параллельно съ изученіемъ предметовъ, особенно въ юношескомъ возрастѣ, именно: мы должны учиться въ одинаковой мѣрѣ понимать и выражать какъ рѣчь, такъ и предметы. Ибо мы образуемъ людей, а не попугаевъ, какъ сказано въ гл. XIX, осн. пр. VI. Не слѣдуетъ изучать языки отдѣльно отъ предметовъ.

4. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что слова нельзя заучивать отдѣльно отъ обозначаемыхъ ими предметовъ, такъ какъ предметы не стоятъ отдѣльно и не доступны пониманію въ отдѣльности, а сообразно съ тѣмъ, какъ они соединены между собою, здѣсь или тамъ существуютъ, дѣлаютъ это или другое. Это соображеніе дало намъ поводъ составить «Дверь языковъ» [74]), гдѣ слова, соединенныя въ предложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ и связь предметовъ, и (какъ думаютъ) очень удачно. 1-е слѣдствіе: по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ можно изучать и предметы, и языки.

5. Затѣмъ оттуда же слѣдуетъ, что никому и не нужно знаніе какого либо языка въ полномъ его объемѣ, и было бы смѣшно и нелѣпо, если бы кто гнался за такимъ знаніемъ. Ибо даже Цицеронъ не зналъ вполнѣ латинскаго языка (а онъ вообще считается лучшимъ мастеромъ въ этомъ дѣлѣ), такъ какъ онъ признается, что не знаетъ выраженій ремесленниковъ, разумѣется, потому, что никогда не вращался въ кругу сапожниковъ, чтобы наблюдать всѣ 2-е слѣдствіе: Знаніе цѣлаго языка никому не нужно.

ихъ работы и заучить названія всѣхъ тѣхъ предметовъ, съ какими имъ приходится обращаться. Да и для какой надобности онъ изучилъ бы это?

И распространители „Двери" поступили неосмотрительно (Доцемій, Киннеръ и др.), а потому авторъ не окончилъ начатой имъ „Задней двери латинскаго языка".

6. На это-то и не обратили вниманія нѣкоторые изъ тѣхъ, которые взялись дополнять мою «Дверь», пичкая въ нее весьма мало употребительныя названія предметовъ, совершенно недоступныхъ дѣтскому пониманію. Дверь и должна быть только дверью: дальнѣйшее же надо оставить до дальнѣйшаго времени, особенно такое, что никогда не встрѣчается, или, если и встрѣчается, то можетъ быть почерпнуто изъ пособій (словарей, лексиконовъ, гербаріевъ и т. п.). По этой причинѣ и я прервалъ составленіе своей «Задней двери латинскаго языка» (которую я началъ было составлять изъ выраженій устарѣвшихъ и менѣе употребительныхъ).

3-е. Дѣти должны заниматься предметами, взятыми изъ дѣтскаго міра, а Цицерона и другихъ писателей не слѣдуетъ предлагать предпочтительнѣе предъ живыми.

7. Третье слѣдствіе отсюда то, что **какъ разсудокъ, такъ и рѣчь дѣтей надо развивать преимущественно на предметахъ изъ дѣтскаго** міра, **оставивъ предметы, интересующіе взрослыхъ, до болѣе зрѣлаго возраста**, такъ что напрасно нѣкоторые предлагаютъ мальчикамъ Цицерона и другихъ возвышенныхъ писателей, трактующихъ о предметахъ, которые превышаютъ дѣтское пониманіе. Ибо если они не понимаютъ предметовъ, то какъ они поймутъ искусство сильно выражать ихъ? Съ бо́льшею пользою можно потратить это время на болѣе скромныя вещи, чтобы **какъ языкъ, такъ и разсудокъ развивались только постепенно.** Природа не дѣлаетъ скачковъ, точно такъ и **искусство, если оно подражаетъ природѣ.** Дитя прежде пусть учится ходить, а потомъ уже водить хороводы, прежде ѣздить верхомъ на длинномъ тростникѣ, а потомъ на лошади въ разукрашенномъ бляхами чепракѣ, сперва болтать, а потомъ говорить, прежде говорить, а потомъ держать рѣчи, такъ какъ **Цицеронъ говоритъ, что онъ не можетъ научить того говорить рѣчи, кто не умѣетъ вообще говорить.**

Восемь правилъ относительно умѣнья говорить на многихъ языкахъ.

8. Что касается умѣнья говорить на многихъ языкахъ, то и въ этомъ отношеніи трудъ усвоенія различныхъ языковъ сократится и облегчится благодаря нашей методѣ, которую мы сведемъ къ слѣдующимъ восьми правиламъ:

9. Каждый языкъ надо изучать отдѣльно, именно: сперва родной, затѣмъ тотъ, который приходится употреблять вмѣсто роднаго, т. е. языкъ сосѣдняго народа (я держусь того мнѣнія, что изученіе живыхъ языковъ должно предшествовать изученію ученыхъ языковъ); далѣе—латинскій и уже послѣ него греческій, еврейскій и т. д., но всегда одинъ за другимъ, а не заразъ; иначе одинъ внесетъ путаницу въ другой. Наконецъ, когда чрезъ упражненіе они твердо будутъ усвоены, можно будетъ съ пользою сравнивать ихъ по сравнительнымъ словарямъ, грамматикамъ и т. п. I.

10. Изученіе каждаго языка должно занимать строго опредѣленное время, съ тою, конечно, цѣлью, чтобы мы изъ побочнаго дѣла не дѣлали главнаго и не теряли напрасно на усвоеніе словъ времени, которое принадлежитъ предметамъ. Родной языкъ, имѣя связь съ предметами, которые мало-по-малу раскрываются предъ разсудкомъ, по необходимости требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ, приблизительно отъ восьми до десяти, то есть всего дѣтскаго возраста и части отроческаго. Затѣмъ можно перейти къ какому-либо другому изъ общеупотребительныхъ языковъ, изъ которыхъ каждый довольно легко можно усвоить въ годичный срокъ; изученіе латинскаго можетъ быть окончено въ два года, греческаго—въ одинъ годъ, а еврейскаго—въ одно полугодіе. II.

11. Всякій языкъ лучше изучать практически, чѣмъ по правиламъ, т. е. какъ можно чаще слушая, читая, снова перечитывая, переписывая, дѣлая письменныя и устныя упражненія въ подражаніи. Смотри то, что сказано въ предыдущей главѣ, правило I и XI. III.

12. Однако и правила должны помогать и подкрѣплять практическое усвоеніе языка, какъ сказано въ предыдущей главѣ, правило II и т. д. Это особенно надо имѣть въ виду въ отношеніи къ ученымъ языкамъ, которые мы принуждены изучать по книгамъ, но также и по отношенію къ живымъ языкамъ, ибо италіанскій, французскій, нѣмецкій, чешскій, венгерскій языки также могутъ быть подведены подъ правила и даже уже подведены. IV.

V. 13. Правила языковъ должны быть грамматическими, а не философскими, то есть, они не должны пускаться въ тонкія изслѣдованія отношеній и причинъ словъ, оборотовъ рѣчи и сочетаній ихъ: почему все это должно быть такъ, а не иначе; но должны просто излагать, что́ и какъ образуется. А то болѣе тонкое изысканіе причинъ и связи, сходствъ и различій, аналогій и аномалій, какія свойственны предметамъ и словамъ, есть дѣло философа, для филолога же—это только лишняя задержка.

VI. 14. При составленіи правилъ новаго языка руководящимъ началомъ долженъ служить знакомый уже языкъ, такъ что здѣсь указывается только различіе перваго отъ послѣдняго. Ибо повторять общія положенія не только безполезно, но и вредно, такъ какъ это пугаетъ умъ призракомъ бо́льшей обширности и различія, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, въ греческой грамматикѣ нѣтъ никакой надобности опять приводить опредѣленія именъ, глаголовъ, падежей, временъ и т. п., или синтаксическія правила, ничего новаго не сообщающія, такъ какъ предполагается, что все это уже понятно. И такъ, надо помѣщать только то, въ чемъ греческое словоупотребленіе отступаетъ отъ извѣстнаго уже латинскаго. Тогда греческую грамматику можно сократить до небольшаго числа листовъ, и все будетъ яснѣе, легче и тверже.

VII. 15. Первыя упражненія въ новомъ языкѣ должны производиться на извѣстномъ уже матеріалѣ. Это, конечно, дѣлается съ тою цѣлію, чтобы не приходилось въ одно и то же время направлять умъ и на предметы, и на слова, и такимъ образомъ развлекать и ослаблять его, а только на слова для болѣе легкаго и скораго усвоенія ихъ. А такимъ матеріаломъ могутъ служить или главы изъ катехизиса, или библейскіе разсказы, или, наконецъ, что нибудь другое, уже раньше достаточно знакомое (или, если то угодно, наши «Сѣни» и «Дверь», хотя эти книги, по причинѣ своей краткости, скорѣе пригодны для заучиванія на память; тогда какъ, напротивъ, тѣ остальныя для чтенія и перечитыванія, въ виду частаго повторенія въ нихъ однихъ и тѣхъ же словъ,

благодаря чему послѣднія глубже проникаютъ и въ умъ, и въ память).

16. И такъ, всѣ языки могутъ быть изучаемы по одной и той же методѣ, именно—практически, съ присоединеніемъ самыхъ легкихъ правилъ, показывающихъ только различіе ихъ отъ языка, раньше извѣстнаго, и путемъ упражненій на знакомомъ матеріалѣ, и т. д. VIII.

О совершенномъ изученіи языковъ.

Обычай требуетъ такъ называемаго совершеннаго изученія только относительно двухъ языковъ, да и то по 4 ступенямъ.

17. Не всѣ языки, которые изучаются, надо изучать съ равною точностью, какъ мы упоминали уже въ началѣ этой главы. Особенная забота должна быть приложена къ изученію роднаго и латинскаго языка, чтобы мы въ совершенствѣ владѣли ими. Но и такое изученіе языка слѣдуетъ распредѣлить между 4 возрастами.

Первый	возрастъ	дѣтскій (болтливый)	когда учатся говорить	кое-какъ
Второй		отроческій (развивающійся)		настоящ. образомъ
Третій		юношескій (цвѣтущій)		изящно
Четвертый		мужественный (сильный)		выразительно.

Почему такъ?

18. Ибо вѣрно можно итти только по ступенямъ, а иначе все будетъ лишено порядка, безсвязно, разорванно, какъ большинство насъ и узнаетъ на собственномъ опытѣ. А по этимъ 4 ступенямъ легко могутъ пройти желающіе изучать языки, если только будутъ отличныя орудія для преподаванія ихъ, т. е. какъ учебники, которые можно отдать въ руки учащимся, такъ и методики, которыя должны быть составлены для руководства учащихъ, и если тѣ и другія будутъ кратки и изложены методически.

Учебники 4 родовъ для изученія языка.

19. Учебники, сообразно степенямъ возраста, должны быть 4 родовъ:

I. Сѣни	языка (напр. латинскаго)
II. Дверь	
III. Дворецъ	
IV. Сокровищница	

и пособія къ нимъ.

I. Сѣни.

20. «Сѣни» должны заключать въ себѣ матеріалъ для болтовни, т. е. нѣсколько сотъ словъ, соединенныхъ въ малень-

кія предложенія, съ приложеніемъ табличекъ склоненій и спряженій.

II. Дверь. 21. «Дверь» должна заключать всѣ употребительныя слова языка, приблизительно тысячъ восемь, соединенныя въ краткія предложенія, въ которыхъ выражались бы самые предметы въ ихъ естественномъ видѣ. Къ этой части должны быть присоединены краткія и ясныя грамматическія правила, которыя совершенно ясно излагали бы истинный и подлинный способъ писать, произносить, производить и соединять слова этого языка.

III. Дворецъ. 22. «Дворецъ» долженъ содержать разнообразные разговоры о всевозможныхъ предметахъ, наполненные всевозможными оборотами рѣчи и цвѣтами изящной рѣчи, съ примѣчаніями на поляхъ, изъ какихъ писатетей что́ взято; а въ концѣ прибавляются правила, какъ измѣнять и украшать всевозможными способами обороты рѣчи и предложенія.

IV. Сокровищница писателей. 23. «Сокровищницей» будутъ называться сами писатели классическіе, которые возвышенно и съ силою писали о разныхъ предметахъ; но при этомъ изложенію предпосылаются правила о соблюденіи и пріобрѣтеніи силы рѣчи и о точной передачѣ (что въ особенности надо наблюдать) идіотизмовъ языка. Изъ этихъ писателей только нѣкоторыхъ можно избирать для чтенія въ школахъ; относительно же другихъ надо составлять только перечень, чтобы впослѣдствіи, если кому представится благопріятный случай или придетъ охота развернуть полныя сочиненія писателей, относящіяся къ тому или другому предмету, было извѣстно, что́ это за писатели.

Пособія. 24. Пособіями называются такія книги, которыя служатъ къ легчайшему и полезнѣйшему употребленію учебниковъ.

I. Это для «Сѣней»—присоединенный къ нимъ краткій указатель встрѣчающихся въ нихъ словъ, отечественно-латинскій и латинско-отечественный.

II. Для «Двери»—этимологическій лексиконъ, въ которомъ приводятся коренныя слова съ ихъ производными и сложными на латинскомъ и отечественномъ языкѣ и дается отчетъ, почему они имѣютъ то или другое значеніе.

III. Для «Дворца»—фразеологическій лексиконъ исключительно

на родномъ или же на латинскомъ языкѣ (а, если нужно, то только на греческомъ), представляющій собою сводъ разнообразныхъ оборотовъ рѣчи и изящныхъ синонимическихъ названій предметовъ и описательныхъ выраженій, встрѣчающихся тамъ и сямъ въ самомъ «Дворцѣ», съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаются.

Наконецъ, для «Сокровищницы» можетъ служить пособіемъ или дополненіемъ «всеобщій промптуарій» (складъ), раскрывающій богатства того и другаго языка (роднаго и латинскаго, а потомъ латинскаго и греческаго) настолько, чтобы изъ всего богатства не оставалось ничего, чего нельзя было бы найти здѣсь, и при томъ такъ, чтобы всѣ выраженія точно соотвѣтствовали одно другому: собственныя—собственнымъ, переносныя—переноснымъ, шутливыя—шутливымъ, пословицы—пословицамъ. Ибо невѣроятно, чтобы языкъ какого либо народа былъ настолько бѣденъ, чтобы не имѣлъ достаточнаго запаса словъ, оборотовъ рѣчи, изреченій и пословицъ, если только съ разборомъ расположить ихъ и сопоставить съ латинскими, или, по крайней мѣрѣ, не могъ бы ихъ имѣть, если только есть умѣнье подражать и изъ подобнаго производить подобное. IV.

25. Но, къ сожалѣнію, такого всеобщаго промптуарія до сихъ поръ мы лишены. Правда, Григорій Кнапій *), польскій іезуитъ, оказалъ этому народу весьма важную услугу своею «Польско-Латинско-Греческой Сокровищницей». Но и въ ней справедливо можно указать на слѣдующіе три недостатка: во-первыхъ то, что авторъ еще не включилъ всѣхъ словъ и оборотовъ рѣчи роднаго языка; во-вторыхъ, не расположилъ ихъ въ такомъ порядкѣ, какъ я только что указалъ, именно, чтобы каждому слову одного языка (по возможности) соотвѣтствовало отдѣльное слово другаго языка: собственному—собственное, переносному—переносное, устарѣвшему—устарѣвшее, чтобы такимъ образомъ въ равной мѣрѣ раскрывались какъ особенность, такъ и блескъ и богатство обоихъ языковъ. Кнапій къ каждому польскому слову и обороту рѣчи присоединяетъ по нѣсколько латинскихъ словъ и оборотовъ, тогда какъ мы желаемъ, чтобы каждому отдѣльному слову

*) См. стр. 136.

или обороту рѣчи соотвѣтствовало только одно слово и одинъ оборотъ, такъ чтобы всѣ красоты латинскаго языка замѣнялись нашими, именно съ тѣмъ, чтобы этимъ промптуаріемъ можно было вполнѣ воспользоваться для перевода всевозможныхъ книгъ съ латинскаго языка на родной и наоборотъ. Въ-третьихъ, мы желали бы найти въ «Сокровищницѣ» Кнапія больше точности въ расположеніи оборотовъ рѣчи, именно, чтобы они не нагромождались какъ попало, но сначала шли бы простыя и историческія формы рѣчи о предметахъ, потомъ болѣе торжественныя ораторскія, наконецъ болѣе возвышенныя или грубыя и менѣе употребительныя поэтическія, въ заключеніе устарѣвшія.

26. Впрочемъ, подробное обсужденіе вопроса о составленіи такого всеобъемлющаго промптуарія отложимъ до другаго времени, равно какъ и вопросъ о специальномъ способѣ примѣненія «Сѣней», «Двери» и «Дворца», такъ чтобы неуклонно достигалась желаемая нами цѣль—совершенство въ языкѣ. Ибо специальное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ относится къ специальному устройству классовъ.

Глава XXIII.

Метода нравственнаго воспитанія.

Все предыдущее только побочное дѣло; теперь только слѣдуетъ настоящее дѣло—нравственность и благочестіе.

1. Вотъ то, что мы имѣли сказать о скорѣйшемъ преподаваніи и изученіи наукъ, искусствъ и языковъ. По поводу этого справедливо вспомнить слова Сенеки (изъ письма 89-го): «этому мы должны не только учиться, но и знать», именно потому, что эти знанія служатъ только приготовленіемъ къ чему то большему, или, какъ онъ говоритъ, «это наши первые опыты, а не дѣла». Что же будетъ дѣломъ?— Изученіе мудрости, которое возвышаетъ насъ и даетъ намъ силу и величіе духа, т. е. то, на что мы указывали выше подъ именемъ нравственности и благочестія, которыя одни только возвышаютъ насъ надъ другими твореніями и приближаютъ къ Самому Богу.

2. Поэтому всѣми силами надо стараться о томъ, чтобы это искусство внушать на самомъ дѣлѣ нравственность и истинное благочестіе было точно установлено и введено въ школы, съ тѣмъ, чтобы онѣ, согласно своему названію, вполнѣ стали «мастерскими для образованія людей».

Воспитаніе которыхъ необходимо возвести на степень искусства.

3. Искусство нравственнаго воспитанія заключаетъ въ себѣ 16 главныхъ правилъ. Первое изъ нихъ слѣдующее: юношеству необходимо внушать всѣ добродѣтели безъ исключенія. Ибо ничего нельзя исключить изъ правды и добра, не образуя пробѣла и не нарушая гармоніи.

Шестнадцать правилъ для искусства нравственнаго воспитанія. I.

4. Но въ особенности необходимо внушать основныя добродѣтели, которыя называютъ краеугольными: благоразуміе, умѣренность, силу духа и справедливость, съ тою, конечно, цѣлью, чтобы не возводить зданія безъ фундамента и чтобы части зданія, не имѣя прочной опоры въ своемъ фундаментѣ, не находились въ слабой связи. II.

5. Благоразуміе дѣти будутъ почерпать изъ хорошаго обученія, изучая истинныя различія вещей и ихъ цѣну. Ибо вѣрное сужденіе о предметахъ есть истинное основаніе вообще добродѣтели. Прекрасно говоритъ Вивесъ: «Истинная мудрость состоитъ въ умѣньи вѣрно судить о вещахъ, такъ что мы каждую изъ нихъ въ отдѣльности считаемъ такою, какова она сама по себѣ, дабы мы не гнались за маловажнымъ, какъ за драгоцѣнностью, и не пренебрегали драгоцѣнными вещами, какъ маловажными, достойное похвалы не порицали, а достойное порицанія не хвалили. Ибо отсюда является всякое заблужденіе въ человѣческихъ умахъ и всякій порокъ, и нѣтъ ничего пагубнѣе въ человѣческой жизни, какъ такое извращеніе сужденій, когда вещамъ придается несвойственная имъ цѣна». «Поэтому (продолжаетъ онъ) пусть каждый уже съ дѣтства пріучается имѣть вѣрныя мнѣнія о предметахъ, такъ чтобы они зрѣли вмѣстѣ съ его лѣтами; пусть онъ старается овладѣть тѣмъ, что вѣрно, и избѣгаетъ того, что превратно, чтобы эта привычка хорошо поступать превратилась у него почти въ природное свойство» и т. д. III.

6. Соблюденію умѣренности пусть учатся и привыкаютъ, принимая пищу и питье, пользуясь сномъ IV.

и бодрствуя, разговаривая и сохраняя молчаніе, во все время своего воспитанія. Относительно этого всегда надо напоминать юношамъ золотое правило: «ничего слишкомъ», чтобы во всѣхъ случаяхъ можно было остановиться, прежде чѣмъ наступило пресыщеніе и отвращеніе.

V. 7. Силѣ духа пусть учатся, преодолѣвая себя самихъ, именно сдерживая свое желаніе побѣгать или поиграть не въ назначенное время или дольше назначеннаго времени и обуздывая свое нетерпѣніе, шумливость и гнѣвъ. Здѣсь основнымъ правиломъ должно быть—пріучать дѣтей дѣлать все разумно и ничего не дѣлать по настроенію духа или по внезапному порыву. Ибо человѣкъ—разумное существо; слѣдовательно, онъ долженъ привыкать руководиться разумомъ, взвѣшивая при своихъ дѣйствіяхъ, что́, почему и какъ правильно сдѣлать въ каждомъ случаѣ, чтобы быть дѣйствительно господиномъ своихъ дѣйствій. И такъ какъ дѣти не очень то воспріимчивы (по крайней мѣрѣ, не всѣ) къ такому обдуманному и разумному поведенію, то воспитаніе въ нихъ силы духа и самообладанія значительно облегчится, если они волей-неволей будутъ пріучаться исполнять скорѣе волю другаго, чѣмъ собственное желаніе, то есть, безпрекословно повинуясь во всемъ старшимъ. «Тѣ, которые дрессируютъ лошадей», говоритъ Лактанцій, «сперва учатъ ихъ слушаться узды. Слѣдовательно, кто хочетъ воспитать дѣтей, тотъ пусть пріучаетъ ихъ прежде всего повиноваться по первому слову». О, сколько лежитъ въ нихъ надежды на то, что вмѣсто смутъ людскихъ, которыми теперь полонъ міръ, настанетъ лучшее состояніе, если дѣти будутъ пріучаемы уступать другъ другу, и всѣ уже съ ранней юности привыкнутъ всѣ свои дѣла вести разумно!

VI. 8. Справедливости они научатся, не причиняя никому вреда, а каждому отдавая ему принадлежащее, избѣгая лжи и хитростей, показывая свою услужливость и любезность. Къ этому, какъ и къ вышеуказанному, слѣдуетъ пріучать такими способами, какіе опредѣляются нижеслѣдующими правилами.

9. Виды силы духа: благородная откровенность и выносливость въ трудахъ—качества, особенно необходимыя для юношества. Ибо, такъ какъ жизнь необходимо проводить въ обращеніи съ людьми и въ дѣлахъ, то мальчики и должны учиться переносить какъ взоры людей, такъ и всякій честный трудъ, чтобы не сдѣлаться врагами свѣта, или мизантропами, лѣнивыми утробами [75]), безполезнымъ бременемъ на землѣ [76]). Добродѣтель воспитывается дѣлами, а не словами. VII.

10. Благородная откровенность пріобрѣтается чрезъ частое обращеніе съ нравственными людьми и чрезъ исполненіе на ихъ глазахъ всякаго порученія. Аристотель воспиталъ Александра такъ, что онъ уже на 12-мъ году жизни умѣлъ обращаться съ людьми всякаго класса: съ царями и послами царей и народовъ, съ образованными и необразованными, съ горожанами и поселянами и ремесленниками, и о всякомъ предметѣ рѣчи дѣлалъ вопросы и давалъ отвѣты, подходящіе къ дѣлу. А чтобы и чрезъ наше всеобщее воспитаніе всѣ могли научиться успѣшно подражать этому, необходимо будетъ составить правила объ обращеніи и настаивать на исполненіи ихъ въ видѣ скромнаго обращенія и ежедневныхъ бесѣдъ о разнообразныхъ предметахъ съ учителями, товарищами, родителями, прислугой и другими людьми. Наконецъ, и учителя должны будутъ обращать вниманіе на то, чтобы каждаго, въ комъ только они замѣтятъ наклонность къ лѣности, опрометчивости, грубости или дерзости и т. п., снова привести въ границы должнаго. VIII.

11. Терпѣливость въ трудахъ юноши пріобрѣтутъ, если всегда будутъ чѣмъ нибудь заняты, будетъ ли это серьезное дѣло, или только забава. Въ этомъ отношеніи вовсе не важно, чтó и съ какою цѣлію дѣлаешь, лишь бы только ты проявлялъ дѣятельность. И забавляясь можно научиться тому, что пригодится въ серьезномъ дѣлѣ, когда того потребуютъ время и обстоятельства. Слѣдовательно, такъ какъ дѣйствовать учатся чрезъ дѣятельность же (какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ), то и трудолюбію можно научиться трудясь, такъ что постоянныя (впрочемъ, умѣ- IX.

ренныя) умственныя и тѣлесныя занятія переходятъ въ прилежаніе и дѣлаютъ невыносимой для дѣятельнаго человѣка бездѣятельную праздность. И тогда оправдаются слова Сенеки: «благородныя души воспитываетъ трудъ» [77]).

X. 12. Родственную справедливости добродѣтель, именно готовность и стремленіе оказывать услуги другимъ въ особенности необходимо внушать мальчикамъ. Ибо къ нашей испорченной природѣ присталъ отвратительный порокъ—себялюбіе, благодаря которому каждый только себѣ и желаетъ добра, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ тому, что́ дѣлается съ другими. Это и есть источникъ разныхъ замѣшательствъ въ человѣческихъ дѣлахъ, когда каждый хлопочетъ только о своихъ дѣлахъ, не обращая никакого вниманія на общее благо. Слѣдовательно, надо старательно напечатлѣвать въ душѣ дѣтей цѣль нашей жизни, именно то, что мы рождены не только для себя, но и для Бога и ближнихъ, т. е. для всего человѣческаго рода, для того, чтобы люди, серьезно проникнутые этимъ убѣжденіемъ, уже съ дѣтства пріучались подражать Богу, ангеламъ, солнцу и всѣмъ благороднымъ созданіямъ, т. е. желать и стараться быть полезными чрезъ свои услуги какъ можно большему числу людей. Только при этомъ условіи наступило бы счастливое положеніе какъ частныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ, т. е. если бы всѣ поняли необходимость и возымѣли желаніе соединиться вмѣстѣ ради общихъ выгодъ и вездѣ помогать другъ другу. А они могутъ понять и захотятъ, если ихъ научить этому.

XI. 13. Воспитаніе добродѣтелей должно начинаться съ самаго нѣжнаго дѣтства, прежде чѣмъ души дѣтей усвоятъ пороки. Ибо, если ты не засѣешь поля хорошими сѣменами, то оно, правда, произведетъ травы, но какія?—плевелы и куколь. А если имѣешь намѣреніе воздѣлать его для своей пользы, то легче воздѣлаешь его и съ болѣе вѣрной надеждой можешь ожидать урожая, если тотчасъ съ наступленіемъ весны вспашешь, засѣешь и заборонишь его. Однимъ словомъ: «много значитъ привыкнуть съ дѣтства [78])», потому что

«Запахъ, которымъ новый сосудъ пропитанъ однажды,
«Долго онъ сохранитъ» [79]).

14. Добродѣтелямъ учатся путемъ постоянной нравственной дѣятельности. Что́ нужно знать, тому учатся познавая; что́ нужно дѣлать, тому учатся дѣлая, какъ мы видѣли въ гл. XX и XXI. Слѣдовательно, какъ ходить легко научаются дѣти чрезъ ходьбу, говорить—чрезъ разговоръ, писать—чрезъ письмо; такъ же легко они научатся и послушанію—слушаясь, сдержанности—воздерживаясь, правдивости—говоря правду, постоянству—оставаясь твердыми, и т. д., если только есть кому руководить ихъ словомъ и примѣромъ. XII.

15. Примѣры степенной жизни со стороны родителей, воспитательницъ, учителей и товарищей постоянно должны освѣщать впереди путь. Дѣти—тѣже обезьянки: что́ они видятъ, хорошее ли это или дурное, тому они и стараются подражать, даже безъ всякаго принужденія; поэтому они раньше учатся подражать, чѣмъ понимать. Но я имѣю здѣсь въ виду примѣры не только живые, но и взятые изъ исторіи, однако главнымъ образомъ живые, потому что они дѣйствуютъ непосредственнѣе и сильнѣе. Поэтому, если родители будутъ добросовѣстными и строгими стражами домашней дисциплины, а учителя будутъ избраннѣйшіе изъ людей и по своей нравственности будутъ достойны удивленія, то это будетъ самымъ лучшимъ средствомъ побудить учениковъ къ истинно нравственной жизни. XIII.

16. Однако къ примѣрамъ надо присоединять и предписанія и правила жизни, именно для того, чтобы исправить, дополнить и усилить подражаніе (сравни то, что сказано въ гл. XXI, правило IX). Такого рода правила жизни можно заимствовать изъ св. Писанія и изъ изреченій мудрецовъ. Напримѣръ: почему и какъ надо остерегаться зависти? какимъ оружіемъ защитить свое сердце противъ скорби и всевозможныхъ человѣческихъ напастей? какъ умѣрять порывы радости? какимъ образомъ обуздать гнѣвъ или изгнать изъ сердца непозволительную любовь? и т. п. Надо, однако, сообразоваться въ этомъ случаѣ съ возрастомъ и степенью развитія воспитанниковъ. XIV.

17. Слѣдуетъ также очень заботливо охранять XV.

дѣтей отъ дурнаго товарищества, чтобы они не заражались пороками. Ибо вслѣдствіе испорченности нашей природы дурное легче и упорнѣе держится въ насъ. Поэтому надо со всѣмъ рвеніемъ удалять отъ дѣтей всѣ случаи къ развращенію, каковы: дурныя товарищества, безнравственные разговоры, пустыя и легкомысленныя сочиненія (ибо примѣры пороковъ, видимъ ли мы ихъ или слышимъ, составляютъ ядъ для души), наконецъ, праздность, чтобы дѣти чрезъ ничегонедѣланіе не научились дѣлать дурное или не впали въ душевную спячку. Итакъ, лучше будетъ, если они будутъ постоянно заняты или серьезнымъ дѣломъ или забавой, только бы не позволять имъ оставаться праздными.

XVI. 18. А такъ какъ мы едва ли можемъ быть настолько зорки, чтобы къ намъ не подкралось что нибудь дурное, то крайне необходима дисциплина для противодѣйствія дурнымъ нравамъ. Ибо врагъ нашъ—сатана не только въ то время, когда мы спимъ, но и тогда, когда мы бодрствуемъ и сѣемъ на поляхъ душъ добрыя сѣмена, вмѣшивается съ цѣлью посѣять между ними и свои плевелы; наконецъ, и природа наша, уже сама по себѣ испорченная, то тамъ, то сямъ заявляетъ о себѣ такъ, что противодѣйствовать злу силою рѣшительно необходимо. Противодѣйствуютъ же ему дисциплиною, т. е. выговорами и наказаніями, словами и ударами, смотря по надобности, но всегда вслѣдъ за проступкомъ, чтобы заглушить выступившій наружу порокъ въ самомъ его зародышѣ или, еще лучше, вырвать его съ корнемъ, насколько это возможно. Поэтому въ школахъ дисциплина должна имѣть силу не столько ради наукъ (ибо послѣднія, если преподаются по вѣрной методѣ, сами по себѣ доставляютъ наслажденіе и привлекаютъ умъ человѣка), сколько ради нравственности. Но о дисциплинѣ будетъ сказано также ниже въ гл. XXVI.

Глава XXIV.

Метода для внушенія благочестія.

1. Хотя благочестіе есть даръ Божій и посылается съ неба чрезъ внушеніе и наставленіе Св. Духа, однако, такъ какъ Онъ обыкновенно дѣйствуетъ опредѣленными средствами и избираетъ себѣ помощниковъ въ лицѣ родителей, учителей и служителей Церкви, которые должны съ вѣрною заботою насаждать и поливать райскія вѣтви (1 Коринѳ. 3, 6 и 8), то необходимо, чтобы они понимали сущность своихъ обязанностей. Можетъ ли усвоеніе благочестія итти по опредѣленной методѣ.

2. Что̀ означаетъ по нашему мнѣнію слово благочестіе, мы объяснили раньше, именно то, чтобы сердце наше (получивъ вѣрное понятіе о предметахъ вѣры и религіи) умѣло вездѣ искать Бога [Котораго Писаніе называетъ «Сокровеннымъ» (Исаія 45. 15) и «Невидимымъ царемъ» (Евр. 11,27), потому что Онъ скрывается подъ покровомъ Своихъ дѣлъ и, присутствуя во всемъ видимомъ, невидимо всѣмъ управляетъ] и, нашедши Его, всюду слѣдовать Ему, и, настигши Его, наслаждаться Имъ. Первое достигается съ помощью ума, второе—съ помощью воли, а третье заключается въ удовольствіи, доставляемомъ совѣстью. Что надо понимать подъ словомъ «благочестіе»? Три стремленія: 1. 2. 3.

3. Мы ищемъ Бога, замѣчая слѣды божественности во всемъ сотворенномъ. Мы слѣдуемъ Богу, всецѣло предоставляя себя въ Его волю, какъ съ тѣмъ, чтобы дѣлать, такъ и съ тѣмъ, чтобы терпѣть все, что Ему будетъ угодно. Мы наслаждаемся Богомъ, когда находимъ въ Его любви и благоволеніи такое успокоеніе, что для насъ ни на небѣ, ни на землѣ ничего не представляется желательнѣе, какъ самъ Богъ, ничего пріятнѣе, какъ помышленіе о Немъ, ничего сладостнѣе, какъ Его прославленіе, такъ что сердце наше таетъ въ любви къ Нему. Значеніе ихъ.

4. Есть три источника, изъ которыхъ можемъ черпать это чувство; точно такъ есть три способа или три степени черпать его. Трояній источникъ и трояній способъ почерпать это чувство.

Трояній источникъ это слово Божіе, выразившееся 1) въ твореніи, 2) въ Писаніи, 3) во внушеніи.

5. Эти источники суть: священное Писаніе, міръ и мы сами. Въ первомъ—слова Бога, во второмъ—Его дѣла, а въ третьемъ—Его внушенія. Изъ Писанія почерпается познаніе Бога и любовь къ Нему, что несомнѣнно для насъ. Далѣе, что изъ міра и мудраго созерцанія дивныхъ дѣлъ Божіихъ мы почерпаемъ чувство благочестія, свидѣтельствуютъ сами язычники, которые только чрезъ созерцаніе вселенной дошли до почитанія божества. Это видно изъ примѣра Сократа [50]), Платона, Эпиктета [51]), Сенеки и другихъ, хотя это чувство любви къ Богу въ людяхъ, лишенныхъ помощи со стороны Божественнаго Откровенія, было несовершенное и не достигало своей цѣли. Тѣ же, которые стараются почерпать познаніе Бога совмѣстно изъ слова и изъ дѣлъ Его, преисполняются самой пламенной любовью, какъ это можно видѣть изъ примѣра Іова, Иліи, Давида и другихъ благочестивыхъ людей. Къ этой же цѣли ведетъ и наблюденіе особеннаго попеченія Божія о насъ самихъ (какъ дивно Провидѣніе насъ создало, до сихъ поръ сохранило и управляетъ нами), какъ показываютъ своимъ собственнымъ примѣромъ Давидъ (Псал. 139) и Іовъ (гл. 10).

Трояній способъ почерпать изъ трехъ источниковъ.

6. Способъ почерпать благочестіе изъ этихъ источниковъ трояній: размышленіе, молитва, испытаніе—три средства, которыя, по выраженію д-ра Лютера, образуютъ богослова; но и вообще христіаниномъ могутъ дѣйствительно сдѣлать только эти же три способа.

1. Размышленіе.

7. Размышленіе состоитъ въ частомъ, внимательномъ и благоговѣйномъ обдумываніи дѣлъ, словъ и благодѣяній Божіихъ: какъ все несомнѣнно происходитъ только по благоволенію Бога (совершающаго или попускающаго) и какими дивными путями всѣ рѣшенія божественной воли достигаютъ своей цѣли.

2. Молитва.

8. Молитва есть частое и, такъ сказать, постоянное воздыханіе предъ Богомъ и моленіе о Его милосердіи для поддержанія насъ и управленія нами чрезъ Его Духа.

3. Испытаніе.

9. Наконецъ, испытаніе есть частая повѣрка нашего преуспѣянія въ благочестіи, дѣлается ли она нами

самими, или другими. Сюда относятся человѣческія, діавольскія и божескія испытанія, смотря по ихъ способу. Ибо человѣкъ долженъ многократно испытывать и самого себя, въ вѣрѣ ли онъ (2 Коринѳ. 13, 5) и насколько ревностно онъ исполняетъ волю Божію, и нужно, чтобы мы подвергались испытанію со стороны другихъ—друзей и враговъ. А это бываетъ, когда тѣ, которые благочестиво управляютъ другими, съ бодрымъ вниманіемъ и чрезъ явныя и тайныя испытанія берутся изслѣдовать, насколько мы успѣли, а съ другой стороны, когда Богъ ставитъ подлѣ насъ врага съ тѣмъ, чтобы онъ научалъ насъ прибѣгать къ Богу и открывалъ намъ, какъ велика въ насъ сила вѣры. Наконецъ, Богъ обыкновенно посылаетъ на насъ самого сатану или даже Самъ ополчается противъ человѣка, чтобы открылось, что́ у него въ сердцѣ. Итакъ, все это надо внушать христіанскимъ дѣтямъ, чтобы всѣ они во всемъ, что есть, случается или можетъ случиться, пріучались возноситься духомъ къ Тому, Кто есть Первый и Послѣдній изъ всѣхъ, и въ Немъ одномъ почерпать душевное спокойствіе.

10. Спеціальная метода для достиженія этихъ цѣлей, заключая въ себѣ 21 правило, будетъ слѣдующая. Метода внушенія благочестія, заключающаяся въ XXI правилъ.

I. I. Забота о внушеніи благочестія должна начинаться съ самаго начала дѣтства. Это необходимо какъ потому, что не откладывать вообще полезно, такъ и потому, что откладывать эту заботу—опасно. Что стоитъ на первомъ мѣстѣ и что важнѣе, то самъ разумъ внушаетъ дѣлать раньше и преимущественно. А что же представляется прежде и важнѣе, какъ не благочестіе, безъ котораго всякое другое упражненіе мало полезно, тогда какъ само благочестіе имѣетъ обѣтованія жизни настоящей и будущей (Тимоѳ. 4, 8). Это и есть «одно только нужное» (Лук. 10, 42)—искать царства Божія, ибо кто заботится объ этомъ, тому и «все прочее приложится» (Матѳ. 6, 33). Опасно же откладывать заботу объ этомъ потому, что, если душа въ нѣжномъ возрастѣ не проникнется мыслью о Богѣ, то уже вслѣдствіе ежедневной житейской суеты, когда жизнь проводится иногда безъ всякой мысли о божественной волѣ, легко подкрадывается невысказываемое пренебреженіе боже-

ственной воли и нечестіе, такъ что потомъ оно очень трудно, а у иныхъ никогда уже и не искореняется. Поэтому Пророкъ, жалуясь на ужасное распространеніе нечестія въ своемъ народѣ, говоритъ, что не остается никого, кого Богъ могъ бы вразумлять проповѣдью, кромѣ отнятыхъ отъ груднаго молока и отлученныхъ отъ сосцовъ матери, т. е. кромѣ малютокъ (Исаія 28, 9). А о другихъ говоритъ другой пророкъ, что они не могутъ исправиться, чтобы дѣлать доброе, привыкши дѣлать злое (Іерем. 13, 23).

II. 11. Итакъ, съ того самаго момента, какъ дѣти начинаютъ пользоваться глазами, языкомъ, руками и ногами, пусть они учатся взирать на небо, воздѣвать руки вверхъ, призывать Бога и Христа, преклонять колѣна предъ невидимымъ величествомъ Бога и почитать Его. Къ этому дѣти не такъ не способны, какъ воображаютъ себѣ тѣ, которые, не обращая вниманія, какъ необходимо исторгать насъ изъ власти діавола, міра и нашихъ собственныхъ страстей, слишкомъ небрежно ведутъ столь великое дѣло. Пусть дѣти, разумъ которыхъ еще слабо проявляется, сначала не понимаютъ, что́ они дѣлаютъ; однако для нихъ въ высшей степени важно сознаніе необходимости дѣлать то, что́ они будутъ пріучаться дѣлать какъ необходимое чрезъ самое упражненіе. Ибо когда они чрезъ самое исполненіе научатся тому, что́ необходимо исполнять, то имъ легче будетъ внушить то, что́ сейчасъ затѣмъ слѣдуетъ, именно: они начнутъ понимать, что́ дѣлается, почему дѣлается и какъ правильно надо это дѣлать. Богъ повелѣлъ закономъ посвящать Себѣ начатки всѣхъ плодовъ; и такъ, почему же не посвящать Ему и зачатки нашихъ мыслей, нашего лепета, нашихъ движеній и дѣйствій?

III. 12. А какъ скоро дѣти по своему возрасту уже могутъ быть наставляемы, имъ прежде всего слѣдуетъ внушать, что мы здѣсь не для настоящей жизни, но стремимся къ вѣчности, что здѣшнее наше пребываніе переходное, чтобы мы, хорошо приготовившись, достойно вступили въ вѣчныя жилища.

А это легко можно объяснить на ежедневныхъ примѣрахъ

тѣхъ, которыхъ похищаетъ смерть и переноситъ въ другую жизнь, какъ то: младенцевъ, отроковъ, юношей и стариковъ. Дѣтямъ надо часто напоминать объ этомъ, чтобы они имѣли въ виду, что здѣсь никто не можетъ имѣть прочнаго пристанища.

13. Поэтому время отъ времени имъ слѣдуетъ напоминать, что здѣсь нѣтъ важнѣе дѣла, какъ надлежащимъ образомъ приготовляться къ послѣдующей жизни; иначе-де выйдетъ нелѣпость: мы будемъ заниматься тѣмъ, что надо вскорѣ бросить, а пренебрегать тѣмъ, что будетъ сопровождать насъ въ самую вѣчность. IV.

14. Далѣе, необходимо показать дѣтямъ, что жизнь, въ которую люди переселяются отсюда, бываетъ двоякая: блаженная—съ Богомъ и несчастная—въ аду, но что и та, и другая—вѣчны, прежде всего на примѣрѣ Лазаря и богача, коихъ души были унесены—душа перваго ангелами на небо, а послѣдняго—діаволами въ адъ; V.

15. что счастливы и пресчастливы тѣ, которые свои планы направляютъ такъ, что оказываются достойными быть перенесенными къ Богу, ибо внѣ Бога, Источника свѣта и жизни, есть только мракъ, ужасъ, мученія, непрерывное замираніе безъ смерти, такъ что лучше было бы не родиться тѣмъ, которые намѣрены удалиться отъ Бога и низвергнуться въ пропасть вѣчной погибели; VI.

16. что къ Богу будутъ перенесены всѣ тѣ, которые въ настоящей жизни ходятъ съ Богомъ (какъ напр. Енохъ и Илія, оба еще при жизни, а другіе послѣ смерти) (Бытія 5, 24 и др.); VII.

17. что съ Богомъ ходятъ тѣ, которые имѣютъ Его предъ глазами, боятся Его и соблюдаютъ Его заповѣди. Это и есть все для человѣка (Экклез. 12, 13), то все, о которомъ сказалъ Христосъ: «одно только нужно» (Лук. 10, 42). Пусть же всѣ христіане учатся имѣть это въ устахъ и сердцѣ своемъ, чтобы они никогда не отдавались чрезмѣрно заботамъ объ этой жизни подобно Мароѣ. VIII.

18. Слѣдовательно, пусть привыкаютъ они все, что видятъ, слышатъ, осязаютъ, дѣлаютъ и терпятъ, относить непосредственно или посредственно къ Богу. IX.

Это нужно пояснять примѣрами, именно, что тѣ, которые предаются научнымъ занятіямъ и созерцательной жизни, должны дѣлать это для того, чтобы созерцать распространенное повсюду божественное могущество, премудрость и благость и чрезъ то воспламеняться любовью къ Богу, и въ этой любви все тѣснѣе и тѣснѣе соединяться съ Нимъ, такъ чтобы во вѣки не могли быть отторгнуты отъ Него; что тѣ, которые берутся за внѣшніе труды: земледѣліе, ремесла и т. п., правда, ищутъ хлѣба и прочихъ необходимыхъ для жизни вещей, но ищутъ этого для того, чтобы могли покойно жить, а жить покойно они должны для того, чтобы со спокойнымъ и радостнымъ чувствомъ служить Богу и чрезъ это служеніе быть угодными Ему, а, сдѣлавшись угодными Ему, на вѣки соединиться съ Нимъ, и что тѣ, которые занимаются этими дѣлами съ другою цѣлью, удаляются отъ воли Божіей и отъ Самого Бога.

X. 19. Пусть же христіане съ ранняго возраста пріучаются какъ можно больше заниматься тѣмъ, что непосредственно приводитъ къ Богу: чтеніемъ св. Писанія, участіемъ въ богослуженіи и внѣшними добрыми дѣлами. Ибо чтеніе св. Писанія пробуждаетъ и поддерживаетъ мысль о Богѣ, а участіе въ богослуженіи даетъ человѣку возможность чувствовать присутствіе Бога и связываетъ его съ Нимъ; добрыя же дѣла укрѣпляютъ эту связь, потому что они показываютъ намъ, что мы дѣйствительно поступаемъ по заповѣдямъ Божіимъ. Эти три привычки должны быть серьезно прививаемы всѣмъ ищущимъ благочестія (каковы всѣ христіанскіе юноши, какъ посвященные Богу чрезъ крещеніе).

XI. 20. Поэтому св. Писаніе должно быть альфой и омегой для христіанскихъ школъ. Что сказалъ Гиперій [52]) о богословѣ, что «онъ рождается отъ писанія», тому, какъ мы видимъ, апостолъ Петръ далъ болѣе широкое толкованіе, говоря, что «сыны Божіи рождаются отъ нетлѣннаго сѣмени, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго въ вѣкъ» (1 Петр. 1, 23). Слѣдовательно, въ христіанскихъ школахъ эта божественная книга должна имѣть преимущество передъ всѣми другими книгами для того, чтобы, по примѣру Тимоѳея, всѣ, рѣшительно всѣ христіанскіе юноши,

съ дѣтства зная священныя писанія, умудрялись во спасеніе (2 Тимоѳ. 3, 15), питаемые словами вѣры (1 Тимоѳ. 4, 6). Прекрасно разсуждалъ объ этомъ въ свое время уже Эразмъ [83]) въ своемъ «Параклезисѣ», т. е. приглашеніи изучать христіанскую философію. «Св. Писаніе, говоритъ онъ, годится всѣмъ въ одинаковой степени. Оно опускается до малыхъ дѣтей и примѣняется къ ихъ мѣркѣ, питая ихъ молокомъ, согрѣвая и поддерживая ихъ, дѣлая все, пока мы не возрастемъ во Христѣ. Съ другой стороны, оно такъ же доступно самымъ низшимъ, какъ и вызываетъ удивленіе самыхъ высшихъ. Для малыхъ оно мало, для великихъ оно въ высшей степени велико. Никакого возраста, никакого пола, никакой доли, никакого положенія оно не отвергаетъ. Солнце здѣсь на землѣ не въ такой мѣрѣ общедоступно всѣмъ, какъ ученіе Христово. Оно никого рѣшительно не удаляетъ отъ себя, развѣ кто самъ, себѣ же на зло, не хочетъ приблизиться къ нему». Къ этому Эразмъ прибавляетъ: «О, если бы оно было переведено на всѣ языки всѣхъ народовъ, такъ что не только шотландцы и ирландцы, но и турки и сарацины могли бы читать его и познакомиться съ нимъ! Пускай многіе посмѣялись бы при этомъ, а все таки нѣкоторые увлеклись бы имъ. О, если бы земледѣлецъ могъ, управляя плугомъ, напѣвать себѣ что нибудь изъ него! о, если бы ткачъ могъ подпѣвать въ тактъ своему колесу что нибудь отсюда, а путникъ притчами изъ него облегчать себѣ скуку путешествія! о, если бы всѣ разговоры христіанъ начинались съ него! Ибо мы таковы, каковы наши ежедневные разговоры. Пусть каждый постигаетъ въ немъ, сколько можетъ, и выражаетъ то, что можетъ. Кто отсталъ, пусть не завидуетъ тому, кто ушелъ впередъ; кто оказался впереди, пусть ободряетъ отстающаго, а не презираетъ его. Зачѣмъ мы будемъ общее всѣмъ исповѣданіе ограничивать немногими?» И уже почти въ концѣ онъ говоритъ: «И такъ, всѣ мы, которые при кре-

щеніи присягали въ вѣрности Христу (если только мы клялись искренно), должны бы уже въ объятіяхъ родителей и среди ласкъ кормилицъ проникаться ученіемъ Христовымъ. Ибо глубже всего проникаетъ и крѣпче всего держится то, что съ самаго начала всосалъ въ себя необожженный еще сосудецъ духа. Пусть первый лепетъ возвѣщаетъ Христа, на Его Евангеліяхъ пусть образуется раннее дѣтство, и я желалъ бы, чтобы Его представляли съ самаго начала такъ, чтобы дѣти полюбили Его. Этими упражненіями пусть они и потомъ занимаются до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ, незамѣтно возрастая, не созрѣетъ въ сильнаго во Христѣ мужа. Счастливъ тотъ, кого смерть застигаетъ за этой наукой! И такъ, этой науки всѣ мы должны жаждать полнымъ сердцемъ, ее должны постигать, ею постоянно заниматься, ее цѣловать, наконецъ, надъ ней умирать и по ней преобразоваться, такъ какъ занятія переходятъ въ нравы [84]) и т. д.». Тотъ же Эразмъ въ своемъ «Сокращенномъ курсѣ богословія» говоритъ: «Было бы очень разумно, по моему мнѣнію, заучивать наизусть божественныя книги слово въ слово, даже не понимая ихъ, какъ совѣтуетъ Августинъ [85])», и т. д.
И такъ, пусть вообще въ христіанскихъ школахъ раздается
N. B. голосъ не Плавта, не Теренція, не Овидія [86]), не Аристотеля,
N. B. но Моисея, Давида, Христа; и пусть придумываются способы, съ помощью которыхъ посвященное Богу юношество [а всѣ дѣти христіанъ святы (1 Коринѳ. 7, 14)] знало Библію со-
N. B. вершенно такъ, какъ азбуку. Ибо какъ вся рѣчь составляется изъ звуковъ и письменныхъ знаковъ, такъ и изъ начатковъ божественныхъ наукъ воздвигается цѣлое зданіе религіи и благочестія.

XII. 21. Все заучиваемое изъ Писанія должно имѣть отношеніе къ вѣрѣ, любви или надеждѣ.

Ибо вѣра, любовь и надежда суть тѣ высшіе классы, къ которымъ относится все, что Богу благоугодно было открыть намъ въ Своемъ словѣ. Именно, одно Онъ открываетъ для того, чтобы мы знали; другое Онъ заповѣдуетъ,

чтобы мы исполняли; третье Онъ обѣщаетъ, чтобы мы ожидали отъ Его благоволенія въ настоящей и будущей жизни. И во всемъ Писаніи не встрѣчается ничего такого, что не имѣло бы отношенія къ одному изъ этихъ главныхъ пунктовъ. Слѣдовательно, всѣ должны научиться понимать это, чтобы умѣть разумно разбираться въ божественныхъ указаніяхъ.

22. Вѣрѣ, любви и надеждѣ слѣдуетъ учить для примѣненія ихъ къ дѣлу. XIII.

Ибо воспитывать дѣятельныхъ, а не разсуждающихъ только христіанъ нужно съ самаго начала воспитанія, если мы дѣйствительно желаемъ имѣть христіанъ. Религія есть нѣчто живое, а не нарисованное; слѣдовательно, она должна проявить свою жизненность въ дѣйствіи, точно такъ же, какъ живое сѣмя, брошенное въ хорошую почву, скоро пускаетъ ростки. Поэтому Писаніе требуетъ дѣятельной вѣры (Гал. 5, 6), вѣру же безъ дѣлъ называетъ мертвою (Іак. 2, 20); оно требуетъ также живой вѣры (I Петр. 1, 3). Отсюда въ законѣ очень часто попадается выраженіе: то, что открывается, открывается по волѣ Божіей для того, чтобы мы исполняли его. И Христосъ говоритъ: «если это знаете, блаженны вы, если исполняете» (Іоан. 13, 17).

23. Научиться же вѣрѣ, любви и надеждѣ для примѣненія ихъ къ дѣлу они легко могутъ, если ихъ (и при томъ всѣхъ) будутъ пріучать твердо вѣрить во все, что Богъ открываетъ, исполнять все, что Онъ повелѣваетъ, и надѣяться на все, что Онъ обѣщаетъ. Надо указывать и тщательно напечатлѣвать въ сердцахъ юношей, что они, если желаютъ, чтобы слово Божіе стало для нихъ силою Божіей ко спасенію, должны приносить смиренное и преданное сердце, готовое всегда, вездѣ и во всемъ подчиняться Богу и даже дѣйствительно подчиняющееся Ему. Ибо какъ солнце ничего не раскрываетъ своимъ свѣтомъ тому, кто не хочетъ открыть глазъ, и какъ придвинутыя блюда не насыщаютъ того, кто отказывается ѣсть: такъ и божественный свѣтъ, который подается духу, и правила, данныя для нашихъ дѣйствій, и блаженство, которое обѣщано боящимся Бога, останутся напрасными, если мы не захотимъ XIV.

принять этого съ твердою вѣрою, горячей любовью и крѣпкою надеждой. Такъ Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, довѣряя словамъ Божіимъ, вѣрилъ даже въ невѣроятное для разума; слѣдуя повелѣніямъ Божіимъ, онъ дѣлалъ то, что для плотскаго человѣка было тяжелѣе всего (какъ напр. навсегда покинуть родину, принести въ жертву сына и т. п.), и, полагаясь на обѣтованія Божіи, надѣялся даже тогда, когда не было основанія ему надѣяться. И эта вѣра, столь живая и дѣятельная, была вмѣнена ему въ оправданіе. Нужно внушать всѣмъ, кто предается Богу, чтобы и они испытали это на самихъ себѣ и постоянно наблюдали это на себѣ.

XV. 24. Все, чему еще сверхъ Писанія обучаютъ христіанское юношество (науки, искусства, языки и т. д.), слѣдуетъ излагать, подчиняя это Писанію, именно съ тою цѣлію, чтобы учащіеся могли вездѣ замѣчать и ясно видѣть, что все, что не имѣетъ отношенія къ Богу и будущей жизни, есть одна суета.
N. B. 1. Древніе восхваляютъ Сократа за то, что онъ отвлекъ философію отъ безплодныхъ и тернистыхъ разсужденій и привелъ къ
N. B. 2. ученію о нравственности. И апостолы признавали своею задачею отвлекать христіанъ отъ пустыхъ и запутанныхъ вопросовъ о законѣ и призывать ихъ къ сладкой любви Христа
N. B. 3. (1 Тимоѳ. 1. 5, 6, 7 и т. д.), какъ и нѣкоторые изъ современныхъ благочестивыхъ богослововъ отвлекаютъ отъ запутанныхъ и болѣе разрушающихъ, чѣмъ созидающихъ Церковь, вопросовъ къ заботамъ о совѣсти и христіанской дѣятельности. О, еслибы Богъ сжалился надъ нами и помогъ намъ найти общій разумный способъ съ успѣхомъ научиться тому, какъ мы можемъ относить къ Богу все, что кромѣ Бога занимаетъ человѣческій умъ, и направлять всѣ занятія настоящей жизни, въ которыхъ запутывается и погружается міръ, на стремленія къ небесной жизни! Это была бы дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ священная лѣстница, по которой нашъ духъ безпрепятственно восходилъ бы чрезъ всѣ условія существованія и всѣ случайности къ высшему и вѣчному Властителю всего, Источнику истиннаго блаженства!

25. Всѣ должны быть также пріучаемы самымъ искреннимъ образомъ предаваться богопочитанію—внутреннему и внѣшнему, чтобы внутреннее богопочитаніе не охладѣло безъ внѣшняго, а внѣшнее безъ внутренняго не превратилось въ чистую внѣшность. XVI.

Внѣшнее богопочитаніе состоитъ въ бесѣдахъ о Богѣ, въ проповѣданіи и слушаніи слова Божія, въ молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ, въ прославленіи чрезъ священныя пѣснопѣнія, въ совершеніи таинствъ и другихъ священныхъ общественныхъ и домашнихъ обрядовъ. Внутреннее же богопочитаніе состоитъ въ постоянномъ помышленіи о присутствіи*) Божіемъ, въ страхѣ Божіемъ и любви къ Богу, въ самоотреченіи и преданности волѣ Божіей, т. е. въ готовности исполнять и терпѣть все, что угодно Богу. Внѣшнее и внутреннее богопочитаніе надо соединять, а не раздѣлять одно отъ другаго, не только потому, что справедливость требуетъ, чтобы мы прославляли Бога и тѣломъ, и духомъ, которые Ему принадлежатъ (1 Корииө. 6, 20), но также и потому, что ихъ нельзя разъединять безъ опасности. И дѣйствительно, Богъ отвергаетъ внѣшніе обряды безъ внутренней правды: «кто требуетъ этого отъ вашихъ рукъ?» и т. д. (Исаія. 1 гл. и въ другихъ мѣстахъ) именно потому, что «Богъ есть духъ и хочетъ, чтобы Ему поклонялись въ духѣ и истинѣ» (Іоанн. 4). Но, съ другой стороны, такъ какъ мы не чисто духовны, но и тѣлесны и чувственны, то необходимо время отъ времени будить наши чувства извнѣ для исполненія того, что должно совершаться внутри, въ духѣ и истинѣ. И потому Богъ, хотя и требуетъ преимущественно внутренняго, но въ тоже время узаконилъ и внѣшнее и хочетъ, чтобы оно соблюдалось. Самъ N. B. Христосъ, хотя и освободилъ новозавѣтное богопочитаніе отъ внѣшнихъ обрядовъ и училъ, что Богу надо служить въ духѣ и истинѣ, однако молился Отцу, наклоняя лицо, и въ такой молитвѣ проводилъ иногда цѣлыя ночи, посѣщалъ священныя собранія, слушалъ и вопрошалъ учителей закона, проповѣдывалъ слово, воспѣвалъ

*) Въ подлинникѣ очевидно опечатка: praesentia, вм. praesentiae.

хвалебныя пѣсни и т. д. Итакъ, воспитывая юношество въ религіозномъ направленіи, будемъ воспитывать ихъ вполнѣ, во внѣшнемъ и внутреннемъ отношеніи, чтобы не образовать изъ нихъ или лицемѣровъ, т. е. поверхностныхъ, воображаемыхъ, нарисованныхъ, притворныхъ, а не истинныхъ почитателей Бога, или фанатиковъ, которые, увлекаясь своими мечтами и презирая внѣшнее служеніе, разрушаютъ церковный порядокъ и церковное благолѣпіе, или, наконецъ, людей равнодушныхъ, если внѣшняя сторона не будетъ затрогивать внутренняго, а внутреннее не будетъ придавать жизни внѣшнему.

XVII. 26. Къ внѣшнимъ, свыше заповѣданнымъ, дѣйствіямъ слѣдуетъ пріучать дѣтей для того, чтобы они знали, что быть истиннымъ христіаниномъ значитъ доказать свою вѣру дѣлами.

Къ дѣламъ такого рода относятся никогда непрерываемые подвиги воздержанія, справедливости, милосердія, терпѣнія. Ибо, если вѣра наша не приноситъ такихъ плодовъ, то она оказывается мертвой (Іак. 2). Но она должна быть живою, если она спасительна.

XVIII. 27. Слѣдуетъ также учить дѣтей точно различать цѣли благодѣяній и судовъ Божіихъ, для того, чтобы они умѣли надлежащимъ образомъ пользоваться всякимъ изъ нихъ и ни однимъ изъ нихъ не злоупотреблять.

Фульгенцій [57]) (2 письмо къ Галлѣ) раздѣляетъ благодѣянія Божіи на три рода. «Нѣкоторыя, говоритъ онъ, будутъ продолжаться вѣчно; другія служатъ къ достиженію вѣчности; наконецъ, третьи служатъ только для нуждъ настоящей жизни. Къ первому роду принадлежатъ: познаніе Бога, радость во св. Духѣ и разливающаяся въ нашихъ сердцахъ любовь къ Богу. Ко второму роду, по его словамъ, принадлежатъ: вѣра, надежда и милосердіе къ ближнему. Къ третьему—здоровье, богатство, друзья и прочія внѣшнія блага, которыя сами по себѣ не дѣлаютъ человѣка ни счастливымъ, ни несчастнымъ.» Такимъ же образомъ слѣдуетъ учить дѣтей, что суды Божіи, т. е. наказанія, бываютъ троякаго рода. Нѣкоторые (которыхъ Богъ

опредѣлилъ пощадить въ вѣчномъ царствѣ) здѣсь подвергаются наказанію и несутъ свой крестъ съ тѣмъ, чтобы очиститься и обѣлиться (Дан. 11, 35; Апок. 7, 14), какъ напр. Лазарь. Другимъ здѣсь дается пощада, чтобы они вѣчно несли наказаніе, какъ напр. богачъ. Для иныхъ наказаніе здѣсь только начинается съ тѣмъ, чтобы продолжаться вѣчно, какъ напр. наказаніе Саула, Антіоха, Ирода, Іуды и др. Слѣдовательно, надо учить людей все различать, чтобы они, увлекшись чувственными благами, не предпочитали того, что принадлежитъ только настоящему времени, и чтобы они страшились не столько настоящихъ золъ, сколько геенны, и боялись главнымъ образомъ не убивающихъ только тѣло и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать, а Того, Кто можетъ и тѣло погубить, и душу ввергнуть въ геенну (Лук. 12).

28. Надо также напоминать имъ, что самый безопасный путь жизни—путь креста, и что поэтому и Христосъ, Вождь жизни, первый прошелъ по этому пути и другихъ призывалъ на этотъ путь, и этимъ же путемъ Онъ ведетъ тѣхъ, къ которымъ особенно благоволитъ. XIX.

Тайна нашего спасенія завершилась крестомъ и состоитъ въ крестѣ, такъ какъ имъ умерщвляется ветхій Адамъ для того чтобы жилъ новый, созданный по Богу. Поэтому кого Богъ любитъ, тѣхъ Онъ и наказуетъ и какъ бы распинаетъ на крестѣ вмѣстѣ со Христомъ, чтобы, воскресивъ ихъ вмѣстѣ со Христомъ, помѣстить ихъ одесную у Себя въ «горнихъ». Это слово о крестѣ, хотя есть сила Божія для спасенія вѣрующихъ, однако для плоти оно—безуміе и соблазнъ (I Коринѳ. 1,18), такъ что вполнѣ необходимо хорошо и хорошо запечатлѣвать это въ умахъ христіанъ, чтобы они видѣли, что они не могутъ быть учениками Христа, если не отвергнутъ самихъ себя и не подставятъ свои плечи, чтобы понести крестъ Христовъ (См. Лук. гл. 14, ст. 25, 26 и т. д. до конца), и не будутъ готовы въ теченіе всей своей жизни слѣдовать туда, куда ихъ поведетъ Богъ.

29. Но надо позаботиться и о томъ, чтобы дѣти, пока ихъ всему этому учатъ, не встрѣчали никакихъ, противорѣчащихъ этому, примѣровъ. XX.

Именно, надо принять мѣры, чтобы дѣти не слышали и не видѣли богохульствъ, клятвопреступленій и всевозможныхъ поруганій имени Божія и прочихъ примѣровъ нечестія, а скорѣе замѣчали повсюду, куда бы они ни обращались, благоговѣніе предъ волею Божіею, соблюденіе религіозныхъ предписаній и заботу о совѣсти. А если произойдетъ что нибудь несогласное съ этимъ дома или въ школѣ, то надо дать дѣтямъ почувствовать, что это не проходитъ безнаказаннымъ, но строго карается, для того, чтобы наказаніемъ за оскорбленіе Божества, всегда болѣе строгимъ, нежели какое налагается за ошибки противъ Присціана [58]), или другой внѣшній проступокъ, показать имъ, чего прежде всего и больше всего слѣдуетъ остерегаться.

XXI. 30. Наконецъ, такъ какъ мы при настоящей испорченности міра и своей природы никогда не совершенствуемся такъ, какъ должны бы, а если немного и успѣваемъ въ этомъ, то наша развращенная плоть опять легко впадаетъ въ самодовольство и духовную гордость, откуда возникаетъ величайшая опасность для нашего спасенія (потому что Богъ противится гордымъ); то нужно своевременно внушать всѣмъ христіанамъ, что наши хорошія стремленія и добрыя дѣла, по причинѣ своего несовершенства, ничто, если на помощь къ намъ не приходитъ съ Своимъ совершенствомъ Христосъ, Агнецъ Божій, берущій на Себя грѣхи міра, въ Которомъ одномъ благоволеніе Отца и т. д., и что, слѣдовательно, Его должно призывать и на Него одного уповать.

Только такимъ образомъ мы обезпечимъ себѣ надежду на собственное спасеніе и спасеніе близкихъ намъ, когда обоснуемъ ее на Христѣ, на томъ Краеугольномъ Камнѣ, Который есть не только верхъ всякаго совершенства на небѣ и на землѣ, но и единственный Начальникъ и Совершитель вѣры, любви, надежды и нашего спасенія. Ибо Отецъ для того и послалъ Его съ неба, чтобы Онъ, сдѣлавшись Эммануиломъ (Богочеловѣкомъ), снова соединилъ людей съ Богомъ и, живя въ принятомъ на Себя человѣческомъ образѣ въ высшей степени свято, представилъ

людямъ образецъ жизни въ Богѣ, а, умирая невинно, искупилъ Собою вины міра и омылъ насъ Своею кровію отъ нашихъ грѣховъ; наконецъ, чтобы Онъ Своимъ воскресеніемъ показалъ, что смерть побѣждена Его смертію, и, вознесшись на небо и ниспосылая оттуда Св. Духа, залогъ нашего спасенія, чрезъ Него и обиталъ въ насъ, какъ въ Своемъ храмѣ, и руководилъ нами, и даже охранялъ насъ для спасенія, пока мы боремся, а потомъ воскресилъ насъ и взялъ къ Себѣ, чтобы и мы были тамъ, гдѣ Онъ, и созерцали Его славу, и т. д.

31. Этому единому и вѣчному Спасителю всѣхъ, съ Отцомъ и Св. Духомъ, да будетъ хвала, и честь, и благословеніе, и слава во вѣки вѣковъ.—Аминь.

32. А теперь необходимо начертать подробный планъ, какъ правильнѣе привести все это въ исполненіе по всѣмъ классамъ школъ.

Глава XXV.

Если мы желаемъ полнаго преобразованія школъ по истиннымъ началамъ истиннаго христіанскаго ученія, то сочиненія языческихъ писателей слѣдуетъ или совершенно устранить или, по крайней мѣрѣ, обращаться съ ними осторожнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ [9]).

1. Неизбѣжная необходимость заставляетъ насъ подробнѣе поговорить о предметѣ, о которомъ упомянуто въ предыдущей главѣ только мимоходомъ, именно о необходимости удалить изъ школъ толпу языческихъ учителей, если мы хотимъ имѣть истинно-христіанскія школы. Мы сперва изложимъ побудительныя причины этого, а потомъ укажемъ, какія мѣры предосторожности можно примѣнить противъ этихъ мудрецовъ міра, чтобы всѣ ихъ прекрасныя мысли, слова и дѣйствія все-таки стали нашей собственностью. Съ чего здѣсь начать совѣты?

2. Проявлять ревность въ этомъ дѣлѣ побуждаетъ насъ любовь къ славѣ Божіей и человѣческому спасенію, такъ какъ мы видимъ, какъ даже лучшія христіанскія школы признаютъ Христа только по имени, а впрочемъ ихъ и съ какою ревностью по Богѣ?

любимцы одни Теренціи, Плавты, Цицероны, Овидіи, Катуллы и Тибуллы [90]), Музы и Веперы. Вслѣдствіе этого мы болѣе проникнуты духомъ міра, нежели

(Увы!) духомъ Христа, и христіанъ надо отыскивать въ средѣ христіанства. И это именно потому, что для всѣхъ образованнѣйшихъ людей, даже для представителей божественной мудрости—богослововъ Христосъ служитъ только маской, а кровь и дыханіе доставляютъ имъ Аристотель съ остальною толпою язычниковъ. Это ужасное злоупотребленіе и самое безчестное оскверненіе христіанской свободы и полное опасности дѣло.

Причины, по которымъ слѣдуетъ исключить языческія сочиненія изъ христіанскихъ школъ, а ввести въ нихъ книги божественныя. Первая причина.

3. Во-первыхъ, наши дѣти, возродившись чрезъ Св. Духа, рождены для неба; поэтому для неба же надо воспитывать и гражданъ и прежде всего знакомить ихъ съ небесными предметами: Богомъ, Христомъ, ангелами, Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ и т. д. Дѣлать это прежде всего, оставляя на это время въ сторонѣ все прочее, было бы самымъ разумнымъ дѣломъ, какъ въ виду невѣрности настоящей жизни, такъ и въ виду опасности, что иной можетъ быть похищенъ смертью не приготовившись, наконецъ, и потому, что первыя впечатлѣнія удерживаются лучше всего и (если они святы) даютъ возможность съ большею безопасностью заниматься въ послѣдующей жизни всѣмъ остальнымъ.

Вторая.

4. Во-вторыхъ, хотя Богъ въ изобиліи расточалъ Свое попеченіе объ избранномъ Своемъ народѣ, однако Онъ указалъ ему одну только школу—въ Своихъ чертогахъ, гдѣ Онъ Самого Себя назначилъ намъ Учителемъ, насъ избралъ учениками, а предметомъ ученія голосъ Своихъ пророчествъ. Ибо такъ говоритъ Онъ устами Моисея: «Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть. И люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣми силами твоими. И да будутъ слова сіи, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ. И внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоемъ и идя дорогою, и ложась и вставая» и т. д.

(Второз. 6, 4 и т. д.). И чрезъ Исаію Онъ говоритъ: «Я Господь Богъ твой, научающій тебя полезному, ведущій тебя по тому пути, по которому должно тебѣ итти» (Исаія 48, 17); а также: «не долженъ ли народъ обращаться къ своему Богу?» (гл. 8, ст. 19). И Христосъ говоритъ: «Изслѣдуйте Писанія» (Іоанн. 5, ст. 39).

5. А что это Его слово есть также лучезарнѣйшій свѣтъ для нашего разума и совершеннѣйшее правило для нашихъ дѣйствій, и что въ томъ и другомъ вполнѣ достаточная опора для нашей слабости, это Онъ достаточно засвидѣтельствовалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ, Я научилъ васъ постановленіямъ и законамъ! И такъ, храните и исполняйте ихъ, ибо въ этомъ мудрость ваша и разумъ вашъ предъ глазами народовъ, которые, услышавъ о всѣхъ сихъ постановленіяхъ, скажутъ: только этотъ народъ мудръ и разуменъ!» (Второз. 4, 5, 6). И Іисусу (Навину) Онъ такъ заповѣдуетъ: «Да не отходитъ сія книга закона отъ устъ твоихъ; но поучайся въ ней день и ночь: тогда ты будешь успѣшенъ въ путяхъ твоихъ и будешь поступать благоразумно» (Іис. Н. 1, 8) А чрезъ Давида: «Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу: откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ» (Псал. 18, 8). Наконецъ, Апостолъ свидѣтельствуетъ, что «Писаніе Богодухновенно и полезно для наученія и т. д., да будетъ совершенъ Божій человѣкъ» (2 Тимоѳ. 3, 16, 17). Это равнымъ образомъ признавали и высказывали и мудрѣйшіе изъ людей (само собою разумѣется, истинно просвѣщенные христіане). Такъ Златоустъ [91]) говоритъ: «Все, чему или необходимо учиться, или чего не надо знать, мы узнаемъ изъ Писанія». Кассіодоръ [92]): «Небесною школою, жизненнымъ знаніемъ, аудиторіей истины, несомнѣнно единственной наукой служитъ Писаніе, которое внушаетъ ученикамъ плодотворныя чувства, а не пустую заманчивость словъ». Третья.

6. А ученіе язычниковъ и ихъ обычаи Богъ прямо запретилъ Своему народу: «не учитесь путямъ язычниковъ» (говоритъ Іеремія 10, 2). Также: «Развѣ нѣтъ Бога въ Из- Четвертая.

ранлѣ, что вы идете вопрошать Вельзевула, божество Аккаронское?» (4 Царствъ 1, 3).—«Не долженъ ли народъ обращаться къ своему Богу? спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ? Обращайтесь скорѣе къ закону и откровенію. Если они не говорятъ, какъ это слово, то нѣтъ въ нихъ свѣта» (Исаія 8, 19. 20). А почему такъ? Именно потому, что «всякая премудрость—отъ Господа и съ Нимъ пребываетъ во вѣкъ»; въ другомъ мѣстѣ: «Кому открытъ корень премудрости?» (Сираховъ сынъ I. 1, 6). Правда, «позднѣйшіе видѣли свѣтъ и жили на землѣ, но пути мудрости не познали и не уразумѣли стезей ея» и т. д. «Не было слышно о ней въ Ханаанѣ, и не было видно ея въ Ѳеманѣ. Сыновья Агари искали земнаго знанія, равно и купцы Мерры и Ѳемана, и баснословы и изслѣдователи знанія, но пути премудрости не познали. Но Знающій все знаетъ ее. Онъ нашелъ всѣ пути премудрости и даровалъ ее отроку Своему Іакову и возлюбленному Своему Израилю» (Варухъ гл. 3, ст. 20, 21, 22, 23, 32, 37). «Не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу, и судовъ Его они не знаютъ» (Псал. 147, 9).

Пятая. 7. Поэтому, если иногда народъ Божій уклонялся отъ Его закона и склонялся на приманки человѣческой фантазіи, то Богъ обыкновенно укорялъ его не только за безуміе,—за то, что онъ «оставилъ источникъ премудрости» (Варухъ 3, 12),—но и за двойное зло: за то, что «оставили источникъ живой воды и высѣкли себѣ водоемы разбитые, которые не могутъ держать воды» (Іеремія, 2, 13). Жалуясь также чрезъ Осію, что Его народъ имѣетъ слишкомъ тѣсныя сношенія съ язычниками, Онъ прибавляетъ: «Многократныя предостереженія, которыя Я далъ ему относительно закона Моего, сочтены имъ какъ бы чужія» (Осія 8, 12). А что другое, къ сожалѣнію нашему, дѣлаютъ тѣ христіане, которые и днемъ, и ночью не выпускаютъ изъ рукъ языческихъ книгъ, а о св. Писаніи нисколько не заботятся, какъ бы о посторонней вещи, которая ихъ не касается, тогда какъ это не пустая вещь, которою можно

было бы безнаказанно пренебрегать, но это сама жизнь наша, по свидѣтельству Божію (Второз. 32. 47).

8. Поэтому истинная Церковь и истинные поклонники Бога нигдѣ больше и не искали школы, какъ только въ словѣ Божіемъ, въ изобиліи почерпая отсюда истинную и небесную мудрость, которая выше всякой мірской. Такъ Давидъ говоритъ о себѣ: «Заповѣдью Твоею Ты содѣлалъ меня мудрѣе враговъ моихъ. Я сталъ разумнѣе всѣхъ учителей моихъ, ибо размышляю объ откровеніяхъ Твоихъ» (Псал. 118, 98 и т. д.). Подобнымъ образомъ и Соломонъ, мудрѣйшій изъ смертныхъ, сознается: «Господь даетъ мудрость; изъ устъ Его—знаніе и разумъ» (Притчи 2, 6). И Сынъ Сираховъ свидѣтельствуетъ (въ предисловіи къ своей книгѣ), что его мудрость, несомнѣнно столь прекрасная, почерпнута изъ чтенія закона и пророковъ (?). Отсюда тѣ выраженія восторга святыхъ, такъ какъ они видѣли свѣтъ во свѣтѣ Божіемъ (Псал. 35, 10): «Счастливы мы, Израиль, что мы знаемъ, что благоугодно Богу» (Варухъ, 4, 4). «Господи! къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 68). Шестая.

9. Примѣры всѣхъ вѣковъ показываютъ, что, всякій разъ какъ Церковь удалялась отъ этихъ источниковъ Израиля, это дѣлалось поводомъ къ отпаденію и заблужденіямъ. Относительно Израильской церкви это довольно извѣстно изъ жалобъ пророковъ. Что же касается христіанской Церкви, то изъ исторіи можно видѣть, что, пока апостолы и апостольскіе мужи настаивали на изученіи одного только евангельскаго ученія, до тѣхъ поръ сохранялась и чистота вѣры; но какъ скоро въ Церковь устремились толпами язычники, и первоначальная ревность и вниманіе къ отдѣленію чистаго отъ нечистаго охладѣли, и поэтому стали [93]) читать языческія сочиненія сперва, правда, дома, а вскорѣ затѣмъ и публично, то вотъ мы и видимъ, какая затѣмъ настала смѣсь и путаница въ ученіяхъ. Ключъ знанія былъ потерянъ именно для тѣхъ, которые хвастались, что онъ только у нихъ однихъ; отсюда вмѣсто членовъ символа вѣры явились безконечныя личныя измышленія, а отсюда раздоры и споры, Седьмая.

которымъ и конца еще не видно; вслѣдствіе этого любовь охладѣла и благочестіе угасло, и такимъ образомъ подъ именемъ христіанства снова ожило и господствуетъ язычество. Ибо должна была исполниться угроза Господа Іеговы, что для тѣхъ, которые «не заботятся говорить, какъ слово Божіе, не наступитъ утренній свѣтъ» (Исаія 8, 20?). Поэтому «навелъ на нихъ Господь духъ усыпленія и сомкнулъ глаза ихъ, да будетъ всякое пророчество для нихъ тоже, что слова въ запечатанной книгѣ и т. д., потому что они боятся Бога по заповѣдямъ и ученіямъ человѣческимъ» (Исаія 29. 10, 11, 13). О, какъ вѣрно исполняется на нихъ также то, что свидѣтельствовалъ Св. Духъ о языческихъ философахъ, что они «осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце» (Римл. 1, 21). Поэтому, если Церковь должна снова благополучно очиститься отъ скверны, то не остается другаго, болѣе вѣрнаго пути, какъ если мы, оставивъ соблазнительныя измышленія людей, возвратимся къ единственно чистымъ источникамъ Израиля и отдадимъ себя и дѣтей нашихъ въ наученіе и руководство Богу и Его слову. Тогда только исполнится то, что предсказано: «всѣ сыновья Церкви будутъ научены Господомъ» (Исаія 54, 13).

Восьмая. 10. Несомнѣнно, что и наше высокое положеніе какъ христіанъ (ибо чрезъ Христа мы стали дѣтьми Божіими, царскимъ священствомъ и наслѣдниками будущаго вѣка) не позволяетъ намъ до такой степени пренебрегать и бросать на произволъ судьбы себя самихъ и нашихъ дѣтей, чтобы мы продолжали вести столь близкое знакомство съ нечистыми язычниками и наслаждаться ими. Вѣдь, не принято же давать въ воспитатели сыновьямъ царей и вельможъ льстецовъ, шутовъ и скомороховъ, а берутъ для этого людей серьезныхъ, умныхъ и благочестивыхъ. А мы не краснѣемъ отъ стыда, давая въ воспитатели дѣтямъ Царя царей, братьямъ Христа, наслѣдникамъ вѣчности, шутливаго Плавта, развязнаго Катулла, непристойнаго Овидія, безбожнаго насмѣшника Лукіана [94]), грязнаго Марціала [95]) и другихъ изъ этой шайки, лишенной понятія объ истинномъ Богѣ и страха Божія, людей, которые, какъ

сами жили безъ надежды на лучшую жизнь и только погрязли въ тинѣ настоящей жизни, такъ неизбѣжно вовлекаютъ съ собою въ ту же грязь и тѣхъ, кто имѣетъ съ ними общеніе. Довольно, ахъ, довольно уже бѣсились мы, христіане! Пора положить этому конецъ! Богъ призываетъ насъ къ лучшему, и Его призыву необходимо послѣдовать. Христосъ, Вѣчная Премудрость Божія, открылъ для сыновъ Божіихъ въ Своемъ домѣ школу, въ которой ректоромъ и высшимъ начальникомъ является Самъ Св. Духъ, а профессорами и учителями—пророки и апостолы, всѣ одаренные истинною мудростью, всѣ и словомъ, и примѣромъ ясно указывающіе путь къ истинѣ и спасенію, всѣ святые люди; въ которой учениками являются одни избранники Божіи, первенцы изъ людей, искупленные для Бога и Агнца, а надзирателями и сторожами—ангелы и архангелы, начальства и власти на небесахъ (Ефес. 3, 10). То, что здѣсь предлагается, даетъ знаніе, которое по своей истинности, вѣрности и совершенству выше всѣхъ человѣческихъ умозаключеній и простирается на всѣ нужды настоящей и будущей жизни. Ибо одни уста Божіи суть тотъ источникъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ ручейки истинной мудрости; только лицо Божіе есть тотъ факелъ, отъ котораго распространяются лучи истиннаго свѣта; только слово Божіе есть тотъ корень, изъ котораго пробиваются ростки истиннаго разумѣнія. Поэтому блаженны тѣ, которые созерцаютъ лицо Божіе, внимаютъ Его устамъ, воспринимаютъ сердцемъ Его слова, потому что это единственный, истинный и вѣрный путь къ истинной и вѣчной мудрости и кромѣ него нѣтъ другаго пути. Школа Божія. N.B.

11. Нельзя также пройти молчаніемъ, какъ строго Богъ запрещалъ Своему народу пользоваться наслѣдіемъ, остававшимся послѣ язычниковъ, и какія были послѣдствія того, когда онъ не обращалъ вниманія на эту угрозу. «И будетъ Господь, Богъ твой, изгонять предъ тобою народы сіи и т. д. Кумиры боговъ ихъ сожги огнемъ; не пожелай взять себѣ серебра или золота, изъ кото- Девятая.

рыхъ они сдѣланы, и ничего изъ нихъ не бери себѣ [96]), дабы это не было для тебя сѣтью, ибо это мерзость для Господа, Бога твоего. Не вноси мерзости въ домъ твой, дабы не подпасть заклятію, какъ она» (Второз. 7, 22, 25, 26). И въ главѣ 12: «Когда Господь Богъ твой истребитъ отъ лица твоего народы, тогда берегись, чтобы ты не попалъ въ сѣть, послѣдуя имъ, по истребленіи ихъ отъ лица твоего, и не искалъ боговъ ихъ, говоря: какъ служили народы сіи богамъ своимъ, такъ буду и я дѣлать. Но что я заповѣдую тебѣ, это только старайся исполнять; не прибавляй къ тому и не убавляй отъ того» (Второз. 12, 29 и т. д.). И хотя Іисусъ напоминалъ объ этомъ Евреямъ послѣ побѣды и совѣтовалъ отвергнуть чужихъ боговъ (Іис. Нав. 24, 23), но такъ какъ они все-таки не послушались, то эти языческіе остатки и сдѣлались для нихъ сѣтью, такъ что они безпрестанно впадали въ идолопоклонство вплоть до разрушенія обоихъ царствъ. Не пора ли и намъ опомниться и сдѣлаться осторожнѣе на основаніи чужаго примѣра?

Книги язычниковъ—тѣже кумиры.

12. Но книги не кумиры же, скажетъ кто нибудь. Отвѣчаю: все-таки это остатки тѣхъ народовъ, которые Господь Богъ нашъ истребилъ предъ лицомъ своего христіанскаго народа, какъ и тамъ; они даже опаснѣе, чѣмъ тѣ. Ибо тамъ только тѣ запутывались въ сѣти, которыхъ сердце огрубѣло (Іер. 10, 14?), а здѣсь и мудрѣйшіе могутъ быть обольщены (Колосс. 2, 8). Тамъ были только творенія рукъ человѣческихъ (какъ обыкновенно говоритъ Богъ, укоряя идолопоклонниковъ за ихъ безуміе), а здѣсь произведенія ума человѣческаго. Тамъ помрачалъ зрѣніе блескъ золота и серебра, здѣсь умъ ослѣпляется подкупающимъ видомъ плотской мудрости. Какъ, языческія книги не кумиры? А кто же отвратилъ императора Юліана [97]) отъ Христа? Кто довелъ папу Льва X до такого безумія, что онъ считалъ историческое повѣствованіе о Христѣ за сказку? Какимъ духомъ проникшись, кардиналъ Бембо уговаривалъ Садолети [98]) не читать священныхъ книгъ, потому что «такія-де нелѣпости не приличны столь великому мужу»? Что́ и теперь еще вер-

гаетъ стольких италіанских и других ученых въ атеизмъ? О, если бы и въ преобразованной *) церкви Христовой не было людей, которыхъ Цицеронъ, Плавтъ, Овидій отвлекали бы своимъ тлетворнымъ дыханіемъ подальше отъ св. Писанія!

13. Если кто скажетъ, что это злоупотребленіе надо поставить на счетъ не предметамъ, а лицамъ, что есть также благочестивые христіане, которымъ чтеніе языческихъ писателей не приноситъ никакого вреда; то на это отвѣчаетъ Апостолъ: «Мы знаемъ, что идолъ—ничто; но не у всѣхъ такое знаніе» (т. е. умѣнье различать). И такъ, «берегитесь, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ» (1 Коринѳ 8. 4, 7, 9). И такъ, хотя милосердый Богъ предохраняетъ многихъ отъ паденія, однако мы не можемъ найти себѣ оправданія, если сознательно и добровольно терпимъ подобныя приманки (различныя измышленія человѣческаго ума, разумѣю я, или даже изобрѣтенія сатанинскаго обольщенія), прикрытыя румянами утонченности и изящества, такъ какъ несомнѣнно, что нѣкоторые и даже очень многіе даются имъ въ обманъ и завлекаются въ сѣти сатаны. Будемъ лучше угождать Богу, не будемъ вносить въ наши дома идоловъ, не будемъ помѣщать Дагона рядомъ съ Кивотомъ Завѣта, не будемъ смѣшивать премудрости, которая свыше, съ земною, животною и діавольской, наконецъ, не будемъ давать никакого повода навлечь на нашихъ дѣтей гнѣвъ Божій. Отговорки.

14. Сюда же относится, можетъ быть, и то происшествіе, которое такъ образно разсказываетъ Моисей. Когда Надавъ и Авіудъ, сыновья Аарона, будучи еще вновѣ священниками (еще не вполнѣ свѣдущіе въ своихъ обязанностяхъ), положили въ свои кадильницы, вмѣсто священнаго огня, чуждый (т. е. обыкновенный) огонь, чтобы совершить воскуреніе предъ Господомъ, то огонь Господа сжегъ ихъ, и они умерли предъ лицомъ Господнимъ (Левитъ 10, 1, 2). А развѣ дѣти христіанъ не тѣ же новые священники, уже посвященные на то, чтобы приносить Богу духовныя жертвы (1 Петр. 2, 5)? И если мы наполняемъ ихъ курильницы, т. е. ихъ умы, Иносказаніе.

*) Т. е. протестантской.

чуждымъ огнемъ, то развѣ мы не подвергаемъ ихъ силѣ гнѣва Божія? Развѣ для христіанскаго сердца не чуждо и не должно быть чуждымъ все, что почерпается изъ всякаго другаго источника, кромѣ Духа Божія? А таковы большею частію сумасбродныя выдумки языческихъ философовъ и поэтовъ, по свидѣтельству Апостола (Римл. 1, 22; Колосс. 2. 8, 9). А поэзію вполнѣ справедливо Іеронимъ называлъ виномъ демоновъ, которое опьяняетъ и усыпляетъ неосторожные умы и рисуетъ предъ ними во снѣ образы чудовищныхъ мнѣній, опасныхъ искушеній и мерзостнѣйшихъ желаній. Поэтому надо остерегаться подобныхъ чародѣйственныхъ напитковъ сатаны.

Надо подражать Ефесянамъ.

15. Если мы не будемъ повиноваться Богу, который даетъ намъ эти, болѣе безопасные, совѣты, то на судъ съ нами возстанутъ тѣ Ефесяне, которые, какъ только засіялъ для нихъ свѣтъ божественной премудрости, сожгли всѣ занимательныя книги, такъ какъ онѣ имъ, какъ христіанамъ, были уже безполезны (Дѣян. 19, 19). Также и нынѣшняя греческая Церковь. Ибо, хотя греки имѣютъ на своемъ прекрасномъ языкѣ философскія и поэтическія сочиненія еще отъ своихъ предковъ, считавшихся мудрѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ, однако она и сама отказалась отъ чтенія ихъ, и запретила это своимъ членамъ подъ страхомъ отлученія. Вслѣдствіе этого, хотя греки при наплывѣ варваровъ и впали въ невѣжество и суевѣріе, однако Богъ до сихъ поръ сохранилъ ихъ отъ противохристіанскаго потока заблужденій. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи можно вполнѣ подражать имъ (во всякомъ случаѣ присоединяя къ этому болѣе ревностное изученіе св. Писанія), чтобы легче устранить оставшійся отъ язычества мракъ заблужденій: «только въ свѣтѣ Божіемъ мы увидимъ свѣтъ» (Псал. 35, 10). И такъ: «О, домъ Іакова! Пріидите, и будемъ ходить во свѣтѣ Господнемъ!» (Исаія 2, 5).

Теперь будутъ опровергаться возраженія

16. Посмотримъ теперь, съ какими доводами человѣческій разумъ, извиваясь на подобіе змѣи, возстаетъ противъ этого, чтобы избѣжать необходимости подчиниться вѣрѣ и отдаться Богу. Приводятъ слѣдующія возраженія.

1) относительно великой му-

17. Велика мудрость, заключающаяся въ книгахъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ. Я отвѣчаю на это:

достойны мрака тѣ, которые отворачиваютъ глаза отъ свѣта. дрости язычниковъ,
Конечно, совѣ и сумерки кажутся полднемъ, но родившіяся для свѣта животныя знаютъ его иначе. О глупецъ, ищущій яснаго свѣта во мракѣ человѣческихъ умозаключеній, подними глаза вверхъ! Съ неба льется истинный свѣтъ, отъ Отца свѣтовъ. Если въ человѣческихъ измышленіяхъ и сверкаетъ что-либо или издаетъ блескъ, то это только искорки, которыя для находившихся во мракѣ, конечно, могли показаться свѣтящимися и служить чѣмъ то; но какую пользу могутъ принести эти искорки намъ, которымъ даны въ руки ярко горящіе факелы (лучезарнѣйшее слово Божіе)? Ибо, разсуждаютъ ли мудрецы о природѣ, не лижутъ ли они только стекло сосуда, а къ кашѣ и не прикасаются? [99]). Напротивъ, въ св. Писаніи Самъ Владыка природы разсказываетъ величественныя тайны о Своихъ дѣлахъ, раскрывая первыя и послѣднія основанія всѣхъ твореній, видимыхъ и невидимыхъ. Если философы говорятъ о нравственности, то они дѣлаютъ то же, что обыкновенно дѣлаютъ птички, у которыхъ крылья обмазаны птичьимъ клеемъ: онѣ усиленно машутъ ими, но никакъ не могутъ сдвинуться съ мѣста. Напротивъ, Писаніе заключаетъ въ себѣ истинныя опредѣленія добродѣтелей вмѣстѣ съ строгими, до мозга костей проникающими, увѣщаніями, а также живые примѣры на всѣ случаи. Язычники, желая научить благочестію, учатъ только суевѣрію, какъ непроникнутые истиннымъ познаніемъ Бога и Его воли. «Тьма покрываетъ землю и мракъ народы; а надъ Сіономъ восходитъ Господь; здѣсь является слава Его» (Исаія 60, 2). И такъ, хотя сынамъ свѣта и позволено было нѣкогда приходить къ дѣтямъ мрака съ тѣмъ, чтобы они, замѣтивъ разницу, тѣмъ съ большею радостью шли по пути свѣта и скорбѣли о помраченіи послѣднихъ; однако предпочитать искры этихъ нашему свѣту было бы невыносимымъ безуміемъ, оскорбительнымъ для Бога и нашей души. «Какая польза преуспѣвать въ мірскомъ ученіи и отставать въ божественномъ, слѣдовать суетнымъ измышленіямъ и пренебрегать небесными тайнами? Должно остерегаться и изъ любви къ св. Писанію избѣгать такихъ книгъ, которыя снаружи блестятъ

краснорѣчіемъ словъ, а внутри остаются лишенными добродѣтели и мудрости», говоритъ Исидоръ [100]). Вотъ слава тѣхъ книгъ: онѣ шелуха безъ зерна! Сужденіе о нихъ Филиппа Меланхтона таково: «Чему вообще учать философы въ самомъ лучшемъ случаѣ, кромѣ самоувѣренности и себялюбія? Маркъ Цицеронъ въ сочиненіи: «О высшемъ благѣ и злѣ» все ученіе о добродѣтели разсматриваетъ съ точки зрѣнія самолюбія и себялюбія. А сколько тщеславія и гордаго презрѣнія скрывается въ Платонѣ! И, какъ мнѣ кажется, едва ли возможно не заразиться какимъ-либо порокомъ отъ такой притязательности Платона, если въ чтеніе его углубится умъ, уже самъ по себѣ гордый и сильный! Ученіе же Аристотеля вообще проникнуто какою то страстью спорить, такъ что мы считаемъ его недостойнымъ занимать даже послѣднее мѣсто въ ряду писателей по нравственной философіи» (Очеркъ богословія, отдѣлъ «о грѣхѣ»).

2) относительно ихъ необходимости для изученія философіи,

18. Далѣе, говорятъ: если они невѣрно учатъ богопознанію, то все же научаютъ философіи, которой нельзя черпать изъ св. Писанія, даннаго для устроенія нашего спасенія. Отвѣчаю: источникъ премудрости— слово Бога Всевышняго (Сынъ Сирах. 1, 5). Истинная философія есть не что иное, какъ истинное познаніе Бога и Его дѣлъ, а ему вѣрнѣе всего можно научиться только изъ устъ Божіихъ. Поэтому Августинъ, перечисляя преимущества св. Писанія, включаетъ въ число ихъ и слѣдующее: «Здѣсь философія, потому что всѣ причины всѣхъ явленій природы находятся въ Богѣ, какъ Творцѣ. Здѣсь—этика, потому что добродѣтельная и нравственная жизнь слагается не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, что мы любимъ то, что достойно любви, то есть Бога и ближняго, и такъ любимъ, какъ должно любить. Здѣсь логика, потому что истина и свѣтъ разумной души—только Богъ. Здѣсь также залогъ лучшаго государственнаго благосостоянія, ибо государство наилучшимъ образомъ оберегается только тогда, когда люди преданы общему благу на основаніи и чрезъ союзъ вѣры и проч-

наго согласія; а высшее и самое истинное благо есть Богъ». И въ наше время нѣкоторые уже доказали, что основы всѣхъ философскихъ наукъ и искусствъ содержатся въ Писаніи въ большей чистотѣ, чѣмъ гдѣ либо, такъ что надо удивляться учительной силѣ Св. Духа, Который, хотя старается просвѣтить главнымъ образомъ относительно невидимаго и вѣчнаго, но въ то же время всюду раскрываетъ причины естественныхъ и искусственныхъ предметовъ и даетъ правила для всѣхъ мудрыхъ мыслей и дѣйствій. Едва тѣнь всего этого можно найти у языческихъ философовъ. И такъ, если справедливо писалъ одинъ богословъ, что прекрасная мудрость Соломона состояла въ томъ. что онъ ввелъ законъ Божій въ дома, школы и дворцы, то что̀ запрещаетъ намъ надѣяться, что и къ намъ возвратится Соломонова, т. е. истинная и небесная мудрость, если только мы будемъ напечатлѣвать въ умахъ юношества, вмѣсто языческихъ сочиненій, законъ Божій, извлекая изъ него правила для всякаго рода жизни? И такъ, постараемся о томъ, чтобы у насъ въ домѣ было все, что̀ можетъ сдѣлать насъ мудрыми даже въ той внѣшней и, если можно такъ выразиться, мірской мудрости, которую мы называемъ философіей. Ибо, положимъ. что были такія насчастныя времена, когда всѣ дѣти Израильтянъ должны были каждый разъ ходить къ Филистимлянамъ, чтобы оттачивать свои сошники и заступы, свои топоры и кирки, оттого что во всей землѣ Израильской не было ни одного кузнеца (1 Царствъ 13, 19 и 20); но неужели необходимо, чтобы Израильтяне и всегда были въ такомъ стѣснительномъ и угнетенномъ положеніи? Тѣмъ болѣе, что такое положеніе, несомнѣнно, причиняло бы слѣдующую невыгоду. Какъ тамъ Филистимляне, правда, доставляли Израильтянамъ заступы, однако ни подъ какимъ видомъ не доставляли имъ мечей противъ себя; такъ и отъ языческой философіи, правда, можно заимствовать обыкновенныя формы умозаключеній и цвѣты краснорѣчія, но ужъ никакъ не получить мечей и копьевъ для того, чтобы одолѣть безбожіе и суевѣріе. Поэтому пожелаемъ лучше, чтобы для насъ возвратились тѣ времена Давида и Соломона, когда Филистим-

N.B.

ляне будутъ находиться въ уничиженіи, а Израиль господствовать и радоваться своему благосостоянію.

3) а также ради изящества слога.

19. Но, по крайней мѣрѣ, ради слога слѣдовало бы обучающимся латинскому языку читать Теренція, Плавта и другихъ подобныхъ писателей. Отвѣчаю. Во-первыхъ,

Отвѣтъ 1.

N.B.

неужели для того, чтобы дѣти наши научились говорить, мы станемъ водить ихъ по трактирамъ, кабакамъ, харчевнямъ, публичнымъ домамъ и тому подобнымъ клоакамъ? А куда же, спрашиваю я васъ, заводятъ юношество Теренцій, Плавтъ, Катуллъ, Овидій и другіе, какъ не въ подобные грязные притоны? Что̀ другое выставляютъ они на показъ, какъ не остроты, шутки, пирушки, попойки, грязныя любовныя похожденія, блудодѣянія, разнообразно сотканные обманы и тому подобныя вещи, отъ которыхъ христіане должны бы отворачивать глаза и затыкать уши, даже если они случайно представляются имъ? Неужели мы думаемъ, что человѣкъ еще мало испорченъ самъ по себѣ и поэтому ему нужно еще со стороны показывать картины всякаго рода мерзостей, давать ему въ руки трутъ и поддувало и, какъ бы еще сверхъ того нарочно изыскивая случаи, толкать его въ бездну? Скажешь: не все дурно у этихъ писателей. — Отвѣчаю: но дурное всегда легче пристаетъ; поэтому направлять юношество туда, гдѣ дурное перемѣшано съ хорошимъ, весьма опасное дѣло. Ибо и тѣ, которые посягаютъ на чью-либо жизнь, обыкновенно не опаиваютъ, или не могутъ опоить его чистымъ ядомъ, но примѣшиваютъ его къ самымъ лучшимъ кушаньямъ и напиткамъ; а всетаки ядъ проявляетъ свою силу и причиняетъ гибель тому, кто его принялъ. Совершенно такъ и тотъ древній человѣкоубійца, когда хочетъ опутать кого-либо, считаетъ необходимымъ подсластить свои адскіе яды сахаромъ остроумной лести въ формѣ поэтическихъ вымысловъ и разговоровъ. Зная это, не должны ли мы разстраивать эти его богопротивные замыслы? Скажешь: не всѣ же они грязны; Цицеронъ, Виргилій, Горацій и другіе благородны и серьезны.— Отвѣчаю: а все таки они слѣпые язычники, которые отвращаютъ сердца читателей отъ истиннаго Бога и обращаютъ ихъ къ богамъ и богинямъ (Юпитеру, Марсу, Нептуну,

Венерѣ, Фортунѣ и т. п., несомнѣнно вымышленнымъ ими божествамъ). Богъ же говорилъ своему народу: «Имени другихъ боговъ не упоминайте, да не слышится оно изъ устъ вашихъ» (Исходъ 33, 13). Далѣе, какой у нихъ хаосъ суевѣрій, ложныхъ мнѣній и мірскихъ страстей, разнообразно борющихся между собою! Совершенно инымъ духомъ, отличнымъ отъ духа Христова, наполняютъ они своихъ учениковъ. Христосъ отвлекаетъ отъ міра, а они погружаютъ въ міръ. Христосъ учитъ самоотреченію, а тѣ—себялюбію. Христосъ призываетъ къ смиренію, а они рекомендуютъ высокое мнѣніе о себѣ. Христосъ ищетъ кроткихъ, а они дѣлаютъ дикими. Христосъ совѣтуетъ имѣть голубиную простоту, а они на тысячу ладовъ внушаютъ искусство острить. Христосъ совѣтуетъ скромность, а тѣ разсыпаются въ шуткахъ. Христосъ любитъ довѣрчивыхъ, а тѣ дѣлаютъ сомнѣвающимися, охотниками до споровъ, упрямыми. Заключимъ немногими, но апостольскими словами: «Что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ?» (2 Коринѳ. 6, 14—16). Вѣрно также говоритъ Эразмъ (въ своихъ «Уподобленіяхъ»): «Отъ поблекшихъ цвѣтовъ пчелы удаляются: такъ не слѣдуетъ прикасаться къ книгѣ, которая содержитъ тлетворныя мысли». А также: «Какъ совершенно безопасно лежать въ клеверѣ, потому что въ этой травѣ, какъ утверждаютъ, не любятъ скрываться змѣи; такъ можно пользоваться такими книгами, въ которыхъ нельзя опасаться никакого яда».

20. А между тѣмъ, какую особенную прелесть заключаютъ въ себѣ эти свѣтскіе писатели сравнительно съ нашими духовными писателями? Развѣ только они одни понимаютъ изящества рѣчи? Совершеннѣйшій художникъ въ языкѣ Тотъ, Кто его создалъ, т. е. Духъ Божій; а что слова Его слаще меда, острѣе обоюдуостраго меча, сильнѣе огня, расплавляющаго металлы, и тяжелѣе молота, дробящаго камни, это испытали и свидѣтельствуютъ угодники Божіи. Одни ли язычники сообщаютъ достопамятныя событія? Наше Писаніе полно Отвѣтъ 2.

болѣе истинныхъ и болѣе чудесныхъ разсказовъ. Одни ли язычники составляютъ тропы, фигуры, каламбуры, аллегоріи, загадки, апофоегмы *)? Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ намъ. Одинъ только прокаженный **) можетъ себѣ вообразить, что Авана и Фарфаръ, рѣки Дамасскія, лучше Іордана и всѣхъ водъ Израильскихъ (4 Царствъ 5, 12). Должно быть, гноятся глаза у того, для кого Олимпъ, Геликонъ и Парнасъ представляютъ болѣе пріятное зрѣлище, чѣмъ Синай, Сіонъ, Ермонъ, Оаворъ и Елеонская гора. У того, должно быть, тугое ухо, для кого лира Орфея, Гомера, Виргилія звучитъ пріятнѣе, чѣмъ арфа Давида. У того повреждено нёбо, кому вкуснѣе вымышленные нектаръ и амбросія и воды Кастальскаго источника, чѣмъ истинная небесная манна и источники Израильскіе. У того извращенное сердце, въ комъ имена боговъ и богинь, музъ и грацій вызываютъ бо́льшую радость, чѣмъ достойное поклоненія имя Іеговы Силъ, Христа Спасителя и различныхъ даровъ св. Духа. Слѣпа та надежда, которая предпочитаетъ гулять по Елисейскимъ полямъ [101]), чѣмъ по райскимъ садамъ. Ибо тамъ все сказки, тѣни истины, а здѣсь все дѣйствительность, сама истина.

Отвѣтъ 3. 21. Но пусть такъ: допустимъ, что тѣ обладаютъ красотами, которыя хорошо было бы перенести и къ намъ, какъ то: оборотами рѣчи, пословицами, прекрасными нравственными изреченіями. Должны ли мы, однако, ради этихъ цвѣтовъ краснорѣчія, посылать туда нашихъ сыновей? Развѣ нельзя ограбить Египтянъ и снять съ нихъ ихъ украшенія? Конечно, можно, даже слѣдуетъ, согласно повелѣнію Божію (Исходъ 3, 22). Вѣдь по праву достается Церкви все владѣніе язычниковъ. Слѣдовательно, скажешь ты, намъ необходимо пойти за ихъ вещами, чтобы унести ихъ? Отвѣчаю. Когда колѣнамъ Манассіи и Ефраима предстояло занять для Израиля страну язычниковъ, то они пошли вооруженные, притомъ одни только мужчины, а

*) Краткія нравственныя изреченія.

**) Нееманъ.

толпу дѣтей и неспособныхъ къ военной службѣ оставили дома въ безопасномъ мѣстѣ (I. Нав. 1, 14). Сдѣлаемъ и мы тоже самое: мы, мужи, уже крѣпкіе и сильные образованіемъ, способностью судить и христіанскимъ благочестіемъ, возьмемте на себя задачу обезоружить языческихъ писателей, а юношество не будемъ подвергать такимъ опасностямъ. Ибо что будетъ, если тѣ изрубятъ, или переранятъ, или отведутъ въ плѣнъ наше молодое поколѣніе? Увы! передъ нашими глазами печальные примѣры многихъ, которыхъ языческая философія отторгнула отъ Христа и ввергнула въ атеизмъ. Поэтому всего безопаснѣе было бы тайно высылать вооруженныхъ людей, которые отняли бы у проклятыхъ свыше враговъ все золото и серебро и все, что они имѣютъ цѣннаго, и раздѣлили бы это между наслѣдниками Господа. О, да воздвигнетъ Богъ героевъ духа, которые, собравши въ тѣхъ необитаемыхъ пустыняхъ цвѣты изящества, съ радостью разсадили бы ихъ по садамъ христіанской философіи, дабы у насъ ни въ чемъ не могло быть недостатка!

22. Наконецъ, если ужъ допускать кого-либо изъ язычниковъ, то пусть это будетъ Сенека, Епиктетъ, Платонъ и подобные учители добродѣтелей и нравственности, у которыхъ меньше можно замѣтить заблужденій и суевѣрія. Это былъ совѣтъ великаго Эразма, который настаиваетъ на томъ, чтобы христіанское юношество воспитывалось на самомъ св. Писаніи, и въ заключеніе прибавляетъ: «Если бы уже нужно было останавливаться на свѣтскихъ книгахъ, то я желалъ бы, чтобы это были такія книги, которыя ближе по духу къ священнымъ книгамъ» (Эразмъ, въ «Очеркѣ богословія»). Но и такія книги было бы лучше давать юношамъ только послѣ того, какъ ихъ умы утвердятся въ христіанскомъ ученіи, притомъ предварительно очистивъ эти книги, именно устранивъ изъ нихъ имена боговъ и все, что напоминаетъ о суевѣріи. Ибо только съ тѣмъ условіемъ «Богъ и позволилъ жениться на языческихъ дѣвушкахъ, если онѣ остригутъ себѣ волосы и обрѣжутъ ногти» (Второз. 21, 12). И такъ, чтобы быть вѣрно понятыми, скажемъ такъ: мы не совершенно запрещаемъ христіанамъ читать сочиненія Отвѣтъ 4.

свѣтскихъ писателей, такъ какъ мы очень хорошо знаемъ о небесномъ преимуществѣ, которымъ Христосъ вооружилъ увѣровавшихъ въ Него (замѣть: уже увѣровавшихъ), безъ вреда для себя обращаться даже со змѣями и ядами (Маркъ 16, 18); но мы только желаемъ, умоляемъ и заклинаемъ приложить попеченіе о томъ, чтобы дѣти Божіи, пока ихъ вѣра еще слаба, не отдавались въ жертву этимъ змѣямъ и чтобы, по безразсудному довѣрію, имъ не представляли случаевъ пить ядъ. «Дѣтей Божіихъ должно вскармливать чистымъ молокомъ слова Божія», изрекъ Христовъ Духъ (1 Петр. 2, 2).

Четвертое возраженіе: св. Писаніе трудно для первоначальнаго возраста.

23. Но—говорятъ еще тѣ, которые безразсудно защищаютъ дѣло сатаны противъ Христа: книги св. Писанія слишкомъ трудны для дѣтей и поэтому имъ слѣдуетъ давать другія книги, пока не созрѣетъ ихъ сужденіе.

Отвѣтъ I.

Отвѣтъ I. Это скорѣе рѣчь тѣхъ, которые заблуждаются, оттого что не знаютъ ни Писаній, ни силы Божіей. Я докажу это тремя способами. Во первыхъ, извѣстенъ разсказъ о знаменитомъ нѣкогда музыкантѣ Тимоѳеѣ *). Онъ имѣлъ обыкновеніе, при пріемѣ всякаго новаго ученика, спрашивать, не учился ли онъ уже вначалѣ у другаго учителя? Кто отвѣчалъ: «нѣтъ», тѣхъ онъ принималъ за умѣренную плату, а кто говорилъ: «да», съ того онъ требовалъ двойную плату, ссылаясь на то, что съ такими учениками ему предстоитъ двойной трудъ: во-первыхъ, отучить ихъ отъ того, что они невѣрно заучили, а во-вторыхъ—научить ихъ истинному искусству. А такъ какъ у насъ есть возвѣщенный всему человѣческому роду Учитель и Наставникъ I. Христосъ, помимо Котораго намъ запрещается искать другихъ (Матв. 17, 5 и 23, 8) и Который сказалъ: «пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ» (Марк. 10, 14), то неужели мы все таки будемъ продолжать, вопреки Его волѣ, водить ихъ въ другую школу? Развѣ что мы боимся, быть можетъ, что Христу слишкомъ мало будетъ дѣла съ ними, такъ какъ Ему слишкомъ легко научить ихъ Своему нравственному ученію,

*) См. прим. 73.

и потому будемъ таскать ихъ, переходя отсюда въ другое мѣсто, сперва по чужимъ мастерскимъ и, какъ сказано, по трактирамъ, кабакамъ и всевозможнымъ навознымъ ямамъ и потомъ уже, когда они будутъ въ конецъ испорчены и заражены, передавать ихъ Христу, чтобы Онъ преобразовалъ ихъ для своихъ цѣлей? Кому можно оказать худшую услугу, чѣмъ этому несчастному юношеству, которое притомъ само по себѣ неповинно въ этомъ отношеніи, осуждая его цѣлую жизнь бороться съ тѣмъ, что оно усвоило въ первые годы жизни, или просто отторгая отъ Христа и оставляя сатанѣ для дальнѣйшаго развращенія? Ибо то, что посвящено Молоху, не должно ли являться мерзостью для Бога? Это ужасно, однако слишкомъ вѣрно. Ради милосердія Божія, умоляю я христіанскія власти и настоятелей церквей принять серьезныя мѣры, чтобы не допускали больше приносить въ жертву Молоху христіанское, для Христа рожденное и чрезъ крещеніе освященное, юношество.

24. Ложь и то, о чемъ часто кричатъ, будто Писаніе слишкомъ возвышенно и превышаетъ степень пониманія, свойственнаго нѣжному дѣтскому возрасту. Развѣ Богъ не понималъ, насколько соразмѣрно Его слово съ нашими душевными силами (Второз. 31, 11, 12, 13)? Не свидѣтельствуетъ ли и Давидъ, что «законъ Господа умудряетъ простыхъ» (замѣть: простыхъ) (Пс. 18, 8)? Не говоритъ ли Петръ, что «слово Божіе есть какъ бы молоко для новорожденныхъ младенцевъ Божіихъ», данное для того, чтобы они чрезъ него возросли и укрѣпились (1 Петр. 2, 2)? Вотъ молоко Божіе, самая нѣжная, самая сладкая и самая здоровая пища для новорожденныхъ младенцевъ Божіихъ— слово Божіе! Почему же намъ нравится противорѣчить Богу, хотя языческое ученіе представляетъ скорѣе твердую пищу, для которой требуются зубы, да и тѣ иногда она ломаетъ? Поэтому Св. Духъ и призываетъ дѣтей чрезъ Давида въ свою школу: «Придите, дѣти, послушайте Меня: страху Господню научу васъ!» (Пс. 33, 12). Отвѣтъ 2.

25. Наконецъ, мы признаемъ, что въ св. Писаніи есть, дѣйствительно, глубины, но такія, въ которыхъ слоны Отвѣтъ 3.

тонутъ, а агнцы плаваютъ, какъ прекрасно выразился Августинъ, желая обозначить различіе между мудрецами міра, которые дерзновенно обрушиваются на Писаніе, и «малыми» Христа, которые приступаютъ къ нему со смиреннымъ и готовымъ поучаться духомъ. Да и зачѣмъ тотчасъ пускаться въ открытое море? Можно итти шагъ за шагомъ. Сперва надо обойти берега катехизическаго ученія, а потомъ пройти въ бродъ мелководныя мѣста, заучивая наизусть священную исторію, нравственныя изреченія и тому подобное, что, не превышая силъ пониманія, возвышаетъ умъ до слѣдующихъ высшихъ ступеней знанія; тогда только дѣти сдѣлаются вполнѣ способными переплывать тайны вѣры. Обученные такимъ образомъ съ дѣтства св. Писанію, они легче будутъ предохранены отъ мірскихъ соблазновъ и умудрены во спасеніе вѣрою въ Христа Іисуса (2 Тимоѳ. 3, 15). Ибо, кто предастъ себя Богу и, сидя у ногъ Христа, прислушивается къ приходящей свыше мудрости, въ того непремѣнно входитъ духъ благодати, дабы возжечь въ немъ свѣтъ истиннаго разумѣнія и въ ясномъ свѣтѣ показать ему пути ко спасенію.

Отраженіе нападенія.

26. Не говоримъ уже о томъ, что писатели, которыхъ взамѣнъ Библіи навязываютъ христіанскимъ юношамъ (Теренцій, Цицеронъ, Виргилій и т. п.), отличаются тѣмъ же свойствомъ, за которое нападаютъ на св. Писаніе, именно: трудны и слишкомъ малопонятны для юношества, ибо сочиненія ихъ написаны не для дѣтей, а для людей съ зрѣлымъ сужденіемъ, которые хорошо знакомы со сценой и съ судебными мѣстами. Поэтому другимъ они и не приносятъ никакой пользы, какъ показываетъ и дѣйствительность. Несомнѣнно, всякій больше извлечетъ пользы, разъ прочитавши Цицерона, когда станетъ взрослымъ и будетъ заниматься дѣлами, свойственными взрослому, чѣмъ если бы онъ мальчикомъ въ совершенствѣ заучилъ всего Цицерона наизусть. И такъ, почему бы не отсрочить изученіе этихъ писателей до надлежащей поры для тѣхъ, для которыхъ это важно, если только это вообще важно? Болѣе же тщательнаго обсужденія заслуживаетъ то, что я уже сказалъ, именно, что въ христіанскихъ школахъ слѣдуетъ воспитывать граж-

данъ для неба, а не для міра, и что поэтому необходимо давать имъ такихъ наставниковъ, которые внушали бы имъ болѣе небесное, чѣмъ земное, болѣе священное, чѣмъ мірское.

Заключеніе.

27. И такъ, заключимъ ангельскими словами: «не можетъ дѣло человѣческаго созиданія существовать тамъ, гдѣ начинаетъ показываться городъ Всевышняго» [4 Эздра 10, 54] [102]). И такъ какъ Богъ хочетъ, чтобы мы были деревьями правды и насажденіемъ Іеговы, откуда Онъ прославлялся бы (Исаія 61, 3?), то, слѣдовательно, и наши дѣти не должны быть деревцами Аристотелевской, или Платоновской, или Плавтовской, или Тулліанской *) посадки. Въ другомъ мѣстѣ уже приведено изреченіе: «Всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится» (Матѳ. 15, 13). Страшись же всякій, кто не перестаетъ умничать и возставать противъ познанія Божія (2 Коринѳ. 10, 5).

Глава XXVI.

Школьная дисциплина.

Дисциплина необходима для школы.

1. Справедлива употребительная у Богемцевъ народная пословица: «школа безъ дисциплины тоже, что мельница безъ воды». Ибо, какъ мельница, если отвести отъ нея воду, непремѣнно станетъ, такъ и въ школѣ, если уничтожаютъ дисциплину, то неизбѣжно все приходитъ въ упадокъ. Такимъ же образомъ и на нивѣ, если ее не полютъ, тотчасъ появляется вредная для посѣва сорная трава. И молодыя деревья, если ихъ не подчищаютъ, дичаютъ и пускаютъ безполезные боковые побѣги. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что въ школѣ должны царить крикъ, удары и синяки, но она должна быть полна бдительности и вниманія со стороны учащихъ и учащихся. Ибо что́ такое дисциплина, какъ

*) Т. е. Цицероновской.

не вѣрное средство, чрезъ которое ученики могутъ сдѣлаться дѣйствительно учениками?

Но относительно ея нужно наблюдать три вещи.

2. Слѣдовательно, для воспитателя юношества полезно будетъ знать а) цѣль, б) поводъ, в) форму дисциплины, чтобы онъ вполнѣ понималъ, зачѣмъ, когда и какъ онъ долженъ примѣнять мѣры строгости, допускаемыя искусствомъ воспитанія.

1) Цѣль дисциплины.

3. Во-первыхъ, я думаю, всѣ согласны въ томъ, что дисциплинарныя мѣры слѣдуетъ примѣнять противъ тѣхъ, которые выходятъ изъ общей колеи, не потому, что кто нибудь совершилъ уже проступокъ (ибо того, что сдѣлано, нельзя уничтожить), а для того, чтобы онъ на будущее время не уклонялся отъ общей колеи. Поэтому примѣнять ихъ надо безъ раздраженія, гнѣва или ненависти, а съ такою простотою и искренностью, чтобы и самъ наказываемый видѣлъ, что дисциплинарное взысканіе примѣняется къ нему ради его же собственнаго блага и вытекаетъ изъ отеческаго расположенія его начальниковъ, и чтобы онъ поэтому принималъ наказаніе съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ иногда принимаютъ всякое горькое лѣкарство, прописанное врачемъ.

2) Поводъ къ примѣненію дисциплины, именно: не ради занятій,

4. Впрочемъ, болѣе строгія дисциплинарныя взысканія надо примѣнять не ради занятій и наукъ, но въ видахъ нравственности. Ибо, если учебныя занятія поставлены правильно, то (какъ мы указали уже раньше) они уже сами по себѣ заманчивы для ума и собственною прелестью притягиваютъ и увлекаютъ всѣхъ (исключая выродковъ). Если же бываетъ иначе, то это происходитъ не по винѣ учащихся, а учащихъ. Къ тому же, если мы не знаемъ способовъ привлекать умы искусствомъ, то, конечно, напрасно будемъ употреблять насиліе. Колотушки и пощечины вовсе не имѣютъ силы вложить въ душу любовь къ наукамъ, отвращеніе же и ненависть къ нимъ они могутъ породить, притомъ въ очень сильной степени. Поэтому, какъ скоро замѣчается въ душѣ учащагося болѣзненное отвращеніе къ занятіямъ, то его слѣдуетъ устранять скорѣе установленіемъ правильнаго образа жизни и мягкими мѣрами, примѣняемыми время отъ вре-

мени, а не обострять еще болѣе это чувство суровыми мѣрами. Въ пользу такого благоразумнаго образа дѣйствій представляетъ доказательства само солнце небесное. Въ началѣ весны оно не разражается грозой надъ молодыми и нѣжными растеньицами и не сжигаетъ ихъ сразу своимъ зноемъ, но, мало-по-малу и незамѣтно согрѣвъ ихъ, даетъ имъ подняться и укрѣпиться и тогда только пускаетъ на нихъ всю свою силу, когда они выросли, а плоды и сѣмена созрѣваютъ. Такъ же искусно дѣйствуетъ и **садовникъ**: съ молодыми деревцами онъ обращается мягче, съ нѣжными—нѣжнѣе и въ отношеніи къ нимъ не прибѣгаетъ ни къ скребку, ни къ ножу, ни къ серпу, ни къ надрѣзамъ, которыхъ они еще не могутъ выдержать. Точно такъ и **музыкантъ**, если струны лютни, цитры или скрипки разногласятъ, не бьетъ по нимъ кулакомъ или палкой и не разбиваетъ ихъ объ стѣну, но прилагаетъ свое искусство до тѣхъ поръ, пока ихъ не настроитъ. Совершенно такъ же слѣдуетъ быть снисходительными и къ умственнымъ дарованіямъ, которыя надо привести въ гармонію и расположить къ занятіямъ, если мы не желаемъ въ равнодушныхъ возбудить отвращеніе, а туповатыхъ сдѣлать совершенно глупыми.

5. Если же иногда все-таки требуется поощреніе и понужденіе, то этого можно достигнуть лучше другими средствами, чѣмъ побоями: иной разъ болѣе суровымъ словомъ и выговоромъ при всѣхъ, иногда—похвалою другимъ. «**Посмотри, какъ такой или такой то чрезвычайно внимателенъ! какъ онъ вѣрно все понимаетъ! А ты такъ непонятливъ!**» Иной разъ можно расшевелить насмѣшкой: «**Ахъ ты, простота! такой легкой вещи не понимаешь! гдѣ блуждаютъ твои мысли?**» Можно также завести **еженедѣльныя** или, по крайней мѣрѣ, **ежемѣсячныя** состязанія изъ-за преимущества относительно мѣста или одобренія, какъ мы уже объяснили это въ другомъ мѣстѣ. Надо только при этомъ обращать вниманіе, чтобы эти состязанія не обратились въ простую забаву и шутку и вслѣдствіе этого не потеряли всякаго значенія, но чтобы любовь къ похвалѣ и страхъ порицанія и пониженія дѣйствительно возбуждали прилежаніе. Поэтому въ высшей степени важно, чтобы и самъ учитель при-

Какъ надо поощрять къ занятіямъ?

1.

2.

3.

нималъ въ этомъ дѣятельное участіе, и дѣло велось серьезно, а не на показъ, и чтобы тѣ, которые будутъ замѣчены въ небрежности, получали выговоръ и приводились въ смущеніе, а болѣе прилежные получали при всѣхъ похвалу.

а въ видахъ нравственности *).

6. Болѣе серьезныя и строгія дисциплинарныя мѣры слѣдуетъ примѣнять только къ тѣмъ, которые въ своихъ нравахъ уклоняются отъ общей дороги. Именно:
1. 1) за поданный примѣръ нечестія, напримѣръ, за богохульство, непристойность и всякіе другіе проступки, открыто совершаемые противъ божественнаго закона;
2. 2) за упорство и намѣренную злость (если кто пренебрегаетъ приказаніями учителя или другаго кого-либо изъ старшихъ и сознательно и намѣренно не исполняетъ того, что долженъ дѣлать);
3. 3) за высокомѣріе и заносчивость, и даже за зависть и лѣность, подъ вліяніемъ которой кто-нибудь, не смотря на просьбы товарища, отказывается помочь ему объясненіемъ урока.

И почему такъ (необходимо)?

7. Ибо проступки перваго рода оскорбляютъ величіе Божіе; проступки втораго рода разрушаютъ основу всѣхъ добродѣтелей (смиреніе и послушаніе), а проступки третьяго рода задерживаютъ и замедляютъ быстрые успѣхи въ наукахъ. Что направлено противъ Бога, то составляетъ грѣхъ, который долженъ быть искупленъ самымъ строгимъ наказаніемъ; проступки, совершаемые противъ людей или самого себя, составляютъ несправедливость и должны быть исправлены строгимъ ограниченіемъ, ошибка же противъ Присціана **) есть только пятно, которое можно стереть губкою выговора. Однимъ словомъ, дисциплина должна стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ ученикахъ и при всякомъ случаѣ возбуждать благоговѣніе къ Богу, готовность служить ближнему, а также усердіе къ несенію трудовъ и обязанностей жизни и укрѣплять эти качества постояннымъ примѣненіемъ ихъ къ дѣлу.

3) Форма дисциплины, заимствуемая отъ солнца.

8. Наилучшій способъ примѣненія дисциплины указываетъ намъ небесное солнце, которое развивающимся организмамъ доставляетъ: 1) свѣтъ и теплоту постоянно, 2) дождь и

---

*) См. стр. 240, § 4, на поляхъ 2.

**) См. прим. 88.

вѣтры часто, 3) громъ и молнію изрѣдка, хотя послѣдніе также служатъ имъ ко благу.

9. Въ подражаніе ему и управляющій школой будетъ стараться удержать дѣтей въ предѣлахъ долга Какъ надо примѣнять ее?

1) постоянными примѣрами, являясь самъ живымъ образцомъ во всемъ, къ чему они должны пріучиться; безъ этого все остальное будетъ напрасно; 1.

2) словами наставленія, увѣщанія, иногда же и порицанія, особенно заботясь о томъ, чтобы при этихъ наставленіяхъ, увѣщаніяхъ, приказаніяхъ и порицаніяхъ было ясно видно, что это дѣлается изъ отеческаго расположенія, имѣющаго въ виду всѣхъ устроить и никого не разстроить. Если ученикъ не видитъ ясно этого расположенія и не убѣжденъ въ немъ вполнѣ, то онъ легко пренебрегаетъ дисциплиной и ожесточается въ душѣ противъ нея. 2.

3) Однако, если кто имѣетъ до такой степени несчастный характеръ, что эти болѣе мягкія средства исправленія оказываются недостаточными, то надо, наконецъ, прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ, чтобы ничего не оставалось неиспробованнымъ, прежде чѣмъ оставить ученика, какъ совершенно негодную для обработки почву, и признать его безнадежнымъ. Ибо, можетъ быть, въ отношеніи къ нѣкоторымъ и теперь еще будетъ имѣть силу поговорка: «Фригійца можно исправить только побоями» [103]). Вліяніе такихъ дисциплинарныхъ мѣръ окажется полезнымъ, если не самому наказываемому, то, по крайней мѣрѣ, другимъ, внушивъ имъ страхъ. Не надо только по всякому поводу, часто вслѣдствіе угрозъ, прибѣгать къ этимъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы средство, придуманное противъ крайностей, не было истрачено, прежде чѣмъ наступитъ крайность. 3. Предостереженіе.

10. Выводъ изъ всего сказаннаго и того, что еще надо сказать, будетъ слѣдующій: дисциплина должна стремиться къ тому, чтобы въ тѣхъ, которыхъ мы воспитываемъ для Бога и Церкви, образовать и чрезъ постоянное попеченіе укрѣпить такое настроеніе чувствъ, какого требуетъ Богъ отъ Своихъ дѣтей, порученныхъ школѣ Христа: чтобы они радовались съ трепетомъ (Псал. 2, 11) и, совершая свое

спасеніе со страхомъ и трепетомъ (Филипп. гл. 2, ст. 10?), всегда радовались въ Господѣ (тамъ же 4, 4), т. е. чтобы они могли и умѣли любить и уважать своихъ воспитателей и не столько охотно позволяли вести себя туда, куда ихъ слѣдуетъ вести, сколько даже ревностно домогались этого. А этого настроенія чувствъ можно добиться только указанными нами средствами: добрыми примѣрами, ласковыми словами и постоянно искреннимъ и явнымъ расположеніемъ, прибѣгая къ грому и молніи только иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, но и при этомъ стараясь, чтобы строгость всегда, насколько возможно, переходила въ любовь.

Очень подходящее сравненіе.

11. Ибо, говорю я, кто видѣлъ когда либо (прошу позволенія разъяснить дѣло еще однимъ примѣромъ), чтобы золотыхъ дѣлъ мастеръ выбивалъ искусную фигурку только ударами молотка? Разумѣется, никто. Такія произведенія лучше отливаются, чѣмъ выковываются. А если пристанетъ что-либо лишнее или безполезное, то понимающій дѣло мастеръ не бьетъ съ яростью молоткомъ, но слегка отбиваетъ маленькимъ молоточкомъ, или соскребываетъ напильникомъ, или отламываетъ щипцами, но все это съ осторожностью; наконецъ, подъ конецъ работы онъ все сглаживаетъ и шлифуетъ. Можемъ ли мы, дѣйствуя съ неразумною яростью, надѣяться образовать изображеньица живаго Бога, разумныя созданія?

Другое сравненіе.

12. И рыбакъ, собираясь въ глубокой водѣ ловить рыбу большимъ неводомъ, не привѣшиваетъ къ нему только свинцовые шарики, которые тянули бы его въ глубь и заставляли погружаться и тащиться по дну, но, въ противовѣсъ имъ, привязываетъ къ нему также легкіе поплавки, чтобы они съ другой стороны поднимали неводъ до поверхности воды. Точно такъ и тотъ, кто задумалъ вмѣстѣ съ юношествомъ ловить добродѣтели, долженъ будетъ, съ одной стороны, посредствомъ строгости привести своихъ воспитанниковъ къ страху и полному послушанію, а съ другой — ласковымъ обращеніемъ возвысить ихъ до любви и радостной бодрости. Счастливы искусные наставники, которые умѣютъ подобнымъ образомъ соразмѣрять свои дѣйствія! Счастливо юношество при такихъ руководителяхъ!

13. Здѣсь кстати будетъ привести мнѣніе великаго мужа, доктора богословія Эйльгарда Любина, которое онъ вставилъ въ предисловіе къ изданному имъ греко-латино-нѣмецкому Новому Завѣту, говоря объ улучшеніи школъ, именно въ слѣдующихъ словахъ: «А во-вторыхъ, необходимо, чтобы все, что предлагается юношамъ сообразно съ степенью ихъ пониманія, требовалось отъ нихъ такъ, чтобы они ничего не дѣлали съ отвращеніемъ или по принужденію. но, насколько возможно, все совершенно добровольно, отчасти даже съ душевною охотою. Поэтому, я рѣшительно держусь того мнѣнія, что розги и удары, эти рабскія и совершенно неприличныя для свободнорожденныхъ орудія, менѣе всего могутъ быть примѣняемы въ школахъ, даже должны быть совершенно устранены и могутъ быть примѣняемы только къ крѣпостнымъ и негоднымъ рабамъ съ холопской душой. Такіе скоро сами себя выдаютъ въ школахъ и во-время же могутъ быть удалены изъ школы, не только въ виду своей тупости, которая въ большинствѣ случаевъ свойственна рабскимъ душамъ, но и ради обыкновенно соединенной съ нею порочности. Если къ послѣдней присоединятся еще средства, даваемыя науками и искусствами, то эти средства превратятся только въ оружіе безпутства и сдѣлаются въ рукахъ сумасшедшихъ мечами, которыми они могутъ убить и себя, и другихъ. Есть другія мѣры наказанія, которыя можно примѣнять къ дѣтямъ благороднаго происхожденія и характера» и т. д.

Глава XXVII.

О раздѣленіи школъ на четыре разряда соотвѣтственно степенямъ возраста и успѣховъ.

1. Ремесленники назначаютъ для своихъ учениковъ опредѣленные сроки (отъ двухъ лѣтъ, трехъ и болѣе до семи лѣтъ, смотря по трудности и сложности ихъ ремесла), въ которые

Дѣти свѣта должны подражать благоразумію дѣтей міра.

навѣрное долженъ быть пройденъ курсъ обученія ремеслу, послѣ чего каждый, изучивъ все, что относится къ его мастерству, можетъ сдѣлаться изъ ученика подмастерьемъ, а потомъ и мастеромъ. Слѣдовательно, тоже самое можетъ имѣть мѣсто и при школьномъ обученіи, т. е. для изученія искусствъ, наукъ и языковъ должны быть установлены періоды времени, чтобы въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ заканчивался весь кругъ знаній (энциклопедія) и чтобы изъ этихъ мастерскихъ гуманности выходили люди истинно-образованные и истинно-благочестивые.

Для полнаго образованія человѣка надо взять все время юности—24 года.

2. Чтобы достигнуть этой цѣли, мы беремъ на упражненія природныхъ способностей весь юношескій возрастъ (такъ какъ въ это время предстоитъ изучить не одно искусство, но весь кругъ благородныхъ искусствъ [104]), а также всѣ науки и нѣсколько языковъ), начиная съ дѣтства до возмужалости, именно 24 года, которые надо раздѣлить на опредѣленные періоды. На это наводитъ сама природа. Ибо опытъ показываетъ, что человѣческое тѣло продолжаетъ рости почти до 25-го года жизни, но не далѣе; впослѣдствіи же оно прибываетъ только въ силѣ. Этотъ медленный ростъ (тѣла животныхъ, большія по объему, достигаютъ своего полнаго развитія въ нѣсколько мѣсяцевъ, или, самое большое, въ годъ или два года), надо думать, божественное Провидѣніе назначило природѣ человѣка для того, чтобы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе продолжительное время для приготовленія къ житейскимъ обязанностямъ.

Его можно распредѣлить между четырьмя школами.

3. Эти годы возрастающей жизни мы раздѣлимъ на 4 отдѣльныя ступени: дѣтство, отрочество, юность и молодость, назначая при этомъ для каждой ступени шестилѣтній срокъ и особенную школу, такъ что

I) для дѣтства	школой должны служить	лоно матери,
II) » отрочества		школа грамоты или общественная школа роднаго языка,
III) » юности		латинск. школа, или гимназія,
IV) » молодости		академія и путешествія.

Притомъ «материнская школа» должна быть въ каждомъ домѣ; школа роднаго языка въ каждой общинѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ; гимназія въ каждомъ большомъ городѣ;

академія въ каждомъ государствѣ или даже въ каждой болѣе значительной провинціи.

Задачи школьныхъ занятій должны различаться не по матеріалу, а по формѣ.

4. Однако мы желаемъ, чтобы въ этихъ, хотя и различныхъ школахъ, преподавалось не различное, но во всѣхъ одно и тоже, только различнымъ образомъ, а именно все, что способно сдѣлать людей истинными людьми, христіанъ — истинными христіанами, образованныхъ — истинно образованными, но соотвѣтственно ступенямъ возраста и степени предшествующей, стремящейся все выше и выше, подготовки. Ибо учебные предметы, согласно законамъ этой естественной методы, нельзя разъединять, но слѣдуетъ преподавать всегда одновременно на подобіе того, какъ ростъ дерева происходитъ всегда заразъ во всѣхъ его частяхъ, одинаково какъ въ этомъ году, такъ и въ будущемъ, и такъ далѣе потомъ хоть сотню лѣтъ, пока дерево будетъ существовать.

Различіе между школами въ отношеніи формы упражненій. 1) Здѣсь иначе, нежели тамъ.

5. Различіе же въ преподаваніи будетъ трoякаго рода. Во-первыхъ то, что въ первоначальныхъ школахъ все будетъ преподаваться въ болѣе общемъ и необработанномъ видѣ, а въ послѣдующихъ все подробнѣе и отчетливѣе, такимъ же образомъ, какъ дерево съ каждымъ новымъ годомъ пускаетъ все больше корней и сучьевъ, все болѣе крѣпнетъ и болѣе приноситъ плодовъ.

2) Здѣсь болѣе одно, а тамъ другое.

6. Во-вторыхъ, въ первой школѣ, материнской, будутъ упражняться преимущественно внѣшнія чувства, чтобы дѣти пріучились надлежащимъ образомъ обращаться съ окружающими ихъ предметами и различать ихъ. Въ народной школѣ будутъ упражняться болѣе внутреннія чувства, воображеніе и память, но одновременно съ ихъ исполнительными органами, рукою и языкомъ, чрезъ чтеніе, письмо, рисованіе, пѣніе, счисленіе, измѣреніе, взвѣшиваніе и закрѣпленіе въ памяти разнаго матеріала. Въ гимназіи будутъ развиваться пониманіе и сужденіе обо всемъ, накопленномъ чувствами, матеріалѣ съ помощью діалектики, грамматики, реторики и другихъ реальныхъ наукъ и искусствъ, излагаемыхъ по способу: «что» и «потому что» (per τὸ ὅτι et per διότι) *).

*) См. стр. 179.

Наконецъ, академіи будутъ развивать преимущественно то, что относится къ области воли. Именно, способности, научающія поддерживать душевную гармонію (а также возстановлять нарушенную гармонію), будетъ развивать богословіе, умъ—философія; о жизненныхъ отправленіяхъ тѣла будетъ заботиться медицина, о внѣшнихъ благахъ—юриспруденція.

Основаніе этой постепенности.

7. И это есть истинная метода счастливаго развитія ума—сперва представлять внѣшнимъ чувствамъ самые предметы, которые непосредственно дѣйствуютъ на чувства; затѣмъ, съ пробужденіемъ внутреннихъ чувствъ, пріучать ихъ къ тому, чтобы они снова выражали и представляли себѣ запечатлѣвшіеся въ нихъ чрезъ внѣшнее воспріятіе образы предметовъ, какъ внутренно, въ себѣ самихъ, чрезъ воспоминаніе, такъ и наружно, внѣ себя, при помощи руки и языка. Тогда только, когда это уже будетъ готово, пусть набрасывается умъ на все и чрезъ точное наблюденіе сравниваетъ все между собою и взвѣшиваетъ, чтобы понимать взаимныя отношенія всѣхъ вещей, чрезъ что образуется истинное пониманіе вещей и сужденіе о нихъ. Наконецъ, воля (средоточіе человѣка и руководительница всѣхъ его дѣйствій) пусть пріучается въ должной мѣрѣ проявлять свою власть во всемъ. Желать же развить волю прежде пониманія вещей, (равно какъ и разсудокъ раньше воображенія, а воображеніе раньше внѣшнихъ чувствъ) значитъ попусту тратить свои усилія. Но эту ошибку и дѣлаютъ тѣ, которые учатъ мальчиковъ логикѣ, поэзіи, реторикѣ и этикѣ, не познакомивъ ихъ раньше съ предметами вещественнаго и чувственнаго міра: они поступаютъ совершенно такъ, какъ еслибы кто требовалъ отъ двухлѣтняго ребенка, только что еще пробующаго дѣлать шаги дрожащими ногами, чтобы онъ водилъ хороводы. Мы же остаемся при твердомъ рѣшеніи слѣдовать во всемъ руководству природы и, сообразуясь съ тѣмъ, какъ она проявляетъ свои силы постепенно однѣ за другими, внимательно содѣйствовать ихъ развитію.

3) Здѣсь будутъ обучаемы одни, а тамъ другіе.

8. Третье различіе будетъ заключаться въ томъ, что въ низшихъ школахъ, материнской и роднаго языка, бу-

дутъ обучаться всѣ дѣти обоего пола, а въ латинской будутъ получать образованіе преимущественно тѣ юноши, которые простираютъ свои стремленія дальше ремеслъ; академіи же будутъ приготовлять будущихъ учителей и руководителей другихъ, чтобы церкви, школы и общественныя дѣла никогда не имѣли недостатка въ способныхъ руководителяхъ.

Эти четырехразрядныя школы соотвѣтствуютъ четыремъ временамъ года,

9. Эти четыре разряда школъ кто то не безъ основанія сравнилъ съ четырьмя временами года. Материнская школа напоминаетъ пріятную весну, украшенную побѣгами и цвѣтами съ разнообразнымъ ихъ ароматомъ. Школа роднаго языка представляетъ лѣто, когда показываются полные колосья и нѣкоторые рано созрѣвающіе плоды. Гимназія соотвѣтствуетъ осени, когда собираются полные плоды полей, садовъ и виноградниковъ и складываются въ амбары духа. Наконецъ, академія изображаетъ зиму, когда собранные плоды приготовляются для всевозможнаго употребленія, чтобы было чѣмъ прожить все остальное время жизни.

а также деревьямъ, которыя достигаютъ полнаго своего развитія въ четыре періода.

10. Подобный способъ тщательнаго образованія юношества можно бы сравнить также съ садоводствомъ. Въ этомъ случаѣ шестилѣтніе отроки, прекрасно развившіеся подъ попеченіемъ родителей или нянекъ, походили бы на деревца, заботливо посаженныя, пустившія прочные корни и начинающія выпускать изъ себя вѣточки. Двѣнадцатилѣтніе мальчики подобны молодому дереву, уже имѣющему вѣтви и пускающему почки: что̀ въ нихъ заключается, еще недостаточно видно, однако скоро обнаружится. Восемнадцатилѣтніе юноши, уже вооруженные знаніемъ языковъ и искусствъ, подобны дереву, которое стоитъ въ полномъ цвѣту и доставляетъ пріятное зрѣлище глазамъ и пріятный запахъ носу, а рту обѣщаетъ вѣрные плоды. Наконецъ, молодые люди 24—25 лѣтъ, получившіе чрезъ занятія въ академіи полное образованіе, будутъ походить на дерево, обремененное плодами, которые настала пора срывать и употреблять на всевозможныя надобности.

Однако это нужно изложить подробнѣе.

Глава XXVIII.

Планъ материнской школы.

Сперва надо искать главнаго.

1. Сколько главныхъ сучьевъ назначено имѣть дереву, столько ихъ оно и выгоняетъ изъ ствола уже въ первые годы, такъ что позже имъ остается только рости. Слѣдовательно, такимъ же образомъ и мы должны уже въ этой первой школѣ насаждать все, чѣмъ мы хотимъ вооружить человѣка ко благу всей его жизни. А что это возможно, видно будетъ, если разсмотрѣть области познаваемаго. Мы и покажемъ это въ краткихъ словахъ, сводя все это къ двадцати пунктамъ.

Перечень свѣдѣній, которыя могутъ быть внушены въ этой школѣ.

I. 2. Такъ называемая метафизика вполнѣ получаетъ свое начало здѣсь, такъ какъ въ умы маленькихъ дѣтей сначала все проникаетъ въ общемъ и смутномъ представленіи, пока они замѣчаютъ, что все, что они видятъ, слышатъ, вкушаютъ, къ чему прикасаются, есть нѣчто, не различая еще, что̀ это такое въ отдѣльности, и уже позже постепенно начиная различать одно отъ другаго. Слѣдовательно, они начинаютъ понимать общія выраженія: нѣчто, ничто; есть, нѣтъ; такъ, иначе; гдѣ, когда и т. д.; похоже, непохоже и т. д., а это и составляетъ вообще основанія науки метафизики.

II. 3. Въ области естествовѣдѣнія въ эти первыя шесть лѣтъ можно довести ребенка до того, чтобы онъ хорошо зналъ, что такое вода, земля, воздухъ, огонь, дождь, снѣгъ, ледъ, камень, желѣзо, дерево, трава, птица, рыба, корова и т. д. Онъ долженъ также знать названія и назначеніе членовъ своего тѣла, по крайней мѣрѣ, наружныхъ. Все это въ этомъ возрастѣ легко заучивается и составляетъ начатки естествовѣдѣнія.

III. 4. Въ оптикѣ ребенокъ получаетъ первоначальныя понятія, если начинаетъ различать и называть свѣтъ, мракъ и тѣнь и умѣетъ различать главные цвѣта: бѣлый, черный, красный и т. д.

IV. 5. Началомъ астрономіи будетъ служить знаніе того, что̀ называется небомъ, солнцемъ, луной, звѣздой, а так-

же если дѣти замѣчаютъ, что послѣднія ежедневно восходятъ и заходятъ.

6. По географіи дѣти получаютъ первоначальныя понятія, пріучаясь понимать, чтó такое гора, долина, равнина, рѣка, деревня, зáмокъ, городъ, смотря по условіямъ мѣстности, гдѣ они воспитываются. V.

7. Основаніе хронологіи кладется, если дитя понимаетъ, чтó называется часомъ, днемъ, недѣлей, годомъ, также лѣтомъ, зимой и т. д., вчера, третьяго дня, завтра, послѣ-завтра и т. д. VI.

8. Началомъ исторіи будетъ умѣнье припомнить и разсказать, чтó недавно случилось, какъ поступилъ тотъ или другой въ томъ или другомъ случаѣ. VII.

9. Ариѳметика пускаетъ свои корни, если ребенокъ понимаетъ, чтó называется мало или много, если онъ умѣетъ считать хоть до десяти и замѣчаетъ, что три больше двухъ и что одинъ да три будетъ четыре, и т. д. VIII.

10. Въ геометріи дѣти будутъ знать элементы, если они будутъ понимать, чтó мы называемъ большимъ и малымъ, длиннымъ и короткимъ, широкимъ и узкимъ, толстымъ и тонкимъ; а также чтó мы называемъ линіей, крестомъ, крýгомъ и т. д., и будутъ видѣть, какъ измѣряютъ что-нибудь пядью, локтемъ, саженью и т. д. IX.

11. Статикѣ также можно положить начало, если дѣти будутъ видѣть, какъ взвѣшиваютъ вещи на вѣсахъ, или же и сами научатся взвѣшивать на рукѣ, чтобы узнать, тяжелая ли это вещь или легкая. X.

12. Съ механическими работами первое знакомство они получаютъ, если имъ позволяютъ и даже пріучаютъ ихъ постоянно проявлять какую-либо дѣятельность, напр.: перенести въ то или другое мѣсто какія-либо вещи, такъ или иначе распредѣлить ихъ, построить или разрушить, связать или развязать и т. д., чтó обыкновенно доставляетъ удовольствіе дѣтямъ этого возраста. И такъ какъ это есть не болѣе, какъ попытки дѣятельной природы искусственно производить предметы, то нужно не только не задерживать, но даже поощрять и разумно направлять ихъ. XI.

13. Діалектика, искусство разума, также уже здѣсь про- XII.

бивается на свѣтъ и даетъ ростки: дитя, замѣчая, что разговоры ведутся въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и само пріучается обо многомъ спрашивать и отвѣчать на вопросы. Надо только пріучать дѣтей спрашивать кстати, а на вопросы отвѣчать прямо, чтобы они привыкали останавливаться мыслію на предложенной темѣ разговора и не уклоняться въ разныя стороны.

XIII. 14. Дѣтская грамматика должна состоять въ томъ, чтобы дѣти правильно говорили на родномъ языкѣ, т. е. членораздѣльно выговаривали звуки, слоги и слова.

XIV. 15. Началомъ реторики будетъ подражаніе тѣмъ тропамъ и фигурамъ, которыя употребляются въ домашнемъ обиходѣ рѣчи; но особенно сюда относятся приличная жестикуляція при разговорѣ съ соотвѣтствущей характеру рѣчи интонаціей, именно, чтобы они, спрашивая, повышали тонъ послѣднихъ слоговъ, а при отвѣтѣ понижали его, и тому подобное, чему учитъ ихъ почти сама природа и что, въ случаѣ ошибки, легко можно исправить посредствомъ разумнаго наставленія.

XV. 16. Предвкушеніемъ поэзіи будетъ то, если дѣти уже въ этомъ нѣжномъ возрастѣ заучатъ достаточное число стихотвореньицъ, преимущественно нравственнаго содержанія, все равно ритмическихъ или метрическихъ, смотря по тому, какіе изъ нихъ свойственны каждому языку.

XVI. 17. Въ музыкѣ первыми началами послужитъ заучиваніе болѣе легкихъ отрывковъ изъ псалмовъ и церковныхъ пѣснопѣній, что будетъ имѣть мѣсто при ежедневномъ участіи въ богослуженіи.

XVII. 18. Началомъ домоводства (экономіи) послужитъ запоминаніе названій лицъ, изъ которыхъ состоитъ семья, т. е. кто называется отцомъ, матерью, горничной, слугой, жильцомъ и т. д., точно также названій частей дома, каковы: зала, печь [105]), спальня, конюшня и т. д. и названій домашнихъ принадлежностей: стола, блюда, ножа, метлы, вмѣстѣ съ ихъ назначеніемъ.

XVIII. 19. Менѣе можетъ быть доступно дѣтямъ знакомство съ государственнымъ управленіемъ (politicae), такъ какъ въ этомъ нѣжномъ возрастѣ умъ едва выступаетъ за предѣлы

дома; однако возможно и это, если дѣти будутъ замѣчать, что нѣкоторые изъ гражданъ собираются въ ратушѣ и называются ратманами и что изъ нихъ одинъ кто-нибудь въ частности носитъ еще названіе бургомистра, другой—судьи, третій—секретаря и т. д.

20. Но ученіе о нравственности (этика) въ особенности должно получить здѣсь самыя твердыя основанія, если мы желаемъ, чтобы добродѣтели стали, такъ сказать, врожденными благовоспитанному юношеству. Напримѣръ, дѣти должны пріучаться: XIX.

1) къ умѣренности, соблюдая мѣру въ удовлетвореніи желудка и не позволяя себѣ ѣсть или пить больше, чѣмъ сколько нужно для утоленія голода и жажды;

2) къ опрятности—чрезъ осторожное обращеніе съ ѣдой, одеждой, также куклами и игрушками *);

3) къ почтительности, обязательной въ отношеніи къ старшимъ;

4) къ послушанію, всегда весело и охотно исполняя то, что приказываютъ или запрещаютъ;

5) къ правдивости, совѣстливой въ каждомъ словѣ, съ тою цѣлью, чтобы они никогда не позволяли себѣ лгать и обманывать, въ шутку ли или серьезно (ибо и шутка чѣмъ-либо нехорошимъ въ концѣ концовъ можетъ причинить серьезный вредъ).

6) Справедливости дѣти научатся, если они безъ позволенія собственника не трогаютъ, не берутъ, не удерживаютъ у себя и не скрываютъ ничего чужаго; если они никого ничѣмъ не огорчаютъ, ни въ чемъ не завидуютъ и т. д.

7) Лучше пріучать ихъ къ любви къ ближнему, чтобы они готовы были отдавать что-нибудь изъ своего, когда кто-нибудь обратится къ нимъ въ силу необходимости, или даже сами по собственному побужденію. Ибо это есть та истинно-христіанская добродѣтель, которая прежде всѣхъ другихъ заповѣдана намъ Духомъ Христа и которую въ особенности необходимо воспламенять въ сердцахъ людей ко благу Церкви при настоящей столь холодной черствости.

*) Собственно «гремушками».

8) Должно также пріучать дѣтокъ къ непрерывнымъ работамъ и занятіямъ, будь то серьезное дѣло или игра, чтобы праздность стала для нихъ невыносимой.

9) Дѣти должны пріучаться не болтать постоянно и не говорить всякій вздоръ, какой приходитъ на языкъ, но умѣть и разумно молчать въ случаѣ необходимости, именно, когда говорятъ другіе, въ присутствіи почетныхъ лицъ, наконецъ, если самое дѣло требуетъ молчанія.

10) Но въ особенности въ этомъ первомъ возрастѣ необходимо пріучать дѣтей къ терпѣнію, въ которомъ они будутъ нуждаться цѣлую жизнь, чтобы обуздать страсти, прежде чѣмъ онѣ пустятъ корни и прорвутся съ неудержимою силою; необходимо также пріучить дѣтей руководиться не внезапнымъ порывомъ, а внушеніями разума и скорѣе обуздывать гнѣвъ, чѣмъ давать ему волю и т. д.

11) Услужливость и предупредительность въ отношеніи къ другимъ составляютъ лучшее украшеніе юношества, да и вообще всей жизни. Поэтому къ нимъ надо пріучать дѣтей уже въ эти первыя шесть лѣтъ, такъ чтобы они не упускали случая, чѣмъ только могутъ, послужить съ своей стороны чужимъ интересамъ.

12) Вѣжливость также необходимое качество, чтобы избѣгать неловкости и неотесанности въ своихъ поступкахъ, а скорѣе во всемъ соблюдать полную пристойность. Сюда относятся формы любезнаго обращенія, именно: привѣтствія, отвѣтные поклоны, почтительныя просьбы, когда въ чемъ-либо нуждаются, и выраженія благодарности за оказанную услугу съ реверансами, цѣлованіемъ руки и тому подобными знаками.

XX. 21. Наконецъ, въ дѣлѣ внушенія религіозныхъ понятій и благочестія шестилѣтнихъ дѣтей можно довести до того, чтобы они знали наизусть главныя части катехизиса, т. е. основы своего христіанскаго міросозерцанія, и, насколько допускаетъ ихъ возрастъ, также понимали ихъ и начинали прилагать ихъ къ дѣлу, именно, чтобы они, проникнутые мыслью о Божествѣ, пріучались не дѣлать ничего дурнаго, видя вездѣ предъ собою присутствующаго Бога и какъ бы боясь Его,

какъ справедливѣйшаго карателя злыхъ; а съ другой стороны, чтобы они, любя Его, какъ милосерднѣйшаго воздаятеля добрыхъ, почитая Его, молясь Ему, прославляя Его и ожидая отъ Него милосердія въ жизни и смерти, привыкли не упускать ничего добраго, чѣмъ они могутъ Ему угодить, и, такъ сказать, жить предъ очами Божіими и (какъ говоритъ Писаніе) ходить съ Богомъ.

Польза такого воспитанія дѣтей.

22. Тогда только можно будетъ сказать о христіанскихъ дѣтяхъ то, что говоритъ Евангелистъ о Самомъ Христѣ, а именно, что «Онъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ» (Лук. 2, 52).

Почему здѣсь нельзя дать болѣе спеціальныхъ правилъ?

23. Таковы цѣли и задачи материнской школы. Изложить ихъ подробнѣе или показать наглядно въ видѣ таблицы, что́ и въ какой мѣрѣ можетъ быть достигнуто ежегодно, ежемѣсячно или ежедневно (какъ, слѣдуя нашему совѣту, необходимо поступать въ школѣ роднаго языка и въ латинской школѣ), въ этомъ случаѣ не такъ удобно, какъ въ слѣдующихъ школахъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что для родителей при домашнихъ ихъ занятіяхъ невозможно такъ строго соблюдать порядокъ, какъ въ общественной школѣ, гдѣ исключительно заняты образованіемъ юношества; а во-вторыхъ, потому что природныя дарованія и способность къ ученію у маленькихъ дѣтей проявляются далеко неодинаково, но у одного раньше, а у другаго позже. Иные уже въ два года необыкновенно говорливы и на все отзывчивы, другіе и въ пять лѣтъ едва способны продѣлывать то же, какъ и первые, такъ что это первое развитіе въ первые годы дѣтства должно предоставить всецѣло благоразумію родителей.

Кромѣ того возможны два прекрасныхъ средства.

I. Обученіе въ материнской школѣ.

24. Однако и здѣсь можно съ пользою сдѣлать двѣ вещи. Во-первыхъ, надо составить наставленіе родителямъ и нянькамъ, чтобы они хорошо знали и понимали свои обязанности, и въ немъ подробно изложить все то, къ чему слѣдуетъ пріучать маленькихъ дѣтей, и при какихъ случаяхъ слѣдуетъ примѣнять каждую мѣру, и какими средствами и пріемами въ словахъ и знакахъ можно что-либо внушать. Такого рода книжечку (подъ заглавіемъ: «Наставленіе къ материнской школѣ») мы и имѣемъ въ виду составить [108]).

II. Возбудитель чувствъ.

25. Второе, что можетъ служить для упражненій въ материнской школѣ, это книжка съ картинками [107]), которую можно иногда давать въ руки самимъ дѣтямъ. Такъ какъ въ этомъ возрастѣ слѣдуетъ упражнять преимущественно внѣшнія чувства для образованія представленій о предметахъ, а изъ этихъ чувствъ особенно выдается зрѣніе, то мы сдѣлаемъ нѣчто полезное, если будемъ представлять послѣднему всѣ важнѣйшія явленія изъ области естествовѣдѣнія, оптики, астрономіи, геометріи и т. д., хоть въ такомъ порядкѣ, который мы только что начертали *). Въ этой книжкѣ можно нарисовать гору, долину, дерево, птицу, рыбу, лошадь, корову, овцу, человѣка въ разныхъ ихъ возрастахъ и разной величины; точно также изобразить свѣтъ и темноту, небесный сводъ съ солнцемъ, луной, звѣздами, облаками, основные цвѣта, также домашнюю утварь и орудія ремесленниковъ: горшки, чашки, кувшины, молотки, щипцы, и т. д., также изображенія различныхъ положеній въ обществѣ, напр. изображеніе царя со скипетромъ и въ коронѣ, солдата съ оружіемъ, крестьянина съ плугомъ, извощика съ телѣгой, почтальона на бѣгу, и надъ всѣми этими картинками сдѣлать надпись, что́ каждая изъ нихъ изображаетъ, именно такъ: Лошадь, Корова, Собака, Дерево и т. д.

Польза такой книжки.

26. Такая книжка будетъ полезна въ трехъ отношеніяхъ: 1) она будетъ усиливать непосредственное впечатлѣніе отъ предметовъ, какъ уже сказано; 2) побуждать молодые умы искать въ каждой книгѣ чего-нибудь занимательнаго; 3) облегчить изученіе азбуки, ибо, такъ какъ надъ этими изображеніями предметовъ въ тоже время будутъ сверху надписаны ихъ названія, то при этомъ можно будетъ начать и изученіе буквъ.

---

*) См. начало этой главы, §§ 2—12.

Глава XXIX.

Планъ школы роднаго языка.

1. Въ IX гл. мы доказали, что въ общественныя школы должны быть посылаемы всѣ дѣти обоего пола. Теперь я прибавляю, что всѣхъ дѣтей нужно ввѣрять сперва школѣ народнаго языка. Въ противоположность этому мнѣнію нѣкто Зепперъ *) въ своемъ «Церковномъ управленіи» (Politia Ecclesiastica), I ч. гл. 7, и Альштедъ **) въ своей «Схоластикѣ», гл. 6, совѣтуютъ посылать въ школы народнаго языка дѣвочекъ, а изъ мальчиковъ только тѣхъ, которые впослѣдствіи будутъ заниматься разными мастерствами; тѣхъ же мальчиковъ, которыхъ родители предназначаютъ къ болѣе обширному умственному развитію, они совѣтуютъ отдавать не въ школы народнаго языка, но прямо въ латинскія. Къ этому Альштедъ прибавляетъ: «Пусть, кто хочетъ, не соглашается съ этимъ, а я предлагаю тотъ путь и способъ дѣйствій, какого слѣдовало бы, по моему мнѣнію, держаться тѣмъ, которыхъ я желалъ бы видѣть наилучшимъ образомъ обученными». Напротивъ, насъ наши основныя правила воспитанія заставляютъ думать иначе.

Школа роднаго языка должна предшествовать латинской школѣ.

2. А именно: 1) Мы имѣемъ въ виду общее обученіе всѣхъ людей всему, что свойственно человѣку. Слѣдовательно, всѣ и должны быть руководимы вмѣстѣ, насколько можно, чтобы они взаимно другъ друга одушевляли, возбуждали, поощряли. 2) Мы хотимъ, чтобы всѣ они пріучались ко всѣмъ добродѣтелямъ, а также къ скромности, согласію и взаимной услужливости. Итакъ, нельзя разъединять ихъ такъ рано и только нѣкоторымъ доставлять случай удовлетворить себя въ большей степени сравнительно съ остальными

Потому что 1.

2.

*) Проповѣдникъ въ Герборнѣ, около 1600 г.

**) Проф. богословія и философіи (также въ Герборнѣ), † 1638.

3. и смотрѣть свысока на другихъ. 3) Было бы слишкомъ опрометчиво желать опредѣлить уже на шестомъ году, къ какому призванію каждый способенъ, къ наукамъ или къ ремеслу: въ это время еще не достаточно обнаруживаются ни умственныя силы, ни сердечныя склонности. Позже и то, и другое лучше будетъ видно; какъ въ огородѣ, пока растенія совершенно нѣжны, нельзя узнать, какія изъ нихъ слѣдуетъ выполоть, и какія оставить, а возможно только тогда, когда они подросли. Да и не одни только дѣти богатыхъ, или знатныхъ, или занимающихъ какія-либо должности, уже въ силу своего рожденія, предназначаются къ такому же почетному положенію, такъ что только для нихъ должна быть открыта латинская школа, между тѣмъ какъ остальные должны быть отвергнуты, какъ безнадежные. Вѣтеръ дуетъ, куда хочетъ, и не всегда начинаетъ дуть въ опредѣленное время.

4. 3. Четвертое основаніе у насъ то, что наша всеобъемлющая метода не домогается только руки этой, обыкновенно столь страстно любимой, дѣвушки—латинскаго языка, но въ равной мѣрѣ ищетъ дороги и для роднаго языка всѣхъ народовъ (чтобы всякое дыханіе болѣе и болѣе хвалило Господа). И это намѣреніе не должно быть разстраиваемо столь произвольнымъ перескакиваніемъ черезъ школу народнаго языка.

5. 4. Въ пятыхъ, желать учить кого-нибудь иностранному языку, прежде чѣмъ онъ владѣетъ роднымъ, рѣшительно то же значитъ, какъ если бы ты захотѣлъ, чтобы твой сынъ учился ѣздить верхомъ, прежде чѣмъ онъ умѣлъ бы ходить. Лучше сдѣлать это отдѣльно, какъ показано въ гл. XVI, въ 4 осн. положеніи. Поэтому, какъ Цицеронъ говорилъ, что онъ не можетъ научить того говорить рѣчи, кто вообще не умѣетъ говорить *); такъ и наша метода признаетъ, что она не умѣетъ учить латинскому языку тѣхъ, которые не понимаютъ роднаго языка, именно потому что послѣдній служитъ руководителемъ къ изученію перваго.

6. 5. Наконецъ, такъ какъ мы ищемъ предметнаго знанія, то одинаково легко можемъ познакомить учениковъ со всѣмъ внѣш-

*) См. стр. 192, § 7.

нимъ кругомъ этихъ знаній съ помощью книгъ, написанныхъ на родномъ языкѣ, которыя заключаютъ въ себѣ названія предметовъ. Послѣ этого ученикамъ тѣмъ легче будетъ учиться латинскому языку, что они къ знакомымъ уже предметамъ будутъ только присоединять новыя названія и съ изящною постепенностью къ познанію по вопросу: что? будутъ присоединять разсмотрѣніе предметовъ по вопросу: почему? *).

Границы и цѣли школы народнаго языка.

6. Обосновавъ такимъ образомъ свое предположеніе относительно четырехчастной школы, мы представимъ теперь слѣдующій очеркъ школы родного языка. Школа роднаго языка должна имѣть задачей и цѣлью научить всѣхъ дѣтей отъ шестаго до двѣнадцатаго включительно (или 13-го) года жизни тому, чѣмъ они могли бы пользоваться цѣлую жизнь. Именно, она должна научить ихъ

I) бѣгло читать на родномъ языкѣ все, какъ печатное, такъ и написанное;

II) писать сперва правильно, потомъ скоро, наконецъ точно, согласно существующимъ въ грамматикѣ роднаго языка правиламъ, которыя надо излагать имъ въ самой популярной формѣ; къ нимъ должны примыкать упражненія;

III) считать цифрами и на счетахъ, смотря по надобности;

IV) искусно измѣрять всякаго рода протяженія: длину, ширину, разстоянія и т. д.;

V) пѣть всѣ употребительныя мелодіи, а болѣе способныхъ учениковъ научить также началамъ художественной музыки;

VI) знать наизусть почти всѣ псалмы и священныя пѣснопѣнія, которыя имѣютъ повсемѣстное употребленіе въ церкви, чтобы ученики, воспитанные въ прославленіи Бога, умѣли (какъ говоритъ Апостолъ) самихъ себя поучать и увѣщевать чрезъ псалмы, хваленія и духовныя пѣсни, и могли воспѣвать ихъ, благодаря Бога въ сердцахъ своихъ.

VII) Кромѣ катехизиса дѣти должны знать самымъ

*) См. стр. 179, § 19.

точнымъ образомъ библейскую исторію и важнѣйшія изреченія изъ всего Св. Писанія, такъ чтобы могли ихъ повторять вслухъ.

VIII) Нравственное ученіе, сведенное въ правила и поясненное примѣрами сообразно степени понятливости въ этомъ возрастѣ, они должны помнить, понимать и привыкать прилагать его въ своей дѣятельности.

IX) Относительно домоводства и государственнаго устройства достаточно, если они узнаютъ столько, сколько это необходимо для пониманія того, что они видятъ ежедневно совершающимся дома и среди гражданъ.

X) Они должны также хорошо знать въ самыхъ общихъ чертахъ исторію, именно: о сотвореніи міра, грѣхопаденіи, искупленіи и управленіи міра мудростію Божіею, вплоть до настоящаго времени.

XI) Изъ космографіи они должны знать главное, именно: объ округлости неба, о шарообразности висящей въ рединѣ его земли, объ окружающемъ ее океанѣ, о разнообразныхъ изгибахъ морей и рѣкъ, о частяхъ свѣта, о главныхъ государствахъ Европы; но особенно они должны изучить города, горы, рѣки собственнаго своего отечества, а также и другія достопримѣчательности.

XII) Наконецъ, относительно механическихъ искусствъ они должны знать почти все хотя въ общихъ чертахъ, чтобы не быть грубыми невѣждами въ томъ, что совершается въ человѣческихъ дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи легче проявилась природная склонность, къ чему каждый преимущественно имѣетъ стремленіе.

Почему здѣсь предполагаются такія широкія границы?

7. Если все это будетъ искусно приведено въ исполненіе въ этой народной школѣ, то не только тѣ юноши, которые поступятъ въ латинскую школу, но также и тѣ, которые, разойдясь по выходѣ изъ народной школы, займутся земледѣліемъ, торговлей и ремеслами, нигдѣ не встрѣтятъ ничего настолько новаго для себя, о чемъ они не получили бы понятія уже въ школѣ; поэтому, съ чѣмъ бы каждому изъ нихъ потомъ ни приходилось имѣть дѣло по своему занятію, что̀ бы ему ни пришлось услышать въ собраніяхъ ли, по случаю богослуженія,

или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, что́ бы, наконецъ, ни прочиталъ онъ въ какихъ-либо книгахъ, все это будетъ для него не что иное, какъ или болѣе полное разъясненіе уже раньше узнаннаго или болѣе подробное развитіе его, и они на самомъ дѣлѣ испытаютъ свою способность правильнѣе и понимать, и дѣйствовать, и судить обо всемъ этомъ.

8. Для достиженія этой цѣли должны служить слѣдующія средства. — Средства, которыми можно доводить ихъ до такихъ границъ.

I. Всю массу учениковъ народной школы, которую приходится удерживать при этихъ занятіяхъ въ продолженіе 6 лѣтъ, надо раздѣлить на 6 классовъ (которые, насколько можно, должны занимать и особыя помѣщенія, чтобы не мѣшать другъ другу). — I) Классы.

II. Въ каждомъ классѣ долженъ быть спеціально назначенный для него учебникъ, который бы исчерпывалъ собою все, относящееся къ этому классу (весь матеріалъ, относящійся къ наукѣ, нравственности и благочестію), для того, чтобы не было надобности сверхъ того ни въ какихъ другихъ книгахъ, пока дѣтей будутъ вести въ этихъ рамкахъ, и чтобы они въ то же время съ помощью этихъ книгъ могли безъ уклоненій быть доведены до цѣли. Ибо эти книги должны исчерпывать весь родной языкъ, т. е. всѣ наименованія тѣхъ предметовъ, какіе дѣти способны понять по своему возрасту, точно также главнѣйшіе и употребительнѣйшіе способы выраженія. — II) Учебники. — N.B.

9. Соотвѣтственно числу классовъ должно быть и шесть книжекъ, различающихся между собою не столько матеріаломъ, сколько формой. Ибо всѣ онѣ будутъ толковать обо всемъ, но каждая предшествующая будетъ предлагать болѣе общее, болѣе знакомое, болѣе легкое, а каждая послѣдующая будетъ вести разсудокъ къ болѣе спеціальному, къ менѣе знакомому и болѣе трудному, или сообщать какой-нибудь новый способъ разсмотрѣнія тѣхъ же самыхъ предметовъ, чтобы доставить умамъ новое развлеченіе, какъ это вскорѣ будетъ видно. — Матеріалъ классныхъ учебниковъ долженъ быть одинаковъ; они должны различаться только формою.

10. Ибо надо заботиться о томъ, чтобы все здѣсь было приспособлено къ наклонностямъ дѣтей, которыя по своей природѣ стремятся къ пріятному, забавному и — Но все должно быть приспособлено къ наклонностямъ

нѣжнаго возраста.

веселому, а отъ серьезнаго и строгаго обыкновенно отвращаются. Слѣдовательно, для того чтобы серьезное, хотя бы нѣкогда и очень полезное, не только изучалось, но и изучалось легко и съ удовольствіемъ, слѣдуетъ всегда съ полезнымъ соединять пріятное, чтобы этой какъ бы постоянной приманкой привлекать умы и завлекать ихъ туда, куда мы хотимъ.

Ради привлекательности книжкамъ даютъ прекрасныя заглавія.

11. Такія книжки должны отличаться также заглавіями, которыя, привлекая дѣтей своею пріятностью, въ тоже время въ прекрасной формѣ выражали бы все содержаніе. Въ такомъ родѣ, я надѣюсь, будутъ заглавія, заимствуемыя отъ видовъ сада, самой пріятной для всѣхъ собственности. Именно, такъ какъ школа похожа на садъ, то почему бы и книжку, предназначаемую для перваго класса, не назвать садомъ фіалокъ, книжку для втораго класса—садомъ розъ, а книжку для третьяго класса—фруктовымъ садомъ и т. д.?

Всѣ техническія названія должны быть на родномъ языкѣ. Почему?

12. Впрочемъ болѣе точныя указанія относительно этихъ книгъ и ихъ содержанія и формы будутъ даны въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь я прибавлю только слѣдующее: такъ какъ онѣ будутъ написаны на родномъ языкѣ, то техническія названія должны быть также на родномъ языкѣ, а не должны быть употребляемы для этого латинскія или греческія названія. Основанія. 1) Мы заботимся о томъ, чтобы дѣти усвоивали все безпрепятственно, а все иностранное, прежде чѣмъ они его поймутъ, необходимо объяснять, и всетаки оно остается непонятнымъ даже послѣ объясненія, а только принимается на вѣру, что оно обозначаетъ то, что́ обозначаетъ, и съ трудомъ удерживается въ памяти. Напротивъ, такъ какъ при употребленіи названій на родномъ языкѣ требуется только объяснить вещь, обозначенную словомъ, то эти названія скоро дѣлаются понятны и запечатлѣваются въ памяти. Слѣдовательно, всякія препятствія и мученія должны быть устраняемы отъ этого первоначальнаго обученія, дабы все шло плавно. 2) Далѣе, мы желаемъ, чтобы родные языки развивались не такъ, какъ у французовъ, которые удерживаютъ непонятныя для простаго народа греческія и латинскія выраженія (за

это и порицаетъ ихъ Стевинъ *), но выражая все общепонятными словами, какъ это совѣтовалъ тотъ же Стевинъ своимъ соотечественникамъ Бельгійцамъ (Геогр., кн. 1) и прекрасно примѣнилъ это въ математикѣ.

13. Можно, конечно, возразить и обыкновенно возражаютъ, что, во-первыхъ, не всѣ языки такъ богаты, чтобы могли такъ же удачно передавать то, что выражено по-гречески или по-латыни; далѣе, если бы даже можно было передавать на нихъ, то ученые, привыкши къ своимъ техническимъ выраженіямъ, не отстанутъ отъ нихъ; наконецъ, лучше, чтобы мальчики, которымъ предстоитъ изучать латинскій языкъ, уже здѣсь привыкали къ языку ученыхъ, для того, чтобы позже не пришлось снова учиться техническимъ выраженіямъ. Три возраженія.

14. Отвѣчаю на это. Не языки, но люди виноваты, если какой-либо языкъ оказывается темнымъ, искаженнымъ и недостаточнымъ для выраженія того, что необходимо. Римляне и греки равнымъ образомъ должны были сперва создавать слова, прежде чѣмъ послѣднія вошли въ употребленіе; притомъ эти слова вначалѣ казались грубыми и темными, такъ что сами творцы ихъ сомнѣвались, можно ли ихъ смягчить; однако же, получивъ доступъ въ языкѣ, эти слова оказались какъ нельзя болѣе выразительными. Это извѣстно, напримѣръ, относительно словъ: Ens (сущее), Essentia (сущность), Substantia (субстанція), Accidens (случайное), Qualitas (качество), Quidditas (способность быть чѣмъ-нибудь) и т. д. Слѣдовательно, ни одинъ языкъ не окажется недостаточнымъ въ какомъ либо отношеніи, если у людей не будетъ недостатка въ усердіи. Отвѣтъ на первое возраженіе.

15. Что касается втораго возраженія, то на это отвѣтъ такой: пусть ученые и держатся своего для себя, мы же въ настоящемъ случаѣ заботимся о необразованныхъ, именно о томъ, какъ бы посодѣйствовать имъ въ пониманіи благородныхъ искусствъ и наукъ, для того, конечно, чтобы намъ не говорить имъ чужими устами или на иностранномъ языкѣ. Отвѣтъ на второе возраженіе.

16. Наконецъ, тѣ изъ мальчиковъ, которымъ предстоитъ учиться языкамъ, такъ же мало неудобства будутъ ощущать отъ Отвѣтъ на третье возраженіе.

---

*) Математикъ, † 1633 въ Лейденѣ.

того, что они будутъ знать техническія выраженія на родномъ языкѣ, какъ и отъ того, что они раньше будутъ призывать Бога Отца на своемъ языкѣ, чѣмъ на латинскомъ.

Третье требованіе—хорошій способъ преподаванія, который имѣетъ четыре закона.

17. III *). Третье наше требованіе—легкій способъ преподаванія по этимъ книгамъ. Мы сводимъ его къ слѣдующимъ четыремъ замѣчаніямъ.

1. Школьному ученію необходимо посвящать ежедневно не болѣе четырехъ часовъ, именно: по два часа до обѣда и по два послѣ обѣда. Остальное время можно съ пользою употреблять на услуги по дому (особенно у болѣе бѣдныхъ), или на благородныя развлеченія.

2. Утренніе часы нужно посвящать развитію ума и памяти, а послѣобѣденные — списыванію и пѣнію [108]).

3. Поэтому въ утренніе часы учитель, при всеобщемъ вниманіи учениковъ, долженъ предварительно прочитать урокъ, назначенный на этотъ часъ, потомъ вторично прочитать его и, если что потребуетъ объясненія, объяснить это самымъ понятнымъ образомъ, такъ чтобы дѣти не могли не понять урока. Затѣмъ онъ заставитъ ихъ самихъ по очереди снова прочитать съ тѣмъ, чтобы въ то время, какъ одинъ будетъ громко и ясно читать, остальные молча слѣдили, глядя въ свои книги. Если это продолжится половину урока или даже дольше, то въ результатѣ окажется, что сначала болѣе даровитые ученики будутъ пытаться повторять безъ книги, а наконецъ и болѣе непонятливые. Ибо эти задачи должны быть очень незначительны по объему и соразмѣрены съ часовою продолжительностью уроковъ и воспріимчивостью дѣтскихъ способностей.

4. Этотъ матеріалъ еще болѣе укрѣпляется въ памяти дѣтей въ послѣобѣденные часы, такъ какъ мы желаемъ, чтобы въ эти часы ничему новому не учили, а только повторяли тоже самое, и при томъ частію чрезъ списываніе съ тѣхъ же самыхъ книгъ, частію путемъ состязанія въ томъ, кто скорѣе другаго затвердитъ и повто-

*) См. стр. 261, § 8.

рить объясненное прежде, или кто вѣрнѣе (или красивѣе) напишетъ, пропоетъ, сосчитаетъ и т. д.

18. Мы не напрасно совѣтуемъ заставлять всѣхъ мальчиковъ собственноручно и какъ можно опрятнѣе списывать съ своихъ печатныхъ учебниковъ. Ибо 1) это послужитъ къ болѣе вѣрному укрѣпленію въ памяти всего, такъ какъ ихъ мысль дольше будетъ занята однимъ и тѣмъ же матеріаломъ; 2) чрезъ такое ежедневное упражненіе въ списываніи они пріобрѣтутъ прочный навыкъ въ каллиграфіи, скорописи и правописаніи, очень необходимый для послѣдующихъ занятій въ школѣ и жизни; 3) для родителей дѣтей это будетъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, что въ школѣ дѣлается то, что слѣдуетъ, и по успѣхамъ дѣтей имъ легче будетъ судить, насколько они превосходятъ ихъ самихъ.

Почему здѣсь совѣтуется заставлять учениковъ списывать со всѣхъ классныхъ учебниковъ. 1. 2. 3.

19. Всѣ болѣе подробныя указанія мы отлагаемъ до другаго времени, напоминая, однако, о томъ, что если чьи-либо дѣти должны будутъ заниматься изученіемъ языковъ сосѣднихъ народовъ, то это должно дѣлаться теперь же, на десятомъ, одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году жизни, слѣдовательно, въ промежутокъ между школой народнаго языка и латинской, чего удобнѣе всего достигнуть, если дѣтей отправить туда, гдѣ въ ежедневномъ употребленіи не ихъ родной языкъ, а тотъ, которому имъ предстоитъ учиться, а также если они будутъ читать, списывать и заучивать наизусть по книжкамъ, употребляемымъ въ школѣ народнаго языка (которыя по содержанію имъ уже извѣстны), но написаннымъ на этомъ же новомъ языкѣ, и будутъ совершенствоваться *) въ немъ посредствомъ письменныхъ и устныхъ упражненій, взятыхъ оттуда же.

Совѣтъ начинать между тѣмъ изученіе чужихъ языковъ.

Глава XXX.

Очеркъ латинской школы.

1. Цѣлями ея мы назначаемъ полное усвоеніе всего круга искусствъ **) и четырехъ языковъ, т. е. мы должны, над-

Цѣли ея: усвоеніе четырехъ языковъ и всего круга искусствъ.

*) Въ подлинникѣ передъ excolant пропущено *sc*.

**) См. примѣч. 104.

лежащимъ образомъ проведя дѣтей чрезъ эти классы, сдѣлать ихъ

I) грамматиками, способными дать отчетъ во всѣхъ явленіяхъ языка, притомъ относительно латинскаго и роднаго языка—въ совершенствѣ, а относительно греческаго и еврейскаго—въ предѣлахъ надобности;

II) діалектиками, искусными въ составленіи опредѣленій, раздѣленій, въ составленіи и разрѣшеніи умозаключеній;

III) реториками или ораторами, умѣющими изящно говорить о каждомъ данномъ предметѣ;

IV) ариѳметиками и

V) геометрами, какъ въ виду разнообразныхъ требованій жизни, такъ и по той причинѣ, что эти науки особенно возбуждаютъ и изощряютъ умъ для другихъ занятій;

VI) музыкантами—практиками и теоретиками;

VII) астрономами, знающими, по крайней мѣрѣ, основы науки, именно ученіе о шарообразности земли и астрономическія вычисленія, такъ какъ безъ этихъ знаній для нихъ будетъ неясно не только естествовѣдѣніе, но и географія и даже въ большей своей части исторія.

2. Это и есть тѣ пресловутыя «семь свободныхъ искусствъ», знаніе которыхъ необходимо, какъ думаетъ публика, для магистра философіи. Но наши ученики, чтобы достигнуть высшаго знанія, должны быть сверхъ того

VIII) естествовѣдами, способными понимать устройство вселенной, свойства элементовъ, отличительные признаки животныхъ, свойства растеній и металловъ, строеніе человѣческаго тѣла и т. д., не только вообще, какъ эти предметы существуютъ сами по себѣ, но и въ примѣненіи ихъ къ нашимъ потребностямъ, что составитъ содержаніе медицины, земледѣлія и механическихъ искусствъ;

IX) географами, которые могли бы представлять себѣ въ умѣ картину земной поверхности, морей съ островами, рѣкъ, государствъ и т. д.;

X) **хронологами**, которые помнили бы теченіе вѣковъ отъ начала міра, со всѣми ихъ подраздѣленіями;

XI) **историками**, которые умѣли бы перечислить большую часть достопримѣчательныхъ перемѣнъ въ жизни рода человѣческаго, главныхъ государствъ и Церкви и всевозможные обычаи и судьбы народовъ и людей;

XII) **этиками**, которые умѣли бы точно наблюдать роды и различія добродѣтелей и пороковъ и послѣднихъ избѣгать, а первымъ подражать, имѣя не только общее понятіе о нихъ, но и частное въ ихъ отношеніи къ домашней, государственной, церковной жизни и т. д.

XIII) Наконецъ, мы желаемъ, чтобы они сдѣлались **богословами**, которые бы не только знали основы своей вѣры, но и умѣли защищать ее на основаніи Писанія.

3. **Во всемъ этомъ юноши, по окончаніи этого шестилѣтняго курса ученія, должны оказаться если не совершенно свѣдущими** (ибо, съ одной стороны, полное совершенство недоступно юношескому возрасту, такъ какъ для подкрѣпленія теоріи практикою имъ необходимъ болѣе продолжительный опытъ, а съ другой стороны, невозможно въ продолженіе какихъ-нибудь шести лѣтъ исчерпать океанъ знаній), **то, по крайней мѣрѣ, имѣющими твердыя основы для будущаго, такъ сказать, совершеннаго знанія.**

4. **Необходимы шесть отдѣльныхъ классовъ соотвѣтственно тому, что и образованіе распредѣляется на 6 лѣтъ.** Названія этихъ классовъ, считая съ низшаго, могутъ быть слѣдующія: Путь къ этимъ цѣлямъ — 6 классовъ.

Классъ:
I) **грамматическій,**
II) **естествовѣдѣнія,**
III) **математическій,**
IV) **этическій,**
V) **діалектическій,**
VI) **реторическій.**

5. **Никто, надѣемся, не станетъ спорить противъ того, что мы ставимъ грамматику, какъ бы привратницу, на первомъ мѣстѣ**; однако тѣмъ, которые слѣдуютъ обычаю, какъ закону, можетъ казаться страннымъ, что **діалектику** Почему за грамматическимъ классомъ не должны непосредственно

следовать діалектическій и реторическій?

и реторику мы помѣщаемъ даже послѣ реальныхъ наукъ. Однако это такъ и слѣдуетъ. Мы уже доказали, что съ предметами слѣдуетъ знакомить раньше, чѣмъ съ родами и видами ихъ, т. е. съ матеріей раньше, чѣмъ съ формой *), и что единственная метода, которая способна дать прочные и быстрые успѣхи, это— пріобрѣтеніе познанія предметовъ, прежде чѣмъ насъ заставятъ или глубокомысленно разсуждать о нихъ, или выражаться цвѣтистой рѣчью. Иначе, т. е. предполагая, что ты располагаешь всѣми формами сужденія и выраженія, но бѣденъ знаніемъ предметовъ, которые долженъ изслѣдовать или въ которыхъ долженъ убѣждать [109]), что же ты будешь изслѣдовать или въ чемъ убѣждать? Какъ невозможно, чтобы невинная дѣвушка родила ребенка, точно такъ же невозможно разумно говорить о предметахъ тому, кто не пріобрѣлъ предварительно знанія ихъ. Предметы сами по себѣ остаются тѣмъ, что они есть, хотя бы разумъ или языкъ и не прикасались къ нимъ; напротивъ, разумъ и языкъ всегда вращаются около предметовъ и зависятъ отъ нихъ: безъ предметовъ они или исчезаютъ, или, вслѣдствіе глупой или смѣшной попытки, дѣлаются звукомъ безъ смысла. Слѣдовательно, такъ какъ мышленіе и языкъ основываются на предметахъ, то необходимо требуется предпосылать имъ это основаніе.

Почему этическій классъ ставится послѣ класса естествовѣдѣнія?

6. Что естествовѣдѣніе должно предшествовать ученію о нравственномъ (этикѣ), достаточно доказали ученые, хотя многіе дѣлаютъ наоборотъ. Липсіусъ **), Physiologiae stoicorum l. I, c. 1, пишетъ: «я склоняюсь къ мнѣнію великихъ авторитетовъ и соглашаюсь съ ними въ томъ, что на первомъ мѣстѣ должны быть изучаемы естественныя науки. Удовольствіе, находимое въ этой области (философіи), сильнѣе, такъ какъ она способна увлекать и приковывать къ себѣ; да и достоинство ея выше, а блескъ ея способенъ возбудить изумленіе; наконецъ, она служитъ подготовкой и воспитаніемъ ума къ плодотворному слушанію этики».

---

*) См. примѣч. 55 и 70.

**) † 1606 профессоромъ въ Лёвенѣ.

7. Относительно математическаго класса можетъ быть сомнѣніе, долженъ ли онъ слѣдовать за классомъ естествовѣдѣнія или предшествовать ему. Конечно, древніе имѣли обыкновеніе начинать изученіе существующаго занятіями по математикѣ; поэтому онѣ и самымъ занятіямъ дали названіе «предметы изученія» (μαθήματα), и Платонъ не допускалъ въ свою Академію ни одного «не-геометра» (ἀγεωμέτρητον). Причина очевидна: науки эти, имѣя дѣло съ числами и величинами, основываются болѣе на чувственномъ воспріятіи, поэтому онѣ легче и опредѣленнѣе и способствуютъ накопленію и удержанію силы воображенія; наконецъ, онѣ располагаютъ и побуждаютъ къ изученію другихъ предметовъ, болѣе удаленныхъ отъ внѣшнихъ чувствъ. Почему математика не предпосылается естествовѣдѣнію, по примѣру древнихъ?

8. Это совершенно вѣрно; однако мы должны при этомъ принять во вниманіе и нѣкоторыя другія соображенія. Именно: 1) Мы дали совѣтъ въ школѣ роднаго языка постоянно упражнять внѣшнія чувства и пробуждать умъ при помощи того, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, уже послѣ того какъ ученіе о числахъ будетъ тщательно пройдено; слѣдовательно, наши ученики въ этомъ случаѣ не будутъ вполнѣ невѣждами въ геометріи (ἀγεωμέτρητοι). Отвѣтъ I.
2) Наша метода преподаванія всегда идетъ впередъ шагъ за шагомъ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію величинъ, которыя представляютъ нѣчто высшее, цѣлесообразно будетъ ввести между тѣмъ ученіе о тѣлахъ конкретныхъ предметовъ, какъ переходную ступень къ болѣе тонкому пониманію вышеуказанныхъ отвлеченностей. 2.
3) Къ курсу математическаго класса мы присоединяемъ большую часть того, что входитъ въ область искусства, а объ этомъ едва ли можно получить легкое и вѣрное понятіе безъ изученія естествовѣдѣнія. Поэтому мы и ставимъ впередъ послѣднее. Впрочемъ, если доводы или самый опытъ другихъ докажутъ все-таки другое, то я далекъ отъ мысли бороться противъ этого. А пока мы устанавливаемъ наше распредѣленіе сообразно нашимъ основаніямъ. 3.

9. Послѣ того какъ такимъ образомъ (съ помощью «Сѣней» и «Двери», для которыхъ мы назначаемъ первый классъ) ученики пріобрѣтутъ достаточный навыкъ въ латинскомъ языкѣ, мы совѣтуемъ преподавать ученикамъ самую общую Естествовѣдѣнію должна быть предпослана метафизика, но какая?

науку, которую называютъ иногда «Первою мудростью», но обыкновенно «Метафизикою» [правильнѣе ей слѣдовало бы называться, по моему мнѣнію, Профизикой или Гипофизикой, Antenaturalis (Введеніемъ въ естествовѣдѣніе) или Subnaturalis doctrina (Основнымъ естествовѣдѣніемъ)] [110]), конечно, съ тѣмъ, чтобы она раскрывала первыя и глубочайшія основанія природы, т. е. необходимыя условія, качества и различія всѣхъ вещей не только въ видѣ самыхъ общихъ законовъ всѣхъ вещей, но также и въ формѣ опредѣленій (дефиницій), основныхъ положеній (аксіомъ), представленій (идей) и соединеній. Ибо, когда это будетъ извѣстно (а этого легко достигнуть при нашей методѣ преподаванія), то послѣ того можно будетъ разсматривать всѣ подробности такимъ образомъ, что онѣ въ значительной своей части будутъ представляться какъ бы уже раньше знакомыми, и ничто не будетъ казаться особенно новымъ, исключая примѣненія общаго къ каждой частности. Поэтому непосредственно за этимъ общимъ, употребляя на это приблизительно три мѣсяца (ибо это очень легко будетъ усвоить, такъ какъ это, такъ сказать, чистые принципы, которые признаетъ и допускаетъ сознаніе каждаго человѣка само по себѣ въ силу прирожденнаго ему свѣта), надо перейти къ разсмотрѣнію видимаго міра, чтобы (указанныя въ «Профизикѣ») чудесныя произведенія природы все болѣе и болѣе уяснялись прежде всего на частныхъ примѣрахъ изъ природы. Въ этихъ занятіяхъ и будетъ состоять классъ естествовѣдѣнія.

За классомъ естествовѣдѣнія слѣдуетъ математическій классъ, а за нимъ— этическій.

10. Потомъ ученики перейдутъ отъ сущности вещей къ болѣе точному разсмотрѣнію ихъ свойствъ (Accidentia); это мы называемъ математическимъ классомъ.

11. Вскорѣ затѣмъ передъ учащимися предстанетъ, какъ предметъ наблюденія, самъ человѣкъ со всѣми проявленіями своей воли, этотъ, такъ сказать, владыка вещей, чтобы они привыкали наблюдать, что̀ подлежитъ нашей власти и рѣшенію, а что̀ нѣтъ, и какимъ образомъ можно всѣмъ управлять по законамъ всего существующаго и т. д. Этому они будутъ обучаться на четвертый годъ въ этическомъ классѣ. Но все это слѣдуетъ излагать уже не

только указывая факты (historice), посредствомъ «что» (per τό ὅτι), какъ это дѣлалось при элементарномъ обученіи въ школѣ роднаго языка, но и указывая причины (per τό διότι) *), чтобы ученики уже теперь пріучались обращать вниманіе на причины и слѣдствія явленій. Однако въ этихъ первыхъ четырехъ классахъ надо избѣгать примѣшивать что-либо спорное, потому что мы желаемъ отнести это цѣликомъ къ пятому классу, о чемъ теперь и слѣдуетъ рѣчь.

12. И такъ, въ діалектическомъ классѣ, послѣ предварительнаго, самаго краткаго изложенія правилъ о составленіи умозаключеній, по нашему мнѣнію, должно толковать о предметахъ естествовѣдѣнія, математики и этики, и все, что встрѣтится болѣе важнаго изъ предметовъ спора между учеными, здѣсь, наконецъ, должно быть разсматриваемо со всѣхъ сторонъ. При этомъ надо указывать: въ чемъ источникъ спора? каково настоящее положеніе его? что утверждается и что противополагается? какими истинными или правдоподобными доказательствами можно защитить то или это? Потомъ нужно раскрыть ошибку въ одномъ утвержденіи, а также поводъ къ ней и если есть что ложнаго въ доказательствахъ; далѣе, показать силу доказательствъ, говорящихъ за истинное утвержденіе и т. д.; или, съ другой стороны, если оба утвержденія заключаютъ въ себѣ долю истины, то какъ ихъ примирить? Такъ заразъ можно будетъ не только очень пріятно повторить раньше понятое, но и съ большою пользою разъяснить себѣ раньше непонятое. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое искусство составлять умозаключенія, изслѣдовать неизвѣстное, разъяснять темное, различать двусмысленное, ограничивать общее, защищать истинное оружіемъ самой истины и опровергать ложное, наконецъ, вносить порядокъ въ запутанное путемъ непрерывнаго ряда примѣровъ будетъ преподано скоро, т. е. краткимъ и дѣйствительнымъ способомъ.

Діалектическій классъ.

13. Послѣдній классъ будетъ реторическій, въ которомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ упражнять въ истинномъ,

Реторическій классъ.

*) См. стр. 179 и 247.

легкомъ и пріятномъ приложеніи къ дѣлу всего до сихъ поръ преподаннаго, чтобы было видно, что наши ученики чему-нибудь да научились и не даромъ были въ школѣ. Именно, согласно Сократовскому правилу: «говори, чтобы я могъ видѣть тебя», мы хотимъ теперь сдѣлать способнымъ къ мудрому краснорѣчію языкъ тѣхъ, въ которыхъ до сихъ поръ мы главнымъ образомъ развивали умъ къ воспріятію мудрости.

14. Итакъ, предпославъ опять самыя краткія и ясныя правила краснорѣчія, надо перейти къ упражненіямъ, т. е. къ подражанію всѣмъ лучшимъ мастерамъ рѣчи, однако не держась все около однихъ и тѣхъ же предметовъ, но опять дѣлая экскурсіи во всѣ поля истины и разнообразія вещей, на луга человѣческой добродѣтели и въ сады божественной премудрости съ тѣмъ, чтобы ученики все, что они знаютъ истиннаго или добраго, т. е. полезнаго, пріятнаго и нравственнаго, могли и выражать въ прекрасной формѣ, и, въ случаѣ надобности, доказывать съ силою убѣдительности. Для этого они, стоя уже на такой степени развитія, будутъ имѣть очень достаточный запасъ средствъ, а именно: прекрасное знаніе всевозможныхъ предметовъ и почти достаточный запасъ словъ, оборотовъ рѣчи, пословицъ, изреченій, историческихъ разсказовъ и т. д.

Изученіе исторіи должно быть распространено на всѣ классы.

15. Впрочемъ, подробнѣе объ этомъ будетъ сказано, если представится надобность, въ другой разъ. Ибо опытъ самъ по себѣ дастъ остальное. Мы хотимъ прибавить только одно. Такъ какъ знаніе исторіи, несомнѣнно, есть самая прекрасная сторона образованія и, такъ сказать, око цѣлой жизни, то, по моему мнѣнію, изученіе ея должно продолжаться во всѣхъ классахъ, съ тѣмъ, чтобы наши питомцы хорошо знали все, что особенно достопамятнаго несомнѣнно было сдѣлано или сказано всей древностью. Однако желательно это изученіе распредѣлить съ такой предусмотрительностью, чтобы оно не столько увеличивало, сколько облегчало трудъ учениковъ и служило имъ пріятной приправой къ болѣе серьезнымъ занятіямъ.

16. Мы лично пришли къ той мысли, что можно составить для каждаго класса особенную книжечку, въ которую входили бы историческіе разсказы извѣстнаго рода, а именно. чтобы

Какимъ именно образомъ?

въ I } классѣ излагалась сокращенная библейская исторія,
» II } естественная исторія,
» III } исторія произведеній искусствъ: изобрѣтенія и т. п.,
» IV } исторія нравственныхъ явленій: выдающіеся примѣры добродѣтелей и т. п.,
» V } исторія обрядовъ: разнообразные религіозные обряды народовъ и т. д.,
» VI } всеобщая исторія: исторія вселенной и главнѣйшихъ народовъ, особенно же отечественная, все въ сокращенномъ видѣ, но нигдѣ не пропуская необходимаго.

17. Относительно спеціальной методы, которой слѣдуетъ держаться въ этихъ школахъ, я хочу сказать теперь только слѣдующее. Четыре обыкновенныхъ урочныхъ часа мы желали бы распредѣлить такъ: оба утренніе часа (послѣ молитвы) должны итти на ту науку или искусство, по которой и классъ называется; послѣ обѣда первый часъ посвящается исторіи, а второй часъ—упражненію въ слогѣ, пѣніи и списываніи *), смотря по матеріалу занятій каждаго класса.

Напоминаніе о необходимости постоянно держаться однообразной методы.

Глава XXXI.

Академія [111]).

1. Наша учебная метода, конечно, не простирается такъ далеко; однако, что́ запрещаетъ намъ указать, къ чему клонятся и здѣсь наши желанія? Выше мы сказали, что академіи по всей справедливости предоставляются завер-

Почему здѣсь говорится объ академіи?

*) См. примѣч. 108.

шеніе и дополненіе всѣхъ наукъ и всѣ высшія отрасли ихъ.

2. И такъ, мы желаемъ:

Три желанія, вытекающія изъ этого.

I) чтобы здѣсь дѣйствительно занимались всесторонними знаніями, такъ чтобы въ наукахъ и человѣческой мудрости не было ничего такого, о чемъ бы здѣсь не сообщалось;

II) чтобы здѣсь примѣнялись болѣе легкіе и вѣрные способы изученія—съ цѣлью дать основательное образованіе всѣмъ, которые сюда поступаютъ;

III) чтобы публичныхъ почестей удостоивались только тѣ, которые счастливо достигли своихъ цѣлей и достойны и способны къ тому, чтобы имъ можно было безопасно ввѣрить кормило управленія человѣческими дѣлами. Какія требованія предполагаетъ каждое изъ этихъ нашихъ желаній, мы и на это скромно укажемъ.

I) Чтобы академіи дѣйствительно были мѣстами для всестороннихъ научныхъ занятій *);

3. Для того, чтобы занятія въ академіяхъ были всесторонними, необходимо 1) имѣть профессорами наукъ, искусствъ, прикладныхъ знаній и языковъ ученыхъ и преданныхъ дѣлу людей, которые бы, какъ живыя кладовыя, доставали изъ себя и сообщали всѣмъ все, 2) отборную библіотеку изъ разныхъ писателей для общаго всѣхъ пользованія.

II) чтобы метода преподаванія въ нихъ была дѣйствительно всесторонней. Но при этомъ надо соблюдать слѣд. условія:

4. Самая дѣятельность академій пойдетъ легче и успѣшнѣе, если, во-первыхъ, сюда будутъ поступать только молодые люди съ лучшими дарованіями, цвѣтъ человѣчества, а остальные будутъ направляемы къ сохѣ, или къ ремеслу, или къ торговлѣ, кто къ чему рожденъ.

I.

5. Во-вторыхъ, если каждый будетъ посвящать себя изученію того, къ чему его предназначила сама природа, насколько можно это заключить по несомнѣннымъ признакамъ. Ибо, какъ въ силу природнаго влеченія одинъ дѣлается лучшимъ, нежели другой, музыкантомъ, поэтомъ, ораторомъ, естествоиспытателемъ и т. д.; такъ и къ

II.

*) Это и выражается латинскимъ словомъ: «университетъ» (universitas).

богословію, медицинѣ и законовѣдѣнію одинъ бываетъ способнѣе другаго. Но здѣсь то слишкомъ часто и дѣлаютъ ошибки, желая по произволу «изъ каждаго бревна сдѣлать Меркурія», не обращая вниманія на природную наклонность. Отсюда и является то, что мы, набрасываясь, вопреки собственному желанію, на ту или другую науку, не производимъ ничего достойнаго похвалы и часто имѣемъ болѣе успѣха въ какомъ-либо побочномъ дѣлѣ, нежели въ своей профессіи. Поэтому было бы разумно, если бы завѣдывающіе школами при выпускѣ изъ классической школы производили публичное испытаніе природныхъ дарованій и сами рѣшали, кого изъ молодыхъ людей слѣдуетъ послать въ академію, а кого лучше направить къ другимъ родамъ дѣятельности; а также и то, кто изъ тѣхъ, которымъ предстоитъ продолжать научныя занятія, долженъ посвятить себя изученію богословія, или науки о государствѣ (politiae), или медицины и т. д., сообразно съ природными наклонностями каждаго изъ нихъ или съ потребностями Церкви и государства.

6. Въ третьихъ, необыкновенные таланты слѣдуетъ поощрять ко всему, чтобы не было недостатка въ людяхъ «многознающихъ» (πολυμαθεῖς), или «всезнающихъ» (παμμαθεῖς), или «обладающихъ полною мудростью» (πάνσοφοι) [112]. III.

7. Надо, однако, заботиться о томъ, чтобы академіи держали только прилежныхъ, нравственныхъ и даровитыхъ юношей и не терпѣли студентовъ только по виду, которые, къ вредному соблазну для остальныхъ, въ праздности и роскоши растрачиваютъ и отцовское имущество, и годы. Ибо, гдѣ не будетъ заразы, тамъ не будетъ и зараженія, именно, если всѣ будутъ заняты тѣмъ, что имъ надлежитъ дѣлать. IV.

8. Въ академіи, сказали мы, слѣдуетъ знакомить съ писателями всякаго рода. Но для того, чтобы это не было слишкомъ обременительно и все-таки приносило пользу, желательно, чтобы ученые, какъ то: филологи, философы, богословы, медики и т. д. были приглашены оказать учащемуся юношеству такую же услугу, какую оказываютъ географы изучающимъ географію, представляя на картахъ цѣлыя провин- V.

ціи, государства и міры и давая возможность однимъ взглядомъ заразъ обнять обширнѣйшія пространства суши и моря. Ибо, если живописцы воспроизводятъ, какъ въ дѣйствиности, страны, города, дома, людей и все болѣе или менѣе значительное, то почему же не могли бы такимъ же образомъ быть воспроизведены предъ нами и Цицеронъ, Ливій [113]), Платонъ, Аристотель, Плутархъ [114]), Тацитъ [115]), Геллій [116]), Гиппократъ, Галенъ [117]), Цельзъ, [118]), Августинъ, Іеронимъ и т. д., не только въ видѣ «избранныхъ изреченій» и «цвѣтовъ рѣчи» (какъ это сдѣлано относительно нѣкоторыхъ), но и въ видѣ полнаго, но сведеннаго къ главнымъ пунктамъ, систематическаго извлеченія изъ ихъ сочиненій.

Отличная польза этого четверояная.

9. Такого рода извлеченія изъ писателей могли бы принести ту отличную пользу, что, во первыхъ, тѣ,

1. которые не имѣютъ времени читать ихъ въ полномъ объемѣ, пріобрѣли бы себѣ хотя бы общее понятіе о любомъ писа-

2. телѣ; во вторыхъ, тѣ, которые (согласно совѣту Сенеки) желаютъ глубже проникнуться духомъ какого-нибудь отдѣльнаго писателя (не всѣмъ доступно все въ одинаковой мѣрѣ), легче и сознательнѣе могли бы сдѣлать выборъ, послѣ того, какъ они, познакомившись со многимъ, почувствуютъ, что то или это особенно подходитъ подъ ихъ вкусъ; въ треть-

3. ихъ, тѣмъ, которые должны вполнѣ изучать самихъ писателей, эти извлеченія послужатъ отличной подготовкой къ плодотворному чтенію, совершенно такъ, какъ для отправляющагося на чужбину полезно предварительно изучить по картѣ описаніе той мѣстности, чтобы легче, вѣрнѣе и пріятнѣе можно было наблюдать по частямъ все, что позже будетъ попадаться

4. имъ на глаза; наконецъ, эти краткія обозрѣнія могутъ пригодиться имъ при вторичномъ бѣгломъ чтеніи писателей, при чемъ всегда встрѣтится что-нибудь такое, что прочно засядетъ въ головѣ и перейдетъ въ плоть и кровь.

Совѣтъ относительно изданія такихъ извлеченій.

10. Но такія систематическія извлеченія изъ писателей можно было бы не только издать отдѣльно (для употребленія ихъ болѣе бѣдными или тѣми, которые не въ состояніи читать полныхъ сочиненій), но и помѣщать ихъ въ видѣ введеній къ сочиненіямъ писателей, чтобы при-

ступающій къ чтенію ихъ сперва получилъ общій взглядъ на цѣлое.

11. Что касается практическихъ занятій въ академіи, то, быть можетъ, было бы очень полезно ввести публичныя совмѣстныя собесѣдованія, по образцу Геллієва общества*). Именно, по каждому предмету, о которомъ профессоръ говоритъ съ каѳедры, можно всѣхъ лучшихъ писателей, которые также трактуютъ объ этомъ, распредѣлять между студентами для домашняго чтенія, и все, что профессоръ въ дообѣденный часъ излагалъ съ каѳедры, дѣлать предметомъ разбора и въ послѣобѣденный часъ, но опять предъ цѣлымъ кругомъ слушателей, именно такимъ образомъ, что студенты сами предлагаютъ вопросы по поводу того, что иной что-нибудь не вполнѣ понялъ, или въ чемъ-нибудь усумнился, или нашелъ у своего писателя уклоняющійся, но опирающійся на доказательства, взглядъ, или что нибудь подобное. При этомъ всякому изъ студентовъ (однако строго соблюдая порядокъ) предоставляется право отвѣчать, а другимъ опять обсуждать и высказывать, достаточно ли исчерпанъ вопросъ; наконецъ, дѣло будетъ профессора, какъ предсѣдательствующаго, окончить споръ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, все, что читали многіе, можно соединить въ одно не только съ тою цѣлью, чтобы все послужило къ общей для всѣхъ пользѣ, но и для того, чтобы оно сильно запечатлѣлось въ умахъ—для достиженія дѣйствительно прочныхъ успѣховъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ изученіи наукъ.

VI. Совѣтъ поощрять устройство въ академіи общества на подобіе Геллієва.

12. При такомъ совмѣстномъ упражненіи совсѣмъ не трудно будетъ достигнуть осуществленія только что высказаннаго нами желанія, которое давно уже раздѣляютъ благомыслящіе люди, именно, чтобы публичныя почести получали только достойные. Этого можно достигнуть, говорю я, если дѣло будетъ зависѣть не отъ личнаго усмотрѣнія одного-двухъ лицъ, а отъ общаго всѣхъ согласія и свидѣтельства. Поэтому

III **). Третье желаніе: безъ побѣды никого не награждать.

*) См. прим. 116.

**) См. стр. 274, § 2.

необходимо, чтобы, какъ въ низшихъ школахъ наблюдающіе за ними, такъ въ высшихъ королевскіе или правительственные уполномоченные разъ въ годъ дѣлали визитацію и при этомъ случаѣ узнавали, насколько ревностно все исполнялось со стороны учащихъ и учащихся, и, кто изъ послѣднихъ выказалъ особенное прилежаніе, тотъ пусть и получаетъ публичное засвидѣтельствованіе своихъ заслугъ: докторскій или магистерскій вѣнокъ.

Способъ пріобрѣтать побѣду.

13. А для того, чтобы и здѣсь не имѣлъ мѣста какой-либо обманъ, вполнѣ цѣлесообразнымъ будетъ, вмѣсто диспутовъ на соисканіе степени, вызывать кандидата (или нѣсколькихъ заразъ) на середину, безъ участія предсѣдателя. И затѣмъ всякій изъ ученыхъ и уже на практикѣ заявившихъ себя людей пусть оппонируетъ кандидату такъ, какъ онъ признаетъ нужнымъ для того, чтобы испытать успѣхи послѣдняго въ теоріи и практикѣ. Напримѣръ, пусть предлагаютъ разные вопросы изъ текста (св. Писанія, Гиппократа, права и т. д.): гдѣ то, или другое, или третье написано? какъ оно согласуется съ тѣмъ или этимъ? не знаетъ ли онъ какого-либо писателя, который держится противоположнаго взгляда? и какого именно писателя? какіе доводы этотъ приводитъ въ опроверженіе принятаго мнѣнія и какъ слѣдуетъ разрѣшить противорѣчіе? и т. п. Для испытанія же въ практикѣ можно предлагать кандидату разнообразные случаи изъ дѣлъ, касающихся совѣсти, случаи болѣзни, судебные процессы: какъ онъ поступилъ бы въ томъ или другомъ случаѣ? и почему именно такъ? Можно также настойчивостью возраженій и разнообразіемъ приводимыхъ случаевъ ставить кандидата въ затрудненіе, пока не окажется, что онъ можетъ умно и, выходя изъ вѣрнаго основанія, судить о вещахъ, и т. д. Можно ли при этомъ не питать надежды, что молодые люди, зная о предстоящемъ имъ такомъ публичномъ, столь серьезномъ и строгомъ испытаніи, приложатъ къ занятіямъ все свое стараніе?

О путешествіяхъ.

14. Относительно путешествій [которымъ мы назначили мѣсто въ періодъ этихъ послѣднихъ шести лѣтъ или

по истеченіи его,*)] нѣтъ надобности въ напоминаніи, кромѣ развѣ того, что намъ нравится и съ нашими доводами совпадаетъ и мнѣніе Платона, который запрещалъ молодымъ людямъ предпринимать путешествія раньше, чѣмъ совсѣмъ перекипятъ свойственные ихъ горячему возрасту бурные порывы, и пока не придутъ необходимыя для путешествія благоразуміе и находчивость.

Школа школъ: въ чемъ ея цѣль и польза?

15. Равнымъ образомъ мы не видимъ теперь нужды касаться вопроса, насколько необходима была бы «школа школъ», или «учительская коллегія» (Collegium Didacticum), которая, будучи основана гдѣ-нибудь въ свѣтѣ или, если на это нѣтъ никакой надежды, то по крайней мѣрѣ въ средѣ ученыхъ, посвятившихъ себя задачѣ споспѣшествовать славѣ Божіей и въ этомъ отношеніи, поддерживалась бы чрезъ духовное ихъ общеніе, хотя бы тѣлесно они оставались тамъ, гдѣ кому пришлось. Ихъ соединенныя усилія должны быть направлены къ тому, чтобы основанія наукъ все болѣе и болѣе раскрывались съ цѣлью очистить свѣтъ мудрости и съ бóльшимъ успѣхомъ распространить его между человѣческимъ родомъ, а чрезъ новыя полезнѣйшія открытія довести условія человѣческаго существованія до лучшаго положенія. Ибо, если мы не хотимъ оставаться все на одномъ и томъ же мѣстѣ или даже итти назадъ, то мы должны подумать о дальнѣйшемъ развитіи счастливо начатаго предпріятія. А такъ какъ для этого не достаточно ни усилій одного человѣка, ни даже одного поколѣнія, то продолженіе начатой работы необходимо требуетъ не только соединенныхъ усилій нѣсколькихъ человѣкъ заразъ, но и работы нѣсколькихъ поколѣній. Такая общая коллегія была бы для остальныхъ школъ тѣмъ же, чѣмъ служитъ желудокъ для членовъ тѣла, именно жизненной мастерской, доставляющей всему сокъ, жизнь и силу.

16. Но возвратимся къ тому, что намъ еще остается сказать относительно нашихъ школъ.

---

*) Ср. гл. XXVII, 3.

Глава XXXII.

Совершенно точный школьный порядокъ, обнимающій всѣ стороны дѣла *).

Сводъ всего сказаннаго выше.

1. О необходимости преобразованія школъ и способѣ этого преобразованія мы сказали достаточно подробно. Не безъ пользы для дѣла будетъ, если мы приведемъ къ какому-нибудь итогу какъ наши желанія, такъ и наши предложенія. Ихъ надо понимать такъ.

Суть нашихъ желаній состоитъ въ томъ, чтобы искусство преподаванія было доведено до той же опредѣленности и изящества, какъ и книгопечатаніе.

2. Мы желаемъ довести дѣло преподаванія до такого совершенства, чтобы между обычнымъ и до сихъ поръ употребительнымъ способомъ обученія и нашимъ новымъ, обнаружилось такое же различіе, какое мы замѣчаемъ между нѣкогда употреблявшимся искусствомъ размножать книги посредствомъ пера и позже изобрѣтеннымъ и теперь уже общепринятымъ печатаніемъ ихъ. Именно, какъ искусство книгопечатанія, хотя и труднѣе, и дороже, и требуетъ больше усилій, тѣмъ не менѣе удобнѣе для болѣе скораго, надежнаго и красиваго копированія книгъ; такъ и эта новая метода преподаванія, хотя вначалѣ можетъ пугать своими трудностями, но разъ что она будетъ принята, должна доставить возможность большему числу людей получать образованіе и притомъ съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ установившаяся безметодность.

Какія преимущества имѣетъ искусство книгопечатанія передъ переписываніемъ книгъ?

3. Легко представить себѣ, какой мало-полезной могла казаться попытка перваго изобрѣтателя типографскихъ литеръ въ сравненіи съ принятымъ въ то время столь легкимъ и свободнымъ употребленіемъ писчихъ перьевъ; но дѣйствительность показала, какія огромныя удобства приноситъ съ собою
I. это изобрѣтеніе. Во-первыхъ, посредствомъ печатанія два молодыхъ человѣка въ одинъ и тотъ же періодъ времени могутъ

*) Заглавіе нѣсколько иное, чѣмъ на стр. 13.

приготовить болѣе оттисковъ любой книги, чѣмъ, можетъ быть, двѣсти писцовъ съ помощью перьевъ. Далѣе, рукописные экземпляры очень различаются между собою числомъ, формою и расположеніемъ листовъ, страницъ и строкъ; печатные же точь-въ-точь соотвѣтствуютъ одинъ другому, такъ что одно яйцо не такъ бываетъ похоже на другое, какъ всѣ эти экземпляры между собою, а это придаетъ много изящества и красоты. Въ-третьихъ, если рукописные экземпляры не пересмотрѣть тщательно всѣ и каждый въ отдѣльности, не сравнить и не исправить ихъ, что̀ соединено съ массою труда и скукой, то остается неизвѣстнымъ, правильно ли они переписаны; въ печатныхъ же книгахъ, если исправленъ одинъ оттискъ, то чрезъ то самое исправляются и всѣ остальные, хотя бы ихъ было до тысячи, что, хотя незнакомому съ этимъ искусствомъ и можетъ казаться невѣроятнымъ, однако совершенно вѣрно. Въ-четвертыхъ, для переписки (посредствомъ пера) не всякая бумага годна, а только болѣе плотная, которая не протекала бы; подъ типографскій же станокъ что̀ бы ты ни клалъ, все принимаетъ краску, даже мягкая и пропускная бумага, холстъ и т. д. Наконецъ, посредствомъ типографскаго шрифта могутъ прекрасно копировать книги даже тѣ, которые не умѣютъ красиво писать, именно потому, что они исполняютъ эту работу не собственноручно, а съ помощью искусно приготовленныхъ для этого литеръ, которыя не могутъ дѣлать ошибокъ.

(Margin: 2. — 3. — 4. — 5.)

И какое преимущество имѣетъ совершенная метода (которой мы ищемъ) предъ употреблявшейся до сихъ поръ?

4. Нѣчто очень похожее, кажется, должно послѣдовать, если у насъ будетъ правильно устроено все, что относится къ этой новой и всеобъемлющей методѣ преподаванія (ибо я еще не утверждаю, что эти наши предположенія, т. е. совершенная метода, уже существуетъ, а только рекомендую ее), а именно: 1) при меньшемъ числѣ учащихъ гораздо большее число учениковъ будетъ получать образованіе, нежели при нынѣ принятомъ способѣ; 2) они будутъ получать болѣе истинное образованіе, и притомъ 3) болѣе утонченное и пріятное; 4) къ этому воспитанію будутъ имѣть доступъ даже тѣ, которые одарены до извѣстной степени менѣе счастливыми способностями и отличаются меньшею

(Margin: 1. — 2. — 3. — 4.)

5. воспріимчивостью; 5) наконецъ, при этой методѣ будутъ имѣть удачу въ дѣлѣ обученія даже тѣ, которыхъ природа не надѣлила особенными способностями къ учительской дѣятельности; ибо каждый не столько будетъ извлекать изъ своего собственнаго ума матеріалъ и способъ обученія, а скорѣе будетъ то по каплямъ, то цѣлыми струями вливать въ умы юношей готовое образованіе и притомъ готовыми и данными ему въ руки средствами. Именно, какъ любой органистъ съ увѣренностью исполняетъ всевозможныя музыкальныя піесы, которыхъ онъ самъ, быть можетъ, не съумѣлъ бы ни сочинить, ни даже пропѣть или сыграть на органѣ на память; такъ и школьный учитель развѣ не можетъ такимъ же образомъ учить всему, если у него весь учебный матеріалъ со всѣми способами для обученія будетъ какъ бы расписанъ на нотномъ листѣ?

Болѣе подробное изслѣдованіе этого предмета.

5. Но удержимъ образъ, взятый нами отъ искусства книгопечатанія, и постараемся путемъ сравненія еще яснѣе представить стройное дѣйствіе этой новой методы преподаванія, чтобы стало очевиднымъ, что науки почти такимъ же образомъ напечатлѣваются въ умахъ, какъ онѣ внѣшнимъ образомъ отпечатываются на бумагѣ. Вотъ причина, почему очень кстати было бы, по аналогіи съ словомъ «типографія»*), образовать и дать этому новому искусству названіе «дидакографіи» **). Но изложимъ самое дѣло по частямъ.

Разложеніе искусства книгопечатанія на предметы и работы

6. Искусство книгопечатанія требуетъ своихъ особенныхъ предметовъ и особенныхъ работъ. Главные предметы: бумага, шрифтъ, краска, печатный станокъ; работы: подготовленіе бумаги, наборъ шрифта по рукописи, намазываніе краски, тщательное исправленіе ошибокъ (корректура), печатаніе, просушка и т. д.; всѣ эти работы имѣютъ свои опредѣленные пріемы, при соблюденіи которыхъ это дѣло подвигается впередъ безпрепятственно.

и точно такъ же искусства учить.

7. Въ дидакографіи (хотѣлось бы удержать это слово)

*) Типографія буквально значитъ «писаніе (металлическими) литерами».

**) Дидакографія—«писаніе посредствомъ обученія».

дѣло стоитъ такъ. Бумага—это ученики, въ умѣ которыхъ предстоитъ напечатлѣть черты наукъ. Шрифтъ—учебники и остальныя пособія, приготовленныя съ тою цѣлью, чтобы съ помощью ихъ учебный матеріалъ легко запечатлѣвался въ умахъ. Типографская краска—это живой голосъ учителя, который переноситъ смыслъ предметовъ изъ книгъ въ умы слушателей. Печатный станокъ—это школьная дисциплина, которая располагаетъ и побуждаетъ всѣхъ воспринимать ученіе.

8. Для печати годится всякаго рода бумага; однако, чѣмъ она чище, тѣмъ лучше воспринимаетъ и тѣмъ чище воспроизводитъ печатное. Точно такъ и эта метода преподаванія, правда, допускаетъ всякія дарованія, однако успѣшнѣе дѣйствуетъ на болѣе свѣтлыя головы. Какая требуется бумага?

9. Металлическія литеры по своему свойству имѣютъ прекрасную аналогію съ нашими учебниками (какихъ мы требуемъ). Ибо, во-первыхъ, какъ литеры надо раньше отлить, отшлифовать и приспособить для употребленія, прежде чѣмъ начнутъ печатать книги; такъ и для новой методы надо приготовить средства, прежде чѣмъ мы приступимъ къ примѣненію ея. Соотвѣтствіе печатныхъ литеръ учебникамъ. 1)

10. Во-вторыхъ, литеры требуются въ значительномъ количествѣ, чтобы ихъ хватало для работъ; то же самое требуется и въ отношеніи къ учебникамъ и учебнымъ пособіямъ, потому что начать работу и потомъ остановить дальнѣйшій ея ходъ по недостатку потребныхъ вещей и тяжело, и досадно, и вредно. 2)

11. Въ-третьихъ, вполнѣ обставленная типографія имѣетъ шрифтъ всякаго сорта, чтобы не было недостатка ни въ чемъ, что можетъ понадобиться. Такъ и наши книги должны исчерпывать все, что служитъ къ полному развитію природныхъ способностей, чтобы при помощи ихъ каждый могъ изучить все, что ему надо знать. 3)

12. Въ-четвертыхъ, для того, чтобы литеры во всякое время были подъ рукою для употребленія ихъ, онѣ не валяются повсюду разбросанными, но тщательно распредѣляются по шрифтъ-кассамъ и ихъ дѣленіямъ 4)

(ящичкамъ). Такъ и наши книги будутъ предлагать весь учебный матеріалъ не въ безпорядкѣ, но съ возможно точнымъ распредѣленіемъ всего на годовыя, мѣсячныя, недѣльныя, дневныя и часовыя работы.

5) 13. Въ-пятыхъ, изъ дѣленій шрифтъ-кассы вынимаются только тѣ литеры, которыя нужны для немедленнаго употребленія въ дѣло, а другія оставляются нетронутыми. Такъ и изъ учебниковъ надо давать дѣтямъ въ руки только тѣ, которые имъ нужны въ данномъ классѣ, чтобы другіе не развлекали ихъ и не вносили путаницы въ ихъ занятія.

6) 14. Наконецъ, какъ у наборщиковъ есть своя наборная линейка, по которой они набираютъ изъ отдѣльныхъ литеръ слова, изъ словъ—строчки, изъ строчекъ—столбцы, чтобы ничто не выступало изъ своей линіи: такъ и наставникамъ дѣтей необходимо дать въ руки правила, къ которымъ они могли бы пригонять свою дѣятельность, т. е. надо составить для нихъ руководства, которыя напоминали бы имъ, что́ и какъ надо дѣлать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, во избѣжаніе промаховъ.

Двоякаго рода учебныя книги.

15. И такъ, учебныя книги должны быть двоякаго рода: однѣ — заключающія въ себѣ учебный матеріалъ для учащихся, другія—руководящія для учащихъ, чтобы послѣдніе умѣли съ толкомъ пользоваться учебниками перваго рода.

Что замѣняетъ типографскую краску при обученіи?

16. Типографской краскѣ, сказали мы, соотвѣтствуетъ при обученіи голосъ учителя. Ибо, какъ сухія литеры, какими онѣ бываютъ сами по себѣ, хотя и нажимаютъ на бумагу (вслѣдствіе давленія на нихъ печатнаго пресса), однако оставляютъ на ней только неясные слѣды, которые потомъ исчезаютъ, а будучи намазаны краской, даютъ очень явственныя и, такъ сказать, неизгладимыя изображенія: такъ и то, что предлагаютъ дѣтямъ ихъ нѣмые учители—книги, на самомъ дѣлѣ нѣмо и несовершенно; а когда къ этому присоединяется голосъ учителя (который дѣлаетъ все понятнымъ для учащихся и примѣнимымъ къ дѣлу), оживаетъ и глубоко запечатлѣвается въ душѣ, такъ что ученики теперь

на самомъ дѣлѣ не только понимаютъ то, чему учатся, но и знаютъ, что они понимаютъ то, что знаютъ. Но, какъ типографская краска отличается отъ чернилъ, употребляемыхъ для письма, именно приготовляется не изъ воды, а изъ масла (и кто желаетъ особенно отличиться въ искусствѣ книгопечатанія, тотъ употребляетъ какъ можно болѣе чистое масло съ примѣсью угольнаго порошка изъ грецкихъ орѣховъ): такъ и голосъ учителя въ формѣ пріятнаго и яснаго способа преподаванія долженъ и самъ проникать, на подобіе самаго нѣжнаго масла, въ души учащихся, и проводить въ нихъ за собою предметы ученія.

Печатный станокъ въ дѣлѣ обученія есть дисциплина.

17. Наконецъ, что́ для типографій печатный станокъ, то для школъ — дисциплина, которая одна можетъ заставить всякаго усвоить образованіе. Поэтому, какъ тамъ всякая бумага, изъ которой должна образоваться книга, непремѣнно должна пройти чрезъ станокъ (при чемъ на болѣе твердые листы нажимъ производится дольше, а на болѣе мягкіе— слабѣе): такъ и тотъ, кто поступаетъ въ школу для обученія, долженъ подчиняться общей дисциплинѣ, которая также имѣетъ разныя степени. Прежде всего—постоянное наблюденіе (за учениками). Ибо, такъ какъ никогда нельзя вполнѣ полагаться на прилежаніе или невинность дѣтей (вѣдь они потомки Адама!), то надо постоянно слѣдить за ними глазами, куда бы они ни направлялись. Затѣмъ—выговоръ, посредствомъ котораго уклоняющіеся отъ колеи тотчасъ же должны быть снова призываемы на путь разума и послушанія Наконецъ—наказаніе, если они не хотятъ слушать указанія или увѣщанія. Но все это (надо примѣнять) благоразумно, т. е. имѣя въ виду ту только цѣль, чтобы чрезъ такое принужденіе всѣ бодро стремились исполнять все какъ можно лучше.

Сравненіе работъ.

18. Я сказалъ, что необходимы также опредѣленныя работы и опредѣленный способъ производства ихъ. Коснусь вкратцѣ и этого.

19. Сколько должно выйти экземпляровъ какой-либо книги, столько берется заразъ и листовъ бумаги, чтобы отпечатать на нихъ одинъ и тотъ же текстъ однимъ и тѣмъ же наборомъ, и такое отношеніе I)

листовъ удерживается отъ начала до конца книги, именно число ихъ не увеличивается и не уменьшается, иначе нѣкоторые экземпляры вышли бы неполными. Такимъ же образомъ и предлагаемая нашей Дидактикой метода предъявляетъ требованіе, чтобы вся группа учениковъ, которую одинъ и тотъ же учитель долженъ учить одному и тому же курсу, ввѣрялась ему заразъ, и никто не былъ принимаемъ послѣ начала ученія, равно какъ никто не былъ отпускаемъ изъ школы до конца ученія, для того, чтобы учитель могъ вести преподаваніе постепенно отъ начала до конца. При такихъ условіяхъ можно достигнуть того, что одного учителя будетъ достаточно даже для довольно многочисленной группы учащихся, и тѣмъ не менѣе всѣ изучатъ все сполна и безъ пробѣловъ. Поэтому, слѣдовало бы во всѣхъ общественныхъ школахъ только разъ въ году открывать и закрывать пріемъ учениковъ (по нашимъ соображеніямъ это лучше дѣлать осенью, нежели весною или въ другое время) для того, чтобы ежегодно выполнялась программа класса и всѣ (за исключеніемъ только тѣхъ, которымъ мѣшаетъ малоспособность), достигнувъ своей цѣли, вмѣстѣ переводились въ слѣдующій классъ, подобно тому, какъ въ типографіяхъ, послѣ того какъ отпечатаютъ для всѣхъ экземпляровъ первый листъ A, переходятъ къ B, потомъ къ C, D, E и т. д.

N. B. Полезный совѣтъ.

2) 20. Въ изящно напечатанныхъ книгахъ главы, столбцы, параграфы ясно отдѣляются одинъ отъ другаго опредѣленными промежутками (по необходимости ли или ради ясности) какъ на поляхъ, такъ и между строками. Такъ и учебная метода должна имѣть свои періоды работъ и отдыха съ опредѣленными для надлежащаго возстановленія силъ промежутками. Именно, въ ней есть годовыя, мѣсячныя, дневныя и часовыя задачи, при правильномъ исполненіи которыхъ ежегодно въ каждомъ классѣ непремѣнно будетъ пройденъ пріуроченный къ нему курсъ и такимъ образомъ будетъ достигнута поставленная ему цѣль. Съ полнымъ основаніемъ можно совѣтовать, чтобы на занятія въ школѣ ежедневно употреблялось не болѣе 4 часовъ: 2 до обѣда и 2 послѣ обѣда. Если

исключить изъ нихъ послѣобѣденные часы по субботамъ, а воскресенье цѣликомъ посвятить богослуженію, то получится въ недѣлю 22 *) часа, а въ годъ (если даже оставить необходимое для болѣе важныхъ праздниковъ время) около тысячи, въ которые—ахъ! какъ многому можно и научить, и научиться, если только постоянно итти впередъ по опредѣленной методѣ!

21. Когда изъ сложенныхъ вмѣстѣ литеръ приготовятъ форму набора, берутъ свертки бумаги и раскладываютъ ихъ по листамъ для того, чтобы они были расправлены и находились всѣ подъ рукой, для устраненія всего, что можетъ замедлить работу. Равнымъ образомъ и учитель долженъ размѣстить предъ собою учениковъ такъ, чтобы во всякое время всѣхъ ихъ видѣть и самому быть на виду у всѣхъ. Что такъ именно надо поступать, это мы доказали въ XIX гл., въ 1 вопросѣ. 3)

22. Но для того, чтобы бумага лучше воспринимала шрифтъ, ее обыкновенно размягчаютъ чрезъ смачиваніе. Въ школѣ точно такъ же слѣдуетъ всегда возбуждать вниманіе средствами, указанными нами въ томъ же мѣстѣ. 4)

23. Послѣ этого набранный шрифтъ намазывается краской, чтобы выдающіяся части литеръ явственно отпечатались. Такъ и учитель долженъ всегда своимъ голосомъ пояснить урокъ даннаго часа, прочитывая его по два раза и разъясняя, чтобы все могло быть ясно понято. 5)

24. Вскорѣ затѣмъ листы бумаги подкладываются подъ печатный прессъ, чтобы металлическая форма буквъ оставила свой отпечатокъ на всѣхъ и каждомъ въ отдѣльности листѣ. Такъ и учитель, достаточно разъяснивши смыслъ прочитаннаго и показавши на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ легко подражать ему, пусть требуетъ того же отъ каждаго ученика, именно, чтобы они усиливались слѣдовать по тому же пути, по которому онъ первый прошелъ, и изъ учащихся дѣлались знающими. 6)

---

*) Въ подлинникѣ очевидная опечатка: 26, вм. 22 ($4 \times 5 + 2$).

7) 25. Далѣе, отпечатанные уже листы выставляются для просушки на воздухъ и вѣтеръ. Въ школѣ такое провѣтриваніе умовъ достигается при помощи репетицій, экзаменовъ и состязательныхъ испытаній, пока не будетъ извѣстно, что преподанное засѣло глубоко.

8) 26. Наконецъ, всѣ листы, прошедши чрезъ прессъ, уже отпечатанные обратно принимаются и приводятся въ порядокъ, чтобы видно было, что экземпляры получились полные, цѣлые, безъ недостатковъ и годные уже для продажи или разсылки, а также для переплета и употребленія. Такое же дѣйствіе будутъ имѣть и публичные экзамены въ концѣ учебнаго года, на которыхъ визитаторы *) школъ будутъ удостовѣряться, насколько основательны и прочны успѣхи учениковъ, съ тою цѣлью, чтобы подтвердить, что ученики дѣйствительно усвоили все, что имъ надо было изучить.

Заключеніе. 27. Такимъ образомъ теперь достаточно сказано вообще, частности же мы оставляемъ для частныхъ случаевъ. Теперь остается доказать, что, какъ вслѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія умножилось число книгъ, этихъ проводниковъ образованія, такъ съ изобрѣтеніемъ «дидакографіи», или «памметодіи» можетъ увеличиться число образованныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно улучшится и благосостояніе человѣческаго общества, согласно изреченію: «множество мудрыхъ — спасеніе міру» (Прем. Солом. 6, 26); а также то, что, такъ какъ мы стремимся къ распространенію христіанскаго образованія, именно къ насажденію сперва благочестія, а потомъ и наукъ и благородныхъ нравовъ во всѣхъ посвященныхъ Христу душахъ, то можно надѣяться, какъ даютъ право на это божественныя предсказанія, что «земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море» (Исаія 11, 8).

---

*) См. стр. 277, § 12.

Глава XXXIII.

Необходимыя условія для первоначальнаго практическаго примѣненія этой всеобъемлющей методы.

Жалобы на то, что хорошія мысли не всегда приводятся въ исполненіе,

1. Я думаю, всякій, взвѣсивъ всесторонне важность этого дѣла, увидитъ, въ какомъ счастливомъ состояніи были бы христіанскія государства и общества, если бы въ нихъ были такія школы, какихъ мы желаемъ. Я долженъ однако прибавить еще, что необходимо для того, чтобы эти мысли не остались только мыслями, но могли бы когда-нибудь наконецъ осуществиться хоть въ нѣкоторой степени. Ибо не безъ основанія Жанъ Сесиль Фрей *) удивляется и негодуетъ на то, что «въ продолженіе столькихъ вѣковъ никто не отважился исправить столь грубые нравы коллегій **) и академій».

а также относительно школъ.

2. Много, правда, жалобъ расточалось уже болѣе ста лѣтъ на отсутствіе порядка въ школахъ и въ методѣ обученія; особенно же въ послѣдніе тридцать лѣтъ тревожно стали придумывать средства къ уврачеванію зла. Но съ какимъ успѣхомъ? Школы вообще остались такими же, какими онѣ и были. Если же кто и предпринималъ кой-какія мѣры отъ себя лично или въ одной какой-либо школѣ, то это имѣло мало успѣха: смѣльчака или встрѣчали насмѣшки невѣждъ, или подавляла зависть недоброжелателей, или самъ онъ, по недостатку поддержки, въ концѣ концовъ изнемогалъ подъ бременемъ трудовъ. Такъ всѣ попытки до сихъ поръ пропадали даромъ

Готовому для дѣйствія механизму необходимо сообщить движеніе.

3. Поэтому надо искать и найти способъ, какъ, съ Божіей помощью, сообщить движеніе механизму, который уже достаточно приспособленъ для движенія или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть устроенъ на прочныхъ основаніяхъ, благоразумно и рѣшительно устра-

*) См. стр. 6.

**) Латинскихъ школъ.

нивъ то, что до сихъ поръ задерживало и, если его не устранить, то можетъ и впослѣдствіи задерживать его движеніе.

Препятствій ко всеобщему преобразованію школъ пять. 1) 4. Разнообразныя препятствія, какія можно подмѣтить, сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, недостатокъ знакомыхъ съ методой людей, которые въ случаѣ, если бы повсюду были открыты школы, могли бы завѣдывать ими съ тѣмъ прочнымъ успѣхомъ, какого мы ожидаемъ (Ибо даже относительно нашей «Двери», которая уже принята въ школахъ, одинъ очень умный человѣкъ въ письмѣ къ намъ жаловался, что для примѣненія ея въ большинствѣ мѣстностей недостаетъ одного важнаго условія—способныхъ людей, которые умѣли бы растолковать ее дѣтямъ).

2) 5. Если бы однако и нашлись такіе учителя, или если бы всѣ они случайно и умѣли легко вести свое дѣло примѣнительно къ вновь построенной системѣ обученія, то на какія средства содержать ихъ, если они должны быть во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и вездѣ, гдѣ только люди родятся и воспитываются для Христа?

3) 6. Далѣе, какія можно принять мѣры, чтобы дѣти болѣе бѣдныхъ могли имѣть время для посѣщенія школы?

4) 7. Въ особенности же надо, кажется, опасаться неудовольствія и упорнаго сопротивленія со стороны людей, учившихся по обыкновенному способу, которые съ удовольствіемъ играютъ на старой струнѣ и съ брезгливостью отвергаютъ все новое, и разныхъ другихъ, менѣе важныхъ препятствій, противъ которыхъ легко найти цѣлебныя средства.

5) N. B. Что же здѣсь главное? 8. Но есть одно условіе, дѣйствительно очень важное, потому что отсутствіе его можетъ сдѣлать безполезвымъ весь механизмъ, а если оно будетъ на лицо, то во всякомъ случаѣ можетъ привести послѣдній въ движеніе: это—достаточный запасъ книгъ, составленныхъ по усовершенствованной методѣ (librorum pammethodicorum). Ибо, какъ при наличности типографскихъ принадлежностей легко найти

такихъ людей, которые смогутъ, сумѣютъ и пожелаютъ употребить ихъ въ дѣло, и такихъ, которые готовы пожертвовать нѣкоторыя средства на отпечатаніе назидательныхъ и полезныхъ книгъ, а равно и такихъ, которые охотно будутъ покупать за нѣсколько копѣекъ такія книги, недорогія, но очень полезныя: такъ же легко было бы найти покровителей, соревнователей и помощниковъ, если бы были приготовлены всѣ пособія для пантометодики *).

9. Слѣдовательно, все дѣло зависитъ исключительно отъ приготовленія книгъ по усовершенствованной методѣ (памметодическихъ); а это послѣднее—отъ сочувствія столь святой цѣли и соединенія усилій значительнаго числа талантливыхъ и не боящихся труда ученыхъ людей. Ибо такое дѣло не по силамъ одному человѣку, особенно занятому другими дѣлами и не обладающему знаніемъ всего того, что должно войти въ «памметодію»; быть можетъ, это будетъ не по силамъ и одному поколѣнію, если все должно быть доведено до абсолютнаго совершенства. Слѣдовательно, необходимо коллегіальное общество.

Необходимо общество ученыхъ, которые согласились бы привести въ исполненіе предпріятіе.

10. Но для основанія такого общества необходимы признаніе и щедрое содѣйствіе короля, князя или какого-нибудь общественнаго управленія, а также спокойное мѣсто, удаленное отъ шума, библіотека и вообще все, что можетъ потребоваться. Поэтому пусть никому не приходитъ въ голову противодѣйствовать столь святымъ планамъ, благочестиво направленнымъ къ пріумноженію славы Божіей и блага народовъ; а пусть лучше всѣ проникнутся желаніемъ содѣйствовать милости Божіей, которая готова еще обильнѣе сообщиться намъ этимъ столь новымъ способомъ.

А для нихъ необходимы покровительство, помощь и признаніе со стороны государства.

11. И такъ, вы, дорогіе родители дѣтей, совѣсти которыхъ Богъ ввѣрилъ драгоцѣннѣйшіе залоги—Свои живыя изображеньица, услышавъ о томъ, что эти спасительные планы готовы исполниться, воспламенитесь духомъ! непрестанно молитесь Богу боговъ за счастливый успѣхъ дѣла, а вельмо-

Настойчивая просьба 1) къ родителямъ,

*) Пантометодика—«искусство учить всѣхъ всему».

жамъ и ученымъ надоѣдайте вашими просьбами, желаніями, заявленіями и ходатайствами, воспитывая между тѣмъ дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіемъ и такимъ образомъ достойно приготовляя имъ путь къ этому болѣе широкому образованію.

2) къ наставникамъ юношества,

12. И вы, наставники юношества, вы всѣ, которые добросовѣстно влагаете вашъ трудъ въ дѣло насажденія и поливки райскихъ растеній, серьезно требуйте, чтобы эти, облегчающія ваши труды, средства были какъ можно скорѣе пущены въ ходъ и вошли въ обычное употребленіе. Ибо что́ можетъ быть пріятнѣе для васъ, которые призваны «устроить небеса и утвердить землю» (Исаія 51, 16), какъ не то, чтобы вы видѣли обильнѣйшій плодъ вашего труда? И такъ, это ваше небесное призваніе, равно какъ и довѣріе къ вамъ родителей, которые ввѣряютъ вамъ свои залоги, да будетъ въ вашихъ костяхъ огнемъ, не дающимъ вамъ, а чрезъ васъ и другимъ, покоя до тѣхъ поръ, пока все отечество не воспламенится въ огнѣ этого свѣта и не засіяетъ счастіемъ!

3) къ ученымъ.

13. Вы, остальные ученые, которыхъ Богъ вооружилъ мудростью и проницательностью сужденія, чтобы вы могли и судить о такого рода предметахъ, и чрезъ благоразумный совѣтъ содѣйствовать улучшенію хорошо задуманнаго, берегитесь, какъ бы вы не опоздали поднести ваши искры или, лучше сказать, ваши факелы и поддувала, чтобы зажечь этотъ священный огонь! Пусть каждый поразмыслитъ о словахъ нашего Христа: «Огонь Я пришелъ низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Луки 12, 49). Если Онъ желаетъ, чтобы Его огонь возгорѣлся, то горе тому, кто, имѣя возможность поднести что нибудь, чтобы зажечь это пламя, подноситъ только дымъ зависти, недоброжелательства и противодѣйствія. Помните, какую награду Онъ обѣщаетъ добрымъ и вѣрнымъ рабамъ, которые ввѣренные имъ для ихъ оборотовъ таланты употребляютъ такъ, что пріобрѣтаютъ на нихъ другіе таланты, и какимъ возмездіемъ Онъ грозитъ тѣмъ, которые зарываютъ въ землю свои таланты (Матѳ. 25 гл.)! И такъ, бойтесь быть одни учеными, а содѣйствуйте по мѣрѣ вашихъ силъ и другимъ

въ достиженіи учености. Пусть васъ поощритъ хоть примѣръ Сенеки, который говоритъ: «все, что я знаю, я желаю передать другимъ»; а также: «если бы мудрость давалась подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я держалъ ее взаперти и не высказывалъ, то я отвергнулъ бы ее» (Письмо 27 *). Поэтому не отказывайте всему христіанскому народу въ наукахъ и мудрости, а лучше скажите вмѣстѣ съ Моисеемъ: «О, если бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками!» (Числъ 11, 29). Именно, такъ какъ заботиться надлежащимъ образомъ о молодомъ поколѣніи значитъ также устраивать и преобразовывать церковь и государство, то неужели мы, хорошо зная это, будемъ стоять праздными зрителями, въ то время какъ другіе прилагаютъ къ этому свои силы?

Изъ участія въ этомъ дѣлѣ никто не исключается.

14. Заклинаю всѣхъ, пусть одинъ духъ побуждаетъ каждаго изъ насъ не считать ниже своего достоинства посвящать Богу и потомству все, что онъ можетъ принести на осуществленіе столь общей и столь спасительной цѣли въ видѣ совѣта, напоминанія, увѣщанія, поправки или поощренія; и пусть никто не думаетъ, что это его не касается. Ибо, хотя бы иной и думалъ, что онъ не рожденъ для школьнаго дѣла, или хотя бы его удерживали отъ этого дѣла его призванія—церковнаго, государственнаго, врачебнаго, все-таки онъ невѣрно думалъ бы, что вслѣдствіе этого онъ изъятъ изъ этой общей заботы объ улучшеніи школъ. Ибо, если у тебя есть намѣреніе доказать твою вѣрность своему призванію и Тому, Кто тебя призвалъ, и тѣмъ, къ которымъ ты посланъ, то во всякомъ случаѣ ты обязанъ не только самъ лично служить Богу, церкви и отечеству, но и ревностно заботиться о томъ, чтобы послѣ тебя нашлись люди, которые продолжали бы твое дѣло. Сократъ заслужилъ похвалу тѣмъ, что, имѣя возможность оказать государству полезныя услуги несеніемъ государственной должности, предпочелъ посвятить себя обученію юно-

*) По изданію Haase, Письмо 6, 4.

шества, говоря, что «для государства полезнѣе тотъ, кто многихъ дѣлаетъ способными къ управленію государствомъ, нежели тотъ, кто самъ управляетъ имъ».

Просьба къ высоко-ученымъ не относиться съ предубѣжденіемъ.

15. И о томъ прошу и заклинаю именемъ Божіимъ, чтобы кто-нибудь изъ высоко-ученыхъ не относился съ презрѣніемъ къ этому потому только, что оно исходитъ отъ менѣе просвѣщеннаго. Ибо «однажды даже огородникъ сказалъ что то кстати» и «то, чего ты не знаешь, быть можетъ, знаетъ осленокъ», какъ гласитъ поговорка Хризиппа [119]). А изреченіе нашего Христа таково: «Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ» *). Мы же свидѣтельствуемъ предъ лицомъ Бога, что не вѣра въ нашъ умъ, и не жажда славы, или стремленіе къ личной выгодѣ побуждаютъ насъ затрогивать эти вопросы, но любовь къ Богу и страстное желаніе содѣйствовать улучшенію дѣлъ человѣческихъ, общественныхъ и частныхъ, такъ воодушевляетъ насъ, что мы не въ силахъ набрасывать покровъ молчанія на то, что тайный голосъ постоянно подсказываетъ намъ. И такъ, если кто, имѣя возможность содѣйствовать нашимъ желаніямъ требованіямъ, увѣщаніямъ и попыткамъ, предпочтетъ противодѣйствовать имъ и бороться противъ нихъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ объявитъ войну не намъ, а скорѣе Богу, своей совѣсти и общему міровому порядку, въ силу котораго общественныя блага составляютъ предметъ общаго права и общаго пользованія.

4**) Къ богословамъ.

16. Обращаюсь и къ вамъ, богословы, отъ которыхъ, какъ я легко могу предвидѣть, много зависитъ или содѣйствовать вашимъ авторитетомъ этому предпріятію, или остановить его. Если вы предпочтете послѣднее, то исполнится то, что обыкновенно говорилъ Бернгардъ ***): «У Христа нѣтъ болѣе вредныхъ враговъ, какъ окружающіе Его и какъ тѣ изъ этихъ, которые занимаютъ первое

*) Іоанн. 3. 8.

**) См. стр. 291, § 11.

***) См. примѣч. 22.

мѣсто». Но мы надѣемся на лучшее и болѣе соотвѣтствующее вашему достоинству. По крайней мѣрѣ, вы должны будете подумать, что Господь поручилъ Петру пасти не только своихъ овецъ, но и агнцевъ, и притомъ сперва агнцевъ (Іоанн. 21, 13), именно потому, что пастухамъ легче пасти овецъ, если даже ягнята уже пріучены къ порядку стада и пастушескому посоху дисциплины для того, чтобы наслаждаться пастбищами жизни. Поэтому, если бы кто предпочелъ необразованныхъ слушателей, тотъ по истинѣ показалъ бы свое невѣжество. Ибо какой золотыхъ дѣлъ мастеръ не считаетъ себя счастливымъ, если рудокопы доставляютъ ему золото въ возможно чистомъ видѣ? Кто изъ сапожниковъ не желаетъ, чтобы ему доставались въ руки кожа и замша какъ можно лучше выдѣланныя? И такъ, будемъ и мы сынами свѣта, благоразумными въ своемъ дѣлѣ: будемъ желать, чтобы школы давали намъ слушателей какъ можно болѣе образованныхъ.

17. Да не взойдетъ же зависть въ сердце хотя бы одного изъ васъ, рабы Бога живаго! Ибо вы поставлены вести другихъ къ любви, а она не ревнуетъ, не завидуетъ, не ищетъ своего, не мыслитъ зла и т. д. Не завидуйте, говорю я, если другіе дѣлаютъ то, что не пришло вамъ на умъ; лучше будемъ брать другъ съ друга примѣръ, чтобы «всѣ мы (какъ говоритъ Григорій), исполненные вѣры, старались звучать что-нибудь во славу Божію, чтобы явиться орга́нами истины». (Просьба объ устраненіи зависти)

18. Теперь обращаюсь къ вамъ, повелители народовъ и представители государственной власти, которые во имя Божіе управляете человѣческими дѣлами: къ вамъ въ особенности направлены наши рѣчи. Ибо вы тѣ Нои, которымъ поручено Богомъ построеніе ковчега для сохраненія святаго сѣмени при столь ужасномъ потопѣ мірскихъ смутъ (Бытія гл. 6). Вы тѣ князья, которые прежде другихъ должны сдѣлать приношенія на устройство святилища, чтобы художники, которыхъ Богъ исполнилъ Ду- 5*) Къ представителямъ государственной власти.

*) См. стр. 291, § 11.

хомъ Своимъ дѣлать всякую художественную работу, не были задерживаемы въ своей работѣ (Исходъ, гл. 36). Вы тѣ Давиды и Соломоны, на которыхъ лежитъ долгъ созвать для построенія храма Господня мастеровъ и въ изобиліи доставлять имъ все необходимое (1 Царствъ, гл. 6 и 1 Паралип., гл. 29). Вы тѣ сотники, которыхъ возлюбитъ Христосъ, если вы полюбите Его малыхъ и построите имъ школы (Луки гл. 7, ст. 5).

(Просьба къ нимъ же).

19. Ради Христа молю, ради спасенія нашего будущаго потомства заклинаю васъ: обратите ваши мысли сюда! Это—серьезное, ахъ! весьма серьезное дѣло, совмѣщающее въ себѣ и славу Божію, и общее благо народовъ. Я убѣжденъ въ вашемъ благочестіи, отцы отечества; я убѣжденъ, что, если найдется человѣкъ, который пообѣщаетъ указать, какъ съ небольшими издержками можно укрѣпить всѣ наши города, обучить все юношество военной наукѣ, сдѣлать всѣ наши рѣки судоходными и переполнить ихъ товарами и богатствами, или какъ могла бы какими бы то ни было, наконецъ, способами достигнуть бо́льшаго процвѣтанія и большей безопасности какъ общественная, такъ и частная жизнь; то такому совѣтнику не только будетъ открытъ вашъ слухъ, но и будетъ обезпечена ваша благодарность за то, что онъ такъ нѣжно заботится о выгодахъ вашихъ и вашихъ близкихъ. А здѣсь нѣчто болѣе важное. Именно, указывается истинный, вѣрный и безопасный путь къ приготовленію массы такихъ людей, которые могли бы безъ конца, одинъ за другимъ, служить отечеству такими же и подобными имъ изобрѣтеніями. И такъ, если блаженной памяти Лютеръ, убѣждая города Германіи учреждать школы, съ правомъ писалъ: «Гдѣ на постройку городовъ, замковъ, памятниковъ, оружейныхъ тратится одинъ червонецъ, тамъ должна быть истрачена сотня ихъ на надлежащее образованіе одного юноши, который, ставши мужемъ, можетъ сдѣлаться вождемъ ко всему доброму; ибо добрый и мудрый мужъ (продолжаетъ онъ) есть величайшая драгоцѣнность цѣлаго государства, которая обезпечиваетъ его больше, чѣмъ великолѣпные дворцы, больше, чѣмъ кучи

золота и серебра, больше, чѣмъ мѣдныя ворота и желѣзные засовы» и т. д. [Согласное съ этимъ находится и у Соломона (Екклез. гл. 9, ст. 13—18)]. Если, говорю я, это по нашему мнѣнію сказано умно, именно, что не надо щадить никакихъ издержекъ для воспитанія даже одного юноши, то чего нельзя будетъ сказать теперь, когда открывается дверь, ведущая къ такому всестороннему и такому надежному образованію рѣшительно всѣхъ? когда Богъ обѣщаетъ уже не по каплямъ проливать Свои дары, но направить ихъ на насъ на подобіе потока? когда, наконецъ, Его спасеніе, кажется, такъ близится, что Его слава обитаетъ вмѣстѣ съ нами на нашей землѣ?

Увѣщанія.

20. Распахните, князья, врата ваши и поднимите двери вѣчныя, да войдетъ Царь Славы (Псал. 24) [120]) Принесите Господу, сыны сильныхъ, принесите Господу славу и честь! Да будетъ каждый изъ васъ тѣмъ Давидомъ, который «клялся Господу и давалъ обѣтъ Богу Іакова, что не войдетъ въ шатеръ дома своего, не взойдетъ на ложе свое, не дастъ сна очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманія, пока не найдетъ мѣста Господу, жилища—Сильному Іакова» (Псал. 131, 1—5). Не смотрите ни на какія издержки: дайте Господу, и Онъ тысячекратно воздастъ вамъ! Ибо, хотя Тотъ, Кто говоритъ: «Мое серебро и Мое золото» (Аггей, гл. 2, ст. 9), съ полнымъ правомъ могъ бы требовать, однако по благости Своей Онъ прибавляетъ (когда увѣщеваетъ народъ къ построенію Своего храма): «Испытайте Меня въ этомъ: не открою ли Я вамъ отверстій небесныхъ и не изолью ли на васъ благословенія до избытка?» (Малахія, гл. 3, ст. 10).

Вздохъ къ Богу *).

21. И такъ, «Ты, Господи Боже нашъ, дай намъ радостное сердце, чтобы служить славѣ Твоей, въ чемъ кто можетъ. Ибо Твое величіе, и могущество, и слава, и побѣда, и все, что на небѣ и на землѣ, Твое; Твое, Господи, царство и Ты превыше всѣхъ владыкъ. Твое

*) Въ подлинникѣ, вѣроятно, опечатка: Suspicia, вм. Suspiria.

богатство и Твоя слава, сила и могущество, и въ Твоей власти возвеличить и укрѣпить все. Ибо кто мы, которые получаемъ все только отъ Твоей руки? Странники мы и пришельцы предъ Тобою, какъ и всѣ отцы наши; какъ тѣнь дни наши на землѣ, которой не долго оставаться. Господи Боже нашъ! все, что мы приготовляемъ въ прославленіе святаго имени Твоего, все это отъ Твоей руки. Дай Соломонамъ Твоимъ сердце правое, чтобы исполнить все, что теперь приготовляется къ Твоей славѣ» (Паралип., гл. 29). «Утверди, Боже, то, что Ты содѣлалъ для насъ!» (Псал. 67, 29). «Да явится на рабахъ Твоихъ дѣло Твое, и на сынахъ ихъ — слава Твоя, и да будетъ благоволеніе Господа Бога нашего на насъ и да споспѣшествуетъ Онъ намъ въ дѣлѣ рукъ нашихъ» (Псал. 89, 16). На тебя, Господи, мы уповали, не постыдимся во вѣки! Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

ПОЛНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, которыя въ «Примѣчаніяхъ» обозначаются сокращенно.

I. Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ. Соч. Ф. Ф. Велишскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ Кіевскаго отдѣла Общества классической филологіи и педагогики подъ редакціей Н. Я. Ростовцева. Прага 1878.

II. Владиславлевъ. М. И. Владиславлевъ. 1) Лекціи по исторіи классической философіи. 1886 г. 2) Логика. Спб. 1872.

III. Диттесъ. Исторія воспитанія и обученія. Д-ра Фридриха Диттеса. Со 2 нѣмецкаго изданія. Перевели А. Николичъ и К. Модзалевскій. Спб. 1876.

IV. Meyers Hand-Lexicon des allgemeinen Wissens. Dritte Auflage. Leipzig 1885.

V. Латышевъ. В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. 2 ч. Изд. 2-ое. Спб. 1888—1889.

VI. Lion. Joh. Amos Comenius Pädagogische Schriften. Übersetzt, mit Anmerkungen und des Comenius Biographie versehen von Dr. C. Th. Lion. Zweite, verbesserte Auflage. Langesalza 1883.

VII. Любкеръ. Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру. Изданіе Общества классической филологіи и педагогики. Спб. 1883.

VIII. Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Университетѣ св. Владиміра. Курсъ I и II. Кіевъ 1873—75.

IX. Pappenheim. Johann Amos Comenius. Bearbeitet und zu dessen 300-stem Geburtstage (28 März 1892) herausgegeben von Dr. Pappenheim. I Theil. Lebensabriss, ferner «Die Grosse Lehrkunst», aus dem Lateinischen übersetzt. Langesalza. 1892.

X. Смирновъ. Исторія Христіанской Православной Церкви. Протоіерея П. Смирнова. Изд. 3-ье. Спб. 1886.

XI. Teuffel. Geschichte der Römischen Literatur von W. S. Teuffel. Leipzig 1870.

XII. Фетъ. 1) К. Горацій Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1883. 2) Д. Юнія Ювенала. Сатиры. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1885. 3) Публія Овидія Назона XV книгъ Превращеній. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1887.

XIII. Шерръ. Исторія всеобщей литературы.

XIV. O. D. O. J. A. Comenii

OPERA

DIDACTICA

OMNIA.

Variis hucusque occasionibus scripta diversisque locis edita: nunc autem non tantum in unum, ut simul sint, collecta, sed et ultimo conatu in Systema unum mechanice constructum, redacta.

Amsterdami,

Impensis D. Laurentii de Geer,

Excuderunt

Christophorus Cunradus et Gabriel à Roy.

Anno MDCLVII.

II.

Примѣчанія.

1. Сизифъ, Σίσυφος (хитрецъ), Sisyphus, миѳическій строитель и царь г. Коринѳа, «за свою порочность долженъ былъ въ преисподней вѣчно вскатывать на вершину высокой горы каменную глыбу, которая опять скатывалась внизъ, какъ только онъ вскатывалъ ее наверхъ» (Любкеръ 1258). Оттуда «Сизифова работа» вообще—тяжелая и напрасная работа.

2. Это мѣсто взято изъ сочиненія Цицерона: De divinatione II, 2.

М. Туллій Цицеронъ, M. Tullius Cicero, извѣстный государственный дѣятель и писатель римскій, род. въ 106 г. до Р. Х., «былъ убитъ агентами Антонія 7 декабря 43 г. до Р. Х. Едва ли исторія литературы можетъ выставить другой примѣръ человѣка, который бы имѣлъ такое громадное значеніе въ литературѣ своего народа, какое имѣлъ Цицеронъ въ римской литературѣ».—«Надѣленный отъ природы блистательными дарованіями, ненасытною пытливостью духа и ничѣмъ несокрушимымъ терпѣніемъ, образовавшись на изученіи первоклассныхъ произведеній греческой литературы и въ бесѣдахъ съ первыми по образованію людьми своего времени, онъ не только болѣе всѣхъ своихъ современниковъ посвященъ былъ въ тайны высшей образованности, но и обладалъ необыкновенною, геніальною способностью въ ясныхъ, живыхъ и доступныхъ пониманію каждаго образованнаго человѣка краскахъ, образахъ и выраженіяхъ представить всякую философскую теорію и ввести читателя въ кругъ идей эллинской образованности. Его мысль не отличалась глубиною творческаго духа, способнаго покорять себѣ сильные умы, но въ замѣнъ этого ему были присущи всегда та ясность взгляда и та опредѣленность въ ходѣ и выраженіи мыслей, которыя всегда въ состояніи подчинить себѣ массу читающей публики и доставить писателю широкое вліяніе. Особенное свойство цицеронова таланта заключается въ томъ чувствѣ изящнаго, которое, коренясь въ его натурѣ и будучи развито знакомствомъ съ высокими произведеніями эллинской литературы и искусства, сопровождаетъ его во всѣхъ произведеніяхъ его пера и до сихъ поръ слышится во всемъ складѣ его мыслей и выраженій. Способный ко всякому роду прозаической литературы, онъ проявилъ себя съ наибольшей силой въ краснорѣчіи».—«Характеристическою его особенностью была полнота (copia), которую онъ создалъ для латинской

рѣчи и въ которой былъ великій мастеръ (princeps copiae atque inventor), даже по сознанію современниковъ. При помощи этой полноты онъ развилъ латинскую стилистику въ искусство говорить ясно, округленно, стройно, гармонично». — «Нужно представить себѣ еще нравственную сторону этого человѣка, проникнутаго пламенною любовью къ отечеству, рѣдкимъ въ Римлянинѣ уваженіемъ къ нравственному идеалу, человѣка, поддающагося требованіямъ гуманности и чувству справедливости болѣе, чѣмъ можно было требовать отъ Римлянина послѣднихъ дней республики. Это сочетаніе нравственныхъ качествъ не мало содѣйствовало тому обаянію, которое производило и производитъ еще до сихъ поръ литературное имя Цицерона».—«Литературная его дѣятельность проявилась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ прозы. Прозаическія его произведенія дѣлятся на рѣчи (orationes), риторическія, философскія, историческія и политическія сочиненія и наконецъ письма» (Модестовъ I к.).

3. Григорій—епископъ Назіанскій (Назіанзенъ) въ 4 в., отецъ св. Григорія Богослова, который подъ его руководствомъ получилъ свое первоначальное и, по отзыву святителя, самое важное для него воспитаніе (Смирновъ 115).

4. Изъ названныхъ педагоговъ наибольшее значеніе имѣютъ въ исторіи педагогическаго дѣла первый и послѣдній, а потому мы о нихъ только и упомянемъ здѣсь, а по связи съ дѣятельностью перваго еще о Гельвигѣ.

Вольфганъ Ратке, или Ратихъ, Ratichius (1571—1635 г.), былъ однимъ изъ реформаторовъ школы въ XVII в. Онъ первый изъ нѣмецкихъ педагоговъ стремился примѣнить въ школѣ оба дидактическіе принципа, которые выработалъ Бэконъ: наглядность и самодѣятельность. Но всѣ его реформаторскія попытки были неудачны. Ратихъ ясно и вѣрно понималъ недостатки современной ему школы, но у него недоставало для выполненія своихъ нововведеній учительской сноровки, спокойной настойчивости, самопознанія и знанія человѣка, умѣнья управлять и дисциплинарнаго такта. Неоспоримая и неотъемлемая его заслуга та, что онъ доказалъ всю необходимость и важность искусства обученія и выработалъ для него нѣсколько вѣрныхъ правилъ (Диттесъ). Его неуживчивый характеръ, самомнѣніе и самонадѣянность отталкивали отъ него людей, сочувствовавшихъ ему, и навлекли на него не мало бѣдъ (даже заключеніе въ тюрьму). По его настоянію была основана школа въ Кётенѣ и, благодаря щедротамъ и содѣйствію ландграфа Гессенскаго Людвига, для нея были напечатаны необходимыя руководства: Энциклопедія по дидактикѣ Ратихія 1619, Всеобщее преподаваніе по методу Ратихія 1619, Всеобщая Грамматика 1619, Книга для чтенія для начинающихъ 1619), Grammatica universalis pro Didactica Ratichii 1619, Compendium Grammaticae Latinae ad Didacticam Ratichii 1620 и др (Шмидтъ, III, 343).

Христофоръ Гельвигъ (Helvicus), теологъ-профессоръ, современникъ Ратиха. Ему вмѣстѣ съ Іоахимомъ Юнгомъ было поручено ландграфомъ Людвигомъ дать отчетъ объ искусствѣ преподаванія Ратиха. Они дали благопріятный отзывъ въ своемъ докладѣ, который явился подъ заглавіемъ: «Краткій отчетъ о дидактикѣ или искусствѣ преподаванія Вольфг. Ратихія, гдѣ онъ даетъ наставленія, какъ легче, скорѣе, правильнѣе, вѣрнѣе и совершеннѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, распространять языки, искусства и науки» (Шмидтъ III, 334).

«Іоаннъ Валентинъ Андреэ (Joh. Valent. Andreä) род. 1586 г., былъ сначала діакономъ, потомъ деканомъ (въ Кальвѣ), придворнымъ священникомъ (въ Штутгартѣ), прелатомъ (въ Бебенгаузенѣ), умеръ 1654 г. Въ своемъ приходѣ и въ Вюртембергской церкви онъ былъ настоящимъ священникомъ и глубоко вникалъ въ дѣло воспитанія своего прихода и отечества. Онъ возсталъ противъ механическаго обученія латыни въ низшихъ ученыхъ школахъ и противъ механическаго преподаванія катехизиса въ народныхъ училищахъ». «Онъ ратовалъ также противъ языческаго принципа, безусловно предпочитавшаго греко-римское образованіе новой евангелической жизни». «Какъ другъ Коменскаго, онъ заодно съ нимъ отстаивалъ реалистическое воззрѣніе, заявивъ слѣдующія основныя правила: 1) Ничего не предписывайте юношеству на иностранномъ языкѣ. 2) Не задавайте ему предметовъ, которыхъ оно не понимаетъ, потому что мальчикамъ надоѣдливо учить лишь слова, не имѣя яснаго понятія объ обозначаемыхъ ими предметахъ и объ употребленіи ихъ въ жизни. 3) Не слѣдуетъ объяснять юношамъ ничего, выходящаго изъ предѣловъ ихъ кругозора и не возбуждающаго въ нихъ никакого интереса. Не пичкайте мальчиковъ знаніями, которыя ими тотчасъ же выплевываются вонъ, сообщайте имъ, напротивъ, только то, что они способны передать въ свою очередь и что сумѣютъ примѣнить на практикѣ».— «Искуство преподаванія по Андреэ должно быть посвящено Богу и образовать отличныхъ людей, не чуждыхъ также знанія изящныхъ наукъ и искусствъ. Онъ составилъ «Дѣтскій учебникъ», въ видѣ дальнѣйшаго наставленія для дѣтей, «уже усвоившихъ себѣ катехизисъ» (Шмидтъ III, 331—332).

5. Въ числѣ прочихъ состязаній во время общественныхъ игръ у древнихъ грековъ былъ также бѣгъ съ факелами. «Участники бѣга, держа въ рукахъ зажженные факелы (которые легче могли гаснуть, чѣмъ смоляные), должны были или добѣжать до цѣли, не погасивъ факела, или, пробѣжавъ извѣстное пространство, передать горящій факелъ другимъ свѣжимъ атлетамъ» (Латышевъ, II ч., стр. 97). Передать факелъ (lampada tradere) другому значитъ признать превосходство другаго.

6. «Тертулліанъ, Septimius Florens Tertullianus, пресвитеръ Карѳагенскій и христіанскій апологетъ, жившій во 2 в., писатель полный оригинальности и геніальности, одаренный живою фантазіей и находчивымъ остроуміемъ. Изъ его сочиненій особенное значеніе имѣетъ его

«Apologeticum», написанное въ 199 г. и обстоятельно опровергающее взводимыя на христіанъ обвиненія въ непочитаніи боговъ и въ равнодушномъ или враждебномъ отношеніи къ государству» (Teuffel, стр. 772 и 773).

7. Т. е. на чешскомъ.

8. Коменскій не только спеціально изучалъ богословіе (въ университетѣ), но и былъ сначала священникомъ, а потомъ и епископомъ Моравскихъ братьевъ.

9. У римлянъ школа называлась ludus (ludus litterarius), что собственно значитъ «игра». «Ludus dicitur locus, in quo corporis aut ingenii vires exercentur, ut palaestra et schola, quae, ut ait Festus in schola p. 347, ideo litterarius ludus dicitur, ne tristi aliquo nomine fugiant pueri suo fungi munere; vel, ut alii volunt, quia studium litterarum liberalis ingenii ludus sit (Forcellini Lexicon totius latinitatis, III, p. 311, подъ словомъ Ludus).

10. См. страницу 4.

11. «Стобей, Stobaeus, Ἰωάννης Στοβαῖος, изъ Стобъ, города Македоніи, жилъ отъ 450 до 500 г. по Р. Х. Извѣстенъ своимъ сборникомъ извлеченій изъ авторовъ». «Извлеченія сдѣланы болѣе чѣмъ изъ 500 греческихъ писателей; для насъ они важны особенно тѣмъ, что содержатъ въ себѣ отрывки изъ произведеній несохранившихся, преимущественно изъ драматическихъ поэтовъ» (Любкеръ, стр. 1316).

12. Въ изданіи Стобея Meineke (1855 и сл.) имя этого пиѳагорейца—Diotogenes.

13. «Питтакъ, Pittacus, Πιττακός, одинъ изъ «семи мудрецовъ Греціи», род. около 648 г. до Р. Х. Его любимымъ изреченіемъ было: «Замѣчай удобное время!»—«Сохранилось его маленькое стихотвореніе и письмо къ Крезу» (Любкеръ 1053).

14. Фестъ, S. Pompejus Festus, жившій, вѣроятно, во 2 в. по Р. Х., составилъ, въ 20 книгахъ, извлеченіе изъ обширнаго произведенія грамматика М. Веррія Флакка, которое имѣло заглавіе: De significatu verborum (О значеніи словъ), и издалъ подъ этимъ же заглавіемъ. Это извлеченіе лучше соотвѣтствовало потребности того времени, чѣмъ обширная книга Верріа, и скоро совершенно вытѣснило ее (Любкеръ 527).

15. Substravit in Mundi imo («на днѣ вселенной») pavimentum solidum, Terram. Конечно, Коменскій имѣлъ болѣе вѣрное представленіе объ устройствѣ міра, а говоритъ такъ, примѣняясь къ обычному способу выраженія, какъ и мы говоримъ: солнце восходитъ, заходитъ.

16. Въ нашей Библіи сказано такъ: «И будетъ въ тотъ день, Я услышу, говоритъ Господь, услышу небо, и оно услышитъ землю (ст. 21), и земля услышитъ хлѣбъ и вино и елей; а сіи услышатъ Изреель» (ст. 22).

17. Невѣрная цитата.

18. Во второй цитатѣ въ подлинникѣ невѣрно обозначенъ стихъ 23-ій, вмѣсто 13-аго.

19. «Людовикъ Вивесъ, Ludovicus Vives, р. 1492 г. въ Валенсіи» умеръ въ Брюгге въ 1540 г. Помимо многихъ толкованій и переводовъ греческихъ и римскихъ классиковъ онъ составилъ нѣсколько трактатовъ о педагогикѣ: de ratione studendi, de ratione studii puerilis, exercitationes animi in deum и др.—все сочиненія, прозванныя libelli aureoli (золотыми книжками), въ которыхъ основными правилами воспитанія онъ постановилъ: «Главныя условія образованія суть благочестіе, прилежаніе, послушаніе родителямъ и учителямъ, какъ вторымъ отцамъ, умственныя, письменныя и устныя, упражненія». «Отъ воспитанія зависитъ вся жизнь. Поэтому пріучайте дѣтей смолоду составлять себѣ вѣрныя понятія о вещахъ, растущія съ годами». «Классики лучшій источникъ умственнаго образованія». «Лучшимъ упражненіемъ въ рѣчи служитъ тщательное сочиненіе». «Какъ на воспитаніе мальчиковъ, такъ точно и на воспитаніе дѣвочекъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: и оно также должно начаться съ первою каплею материнскаго молока». «Вивесъ принадлежалъ къ превосходнѣйшимъ педагогамъ своего времени» (Шмидтъ II, 405—406).

20. Сенека, L. Annaeus Seneca, римскій философъ, род. въ Испаніи около Р. Х., но рано пріѣхалъ въ Римъ. Впослѣдствіи онъ былъ воспитателемъ Нерона. Обвиненный за участіе въ заговорѣ и осужденный на смерть, онъ умеръ отъ вскрытія жилъ въ 65 г. по Р. Х. Въ своихъ философскихъ взглядахъ Сенека слѣдовалъ преимущественно ученію стоиковъ». Отъ него осталось довольно много сочиненій, напр. de ira, de providentia, de animi tranquillitate, de clementia, de brevitate vitae. Письма его, изъ которыхъ Коменскій чаще всего приводитъ выдержки» «содержатъ легкія бесѣды о разнаго рода философскихъ вопросахъ». (Любкеръ 1233).

21. По изданію Haase 1852 г. это мѣсто относится къ Письму 92. 29,30.

22. Бернгардъ, Bernhard von Clairvaux, знаменитый аббатъ монастыря Клерво (Clairvaux) во Франціи, весьма вліятельный совѣтникъ папъ, епископовъ и князей, проповѣдывалъ 2-ой крестовый походъ, род. 1091, † 1153, признается въ Западной церкви святымъ. Сочиненія его изданы 1851—52 г. (Meyers 246).

23. Lychnus здѣсь употреблено въ значеніи ellychnium (свѣтильня), какъ видно изъ связи рѣчи.

24. «Римляне употребляли для писемъ, замѣтокъ, счетовъ, черновокъ, а также въ школѣ навощенныя дощечки (изъ обыкновеннаго дерева, слоновой кости, цитра)» (Велишскій 362). Tabula rasa (собственно выскобленная доска) соотвѣтствуетъ нашему выраженію: чистый (не исписанный) листъ бумаги.

25. Сравненіе души съ воскомъ нельзя назвать удачнымъ. Сход-

ство здѣсь только кажущееся: умственные образы, возникающіе въ душѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, не одно и тоже, что слѣды, оставляемые на воскѣ печатью. См. «Задачи психологіи» Кавелина, стр. 28.

26. Въ подлинникѣ стоитъ: suscepti. У римлянъ «послѣ рожденія дитяти отецъ, взявъ (tollere, suscipere) его на руки, признавалъ его своимъ (законъ давалъ отцу право отказаться отъ урода-дитяти и умертвить его)», т. е. членомъ своей семьи (Велишскій, 310).

27. Приводимыхъ Коменскимъ словъ въ указанномъ мѣстѣ (De natura deorum, I) нѣтъ (Pappenheim).

28. «Лактанцій, Lactantius Firmianus, 3 в., превосходитъ всѣхъ христіанскихъ писателей чистотою и гладкостью своего изложенія, основаннаго на лучшихъ образцахъ. Изъ его многочисленныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ значительнѣйшія дошли до насъ. Это 1) Institutionum divinarum VII libri, популярное, апологетическое изложеніе христіанскаго ученія; 2) De opificio Dei, популярная антропологія съ христіанской точки зрѣнія; 3) De ira Dei, такая же обработка ученія о Богѣ» (Teuffel, 821—822).

29. Кв. Горацій Флаккъ, Q. Horatius Flaccus, «геніальный римскій поэтъ, занимавшій рядомъ съ Виргиліемъ первостепенное мѣсто въ хорѣ поэтовъ Августова вѣка, родился въ 65 г. до Р. X. въ небольшомъ городкѣ Венузіи, на границѣ Апуліи и Луканіи (откуда и называется Венузійскимъ поэтомъ); своими произведеніями выразилъ высшую степень развитія лирической поэзіи въ Римѣ». «Bibliotheca Horatiana», изданная въ Лейпцигѣ 1775 г. перечисляетъ сочиненія о Горацiѣ на 10 печатныхъ листахъ». Несомнѣнно, что новый полный каталогъ литературы о Гораціи составилъ бы болѣе 20 листовъ. «Такъ необыкновенно велика масса трудовъ, вызванныхъ тѣмъ огромнымъ значеніемъ, какое придается изученію Горація въ образованномъ мірѣ».—Сочиненія его, которыя дошли до насъ цѣликомъ, слѣдующія: Оды (4 кн.), Эподы (17), Carmen saeculare (иногда помѣщается раньше Эподъ), Сатиры (Sermones) (2 кн.) и Письма *) (Epistolae) (2 кн.). «Послѣднее письмо къ Пизонамъ, называемое еще Квинтиліаномъ сочиненіемъ de arte poëtica», заключаетъ въ себѣ «настоящую теорію поэтическаго искусства» (Модестовъ, 2-й к.). Приводимые у К. стихи взяты изъ I Письма I кн., ст. 39—40 (переводъ Фета).

30. «Камерарій, Camerarius (собственно Liebhard), гуманистъ, род. 1500 г., былъ профессоромъ классическихъ языковъ, † 1574. Онъ издалъ Commentarii linguae graecae et latinae и Epistolae familiares» (Meyers 370). «Память своего учителя и друга Меланхтона почтилъ онъ превосходнымъ жизнеописаніемъ». «Его правила отроческой жизни (Praecepta vitae puerilis) оказали большое вліяніе на школьный бытъ» (Шмидтъ, III, 145).

*) Фетъ называетъ ихъ Посланіями.

Дрессеръ, M. Dresserus, также былъ профессоръ, † 1607 г. (Pappenheim).

31. Гуларъ, Gulartius, богословъ 16 в. (Pappenheim).

32. «Несторъ, повелитель мессенскаго или трифалійскаго Пилоса (въ ю. Греціи), въ глубокой старости, когда онъ уже царствовалъ надъ третьимъ поколѣніемъ людей, отправился съ 50 кораблями подъ Трою. Послѣ разрушенія Трои онъ благополучно возвратился въ отечество, гдѣ жилъ долгіе годы въ кругу своихъ разумныхъ сыновей» (Любкеръ 916).

33. Cic. De senectute, c. 21, § 78.

35. «Іосифъ, Josephus, Ἰώσηφος, впослѣдствіи названный Іосифомъ Флавіемъ, происходилъ изъ священническаго рода и родился въ Іерусалимѣ въ 37 году по Р. Хр.»—«Остатокъ своей жизни онъ провелъ въ Римѣ (гдѣ пріобрѣлъ вліяніе еще въ первое свое пребываніе), отдавшись научнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были главнымъ образомъ, сохранившіяся и понынѣ, историческія сочиненія». Изъ нихъ особенно важны: 1) «Исторія первой войны римлянъ съ іудеями въ 7 книгахъ (περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου; или Ἰουδαϊκὴ ἱστορία περὶ ἁλώσεως); 2) Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία, заключающая въ себѣ исторію іудейскаго народа отъ сотворенія міра до 12 г. правленія Нерона; 3) автобіографія, βίος, содержащая дополненія къ его іудейской исторіи» (Любкеръ. 666).

36. Въ этихъ стихахъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, намъ кажется, дѣлается намекъ на ристанія (верхомъ и на колесницахъ) въ римскомъ циркѣ. Поэтому приводимъ нѣкоторыя объясненія. До открытія скачекъ въ римскомъ циркѣ скаковыя колесницы (quadrigae—въ 4 лошади, trigae—тройки, bigae—пара) стояли наготовѣ въ сараяхъ—carceres, предъ которыми протягивался канатъ. Какъ только канатъ опускали (carcere reserato), колесницы выѣзжали изъ сараевъ и спѣшили каждая раньше другихъ доѣхать до нижней меты (столба, или тумбы) и, объѣхавъ ее какъ можно ближе, опередить соперницъ. «Кромѣ скачекъ на колесницахъ упоминаются также скачки верхомъ и представленія волтижеровъ (desultores), которые либо на одной, либо на двухъ, иногда даже на четырехъ лошадяхъ совершали опасную ѣзду, вскакивая на полномъ ходу на лошадь, либо перескакивая съ одной на другую» (Велишскій, 489—492).

37. Конечно, это изложеніе отправленія различныхъ органовъ нашего тѣла не совпадаетъ съ данными современной физіологіи, что и неудивительно, такъ какъ эта наука въ то время имѣла слишкомъ скудныя данныя.

38. Этотъ стихъ взятъ изъ Georgica I, 145 Виргилія. «П. Виргилій Маронъ, P. Virgilius Maro, въ истинно-классическихъ произведеніяхъ котораго поэзія эпическая и дидактическая достигла полной законченности у римлянъ, род. близъ Мантуи въ 70 г.», а умеръ въ 19 году до Р. Хр. и похороненъ около Неаполя.—«Рядъ несомнѣнныхъ произведеній Виргилія, на которыхъ лежитъ печать

таланта, вполнѣ достойнаго передоваго пѣвца въ хорѣ поэтовъ Августова вѣка, начинается съ его идиллическихъ стихотвореній Буколикъ (Bucolica), или Эклогъ (Eclogae), т. е. произведеній пастушескаго содержанія». Затѣмъ слѣдуютъ «Георгики (Georgica), въ 4 книгахъ, изъ которыхъ въ I-ой рѣчь идетъ о земледѣліи, во II-ой—о садоводствѣ, въ III-ьей—о скотоводствѣ и въ IV-ой—о пчеловодствѣ, образцовое по художественной отдѣлкѣ произведеніе римской поэзіи». Только послѣ этого Виргилій приступилъ къ послѣднему своему большому труду — Энеидѣ. «Энеида распадается по своему содержанію на 2 части, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 6 книгъ. Первая часть изображаетъ странствованія Энея, а вторая—его подвиги въ Италіи». Французскій ученый Сентъ-Бёвъ въ своемъ сочиненіи Étude sur Virgile, перечисливъ другія стороны Виргиліева таланта (любовь къ сельской природѣ, благодаря которой у него можно встрѣтить не мало великолѣпныхъ картинъ, далѣе изученіе писателей греческихъ и римскихъ, обширную эрудицію въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи Рима и Италіи, чувство патріотизма, выражавшееся въ гордомъ сознаніи превосходства римскаго народа надъ всѣми народами), указываетъ также на особенное свойство таланта Виргилія, которымъ послѣдній отличается между всѣми древними писателями. «Нигдѣ, по мнѣнію профессора Модестова, Виргилій не обнаружилъ съ такой силой мягкости своей души, какъ въ описаніи любви къ Энею Дидоны, гдѣ онъ, по выраженію Сентъ-Бёва, раскрылъ «toutes les tendresses et les secrets feminins de la passion». Съ этимъ чувствомъ нѣжности, которое бросается въ глаза во всѣхъ сочиненіяхъ Виргилія, какъ нельзя лучше вяжется чувство стыдливости и скромности въ выраженіяхъ, рѣдкой между древними» (Модестовъ. 2-й к.).

39. «Децимъ Юній Ювеналъ, D. Junius Juvenalis, род. около 47 года по Р. Хр. Гнѣвъ и скорбь объ испорченности вѣка привели его къ сатирической поэзіи (1, 89 facit indignatio versum). Мы имѣемъ отъ него въ 5 книгахъ 16 сатиръ. Съ точнымъ знаніемъ жизни онъ соединяетъ большую способность изображать нравы: немногими чертами рисуетъ онъ личности и событія (изъ временъ Домиціана), въ которыхъ самыми яркими красками изображаетъ развратность, проявлявшуюся во всѣхъ положеніяхъ жизни вплоть до высшихъ круговъ, разоблачая съ откровенною прямотою порокъ въ его наиболѣе пошломъ и отвратительномъ видѣ. При этомъ онъ всюду обнаруживаетъ свое честное направленіе» (Любкеръ 708). Стихи приведены у насъ въ переводѣ Фета.

40. «Еврипидъ, Εὐριπίδης, Euripides, третій между знаменитѣйшими греческими трагиками, род. 480 или 485 г. до Р. Хр. Въ трагедіяхъ его замѣтны неоспоримые слѣды философскаго направленія и его воспріимчивость къ риторическимъ уловкамъ софистовъ. Онъ былъ угрюмъ (μισόγελως), мраченъ, малообходителенъ» и ненавидѣлъ женщинъ. «Отъ Эврипида дошло до насъ 18 трагедій» (Любкеръ 505). Цитируемые Коменскимъ

стихи взяты изъ его трагедіи «Гипполитъ», именно 627—630, и приведены нами въ переводѣ Мережковскаго (Вѣстникъ Европы, январь 1893).

41. Нѣмецкій врачъ и естествоиспытатель, † 1555 (Pappenheim).

42. Врачъ, родомъ изъ Утрехта, † 1543 (Pappenheim).

43. Платонъ, Πλάτων, Plato, величайшій изъ греческихъ философовъ, называвшійся «божественнымъ», род. въ Аѳинахъ 429 г. до Р. Х. «Выросши въ самое оживленное и полное перемѣнъ время въ аѳинской жизни, въ средѣ такихъ замѣчательныхъ умовъ, какъ Ѳукидидъ и Ксенофонтъ (историки), Софоклъ и Еврипидъ (трагики), Аристофанъ и Менандръ (комики), Фидій и Поликлетъ (ваятели), будучи одаренъ поэтическимъ талантомъ и съ раннихъ лѣтъ занимаясь чтеніемъ поэтовъ; обучаемый лучшими учителями своего времени и одаренный всѣми средствами и дарованіями къ умственному развитію, онъ былъ призванъ для высокой жизни». Неудовлетворенный философскими воззрѣніями современныхъ ему школъ, «умъ его обратился къ практической сторонѣ философіи». «Сердечная, неразрывная связь съ Сократомъ и то впечатлѣніе, которое произвела на глубокую душу ученика его послѣдняя участь, которой онъ подвергся за свое ученіе, вызвали къ жизни многочисленныя платоновскія сочиненія, въ которыхъ онъ изложилъ основныя положенія своего учителя почти въ нераздѣльномъ соединеніи со своими». «Сочиненные имъ діалоги никогда не велись на самомъ дѣлѣ въ школѣ; это сцены въ драматической формѣ, въ которыхъ философія излагается на столько объективно, что Платонъ самъ никогда не участвуетъ въ нихъ». «Что касается до самаго его ученія, то онъ признавалъ, что въ человѣческой душѣ, не смотря на всю измѣнчивость вещей, есть вѣчныя и неперемѣняющіяся понятія (νοήματα); поэтому должны были существовать вѣчные, простые, себѣ самимъ подобные образы (ὁμοιώματα), по образцу которыхъ понятія эти были запечатлѣны въ преходящихъ предметахъ. Эти образы, ἰδέαι, виды общей οὐσία, по мнѣнію Платона, не имѣютъ никакой связи съ чувственнымъ міромъ, но, съ другой стороны, не должны быть смѣшиваемы и съ отвлеченными понятіями. Они скорѣе то, что одно только истинно и дѣйствительно существуетъ, τὰ ὄντα, ὄντως ὄντα; отъ нихъ происходятъ всѣ понятія прекраснаго, добраго и истиннаго. Душа человѣка не всегда была связана съ слабымъ тѣломъ; она могла наслаждаться вѣчнымъ созерцаніемъ первообразовъ, но, отвернувшись отъ нихъ, она погрязла въ смертномъ тѣлѣ, гдѣ, исполненная тоски, вспоминаетъ о первообразахъ, и воспоминаніе это (ἀνάμνησις) тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше развита духовная жизнь» (Любкеръ 1055—1056). Платонъ училъ въ гимназіи, расположенной передъ воротами Аѳинъ и посвященной герою Академу, поэтому школа его наз. Академіей, а послѣдователи—Академиками. На русскій яз. сочиненія Платона переведены покойнымъ профессоромъ Спб. Дух. Академіи Карповымъ.

44. Serperastra sunt machinulae, adminicula, quae puerorum ge-

nibus alligantur, ut eorum depravata corrigant crura (Forcellini, Totius Latinitalis Lexicon).

45. Въ подлинникѣ: quia tamen haec in antecessum non rudi vulgo, sed prudentibus scribimus, demonstrandum est. По смыслу необходимо in antecessum отнести къ demonstrandum est.

46. М. Порцій Катонъ, M. Porcius Cato, прозванный Старшимъ (Superior или Priscus), или Цензоромъ (Censorius), основатель римской прозы, «который хотѣлъ доказать, что Римляне могутъ писать и говорить на своемъ языкѣ не хуже, чѣмъ греки на своемъ, род. въ 234 г., † 149 до Р. Х.» «Его литературная дѣятельность касалась всевозможныхъ предметовъ знанія, но сохранилось намъ отъ него лишь сочиненіе: De re rustica, т. е. о сельскомъ хозяйствѣ». (Модестовъ, I к.). Приводимое у Коменскаго мѣсто взято изъ этого сочиненія (5, 6).

47. Это не вполнѣ точное изложеніе взгляда Аристотеля на искусство. «Искусство, τέχνη, по Аристотелю, возникло изъ подражанія, а цѣль искусства—удовлетвореніе познанія. Человѣкъ стремится къ познанію, и удовольствіе, которое мы находимъ въ картинѣ или изваяніи, есть удовольствіе познанія. Въ связи съ достоинствомъ познанія Аристотель старается опредѣлить и достоинство искусства. Познавая вещь, мы можемъ или не доходить до ея сущности, или же довольствоваться тѣмъ, что постигли предметъ, какъ онъ есть, или, наконецъ, представлять его себѣ, какъ онъ долженъ быть. Такъ и то искусство, которое не достигаетъ предмета, не можетъ быть названо искусствомъ; стоящее въ уровень съ объектомъ знанія есть знаніе историческое, но и оно не искусство; послѣднее въ настоящемъ смыслѣ должно стоять выше предмета, изобразить его не какъ онъ есть, но чѣмъ онъ долженъ быть» (Владиславлевъ, Лекціи).

«Аристотель, Ἀριστοτέλης, Aristoteles, знаменитый основатель школы перипатетиковъ, самый глубокій и всеобъемлющій умъ древности, род. въ г. Стагирѣ (оттуда наз. Стагиритомъ) въ 384 г., умеръ въ 322 или 321 г. до Р. Х. Онъ былъ ученикомъ Платона, къ которому питалъ всегда чувства глубокаго уваженія и искренней преданности. Въ 343 г. онъ былъ приглашенъ для воспитанія Александра Великаго, которому въ то время было 13 лѣтъ». Эти отношенія впослѣдствіи принесли пользу Аристотелю въ дѣлѣ науки: «царь щедрою рукою оказывалъ помощь естественно-историческимъ, особенно зоологическимъ трудамъ своего учителя». «Аристотель, въ одно и то же время и великій мыслитель, и великій наблюдатель, обращаетъ вниманіе на всѣ стороны міроваго цѣлаго, но при этомъ въ своей мысли такъ переработываетъ все разнообразіе явленій, что отъ частностей доходитъ до самыхъ широкихъ обобщеній. Благодаря этому направленію ума, онъ сдѣлался основателемъ многихъ новыхъ наукъ; такъ напр., у него впервые подвергаются систематической обработкѣ грамматика и логика; реторика, піитика и вмѣстѣ съ послѣднею вообще философія искусства, зоологія и физіологія, ботаника, анатомія,

психологія также впервые получаютъ научный видъ у Аристотеля» (Люб-керъ 152—153). Понятно, почему вся средневѣковая наука основывалась на Аристотелѣ. Да и самъ Коменскій нѣкоторыя свои положенія обосновываетъ на ученіи того же Аристотеля.

48. «Дедалъ, правнукъ аѳинскаго царя Эрехѳея, считался изобрѣтателемъ статуй, представляющихъ тѣло въ движеніи и съ открытыми глазами, и различныхъ орудій, напр.: топора, пилы, бурава, ватерпаса и др. Онъ же построилъ для царя Миноя на о. Критѣ лабиринѳъ. Будучи потомъ и самъ заключенъ въ него, «онъ подкупилъ сторожей и улетѣлъ чрезъ море на крыльяхъ, искусно сдѣланныхъ изъ перьевъ» (Любкеръ 369). Сказаніе о полетѣ Дедала и гибели сына его Икара прекрасно передается въ «Превращеніяхъ» Овидія: 8 кн., 183—235 ст.

49. Въ подлинникѣ: Soni edendi organon in animalibus arteria est aspera, e cartilaginaceis annulis constructa, larynge desuper veluti epistomio, ab infra vero flatum ciente folle, pulmone, instructa. Описаніе этого органа и образованія звука въ общемъ близко къ тому, какъ объясняетъ это современная анатомія и физіологія, но есть и разница (Ср. «Атласъ Гейдмана къ Анатоміи человѣка», II ч. и «Краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка и животныхъ по Эрдману»). Коменскій ничего также не говоритъ о голосовыхъ связкахъ и мышцахъ, которыя играютъ роль въ образованіи звуковъ.

50. «Гиппократъ, Ἱπποκράτης, Hippocrates, знаменитый греческій врачъ, род. около 460 г. до Р. Х. Объ обстоятельствахъ его жизни существуютъ разныя преданія и баснословные разсказы». Въ числѣ его подлинныхъ сочиненій (6) «болѣе всего извѣстны Ἀφορισμοί (Афоризмы), какъ ядро всей его врачебной науки. Его теорія и практика основаны на долголѣтнемъ и тонкомъ наблюденіи и изслѣдованіи человѣческихъ болѣзней». (Любкеръ 631).

51. Въ подлинникѣ: (occasio) antequam fronte prehensatur. Fronte prehensare соотвѣтствуетъ нашему: схватить за чубъ.

52. У Цицерона (Tuscul. disput. III, c. 28, § 69) жалоба эта приписывается не Аристотелю, а его ученику Теофрасту (Theophrastus autem moriens accusasse dicitur и т. д.). Коменскій же приписалъ слова Теофраста Аристотелю, вѣроятно, потому что непосредственно передъ этимъ приводится обвиненіе Аристотеля противъ древнихъ философовъ, qui existimavissent philosophiam suis ingeniis esse perfectam.

53. Изъ Ювенала (X-я сатира, 355—356 ст.), въ переводѣ Фета.

54. Въ подлинникѣ: inquit Ecclesiasticus, а нѣсколько ниже это мѣсто приписывается Сыну Сирахову, какъ и должно быть. Поэтому Ecclesiasticus въ нашемъ переводѣ замѣнено словами: Сынъ Сираховъ.

55. Въ подлинникѣ въ заголовкѣ стоитъ: Natura nonnisi a privatione incipit, а на поляхъ это же Fundametum формулируется такъ: Materia pura sumitur. Затѣмъ въ § 7 опять: Atque id fuit, cur Aristoteles privationem inter rerum principia referret. «По Аристотелю, конкрет-

ные предметы слагаются изъ матеріи и формы. Матерія есть только возможность, которая въ силу своей неопредѣленности можетъ быть чѣмъ угодно. Форма есть уже начало дѣйственности, энергіи, но для ея реализаціи необходимъ субстратъ, т. е. матерія, сама же по себѣ она тоже возможность, только возможность предопредѣленная. Напр., столъ, независимо отъ матеріи (камня, дерева и т. п.), есть только возможность, но опредѣленная, которая можетъ быть только столомъ, но ничѣмъ другимъ». (Владиславлевъ, Лекціи). Слѣдовательно, pura materia («чистая матерія») есть «безформенная матерія», а privatio (στέρησις) отсутствіе или отрицаніе формы, какъ качества (какъ переводитъ Zeller, Die Philosophie der Griechen, II Theil, Seite 236, Anm. 2).

56. Цицеронъ (въ Tuscul disput. 2, 5, 13) говоритъ о значеніи философіи вообще, а не о нравственной только философіи: Cultura animi phylosophia est: haec extrahit vitia radicitus et praeparat animos ad satus accipiendos.

57. «Исократъ, Ἰσοκράτης, Isocrates, знаменитый аѳинскій ораторъ, род. въ 436 г. до Р. Х.» Онъ писалъ рѣчи (21) не для произнесенія ихъ, а для чтенія, или для произнесенія ихъ другими лицами. «Самая знаменитая изъ нихъ Πανηγυρικός представляетъ родъ праздничной рѣчи съ блестящимъ изложеніемъ въ честь Аѳинъ» (Любкеръ). Данное мѣсто взято изъ рѣчи къ Демонику (Ed. stereot. стр. 5).

58. Филиппъ Меланхтонъ род. 1497 г. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Лютера въ дѣлѣ реформаціи: Аугсбургское исповѣданіе и Апологія—произведенія его пера. Но почетное названіе «Наставника Германіи» («Praeceptor Germaniae») «онъ болѣе всего заслужилъ своею дѣятельностью въ области философіи и филологіи. Въ философіи онъ реформаторъ Аристотелева ученія. Изученіе классической древности было настоящей его стихіей. Пониманію и распространенію въ школахъ знанія древностей содѣйствовалъ онъ своими учебниками, которыя отличаются ясностью и точностью опредѣленій и расположенія». Таковы его греческая и латинская грамматики, учебникъ діалектики (Erotemata dialectices), De rhetorica 3 libri. Такимъ образомъ «Меланхтонъ подробно изложилъ тривій». «Какъ благотворно дѣйствовалъ онъ своими учебниками на школы, точно такъ же вліялъ онъ и на учебныя дѣла своими совѣтами. Меланхтонъ оказалъ также громадное вліяніе своими лекціями въ Виртембергскомъ университетѣ, имѣвшими предметомъ толкованіе Новаго, а отчасти и Ветхаго завѣта, догматику, греческихъ и латинскихъ классиковъ, этику, діалектику и физику» (Шмидтъ III, 43—63). О народномъ образованіи онъ, повидимому, мало заботился. Онъ умеръ въ 1560 г.

Петръ Рамусъ, одинъ изъ новаторовъ преподаванія во Франціи 16 в., былъ королевскимъ лекторомъ въ Collège de France. «Въ 1562 г. онъ обратился къ Карлу IX съ письмомъ, требуя въ немъ сокращенія платы за ученіе и реформы преподаванія. Рамусъ имѣлъ въ виду энциклопедическое развитіе юношества». Его требованія сводились къ слѣдующему. «Намъ необходимо, говоритъ онъ, примкнуть къ при-

родѣ; искусство должно лишь поучать насъ, какъ пользоваться ею, и давать сколокъ природы. Слѣдуетъ не пренебрегать хорошими писателями, а, напротивъ, усвоивать себѣ ихъ ученія. Это исполняется упражненіемъ, которое бываетъ троякаго рода: оно состоитъ въ чтеніи и объясненіи хорошихъ древнихъ писателей, въ письменныхъ сочиненіяхъ и въ произнесеніи рѣчей. Послѣднее, пріобрѣтаемое упражненіемъ, составляетъ крайнюю цѣль». «Реформы его однако не могли пробиться въ ту эпоху, оттого что были слишкомъ глубоки и обширны для наклонностей ученыхъ того времени» (Шмидтъ, III, 244—245).

59. Epistolae I, 19, 19 (въ перев. Фета).

60. Это невѣрно. Въ настоящее время грамматики признаютъ, что при refert ставится творительный, а не именительный падежъ притяжательныхъ мѣстоименій, потому что refert = re + fert, а не res + fert, какъ объясняетъ Коменскій.

61. Аристотель утверждаетъ, что есть непосредственно очевидныя истины (какъ напр. аксіомы математики), принципы, которые не могутъ быть доказываемы, а очевидны непосредственно (Приложеніе къ Логикѣ Владиславлева: Логика Аристотеля, стр. 24).

62. Это—латинская пословица (Duos parietes de eadem fidelia dealbare); она приводится у Cic. Ad familiares 7, 29 и соотвѣтствуетъ нашему выраженію: «рѣшить два дѣла разомъ».

63. Въ подлинникѣ: pretiosi spiritus est vir intelligens. Въ нашей Библіи этому соотвѣтствуютъ слова: «имущество человѣка прилежнаго многоцѣнно». И въ лютеровомъ переводѣ Библіи сказано: «ein fleissiger Mensch wird reich». Очевидно, Коменскій или невѣрно цитируетъ, или исказилъ текстъ.

64. «Decurio, отъ decem (10), старшина декуріи, напр., римскихъ всадниковъ, хотя бы это отдѣленіе заключало въ себѣ и болѣе 10 лицъ» (Любкеръ). Здѣсь декуріономъ называется старшій надъ десяткомъ товарищей. Подобные старшіе, подъ названіемъ аудиторовъ, существовали въ нашихъ дореформенныхъ духовныхъ училищахъ. Они обязаны были до прихода учителя провѣрять, знаютъ ли порученные ихъ надзору товарищи свои уроки, и отмѣчать это въ подаваемой учителю вѣдомости (нотатѣ) словами: scit (знаетъ), или nescit (не знаетъ). Практика показала, что эту мѣру едва-ли можно рекомендовать.

65. У Римлянъ предъ закланіемъ жертвеннаго животнаго жрецъ освящалъ его. По окончаніи освященія со словами: agone? (начинать ли мнѣ?) приближался къ жрецу служитель и, когда тотъ словами: «age hoc!» (совершай это!) давалъ свое согласіе, онъ убивалъ животное (Велишскій 426).

66. «Т. Макцій Плавтъ, самый видный представитель римской комедіи, род. около 500 г. отъ основанія Рима, † 570 г. Изъ числа приписываемыхъ ему комедій несомнѣнно принадлежатъ ему 21». (Модестовъ, I). По содержанію онѣ, дѣйствительно, не годятся для чтенія

въ классѣ. Приводимый у Коменскаго стихъ взятъ изъ его комедіи Truculentus: II, 6, 8.

67. De arte poëtica, vv. 180—182 (въ перев. Фета).

68. Robertus Fluttus, или de Fluctibus, естествоиспытатель и врачъ въ Оксфордѣ, † 1637 (Pappenheim).

69. Утопія — выдуманное греческое слово (отъ οὐ+τόπος). Такъ называется сочиненіе англичанина Томаса Мора (1480 — 1535), въ которомъ онъ, «выставивъ идеалъ новаго общественнаго устройства, возобновилъ идеи Платона» (Шерръ, 382). Теперь это слово имѣетъ нарицательное значеніе.

70. Понятія: «сущность» и «случайное» заимствованы изъ Аристотелевской метафизики. «Сущность (οὐσία, essentia), по опредѣленію Аристотеля, есть то, что всегда субъектъ и никогда предикатъ, а такимъ субъектомъ можетъ быть только конкретный предметъ. Напр., Сократъ, конкретное существованіе, не можетъ быть предикатомъ другой вещи; значитъ, это—οὐσία. Понятіе, противоположное οὐσία, есть τὸ συμβεβηκός, accidens, случайное, то, что характеризуетъ извѣстный предметъ, дѣлая его именно такимъ, а не другимъ; таковы: качество, свойство, дѣятельность и т. д. Далѣе Аристотель различаетъ два рода случайнаго: 1) ἁπλῶς συμβεβηκός, случайное въ первоначальномъ своемъ значеніи, какъ напр. качество, цвѣтъ и т. п. и 2) οὐσιῶδες συμβεβηκός, характеризующее предметъ какъ сущность; таковы роды и виды. Родовыя и видовыя формы прилагаются къ предметамъ въ качествѣ предиката, но сами по себѣ не существуютъ» (Владиславлевъ, Лекціи).

71. Публій Теренцій Африканецъ (Afer), римскій комическій писатель, которымъ завершается классическій періодъ римской комедіи, былъ родомъ изъ Карѳагена. Онъ умеръ, еще не достигши и полныхъ 25 лѣтъ, въ 595 г. отъ основанія Рима. Отъ него осталось намъ 6 комедій. «Комедіи его отличаются отъ Плавтовыхъ. Въ нихъ нѣтъ той живости дѣйствія, какая часто встрѣчается у Плавта, ни находчивости послѣдняго; зато вездѣ видно изученіе и стремленіе къ изящному. Далѣе, въ то время какъ Плавтъ обнаруживаетъ самый рѣшительный комическій талантъ и владѣетъ способностью, хорошо знакомою намъ по произведеніямъ Гоголя, рѣзко очерчивать характеры дѣйствующихъ лицъ нѣсколькими штрихами, у Теренція сила комизма не бросается ярко въ глаза. Плавтъ поэтому увлекалъ массу, Теренцій же дѣйствовалъ на образованныхъ слушателей. За то отдѣлка языка въ комедіяхъ Теренція не оставляетъ ничего болѣе желать» (Модестовъ, I к.).

72. То, что Коменскій относитъ здѣсь къ діалектикѣ и реторикѣ, составляетъ нынѣ теоретическую часть курса русской словесности и логики. Ср. напр. «Теорію Словесности» II. Минина, Спб. 1874 г., особенно отдѣлы: Законы музыкальности слога, значеніе троповъ и ихъ виды, значеніе фигуръ и ихъ виды. Самъ Коменскій написалъ руководство по реторикѣ, которое помѣщается въ III ч. O. D. O., подъ

заглавіемъ: Atrium, Rerum et Linguarum Ornamenta exhibens. Во 2-й части этого руководства (Ars Ornatoria sive Grammatica Elegans) онъ сначала опредѣляетъ, что́ такое фигура вообще (Figura in genere quid? Figura est sermonis simplicis in affectuosum commutatio *), а потомъ подраздѣляетъ ихъ на Figurae vocis, 4 Figurae phrasis, 8 fig. sententiae, 19 fig. periodi, 33 fig. integrae orationis и разсматриваетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности.

73. Объ этомъ разсказываетъ Квинтиліанъ (Institutiones II, 3). Тимоѳей жилъ во время Александра В. (Pappenheim).

74. Въ оглавленіи къ I части O. D. O. это сочиненіе обозначается кратко: Janua Latinae Linguae primum edita, а въ текстѣ такъ: Janua Linguarum Reserata sive Seminarium Linguarum et Scientiarum omnium. Hoc est Compendiosa Latinam (et quamlibet aliam) Linguam, una cum Scientiarum Artiumque omnium fundamentis, perdiscendi Methodus, sub Titulis centum, Periodis autem mile, comprehensa primumque Anno 1631 edita. Ниже упоминаемыя «Сѣни» помѣщены тамъ же тотчасъ послѣ Janua подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Januae Linguarum Reseratae Vestibulum,
quo
Primus Latinam Linguam aditus Tirunculis paratur.

Въ III ч. O. D. O. pp. 133—592 помѣщаются также Vestibulum и Janua, обработанныя для школы въ Патакѣ.

75. Такъ называетъ Ап. Павелъ Критянъ (Посланіе къ Титу 1, 12).

76. Гомеровское выраженіе, напр. Иліада 18, 104 (ἐτώσιον ἄχθος ἀρούρης).

77. Письмо 31, 4.

78. Взято изъ Виргилія: Georgica II, 272.

79. Горацій, Посланія I, 2, 69 (Фетъ).

80. «Сократъ, Σωκράτης, Socrates, аѳинянинъ, род. въ 469 г. до Р. Х. Вначалѣ, какъ говорятъ, занимался ремесломъ своего отца—ваяніемъ. Въ болѣе поздніе годы своей жизни онъ является образцомъ набожности, самообладанія, выносливости, постоянства въ дружбѣ и убѣжденіяхъ, любви къ отечеству и твердости характера. Къ политической дѣятельности онъ вовсе не чувствовалъ призванія, но, какъ гражданинъ, исполнялъ свой долгъ на войнѣ и въ мирѣ. Своею главною задачею онъ считалъ воспитаніе людей, именно нравственное и научное вліяніе на другихъ. При этомъ онъ былъ въ высшей степени безкорыстенъ и ни съ кого не бралъ платы за ученіе. Своеобразно было его вѣрованіе въ демоній (δαιμόνιον), внутренній голосъ, который отклонялъ его отъ несправедливости и побуждалъ къ добру. Своего ученія и мнѣній Сократъ самъ письменно не излагалъ, и мы знаемъ ихъ только изъ сочиненій

---

*) Это тоже, что у Минина (стр. 31) выражено такъ: «Фигурами наз. такія выраженія, которыя отступаютъ отъ обыкновеннаго теченія рѣчи и обнаруживаютъ волненіе чувствъ писателя».

Платона (см. примѣч. 43) и Ксенофонта (именно изъ его Memorabilia) и частію Аристотеля. Принципъ Сократовой философіи есть стремленіе къ основанному на непосредственномъ пониманіи знанію или основное правило, что всякое сужденіе и дѣяніе должно опираться на правильно составленное понятіе о предметѣ. Содержаніе его философіи ограничивается этикою. Его самое общее основное положеніе есть то, что вся добродѣтель заключается въ знаніи, и нравственное невѣжество есть величайшій порокъ. Очевидно, что Сократъ долженъ былъ неоднократно вызывать противъ себя неудовольствіе не только результатами, но еще болѣе методомъ своего ученія, рвеніемъ, съ которымъ онъ посвящалъ себя испытанію людей и раскрывалъ ложность мнимаго знанія. Неудивительно поэтому, что въ концѣ-концовъ онъ палъ жертвою ненависти противниковъ въ 399 г. Онъ встрѣтилъ смерть съ безпримѣрнымъ спокойствіемъ и веселостію, которыя такъ трогательно описали Платонъ и Ксенофонтъ» (Любкеръ 1261).

81. «Епиктетъ, Ἐπίκτητος, Epictetus, род. во Фригіи, былъ долгое время слугою любимца Нерона, Эпафродита, который впослѣдствіи, пораженный его высокимъ умомъ и независимымъ духомъ, даровалъ ему свободу. Послѣ этого Епиктетъ, совершенно предавшись стоическому ученію, старался распространить его въ Римѣ, но безъ особеннаго успѣха». Принужденный оставить Римъ, онъ отправился въ Эпиръ; по примѣру Сократа, онъ училъ въ колоннадахъ и на площадяхъ и привлекалъ большое число учениковъ. «Письменнаго онъ не оставилъ ничего. Но по смерти его ученикъ его Арріанъ издалъ Ἐπικτήτου διατριβαί (Бесѣды Епиктета), въ 8 книгахъ, изъ которыхъ 4 сохранились, а также изложилъ, подъ названіемъ Ἐγχειρίδιον (Руководство), главные пункты его ученія въ видѣ краткихъ положеній. Высшею основою жизни и ученія Епиктета были терпѣніе и умѣренность (ἀνέχου καὶ ἀπέχου—терпи и воздерживайся). Въ цѣломъ же его этика направлена менѣе на объективное развитіе идей и научныя изслѣдованія, чѣмъ на практическое примѣненіе» (Любкеръ 479—480).

82. Гиперій—профессоръ богословія въ Марбургѣ, † 1564 г. (Pappenheim).

83. Эразмъ Дезидерій (Erasmus Desiderius), обыкновенно называемый Роттердамскимъ, потому что род. въ Роттердамѣ въ 1466 г., извѣстный гуманистъ, † 1526 г. Отлично знакомый съ классическими языками и обладая изящнымъ вкусомъ и остроуміемъ, онъ не только содѣйствовалъ своими трудами распространенію знанія классической литературы, но и проложилъ путь реформаціи своею борьбою противъ схоластики. Наибольшею извѣстностью пользуются его изданія нѣкоторыхъ классиковъ, греческаго текста Новаго Завѣта, а также Colloquia и Encomium moriae (похвала глупости) (Meyers 580—581).

84. «Въ подлинникѣ: abeunt mores in studia, вм. abeunt studia in mores, какъ стоитъ у Эразма, изд. 1523» (Pappenheim).

85. Блаженный Августинъ (354—430 гг.)—епископъ Иппонскій.

Исторію его жизни и обращенія въ христіанство см. у Смирнова, стр. 121—123. Наибольшею извѣстностью пользуются его сочиненія Confessionum libri XIII и De civitate Dei (о градѣ Божіемъ), изъ которыхъ въ послѣднемъ онъ доказываетъ несостоятельность язычества и неизмѣримое предъ нимъ превосходство христіанства.

86. П. Овидій Назонъ (P. Ovidius Naso) «одинъ изъ даровитѣйшихъ поэтовъ, какіе только когда-либо встрѣчались въ литературной исторіи народовъ. Римская поэзія, дошедшая до классической обработки въ произведеніяхъ Виргилія, Горація и Тибулла, въ лицѣ Овидія пріобрѣла виртуоза, въ рукахъ котораго латинскій стихъ и поэтическое выраженіе являются до такой степени повинующимися таланту писателя, что это способно возбуждать изумленіе даже въ людяхъ, близко знакомыхъ съ легкостью стиха Байрона, Гейне или Пушкина. Овидій—поэтъ по природѣ, по страсти, по безусловному призванію». «Онъ замыкаетъ рядъ первоклассныхъ римскихъ элегиковъ, возвративши элегіи національный характеръ, какой она пріобрѣла при Тибуллѣ, и придавши ей такое разнообразіе формы и тона, какою она до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, на римской почвѣ не встрѣчала, наконецъ, сообщивши ей такое общественное значеніе, какого никогда не достигали произведенія Тибулла или Проперція. Овидій род. въ 43 г. до Р. Х., умеръ въ ссылкѣ въ г. Томахъ, лежавшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи, въ 17 г. по Р. Х.» (Модестовъ 2 к.). Изъ многочисленныхъ его произведеній наибольшею извѣстностью пользуются и составляютъ предметъ класснаго чтенія въ гимназіяхъ Metamorphoseon libri XV.

87. Фульгенцій—епископъ, † 533 (Pappenheim).

88. «Присціанъ, Priscianus Caesariensis, изъ Кесаріи Мавританской, знаменитый римскій грамматикъ и учитель грамматики въ Константинополѣ въ началѣ 6 в. по Р. Х. Подъ названіемъ Institutiones grammaticae, въ 18 книгахъ, мы имѣемъ отъ него подробнѣйшее систематическое изложеніе латинской грамматики, содержащее много цѣннаго матеріала съ тщательнымъ подборомъ примѣровъ для изученія формъ» (Любкеръ 1104). Въ средніе вѣка это сочиненіе было самою употребительною учебною книгою. Такъ какъ латинскій яз. въ то время былъ важнѣйшимъ изъ учебныхъ предметовъ, то понятно, что всякая ошибка противъ Присціана считалась тягчайшимъ изъ школьныхъ грѣховъ.

89. Совѣтъ Коменскаго «осторожнѣе пользоваться сочиненіями языческихъ писателей въ христіанскихъ школахъ» исполненъ. Въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ не читаются сочиненія ни «шутливаго Плавта», ни «развязнаго Катулла», ни «безбожнаго насмѣшника Лукіана», ни «грязнаго Марціала», а относительно прочихъ «мудрецовъ міра» также приняты мѣры предосторожности, такъ что изъ чтенія ихъ наши воспитанники могутъ почерпать только ихъ «прекрасныя мысли, слова и дѣйствія».

90. «Г. Валерій Катуллъ, настоящій основатель римской лирики -

и истинный предтеча ея золотаго вѣка, р. въ 87 г., † 47 г. до Р. Х. Отъ него осталось 116 стихотвореній разнообразной величины (отъ 2 до 408 стиховъ), содержанія и разнообразныхъ метровъ». «Содержаніе этихъ стихотвореній также разнообразно, какъ разнообразны были впечатлѣнія поэта, чуткаго ко всему, что затрогивало его раздражительное чувство и страстную душу. Значительную роль въ нихъ играетъ любовь» (Модестовъ 1 к.).

«Альбій Тибуллъ, важнѣйшій представитель римской элегіи», род. 54 г. до Р. Х., умеръ вскорѣ послѣ Виргилія. «Съ именемъ Тибулла дошли до насъ 4 книги элегій, изъ которыхъ несомнѣнно принадлежатъ ему лишь двѣ первыя книги. Что особенно поражаетъ насъ въ талантѣ этого поэта, это — задушевность тона, искренность чувства, чарующая нѣжность души—качества столь рѣдкія въ латинской поэзіи. Въ литературномъ отношении многія произведенія Тибулла обличаютъ высокое совершенство» (Модестовъ 1 к.).

91. «Св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ константинопольскій, род. 344, скончался 407 г. Въ своихъ многочисленныхъ бесѣдахъ и поученіяхъ (до 800) онъ предложилъ толкованіе на многія книги св. Писанія и почитается самымъ лучшимъ изъ его изъяснителей» (Смирновъ). Въ этихъ же бесѣдахъ и сочиненіяхъ «о монашествѣ» онъ изложилъ и свои мысли о воспитаніи.

92. Кассіодоръ, Magnus Aurelius Cassiodorus, род. между 460 и 465 г. по Р. Х. При Одоакрѣ и позднѣе при Остготскомъ королѣ Теодорихѣ и его наслѣдникахъ отправлялъ важныя государственныя должности. Уже 80-лѣтнимъ старцемъ онъ удалился въ монастырь и здѣсь частію занимался богословскими науками, частію принималъ постоянныя и дѣятельныя мѣры къ сохраненію и распространенію научныхъ знаній, для чего распорядился между прочимъ сдѣлать множество списковъ съ древнихъ авторовъ. Сочиненія его частію историч. содержанія, частію богословскаго и энциклопедическаго характера, какъ Institutiones divinarum et saecularium litterarum и De artibus et disciplinis liberalium artium, гдѣ представленъ обзоръ «семи благородныхъ искусствъ» для духовныхъ (Любкеръ 259).

93. Въ подлинникѣ: Simul vero ac gentes catervatim in Ecclesiam se infunderent et refrigesceret primus ardor et secernendi pura ab impuris attentio peridque gentilium libri primum quidem privatim, mox peblice lectitari coeperunt, quae doctrinarum mixtura et confusio insecuta sit, videmus. Изъ строя цѣлаго періода видно, что coeperunt ошибка, вм. coepissent.

94. Лукіанъ, Λουκιανός, Lucianus, изъ Самосатъ, род. въ 120 г. по Р. Х. «Въ своихъ произведеніяхъ онъ раскрываетъ предъ нами вѣкъ Антониновъ со всѣми его особенностями и со всею его культурною борьбою, тотъ вѣкъ, когда хотѣли опять воскресить античный духъ, между тѣмъ какъ онъ находился уже въ періодѣ разложенія. Исходя изъ того воззрѣнія, что только страхъ и надежда влекутъ людей въ храмы боговъ, онъ осмѣиваетъ народную миѳологію и традиціонный культъ въ своихъ Dialogi deorum. Съ наибольшею ѣдкостью преслѣ-

дуетъ онъ суевѣріе и связанное съ этимъ надувательство. Христіанство, вслѣдствіе скуднаго представленія, какое онъ имѣлъ о немъ, также должно было казаться ему суевѣріемъ; впрочемъ онъ мало заботился объ немъ. Онъ бичуетъ также мертвенный догматизмъ современныхъ ему философовъ и еще болѣе ихъ пошлую и грязную жизнь, особенно стоиковъ и циниковъ» (Любкеръ 782—783).

95. «Марціалъ, M. Valerius Martialis, р. въ Испаніи около 42 г. по Р. Х., † 102 г. На 22-мъ году жизни онъ отправился для продолженія научныхъ занятій въ Римъ, но большую часть времени и все свое усердіе посвящалъ поэзіи. Марціалъ считается творцомъ новѣйшей эпиграммы и превосходнѣйшимъ поэтомъ въ этомъ родѣ между римлянами. Мы имѣемъ отъ него 14 книгъ эпиграммъ, которымъ предшествуетъ libellus spectaculorum. Его эпиграммы, числомъ 1200, полны остроумія, поразительно кратки и весьма живо представляютъ черты и нравы того времени, хотя и не отличаются серьезностью и глубиною замысла, иногда даже грязноваты и неприличны. Съ колкимъ остроуміемъ преслѣдуются слабости и тогдашняя безграничная безнравственность, но поэтъ не вооружается противъ нихъ нравственнымъ негодованіемъ и въ самыхъ безстыдныхъ проявленіяхъ испорченности онъ возставалъ не противъ самаго дѣла, а осмѣивалъ только обстановку его» (Любкеръ 834—835).

96. Здѣсь текстъ подлинника отступаетъ отъ нашей Библіи: Non concupisces argentum et aurum, d e q u i b u s f a c t a s u n t, neque assumes ex eis tibi quidquam. Словамъ, напечатаннымъ разрядкой, нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ нашей Библіи.

97. Юліанъ, племянникъ Константина В., сдѣлался римскимъ императомъ въ 361 г. Онъ сначала хитростью, а потомъ открыто велъ литературную и политическую борьбу противъ христіанства, а съ другой стороны старался влить новый духъ въ языческую религію и такимъ образомъ оживить ее, но вскорѣ погибъ (въ 363 г.) съ сознаніемъ безуспѣшности своихъ попытокъ, выразившемся въ предсмертныхъ словахъ: ὅμως νενίκηκας, ὦ Γαλιλαῖε. Отъ него сохранились нѣкоторыя сочиненія на греческомъ языкѣ и письма.

98. Левъ X, изъ рода Медичи, избранъ былъ папою 1513 года, † 1521 г. «Онъ обладалъ, говоритъ Фра-Паоло, обширными познаніями въ изящной литературѣ и отличался чрезвычайною снисходительностью и кротостью; онъ былъ крайне щедръ и всегда готовъ покровительствовать ученымъ и отличнымъ мужамъ. Левъ X на самомъ дѣлѣ былъ бы совершеннымъ папою, еслибъ обладалъ болѣе основательными знаніями въ религіозныхъ предметахъ и большею склонностью къ благочестію, но онъ пренебрегалъ и тѣмъ и другимъ». Духъ его былъ обращенъ къ чувственно-языческой веселости. Онъ говорилъ кардиналу Бембо: «Весь міръ, вѣдь, знаетъ, какъ для насъ выгодна была эта басня о Христѣ:

нечего, по крайней мѣрѣ, отрицать это на основанiи внутренней критики» (Шмидтъ, II, 390).

«Подобенъ Льву былъ секретарь его, а впослѣдствiи кардиналъ Бембо. Онъ, по словамъ одного итальянца, съ одинаковымъ успѣхомъ подражалъ Виргилiю и Цицерону, и его чистый, плавный слогъ напоминаетъ Петрарку и Боккачiо. Въ своей «Венецiанской исторiи» онъ говоритъ про одного изъ папъ: «онъ избранъ милостью безсмертныхъ боговъ», а въ письмѣ къ жителямъ Реканати называетъ св. Дѣву «богинею» (Шмидтъ II, 391).

Садолети былъ также кардиналомъ.

99. Quid nisi vitrum lambunt, pultes non attingunt? Т. е. узнають только внѣшнюю сторону вещей, а не внутреннюю, или сущность.

100. Исидоръ, епископъ Севильскiй, † 636 г. (Pappenheim).

101. Олимпъ, Геликонъ и Парнасъ—горы въ Грецiи. По вѣрованiямъ Грековъ, Олимпъ былъ мѣстомъ собранiя и жилищемъ главныхъ боговъ. Геликонъ былъ жилищемъ музъ и цѣлителя Аполлона. Парнасъ былъ посвященъ Аполлону, Дiонису и музамъ. Парнасъ имѣлъ много ущелiй; въ одномъ изъ нихъ былъ Дельфiйскiй оракулъ и Кастальскiй ключъ, водами котораго пользовались пилигримы для очищенiя себя, прежде чѣмъ войти въ Дельфiйскiй храмъ.

Орфей, Ὀρφεύς, Orpheus, миѳическiй герой—пѣвецъ ѳракiйцевъ. Сила его пѣсней была такъ велика, что ими онъ приводилъ въ движенiе деревья и скалы и укрощалъ дикихъ звѣрей. Извѣстенъ миѳъ о его сошествiи въ царство тѣней за женой своей Евридикой.

Нектаръ, νέκταρ, напитокъ, амбросiя, ἀμβροσία, пища безсмертiя, пища боговъ.

Елисейскiя поля, Ἠλύσιον πεδίον (собственно «долина прибытiя»), позже просто Ἠλύσιον, Νῆσοι μακάρων, Insulae beatorum, fortunatorum, Ins. fortunatae, по Гомеру (Od. 4, 563)—это красивая нива на западной окраинѣ земли по сю сторону океана, гдѣ живутъ люди безъ труда въ блаженствѣ; тамъ нѣтъ снѣгу, нѣтъ бурь и дождей, но вѣчно дуетъ съ океана тихiй зефиръ. Туда приходятъ любимцы Зевса, не испытавъ смерти, какъ напр. Менелай (Любкеръ).

102. Наша Библiя признаетъ только 3 книги Эздры, и это мѣсто относится къ 3-й книгѣ (гл. 10). Въ Лютеровой Библiи нѣтъ ея.

103. Phryx non nisi plagis emendatur. Фригiйцы, племя, населявшее внутреннюю часть западной половины М. Азiи, считались въ древности лѣнивыми и ограниченными.

104. Въ средневѣковыхъ школахъ западной Европы не-теологическiе предметы преподаванiя обнимали семь благородныхъ искусствъ: грамматику, дiалектику, реторику, музыку, ариѳметику, геометрiю и астрономiю. Такъ какъ въ Римѣ первоначальныя школы, представлявшiя собою не болѣе, какъ полуоткрытые навѣсы (pergulae) или особыя досчатыя лавочки (tabernae), обыкновенно помѣщались въ такихъ

мѣстахъ, гдѣ сходились три или нѣсколько дорогъ (in triviis), то отсюда первоначальное образованіе (умѣнье читать, писать и считать) получило названіе тривіальнаго (scientia trivialis у Квинтиліана). Въ средніе же вѣка подъ trivium разумѣли первыя три изъ упомянутыхъ «благородныхъ искусствъ», а послѣднія четыре составляли quadrivium. «Trivium имѣлъ предметомъ языкъ и правила языка и велъ къ краснорѣчію—ad eloquentiam; тогда какъ quadrivium обнималъ знаніе пространственныхъ и временныхъ отношеній вообще, вмѣстѣ съ художественнымъ примѣненіемъ ихъ, т. е. ученія, ведущія къ мудрости—ad sapientiam» (Шмидтъ, II, 140).

105. Въ подлинникѣ: item nomina partium domus: atrium, hypocaustum и т. д. «Hypocaustus—нагрѣвательный аппаратъ» (Любкеръ 650), или «нагрѣтый снизу полъ» (Любкеръ, подъ словомъ: domus), изъ котораго посредствомъ трубъ (per tubos), проходившихъ чрезъ стѣны, согрѣвались комнаты и бани. Велишскій называетъ hypocaustum «подовой печью». Мы перевели словомъ «печь». Lion переводитъ Küche, а Pappenheim—Stube.

106. Informatorium Scholae Maternae. Такъ К. называетъ это сочиненіе здѣсь; въ О. D. О. оно имѣетъ заглавіе: Schola Infantiae sive De provida Juventutis primo sexennio Educatione, а въ оглавленіи къ I части О. D. О. называется: Schola materni gremii, sive и т. д. Оно б. написано первоначально на чешскомъ яз., вышло въ свѣтъ въ нѣм. переводѣ въ Лиссѣ въ 1633 г., а въ 1653 г. б. переведено на лат. яз. Чешскій оригиналъ его въ исправленномъ самимъ К. спискѣ б. найденъ въ 1856 г. д-ромъ Гинделя и изданъ въ Прагѣ въ 1858 г. Это сочиненіе переведено на русскій языкъ (съ нѣмецкаго) г-жею Воскресенской. (Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1892 г.)

107. Такую «книжку съ картинками» (Libellus imaginum) и представляетъ собою «Orbis pictus» (живописный міръ). Полное заглавіе этого труда слѣдующее: Orbis sensualium pictus, hoc est omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum nomenclatura, ad ocularem demonstrationem deducta, ut sit Vestibuli et Januae linguarum Lucidarium. Текстъ его помѣщается въ III ч. Opera Didactica Omnia. Коменскій окончилъ его еще въ Венгріи, имѣя въ виду примѣнить его въ Патакской школѣ, но не нашелъ здѣсь достаточно искуснаго гравера и отослалъ его для печатанія въ Нюренбергъ. Но и здѣсь съ гравированіемъ возились такъ долго, что первое изданіе вышло только въ 1657 изъ типографіи Михаила Эндтера. Еще во времена дѣтства Гете Orbis pictus былъ единственной дѣтской книжкой.

108. Въ подлинникѣ: manui et voci exercendis. Что подъ manui (exercendae) Коменскій понимаетъ именно списываніе съ книги или вообще упражненіе въ письмѣ, видно изъ 4-го пункта этого же параграфа и изъ слѣдующаго параграфа. Дословный переводъ (упражненію руки) могъ

бы дать поводъ подразумѣвать подъ этимъ занятіе какимъ-либо мастерствомъ или гимнастикой.

109. Научному изслѣдованію содѣйствуетъ діалектика, а способы убѣждать указываетъ реторика (Pappenheim).

110. Греч. словомъ «метафизика» обозначаютъ науку о томъ, что лежитъ «позади» или «за природой», что, слѣдовательно, скрыто и трудно для пониманія. Греки называли ее также «первою мудростью». Коменскій, напротивъ, какъ видно изъ послѣдующаго, хочетъ, чтобы эта область знаній изучалась прежде, чѣмъ естественныя науки, а потому предлагаетъ для нея другое названіе (Pappenheim).

111. Подъ академіей Коменскій разумѣетъ высшую школу, соотвѣтствующую нашему университету.

112. Ut ne desint πολυμαθεῖς, παμμαθεῖς, πάνσοφοι. Во времена Коменскаго, при недостаточномъ развитіи наукъ, лица, приготовлявшіяся къ ученой дѣятельности и особенно къ профессорскому званію, старались и могли проходить одинъ за другимъ многіе факультеты, и нерѣдко встрѣчались ученые, которые имѣли докторскіе дипломы по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе того, что факультеткія науки значительно распространили область своихъ изслѣдованій и въ глубь, и въ ширь, это требованіе неисполнимо.

113. Т. Ливій, T. Livius Patavinus, родомъ изъ Падуи (Patavium), важнѣйшій изъ историковъ времени Августа, род. въ 59 г. до Р. Х., † въ 17 г. по Р. Х. «Историческій трудъ его, извѣстный подъ заглавіемъ: «Ab urbe condita», состоялъ изъ 142 книгъ, изъ которыхъ до насъ дошло только 35. Какъ ни мало соотвѣтствуетъ онъ современному понятію объ исторической наукѣ, однако имѣетъ для насъ необыкновенное значеніе, представляя намъ такую сокровищницу свѣдѣній относительно внутренней и внѣшней жизни древняго Рима, которую замѣнить ничто не можетъ. Но главную силу этого произведенія составляетъ изложеніе. Хорошія стороны изложенія Ливія заключаются прежде всего въ необыкновенно спокойномъ, свѣтломъ и пріятномъ тонѣ, за который древніе писатели называютъ его «candidissimum omnium ingeniorum». Это— чувство расположенія ко всему доброму и великому въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ. Далѣе, къ преимуществамъ изложенія Ливія относится соотвѣтствіе между разсказомъ и предметомъ, о которомъ повѣствуется: важность и строгость тона въ повѣствованіи о предметахъ возвышенныхъ, простота въ изображеніи событій обыкновенныхъ, живость и ясность въ описаніяхъ и, наконецъ, та здоровая, питательная молочная полнота (lactea ubertas), при помощи которой Ливій доставляетъ читателю отчетливое представленіе о лицахъ и событіяхъ» (Модестовъ 2 к.).

114. Плутархъ, греческій писатель 1—2 в. по Р. Х. Важнѣйшее его сочиненіе—Сравнительныя жизнеописанія (Βίοι παράλληλοι) знаменитыхъ людей Греціи и Рима, изъ коихъ обыкновенно двое, одинъ

грекъ, а другой римлянинъ, соединены вмѣстѣ, а къ самому жизнеописанію присоединено ихъ сравненіе. «Благодѣтельно дѣйствуетъ нравственная серьезность ихъ автора, его человѣколюбивая мягкость, его глубокая душа и воодушевленіе къ древнему міру. О правдѣ и вѣрности онъ вездѣ заботится, какъ доказано многочисленными за послѣднее время изслѣдованіями объ его источникахъ» (Любкеръ 1063).

115. Тацитъ, P. или G. Cornelius Tacitus, знаменитый римскій историкъ временъ имперіи, род. между 54 и 56 гг. по Р. Х. Между его сочиненіями первое мѣсто занимаетъ сочиненіе, обыкновенно называемое Annales, настоящее названіе котораго: Ab excessu divi Augusti. «Въ немъ излагаются событія въ правленіе Тиберія, Калигулы, Клавдія и Нерона. Слогъ ихъ величественъ, но не всегда простъ и ясенъ. Онъ старается выразить свою мысль какъ можно короче и сильнѣе. Оттого разсказъ его производитъ впечатлѣніе необыкновенно живое и сильное, тѣмъ болѣе, что онъ всегда проникнутъ нравственною серьезностью автора. Что касается правдивости, то Тацитъ удовлетворяетъ этой первой обязанности историка основательнымъ изученіемъ источниковъ и тщательной критикой традицій» (Любкеръ 1337—1339).

116. Геллій, Aulus Gellius, римскій писатель 2 в. по Р. Х. Его сочиненіе Noctium Atticarum libri XX содержитъ выдержки изъ всякаго рода писателей, греческихъ и римскихъ и краткія замѣтки по разговорамъ съ учеными современниками, относящіяся къ языку, древностямъ и исторіи. Содержаніе его имѣетъ для насъ большое достоинство и представляетъ богатый матеріалъ; но его слогъ чопоренъ, потому что гонится за старинными выраженіями и образуетъ небывалыя слова, растянутъ и напыщенъ (Любкеръ 554).

117. Галенъ, Γαληνός, Claudius Galenus, греческій врачъ, род. въ 131 г. по Р. Х. «Высокое уваженіе, которое оказывали ему современники, еще превышается почетомъ, оказаннымъ ему потомками. Оно основано на такой научной его дѣятельности, какая въ подобныхъ размѣрахъ не встрѣчается ни у кого изъ древнихъ писателей. 125 сочиненій общаго содержанія потеряны: изъ числа медицинскихъ сочиненій сохранилось 100 несомнѣнно подлинныхъ; отъ 19 остались болѣе или менѣе значительные отрывки. Сочиненія Галена относятся ко всѣмъ областямъ медицины; замѣчательнѣе всего его результаты по анатоміи и физіологіи» (Любкеръ 547).

118. «Цельзъ, Aulus Cornelius Celsus, написалъ во время Тиберія большое энциклопедическое сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ, медицинѣ и военномъ дѣлѣ; до насъ дошла только часть (6—13 кн.), заключающая въ себѣ трактатъ о врачебной наукѣ. Эти 8 книгъ de medicina, единственное дошедшее до насъ медицинское сочиненіе изъ лучшихъ временъ римской литературы, излагаютъ по Гиппократу и Асклепіаду всю медицину; написаны умно и простымъ чистымъ языкомъ («medicorum Cicero»)» (Любкеръ 267—268).

119. «Хризиппъ, Χρύσιππος, Chrysippus, стоикъ, род. около 282 г. до Р. X., † около 208. Отличаясь остроуміемъ и діалектическою изворотливостью, онъ скоро сдѣлался опорою школы. Онъ обращался болѣе къ практической сторонѣ и ѳикѣ, опровергалъ господствовавшее тогда направленіе перипатетиковъ и положилъ основаніе наукѣ естественнаго права» (Любкеръ 282).

120. Въ подлинникѣ: Attollite, Principes, portas vestras et elevate ostia seculi, ut ingrediatur Rex gloriæ (Psal. 24). Въ славянскомъ переводѣ Библіи: Возми́те врата̀ кня̑зи ва́ша, и҆ возми́теся врата̀ вѣ̑чная: и҆ вни́детъ цр҃ь сла́вы. (Ѱал. к҃г, з҃.) Въ русскомъ переводѣ Библіи этому соотвѣтствуетъ: «Поднимите, врата, верхи ваши и поднимитесь, двери вѣчныя, и войдетъ Царь славы».

